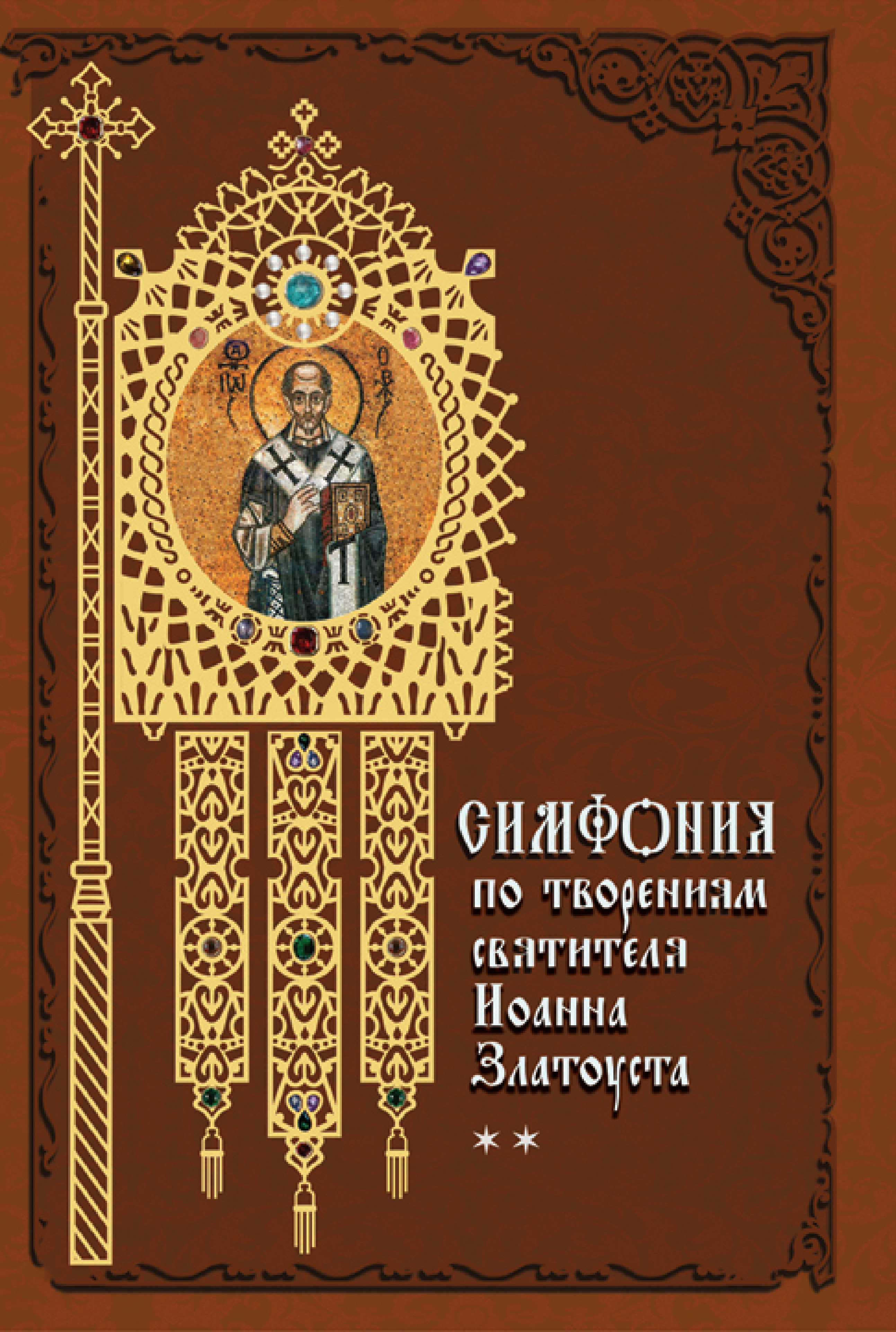

Симфония
по творениям
святителя
Иоанна
Златоуста
**

СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

**

МОСКВА
2008

ББК 88-372

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru

Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. Том II. — М.: ДАРЪ, 2008. — 576 с.

ISBN 978-5-485-00228-2

Симфония по творениям свт. Иоанна Златоуста (347–407) содержит подборку наставлений и нравоучений святителя по различным проблемам духовной жизни, нравственности и веры и продолжает серию «Симфоний», в которых собраны высказывания святых отцов и учителей Церкви.

ББК 88-372

ISBN 978-5-485-00228-2

АД (ГЕЕННА)

Из ада никого ни выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает (6).

***

Диавол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в геенну. Напротив, Бог угрожает геенною и ее приготовил, чтобы мы, зная о ней, так жили, чтобы не впасть в геенну. Если диавол теперь, когда есть геенна, уверяет тебя, что ее нет, то, если бы не было геенны, какая была бы нужда свидетельствовать о ней бесам, которые всего более стараются о том, чтобы мы и не подозревали ничего подобного, чтобы, не страшась ее, стали беспечнее, и впали с ними в геенский огонь? Но почему же, спросишь, они свидетельствовали тогда о геенне? Потому что не могли сопротивляться принуждавшей их к тому необходимости. Взяв во внимание все это, да перестанут умствующие так своими речами обольщать себя и других! Пророк говорит: *грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря* (Пс. 49, 3). *Пред Ним идет огонь и вокруг попаляет врагов Его* (Пс. 96, 3). А кто враги Божии, если не блудники, прелюбодеи, мужеложники, похотники, идолослужители, корыстолюбцы, пьяницы, клятвопреступники, ропотники, гневливые, злопамятные, гордые, высокомерные, непослушные родителям, немилосердные? Им всем в Страшный день общего воскресения повелит Судия: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25,41) (9).

***

Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается. Некоторые, применяя к геенне то, что рассказывается о какой-то войне в древности, пустословят, что она находится в долине Иосафатовой. Действительно, был такой случай, что Бог, наказывая противников своим праведным судом, совершенно истребил их — именно в долине Иосафатовой, — так что обитателям Иерусалима на семь лет хватило оружия истребленных на топливо (см. Иоиль 3, 2; Иез. 39, 9). И вот здесь-то хотят теперь поместить геенну. Но Писание этого не говорит. Ты хочешь все-таки знать: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где-нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопи бывают в местах отдаленных, так и геенна будет где-нибудь вне этой вселенной. Но будем допытываться не о том, где она, но как избежать ее (9).

***

Для того именно Бог и создал геенну и угрожает ею, чтобы мы из страха ее старались быть лучшими и в нее не впадали. Поэтому, кто запрещает говорить о геенне, тот не достигает ничего другого, как незаметно приготовляет самому себе, самого же себя обманывая, гибель в геенне. Не связывай же рук, подвизающихся в добродетели, не усиливай нерадения в людях, погруженных в сон. Если бы уверить людей, что нет геенны, то отстали бы они когда-нибудь от порока? И где же будет правда? Не говорю уже о грешниках и праведниках, но исключительно о грешниках. Почему один наказывается здесь, а другой не наказывается, за тот же самый, а то и тягчайший грех? Если нет геенны, ничего нельзя сказать на такую жалобу. А потому прошу вас всех оставить такую смешную, прямо сатанинскую мысль — и тем заградить уста возражающим против этого. В самых малых делах, как худых, так и добрых, будет строгое испытание. И за нескромный взгляд подвергнемся мы наказанию, и в праздном слове дадим отчет, и в смехе, и в злоречии, и в дурном помысле, и в пьянстве; а равно и в добрых делах — за чашу студеной воды, за ласковое слово, за один вздох получим награду. Сказано ведь: *и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, сделай знак* (Иез. 9, 4). Как

же смеешь ты говорить, что Бог, с такою строгостью испытующий нашу жизнь, напрасно и попусту угрожал геенной? Прошу вас, умоляю, не губите такими суетными надеждами себя и тех, которые вам доверяются (9).

АНГЕЛЫ

Прославлять Ангелов — наш долг. Они, воспевая Творца, обнаруживают милость Его и благорасположение к людям. Я говорю об Ангелах, о наших союзниках, ведущих войну против враждебных нам сил, — об Ангелах, один из которых есть Архангел Михаил, состязавшийся с дьяволом из-за тела Моисея и воевавший против вождя персов за свободу народа (см. Дан. 10, 13). Из числа их и тот, который обратил назад ослицу и удержал Валаама от странного безумия, и когда пророк этот не понимал совершавшегося, голос бессловесного образумил одаренного словом (см. Чис. 22, 27). Из числа их и тот, который обнажил меч и побудил Иисуса Навина сразиться с неприятелями. Из них также и тот, который в одну ночь поразил сто восемьдесят пять тысяч ассирян и усыпил варваров беспробудным сном смерти (см. 4 Цар. 19, 35). Из них же и тот, который перенес по воздуху пророка Аввакума, чтобы накормить пищей пророка Даниила среди голодных львов (см. Дан. 14, 34–36). Эти вот и им подобные стоят против врагов и имеют силу также и против страданий. Таков был дивный и божественный Рафаил, внутренностями одной рыбы освободивший девицу из-под власти демона и искусно возвративший зрение слепому старику (см. Тов. 11). Нельзя умолчать и о тех, которые служили в Новом Завете; из них по большей части является Архангел Гавриил, открывший предсказание Захарии и наказавший его за недоверчивость немотою, так как они не поверили тому, что бесплодная зачнет ради будущего домостроительства; он возвестил святой Марии безмужное рождение, он указал пастырям путь к пещере и показал Необъятного в яслях, Неописуемого в пеленах, воссылая с ними благозвучную песнь прославления: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14). Другой Ангел удерживает волхвов от возвращения к Ироду; некоторые служили на земле Творцу при творении ее; иной увещает обручника Девы не отпускать, будто растленную, ту, которая была непорочна; иной

внушает ему возвратиться после бегства от избиения Иродом младенцев; хотя и во плоти видели Несозданного, но по примеру рабов служили Ему. Изумились они силе Его, вследствие которой искуситель был поражен, и сообразно свидетельству Давида, подняв Его на руках, носили так, чтобы не удариться о камни (см. Пс. 90, 12), потому что *взяли*, сказано, *каменья, чтобы бросить на Него* (Ин. 8, 59). Некоторые стекались к страданию; другие, сидя в новом гробе после воскресения, говорили верующим женщинам: *что вы ищете живого между мертвыми?* (Лк. 24, 5). После же вознесения в качестве телохранителей сопровождали учеников, освобождая Петра от оков, облегчая для Павла опасности на суше и на море, помогая вере Корнилия, поражая хвастливого Ирода, губителя праведных. Не величайшего ли поэтому почета достойны те, которые и нашею жизнью управляют? Ведь Ангелы поставлены не только охранять народы, как гласит изречение: *когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых* (Втор. 32, 8), но и каждому из людей назначен Ангел. Не моя это речь, но Священного Писания. Именно когда девица Рода возвестила апостолам, что Петр, который ушел из темницы Ирода, стоит у дверей, те, не веря, говорили: *это Ангел его* (Деян. 12, 15). И Спаситель также свидетельствует об этом, говоря о малых в этой жизни: *смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). На каждую церковь назначил Христос Ангелов хранителей, как, открывая Иоанну, говорит: *Ангелу Смирнской церкви напиши... Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат)* (Откр. 2, 8, 9)... Ангелы докладывают Судье всех, а Он повелевает им говорить всякому делающему добро: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4) (9).

АПОСТОЛЫ

Как тот, кто изрекает видение и слово Божие, говорит не свое, так и тот, кто называет себя апостолом, преподает не свое учение, а то, какое повелел ему Пославший. Достоинство апостола (посланника) — не прибавлять ничего от самого себя. Потому и Христос говорил: *и отцом себе не*

называйте никого на земле: ибо один у вас Наставник — Христос (Мф. 23, 9–10), показывая, что начало всех наших догматов происходит свыше, от Небесного Владыки, хотя люди служат к их преподаванию (4).

***

Ходя же, — говорит Он, — *проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное* (Мф. 10, 7). Видишь величие служения? Видишь достоинство апостолов? Им не велено говорить ни о чем чувственном, о чем говорили Моисей и прежде бывшие пророки, но повелевается говорить о предметах новых и необычайных. Те проповедовали не о Небесном Царствии, но о земле и о земных благах; а эти проповедуют о Царстве Небесном и обо всем, что там. Но не этим только апостолы превосходят пророков, но и послушанием. Они не отказываются, не уклоняются от повелений, как поступали древние; но, слыша и об опасностях, и о войнах, и о несносных бедствиях, с совершенной покорностью принимают повеления, как проповедники царствия. Но чему тут дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповедовать без скорби и тягости? Что ты говоришь? Им не заповедано ничего тягостного? Разве не слышишь о темницах, о смертных приговорах, о гонениях от единоплеменников, о всеобщей ненависти? Все это, по словам Христа, вскоре должны они были испытать на себе. Он посылает их проповедниками и раздаятелями бесчисленных благ другим; а самим возвещает и предрекает несносные бедствия. Затем, чтобы их проповедь удобнее могла расположить к вере, говорит: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8). Заметь, как Он заботится о правах их: не меньше, чем о чудесах, показывая им, что чудеса без доброй нравственности ничего не значат; говоря: *даром получили, даром давайте*, — Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы не подумали, что производимые ими чудеса — плод их добродетелей, и не возгордились тем, говорит: *даром получили, даром давайте*. Вы ничего своего не даете тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды — это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров. Потом, исторгая тотчас

же и самый корень зла, говорит: *не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха* (Мф. 10, 9–10). Не сказал: не берите с собой, но хотя бы ты и в другом месте мог взять, избегай этого пагубного недуга. Через это достигал Он многого. Во-первых, удалял от учеников всякое подозрение; во-вторых, освобождал их от всякой заботы, чтобы они занимались одной проповедью; в-третьих, показывал им Свое могущество. Для того-то и говорит им после: имели ли вы в чем недостаток, когда Я посылал вас без одеяния и без обуви? И не вдруг говорит им: *не берите*; но сперва сказал: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте*, а потом уже заповедал: ничего *не берите; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 9, 8), повелевая им то, что и на деле полезно, что и прилично, и возможно. Но, может быть, скажут: другие требования справедливы, но почему Он и в дороге не велел им иметь ни сумы, ни двух одежд, ни жезла, ни сапог? Потому что хотел приучить их к строгой жизни, так как и выше не позволил им заботиться даже и о следующем дне. Он готовил их быть учителями вселенной; потому и делает их, так сказать, из людей ангелами, освобождая их от всякого житейского попечения, чтобы они заботились об одной только проповеди, — или, лучше сказать, Он освобождает их и от этой заботы, говоря: *не заботьтесь, как или что сказать* (Мф. 10, 19), и таким образом, что казалось весьма трудным и тягостным, представляет им весьма легким и удобным. Подлинно, ничто столько не служит душевному спокойствию, как свобода от забот и попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собой все. Потом, в предупреждение вопроса: откуда же будем получать необходимое пропитание? — не говорит им: вы слышали, что Я говорил вам прежде: *взгляните на птиц небесных* (Мф. 6, 26), — каковой заповеди они еще не в состоянии были выполнить, — но выразился легче, сказав: *ибо трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10, 10), желая показать этими словами, что им должно получать себе пропитание от учеников, чтобы они не гордились перед учениками своими тем, что, до-

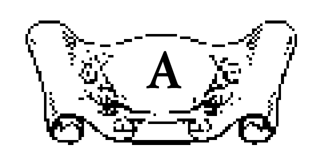
ставляя им все, сами ничем от них не заимствуются, а ученики, в свою очередь, будучи презираемы ими, не отделились от них. Далее, чтобы ученики не сказали: итак, велишь жить милостыней? — и не вменили бы того себе в стыд, Христос, называя их делателями, а даваемое им — мздой, показывает, что это так должно и быть. Хотя дело ваше, — говорит Он, — состоит только в учении, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодеяние было маловажно; ваше занятие сопряжено с великими трудами, и что дают вам поучаемые, дают не даром, но в вознаграждение: *ибо трудящийся достоин пропитания*. Это Он сказал не потому, чтобы труды апостолов того только и стоили, — совсем нет! Здесь Он давал только ученикам правило не требовать большего, а доставляющих им нужное вразумлял, что они делают это не по щедрости, но по долгу. *В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете* (Мф. 10, 11). Когда Я сказал, — говорит Он, — *трудящийся достоин пропитания*, то этим не отворил дверей для вас ко всем; напротив, и в этом повелеваю вам поступать с большой осмотрительностью, что послужит вам к приобретению и чести, и самого пропитания. В самом деле, если принимающий вас человек будет достоин, то он непременно даст вам пропитание, особенно, если вы, кроме необходимого, ничего более не потребуете. Но Христос не только повелевает искать достойных, но и не переходить из дома в дом, чтобы ни принимающего не оскорбить, ни самим не подвергнуться нареканию в чревоугодии и легкомыслии. Это-то и внушал Он словами: *там оставайтесь, пока не выйдете*. То же самое можно видеть и у других евангелистов. Видишь ли, как Он этим делает учеников достойными уважения, а приемлющих их ревностными к принятию, показав, что от этого несравненно более для них самих будет и славы, и пользы? Продолжая то же наставление, говорит: *а, входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится* (Мф. 10, 12–13). Смотри, до каких подробностей Он доходит в Своих наставлениях, — и не без причины. Он готовил их быть подвижниками

благочестия и проповедниками вселенной; а потому, приучая к умеренности и делая достойными любви, говорит: *а если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому* (Мф. 10, 14–15). Не ожидайте, говорит, приветствия себе от других, потому что вы учителя, но сами прежде отдавайте честь другим. Кроме того, показывая, что их приветствие не простое слово, но благословение, говорит: если будет дом достоин, придет мир ваш на него, а если оскорбят вас, то первым наказанием будет то, что дом лишится мира, а вторым то, что подвергнется одинаковой участи с Содомом. Но скажут: какая нам польза в их казнях? Такая, что для вас найдутся дома достойных. Что же значит выражение: *отрясите прах от ног ваших*? Этим показывается или то, что апостолы ничего у них не заимствовали, или это служит свидетельством дальнего путешествия, которое апостолы предпринимали для них. Но заметь, что Господь еще не все дарования дает апостолам. Так, не дает еще им предведения, чтобы могли узнавать, кто достоин и кто недостоин, а велит узнавать и дожидаться, что покажет опыт. Почему же Сам Он пребывал у мытаря? Потому что мытарь, переменившись, сделался достойным. Заметь еще, что Он, лишив апостолов всего, все им дал, когда позволил жить в тех домах, где принимали их наставления, ничего при себе не имея, входить в эти дома. Таким образом, и сами они освобождались от забот, и принимавших удостоверяли, что пришли к ним единственно для спасения их, как тем, что ничего с собой не приносили, так и тем, что, кроме необходимого, ничего от них не требовали, наконец, и тем, что входили не ко всем без разбора. Господь хотел, чтобы апостолы славились не одними чудесами, но более чудес — своими добродетелями. Подлинно, ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим. Это знали и лжеапостолы. Потому Павел и говорит; *дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы* (2 Кор. 11, 12). Если же и на чужой стороне, отправляясь к людям незнакомым, не должно

ничего более домогаться, кроме ежедневной пищи, то не гораздо ли более, находясь дома (6)?

***

Нет ничего бесполезнее учителя, который любомудрствует только на словах. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Потому апостолы прежде учили жизнью, а потом словами; да им даже и не нужны были слова, потому что громко говорили их дела (10).

БЕДНОСТЬ

Они [люди], как только увидят одного богатым, а другого бедным, сейчас же вооружаются против Его Промысла. Что ты делаешь, человек? И о подобном тебе рабе судить не позволил тебе Павел, говоря так: *посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь* (1 Кор. 4, 5); а ты привлекаешь к суду Господа, требуешь от Него отчета в делах [Его] и не трепещешь, не страшишься? Какое же, скажи мне, получишь ты прощение, какое оправдание, когда каждый день и час видишь столько доказательств Его Промысла, а из-за кажущегося неравенства в разделении богатства и бедности осуждаешь, и притом несправедливо, порядок во вселенной? Между тем, если бы ты исследовал это самое явление с должным расположением и внимательною мыслью, то даже при полном отсутствии всяких других доказательств Божиего Промысла самое богатство и бедность доказали бы его весьма ясно. В самом деле: уничтожь бедность — и ты уничтожишь весь порядок в жизни и расстроишь жизнь нашу: тогда не будет ни корабельщика, ни кормчего, ни земледельца, ни домостроителя, ни ткача, ни сапожника, ни плотника, ни кузнеца, ни кожевника, ни хлебопекаря и никого из подобных ремесленников, а без них у нас все расстроится. Теперь бедность служит для каждого из них лучшей учительницей, как бы сидя при каждом из них и даже против воли побуждая их к работе. А если бы все были богаты, то все стали бы жить в праздности, и тогда бы все расстроилось и погибло. Но, кроме сказанного, легко обратить против этих людей и то самое, что говорят они. В чем, скажи мне, обвиняешь ты Промысел Божий? В том, что один имеет больше денег, а другой меньше? А что если мы докажем, что самыми необходимыми вещами, гораздо более важными и составляющими опору нашей жизни, все

люди обладают поровну? Признаешь ли тогда Промысел Божий? [Признать это] совершенно необходимо. В самом деле, если ты обращаешь в доказательство недействительности Промысла только то, что не все поровну имеют одну вещь, то есть деньги, то когда будет доказано, что все равно пользуются не одною вещью, и притом столь маловажною, но весьма многими и гораздо важнейшими, тогда ты, очевидно, и по неволе принужден будешь этим признать Промысел Божий. Итак, поведем речь о том, что поддерживает нашу жизнь, исследуем это с точностью и посмотрим, имеет ли в этом богатый преимущество пред бедным. Богач, например, употребляет фасийское [вино] и множество других подобных напитков, искусно составленных и приготовленных с большою изысканностью. Но источники вод открыты для всех равно — и для богатых, и для бедных. Ты, может быть, усмехнулся, слыша о таком равенстве? Но рассуди, насколько вода лучше, необходимее и полезнее всякого вина, и тогда переменишь свое мнение и узнаешь истинное богатство бедных. Если уничтожить вино, от этого не будет никому большого вреда, разве только больным. Но если кто заградит источники воды и уничтожит эту стихию, тот разрушит всю нашу жизнь и истребит все искусства; мы не будем тогда в состоянии прожить и двух дней, но тотчас все умрем смертью жалкою и самою мучительною. Итак, вещи необходимые и составляющие опору нашей жизни для бедного доступны не меньше, даже, если сказать нечто и удивительное, еще больше, чем для богатого. Известно ведь, что многие богачи, вследствие расстройства тела, происходящего у них от роскоши, большею частью не могут пить воды; а бедняк во всю жизнь свободно наслаждается этою влагою, прибегая к источникам вод как бы к источникам меда и получая оттуда истинное, чистое удовольствие. А что огонь? Не необходимее ли он бесчисленных сокровищ и всего богатства человеческого? Но и это сокровище равно открыто для употребления и богатому, и бедному. А воздух, столь необходимый для нашей жизни, а свет солнечный — разве богатым более доступны, а бедным меньше? Разве первые четырьмя, а последние только двумя глазами видят свет? Ведь этого нельзя сказать. Значит, и богатым, и бедным назначено наслаждаться этим в равной мере, или, лучше сказать,

и здесь можно найти большее преимущество на стороне бедных, благодаря тому, что у них живее чувства, острее зрение и совершеннее все силы восприятия. Потому они и получают существеннейшее удовольствие и больше радости и наслаждения от рассматривания природы. И не только в этих стихиях, но и во всем прочем, что дает нам природа, можно видеть равенство [бедных с богатыми] или, лучше, преимущество бедных [пред богатыми]. Так, сон, который приятнее, и необходимее, и полезнее всякой пищи, обыкновенно легче у бедных, чем у богатых, и не только легче, но и крепче. Эти последние, от того, что много веселятся, едят, когда нет голода, пьют, когда нет жажды, и спят, когда не хочется спать, в конце концов ни в чем не находят удовольствия, потому что приятность для нас той или другой вещи зависит не столько от ее свойства, сколько от потребности нашей в ней и ее употребления. Не так приятно пить сладкое и благовонное вино, как отрадно бывает пить воду, когда есть жажда; не так [приятно] есть сладкие пирожки, как есть, когда хочется есть; не так [приятно] спать на мягкой постели, как спать, когда клонит ко сну, и все это бывает больше у бедных, чем у богатых. А что относится к телесному здоровью и вообще благополучию, не равно ли это принадлежит богатым и бедным? Может ли кто сказать или доказать, что одни бедные бывают больны, а богатые всегда в добром здоровье? Напротив, можно видеть, что бедные редко подвергаются неизлечимым болезням, а у богатых они поражают все тело. Подагра и головные боли, расслабление и неизлечимое расстройство нервов, злокачественные и вредные расслабления всякого рода обыкновенно всего более мучат этих людей, которые живут роскошно и намащиваются ароматами, а не тех, которые трудятся, работают и ежедневными трудами добывают себе необходимое пропитание (1).

***

Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным. Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдешь ее даже

источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую-нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность и дал свободу выбрать что тебе угодно — ты бы тотчас избрал бедность, если бы знал цену ее. Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрасной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Сцилле, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые чрез бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением; ею Елиссей прославился; в бедности были Иоанн, в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахаав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись, но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор ее чист, светел и покоен, тогда как глаза корыстолюбия то исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невоздержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвращения. Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здравы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность ее стана? Она несравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают ее, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижает богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, — тот ли, который обижает, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды — бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел, где главу

приклонить. Видишь ли ты, как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам и как делает тебя подражателям самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, но запретил и иметь. Вот почему и Петр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: *серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе* (Деян. 3, 6). Кто из нас не хотел бы сказать таких слов? Конечно, все бы — может быть, скажет кто-нибудь. Так пренебреги же серебром, пренебреги золотом. Но получу ли я силу Петра, говоришь ты, когда пренебрегу богатством? Скажи, что сделало Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет, а то, что он не имел богатства и чрез то достиг неба. Многие из творивших чудеса низвергнуты в геенну, напротив, презревшие богатство, получили Царство Небесное (7).

***

Не будем считать бедность за какое-либо зло. Бедность научает нас и мудрости, и терпению, и всякому любомудрию. Ведь и Лазарь жил в бедности и, однако ж, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб; и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако же, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, — не столько тогда, когда был в оковах, не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели. Конец первых исполнен смятения и беспокойства, и обладание ими соединено с настоящею только жизнью; а плод последних — небо и небесные блага, [которых] *не видел глаз, не слышало ухо* (1 Кор. 2, 9) (9).

***

Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокоме-

рием, и желанием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому и Павел повелел: *плачьте с плачущими* (Рим. 12, 15) и с узниками обращаться так, как бы и мы были *с ними ...в узах* (Евр. 13, 3). Иметь многих сostраждущих доставляет некоторое утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги. И Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего. А сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жестокости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив. И Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь такое усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их, если увидит кого-нибудь в несчастиях, станет плакать и проливать слезы, если встретит обижаемого, заступится, если найдет бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ — человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из нее все нужное для братий и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего, позаботимся сделать свое сердце кротким (11).

БЕДСТВИЯ

Не будем же падать духом, когда постигают нас бедствия. Каковы бы они ни были, они — поток и мимолетное облако; какую бы ты ни назвал скорбь, она имеет конец; на какое бы ни указал бедствие, оно имеет предел.

А если бы они не имели конца, то не достало бы нашего естества. Но, скажешь, они увлекают многих? Не по собственной стремительности, а потому, что увлекаемые сами беспечны и легко претыкаются. Поэтому, чтобы нам не быть увлекаемыми и идти по самой глубине этого потока, будем осматривать местность его и держаться священного якоря, чтобы не потерпеть кораблекрушения. Так и поток воды до времени бывает страшен, а потом безмерно понижается (2).

***

Когда видишь умножающиеся бедствия, не унывай, но еще более ободряйся. Бог попускает им быть для того, чтобы прогнать твою беспечность, чтобы пробудить тебя от сна. Тогда все лишнее отсекается, тогда все житейское забывается, тогда человек делается более ревностным в молитве, более усердным к милостыне и к презрению чрева, и всякая страсть легче побеждается, обращаясь в бегство от скорби. Так и в начале Бог подверг нас трудам и скорбям, желая не наказать нас, хотя изрек приговор в виде наказания, но вразумить нас и сделать лучшими. Если и теперь, когда окружают нас скорби и жизнь исполнена трудов, господствует такое нечестие, то до чего не дошло бы зло, если бы их не было? И удивительно ли, что скорбь служит благом для души, если она — благо и для тела? Пресыщать тело наслаждениями вредно. Так и бедствия, когда окружают нас со всех сторон, заставляют быть бдительными; и если мы внимательны, то не терпим от них никакого вреда. Потому и говорит некто: *знай, что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь* (Сир. 9, 18). И Псалмопевец [пророк Давид] говорит: *стези мои: на пути сем, по которому я ходил, скрыли сеть мне* (Пс. 141, 3). Если кто примет эти слова в переносном смысле, то уразумеет, что так поступает диавол, не издали строя козни, но скрывая их близко. Вот почему с нашей стороны и требуется великая бдительность. Он скрывает свою сеть, в милостыне — тщеславие, в посте — гордость, скрывает не на других путях, но на тех самых, по которым мы ходим, что особенно тяжело (3).

***

Когда Бог намеревается совершить что-нибудь необыкновенное, то Он не вдруг совершает чудо, но сначала попускает тем,

к которым оно относится, чувствовать бедствия, чтобы по избавлении от бедствий они не оказались неблагодарными. Так как многие из людей, частью по гордости, частью по беспечности, забывают бедствия по избавлении от бедствий или, не забывая, приписывают успехи самим себе, то Бог попускает им сначала потрясение от скорбей, а потом освобождает от затруднительных обстоятельств (4).

БЕСЫ

Бесы приводят к идолам, отвращают от Бога и научают не верить будущей жизни. Бес, будучи оскорблен, не станет делать добро, когда он и, не будучи оскорблен, причиняет вред даже тем, которые служат и угождают ему (6).

БЛАГА БУДУЩИЕ (ИСТИННЫЕ)

Покажем, возлюбленные, терпение, и никогда не будем отчаиваться, а станем питаться благими надеждами, зная, что ни трудность дела, ни что-либо другое человеческое не может слишком препятствовать вам, когда благодать Божия благоволит оказать нам собственную щедрость. Мановению Божию все повинуется и покоряется, и тогда трудное становится легким и невозможное — возможным. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы Его, становились выше всего человеческого. Тот, кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели. Тот не дарует ли, тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? Именно тогда преимущественно и будем мы наслаждаться этими благами в обилии, когда решимся презирать их. Итак, зная это, будем желать благ постоянных, неизменных и нескончаемых, чтобы и настоящую жизнь провести беспечально, и тех благ достигнуть (1).

***

Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться, и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: *ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). И не сказал: даны будут, но — приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то

Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих — и получишь настоящие; не ищи видимых — и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать к Владыке с молитвой о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих (6).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

Не будем просить у Господа нашего ничего житейского. Он и не ожидает нашего напоминания, а хотя бы мы и не просили, сам дарует нам потребное. *Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Послушаем Его, когда Он, убеждая нас, говорит: *ищите же прежде Царства Божия ... и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Видишь ли, что Он сам готов даровать вам то, и обещает в виде прибавления даровать это? Итак, не проси, как главного, того, что должен получить в виде прибавления. Не будем извращать порядка, но станем искать прежде то, как Он заповедал, чтобы получить и другое. Поэтому Господь и в словах молитвы, полагая для нас правила и пределы, до которых должны простираться прошения наши о житейских предметах, повелел нам говорить следующие слова, исполненные всякой мудрости: *хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф. 6, 11), — то есть, дневную пищу. Об этом самом и тот праведник, хотя и не слышал еще этих слов, молился, говоря: и даст мне хлеб есть и одежду одеться. Итак, не будем просить у Него ничего другого житейского. Совершенно недостойно от столь щедрого и обладающего таким всемогуществом просить того, что разрушается вместе с настоящею жизнью и подлежит многим переменам и случайностям. А таково все человеческое: укажешь ли на богатство или власть, или славу человеческую. Будем просить непреходящего, неоскудевающего, не испытывающего перемен. И, зная благость нашего Господа, не будем думать о настоящем, но все наши усилия и желания обратим к небесному. Если Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на пра-*

ведных и неправедных, то тем более не презрит отвращающихся от зла, убегающих от неправды, но удостоит их особого промышления и во всем покажет Свое попечение. Зная это, возлюбленные, будем веровать обетованиям Божиим и не станем поступать вопреки Его заповедям. Что касается нынешних наших дел, то в них мы ничем не разнимся от неверующих. Если Он обещает будущее, а мы не хотим стремиться к этому и прилепляемся к настоящему, то какого искать еще другого доказательства, неверия, когда сами дела так ясно о том свидетельствуют? И опять, если Он заповедует не просить у Него ничего из временных и житейских благ, а искать иных, мы, напротив, обращаясь к Нему, ищем того, чего заповедал Он не искать, и не ищем того, что Он повелел искать? И поступая таким образом, столь беспечно располагая свою жизнь, прогневляя кроткого и милосердного Господа, мы как бы забываем то, что сами делаем, и ищем причины гнева Его на нас, — почему Он часто оставляет нас, когда мы впадаем в различные искушения, — а не помышляем о тяжести наших прегрешений и добровольно вдаемся в самообольщение. Поэтому умоляю: отвергши все это, не будем ничего предпочитать собственному нашему спасению. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Излишнее богатство истощим на бедных; во всем покажем многое любомудрие презрением суетной славы, уничижением человеческой гордости, обнаружением взаимной любви друг к другу, чтобы получить и здешние, и будущие блага (1).

***

Не обращай внимания на плотскую славу, но думай о будущей бедственности их; чем славнее она является теперь, тем жальче будет впоследствии, когда в один миг времени отпадет величие ее. И вот, говорят, ты презрел все блага мира. Я не презираю их так, как будто бы они — зло по своей природе. Но хотя бы они были добром, и мы пользовались бы ими хорошо, тем не менее они прейдут и не останутся навсегда (4).

***

Все блага настоящей жизни — и чувственные, и духовные — как начатки благ будущих. Итак, почему находишься в нерешимости и медлишь, тогда, как ты уже столько получил и столько еще

ожидаешь? Полученные тобою блага суть следующие: Он образовал тебе тело, Он вложил в тебя душу, почтил тебя одного на земле умом, дал тебе право на обладание всем видимым, сообщил тебе познание о Себе, предал за тебя Сына, даровал тебе Крещение, в котором одном источается столько благ, предложил тебе священную трапезу, обещал тебе Царствие и блага неизреченные (7).

***

Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно также и все другие виды добродетели здесь еще доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели (7).

***

Нам важно то, что добродетельно; а без этого все прочее совершенно бесполезно. Оттого и происходят эти частые вопросы, что многие считают бесполезное для них полезным, а о полезном нисколько не заботятся. Полезное для нас — это добродетель и любомудрие. Но вы слишком далеки от них; оттого у вас и смятение помыслов, многие волны и буря, потому что, кто удаляется от горней славы и любви к небу, тот обращается к благам настоящим и делается их рабом и пленником. Отчего же, скажешь, мы стремимся к ним? Оттого, что не слишком стремимся к благам небесным. А отчего это происходит? От нерадения. А нерадение откуда? От невнимательности. А невнимательность откуда? От неразумения, оттого, что останавливаемся на благах настоящих и не хотим тщательно исследовать существо вещей. Отчего же опять это происходит? Оттого, что не читаем Писаний, не беседуем с святыми

мужами, а ищем общества людей порочных. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая нас одна за другою, не увлекли в море зол, не потопили и не погубили совершенно, восстанем, пока есть время, и, утвердившись на скале, т.е. на догматах и Слове Божием, будем взирать на бурю настоящей жизни (12).

БЛАГОВОЛЕНИЕ БОЖИЕ

Слово Божие есть духовное сокровище. И как получивший из вещественного сокровища и один камень часто приобретает великое богатство — так и здесь добродетели праведных, если мы захотим быть внимательными, могут принести столь великую нам пользу, что и в нас возбудится ревность к подражанию им. А таким образом, и мы можем удостоиться такого же, как и праведники, благоволения Божия. *Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 34), — так что, если захотим, ничто не воспрепятствует и нам получить такую же или еще и большую помощь свыше. Если Он увидит, что мы с своей стороны прилагаем все возможное старание и угодное Ему предпочитаем человеческому, то покажет и Сам такое о нас попечение, что мы сделаемся во всем непреоборимыми. Мы имеем врага постоянного, имеющего непримиримую к нам ненависть; потому мы должны быть неусыпны, чтобы побеждать козни его и стать выше стрел его. А победить мы не иначе можем, как если добродетельною жизнью приобретем себе содействие свыше. Лучший же образ жизни есть жизнь чистая. Это есть основание и корень добродетели. Кто твердо положит такое основание, тот уже легко препобедит все прочее: не одолеет его ни страсть к богатству, ни любовь к славе, ни зависть, ни какая-либо иная страсть. Как же это — скажу. У кого совесть чиста и свободна от всякого порока, в том будет обитать сам Господь всяческих: *Блаженны,* — сказано, — *чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Когда же кто удостоится иметь Его в себе, будет находиться в таком состоянии, как только лишь облеченный телом, и ко всему человеческому будет показывать совершенное презрение. Все видимое явится такому человеку тенью и сном; как бы уже на небе имея пребывание, он не захочет ничего в настоящей жизни. Таков был

Павел, учитель вселенной, почему восклицал он, говоря; или *ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне* (2 Кор. 13, 3). И еще: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *А что ныне живу во плоти, то живу верою.* Видишь ли здесь мужа, облеченного телом, но о всем говорящего так, как будто имел жребий бесплотного существа? (1)

***

Просим любовь вашу так делать и располагать все дела свои, чтобы удостоиться благоволения свыше. Если будет благоволить к нам Бог — тогда все будет для нас удобно и легко, и ничто не сможет опечалить нас в настоящей жизни, хотя бы и казалось что-нибудь прискорбным. Таков преизбыток Его могущества, что Он, когда благоволит, обращает и самые печали в радости. Так и Павел среди скорбей радовался и веселился, окрыляемый ожиданием уготованных ему наград. Потому и пророк сказал: *в тесноте Ты давал мне простор* (Пс. 4, 2), вразумляя нас, что Бог, и в самых бедствиях даровал ему наслаждаться безопасностью и спокойствием. Такого имея Владыку, столь могущественного, столь благопромыслительного и премудрого, столь человеколюбивого, приложим свое усердие и будем иметь великое попечение о добродетели, чтобы получить и настоящие, и будущие блага (1).

***

Где Бог благоволит, там и в огне обретается роса; а когда Бог поборает, тогда и в удовольствии является сражение и спор. Не были ли потреблены огнем вавилоняне, стоявшие вне печи? Бог был их врагом. Не были ли три отрока ввержены в печь горящую, и огонь нисколько не повредил им? Бог был их другом. Тем, кому Бог не благоволит, не бывает ничего доброго; напротив, кому Он благоволит, тем не бывает ничего злого. Итак, зачем ты совершаешь такое длинное путешествие, выдумываешь столько средств и усовершенствований, бегаешь туда и сюда, одного просишь, другому обещаешь тленную награду, иных делаешь посредниками, когда тебе нужно было сделать краткий путь — примириться с Богом? Если Бог тебе не благоволит, то все труды бесполезны; а если Он милостиво воззрит на тебя, то даже враги станут друзьями (4).

БЛАГОДАРЕНИЕ

То особенно и свойственно душе благодарной и любомудрой, чтобы благодарить Бога и в скорбных обстоятельствах, прославлять Его за все — не только за благодеяния, но и за наказания. Этим заслуживается большая награда. Принося благодарность за благодеяния, ты отдаешь долг; а, принося благодарность за бедствия, ты делаешь Бога должником своим. Кто наслаждается благоденствием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние. За такую благодарность Бог дарует много других благ и там, и здесь, так что для нас бывают нечувствительными и сами бедствия. Никто не скорбит о том, за что благодарит Бога. Таким образом, отсюда мы можем получить еще другую пользу — избавиться от скорби. Если ты лишишься имущества и будешь благодарить, то потеря не может огорчить тебя столько, сколько радует чувство благодарности. Это — тяжкий удар для диавола; это делает душу любомудрою; это научает нас истинному суждению о вещах настоящих (2).

***

Ничто так не угодно Богу, как то, чтобы быть благодарным Ему не только в счастье, но и в несчастье. Это особенно и есть жертва; это — величайшее приношение! Так прославился Иов, так — Павел, так — Иаков, так — каждый из праведников, воздавая признательность и благодарность Богу, особенно в трудных обстоятельствах (2).

***

Павел во всех посланиях своих благодарит за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Бога за свои и за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом, или, лучше, — нет малого ни одного из Его даров, не потому только, что они от Него сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят самый песок, — что может сравниться с домостроительством спасения нашего? За нас — врагов Своих — Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее, единородного Сына Своего, и не только предал, но после предания предложил

еще нам Его в пищу. Он все сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и сделал нас благодарными за то (чрез Таинство Евхаристии). Так как человек бывает большею частью неблагодарен, то Бог все относящееся до нас принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал чрез места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством жертвы внушая нам непрестанное памятование о Своих благодеяниях. Таким образом, никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризнательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще — без ведома нашего. Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над блаженным Павлом. Этот блаженный муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения; однако же, Бог взирал не на прошения его, а на пользу, и показывая это, говорил: *довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9). Господь, прежде нежели открыл ему причину, благодетельствовал ему, несмотря на то, что апостол этого не хотел и не знал. Итак, велико ли его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такое Его о нас попечение? Будем же Ему покорны и всегда будем соблюдать это повеление. Иудеев ничто столько не губило, как их неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, повергала их столь многим и частым казням, а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу: *надежда неблагодарного,* — говорит Премудрый, — *растает, как зимний иней* (Прем. 16, 29). Неблагодарность так же делает душу нечувственною и мертвенною, как холод тело. Это происходит от гордости и от того, что почитают себя достойными благодеяния. Смиренный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель (6).

***

Прежде всего, благодарю Бога моего через Иисуса Христа за

всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире (Рим. 1, 8). Начало приличное блаженной душе и достаточное для того, чтобы научить всех посвящать Богу начатки добрых дел и слов и благодарить Его не только за свои успехи в добре, но и за успехи других, потому что это делает душу чистой от зависти и недоброжелательства и привлекает на благодарных большее благоволение Божие. Потому Павел и в другом месте говорит: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением* (Еф. 1, 3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодарность служит большим доказательством терпения и признательности. За такую благодарность и Иов был увенчан, заградил бесстыдные уста дьявола и ясно доказал, что в дни благополучия был благодарным не из выгод, но вследствие сильной любви своей к Богу. Смотри также, за что благодарит Павел, — не за земное и погибающее, как-то: власть, могущество и славу (ведь это и не стоит ни одного слова), но за блага истинные, веру и дерзновение. И с каким расположением он благодарит! Не сказал: *Бога*, но: *Бога моего*. Это делают и пророки, присваивая себе общее всем. И что удивительного, если (так поступают) пророки? Сам Бог всегда явно делает это в отношении рабов Своих, называя Себя, в частности, Богом Авраама, Исаака и Иакова (11).

***

Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба, — не ты ведь, а Он сотворил его; ты только содействовал появлению его, а все сделал Бог. Будем же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но что? Ты хотел бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Как расстающиеся благодушно знают, что находящееся у них не принадлежит им, так скорбящие [при лишении] присвояют себе принадлежащее Царю. Если

мы сами — не свои, то как прочее — наше? Мы в двух отношениях принадлежим Богу — и по сотворению, и по вере. Так Давид говорит: *состав мой от Тебя произошел* (Пс. 38, 7). Также Павел: *ибо мы Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17, 28); и, рассуждая о вере, говорит: *и вы не свои, ибо вы куплены [дорогою] ценою* (1 Кор. 6, 19–20). Все — Божие. Потому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присвоять себе принадлежащее Владыке. Душа твоя — не твоя: как же имущество — твое (12)?

БЛАГОДАТЬ

Господь всяческих, как увидит готовность вашей души, то и нам ниспошлет обильнейшие дарования для вашего назидания, и вам подаст большее разумение, чтобы вы могли понимать наставления. Благодать Духа обильна и, изливаясь на всех, не терпит оттого никакого в себе уменьшения, а еще более умножается в самом разделении между многими, и чем больше тех, которые приобщаются благодати, тем обильнее становятся и дары ее (1).

***

Вы видели, как важна душевная признательность, видели и человеколюбие Господа, как Он не презирает никого, но хотя бы в женщине, хотя бы в бедном человеке, в ком только находит бодрствующую и пламенеющую душу, немедленно сообщает ему благодать Свою. Поэтому, убеждаю, будем мы с полным вниманием принимать внушения Духа, потому что не нам принадлежит излагаемое нами учение и язык наш не от себя говорит то, что мы говорим, но через нас действует человеколюбие Господа для пользы вашей и для созидания Церкви Божией (1).

***

Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвой, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага. Не будем же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, благодарят нас и отходят с добрым словом, — а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести, и это — когда мы должны получить великое благословение, потому что, где молитва и благодарение, туда приходит благодать Святого Духа,

оттуда прогоняются демоны и все вражеские силы отступают и обращаются в бегство. Кто намеревается обратиться к молитве, тот и во время стола не осмеливается сказать что-либо неприличное, а если и скажет, тотчас раскаивается. Итак, должно и при начале, и при конце [стола] благодарить Бога, в особенности потому, как я выше сказал, что, если мы приобретем этот навык, то не легко впадем в пьянство. А если и случится когда-нибудь встать [из-за стола] во хмелю и опьянении, и тогда не оставляй своей привычки, но и с тяжелой головой, шатаясь и падая, будем молиться и не изменим своему обычаю. Если сегодня ты так помолишься, то завтра исправишь погрешность, сделанную накануне (1).

***

Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякий труд — это зависит от нашей воли, а доводить свои желания до конца, не допускать падений и достигать успеха в делах — это зависит от вышней благодати. Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немногое нашим трудам, большую часть совершает Сам. А что действительно, если бы все зависело от нас, тогда многие возгордились бы и предались высокомерию, послушаем, что говорил фарисей, в какую впал он гордость, как превозносился и ставил себя выше всей вселенной (см. Лк. 18, 10–14). Потому Бог сделал, что не все зависит от нас, но предоставил нечто и нам, чтобы иметь благовидный повод справедливо увенчать нас. То же Он объяснил и тою притчею, в которой говорит, что господин, нашедши людей в одиннадцатый час, послал их работать в винограднике (см. Мф. 20). Что могли они сделать в одиннадцатом часу? Но для Бога достаточно было и этого краткого времени, чтобы дать им полную награду (4).

***

Нет, подлинно нет ни одного греха, который бы не покорился и не был побежден силой покаяния или, справедливее, благодатью Христовой. Лишь только мы успеем обратиться, Он уже нам помогает. И если хочешь быть добрым, никто не препятствует — или, лучше, дьявол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее,

и таким образом самого Бога делаешь своим защитником. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то как Он будет твоим заступником? Он хочет, чтобы ты получил спасение не по принуждению и насилию, но по свободной воле. Если и ты, имея слугу, который тебя ненавидит, отвращается и часто от тебя бегает, не захотел бы держать его, несмотря на то, что ты имеешь нужду в его служении, то тем более Бог, Который все делает не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасения, не захочет тебя насильно удерживать. Напротив, лишь только изъявишь расположение, то никогда тебя не захочет оставить, что бы дьявол ни замышлял против тебя. Итак, мы сами бываем виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить — не с подобающей верой все делаем, не с усильным молением, а нерадиво и беспечно. Между тем Бог хочет, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являет тебе великую милость. Это единственный Должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает то, чего мы не давали Ему в заем. Если Он усмотрит, что проситель неотступен, то дает и то, чего не получил от нас (6).

***

Если будем похищать и лихоимствовать, если станем оказывать несправедливости и обиды и не будем творить милостыни, то не только лишимся возможности придти туда, но и потерпим то же, что случилось с девами. А они не могли войти туда, где был Жених, но удалились, потому что угасли их светильники, то есть оставила их благодать. Действительно, этот огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотим, мы можем усилить; если же не захотим, тотчас угасим его. А когда он угаснет, в наших душах не останется ничего, кроме тьмы. Как с возжжением светильника появляется большой свет, так с его погашением не остается ничего, кроме мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19). Угасает же тогда, когда не имеет елея, когда подвергается какому-либо сильному напору ветра, когда подавляется и стесняется (от этого именно и гаснет огонь); подавляется же житейскими заботами и угасает от злых пожеланий. Но при этом ничто так не угашает

огонь Духа, как бесчеловечие, жестокость и хищничество. Если мы, не имея елея, нальем еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее унынием души обижаемых), то как тогда он может загореться? И вот мы отойдем отсюда, неся с собою золу и пепел, окруженные великим дымом, который будет обличать нас в том, что мы угасили свои светильники. Где дым, там необходимо допустить угасший огонь. Но не дай Бог никому услышать этот глас: *не знаю вас* (Мф. 25, 12). А когда можно услышать его, как не тогда, когда, видя бедного, мы остаемся в таком же расположении духа, как если бы не видели? Если мы не хотим знать Христа, когда Он алчет, то не узнает и Он нас, когда мы будем нуждаться в Его милости. И справедливо: кто презирает несчастного и не подает своего, тот не должен надеяться получить что-либо из того, что не его. Потому, умоляю вас, будем всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудел у нас елей, чтобы наши светильники были украшены и мы могли вместе с Женихом войти в брачный чертог (8).

***

Невозможно, поистине невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствует. Разве не знаешь, что говорит Илия своему ученику? *Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так* (4 Цар. 2, 10), — то есть, будет тебе то, чего ты просишь. И Христос всегда говорил приходящим к Нему: веруешь ли? — потому что, если мы не освоимся с тем, что даруется, то не будем сильно чувствовать и благодеяния. Так и на Павла не тотчас сошла благодать, но наперед прошло три дня, в которые он оставался слепым, томился страхом и приготовлялся. Как те, которые окрашивают багряницу, сначала некоторыми другими веществами подготовляют материю, назначаемую для окраски, чтобы цвет вышел не линючий, так и Бог сначала приготовляет бодрственную душу и тогда уже изливает благодать (10).

***

Нет никакой для нас пользы, если мы, будучи в мире хотя бы со всеми, будем во вражде с Богом; и опять нет для нас никакого вреда, если мы, будучи в несогласии хотя бы со всеми, будем в мире с Богом. Точно также нет никакой пользы, если мы у всех заслуживаем одобрение, а Господа оскорбляем; и нет никакой опасности,

если все отвращаются и ненавидят нас, а Бог приемлет и любит. Истинная благодать, истинный мир — от Бога. Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол, не только человека, но — самого диавола. А кто оскорбил Бога, тот боится всех, хотя, по-видимому, находится в безопасности (12).

БЛАГОДЕЯНИЯ БОЖИИ

Исчисляй все благодеяния Божии, оказанные тебе в течение всей твоей жизни, и, конечно, ты найдешь их много не только в целой жизни, но и в одном дне. И если бы Бог захотел представить нам все благодеяния, которые мы, не сознавая и не разумея, получаем от Него каждый день, то мы не могли бы и перечислить их. Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил! Если бы только Бог позволил им показать нам свои страшные и отвратительные лица, то не пришли ли бы мы в ужас, не погибли ли бы, не уничтожились ли бы? Размышляя о всем этом, равно и о грехах своих, которые мы совершаем сознательно или по неведению, — и то ведь не малое благодеяние, что Бог не каждый день наказывает нас за наши согрешения, — мы можем питать в себе любовь к Богу. В самом деле, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грешишь, сколько каждый день получаешь благодеяний, каким пользуешься долготерпением, какою снисходительностью, когда подумаешь, что, если бы Бог каждый день наказывал, ты не прожил бы и краткого времени, — по словам пророка: *если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?* (Пс. 129, 3), — то воздашь Ему благодарность и не будешь роптать ни на что, случающееся с тобою; напротив, увидишь, что если бы ты потерпел бесчисленное множество зол, и тогда еще не понес бы достойного наказания (2).

***

Устрояя различным образом наше спасение, Бог посылает то благодеяния, то наказания, и первые чаще, нежели последние, потому что первых только и желает. И геенною Он угрожает не для того, чтобы ввергнуть нас в нее, но чтобы не ввергнуть; ее Он приготовил для диавола: *идите*, — говорит, — *в огонь вечный, уготованный диаволу* (Мф. 25, 41), а для людей приготовил царствие, внушая, что Он не хочет ввергать

человека в геенну. *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его* (Пс. 144, 8–9). Видишь ли, как и пророк [Давид] останавливается на благодеяниях Божиих и о них более распространяет речь? Он ясно знал, что в этом особенно состоит богатство Божие. Невозможно было бы нам и спастись, если бы не велико было человеколюбие Его; невозможно было бы нам существовать, не пользуясь великою Его благостью. Поэтому и Сам Он сказал: *Изглажу беззакония твои* во грехах твоих защищаю тебя (Ис. 44, 22). *Щедр и милостив Господь*. Посмотри, как пророк показывает неизреченное Его человеколюбие. Бог не только милует согрешающих, но являет и другой немалый вид человеколюбия — долготерпение, чтобы грешники пришли в раскаяние и при человеколюбии Божием достигали спасения и собственным старанием, получая, таким образом, дерзновение пред Ним своими подвигами. Он не только *милостив*, но и *многомилостив*, говорит пророк, выражая, что великое милосердие Его не может быть измерено, но превосходит всякое слово (3).

***

Как скоро Бог усматривает нас недостойными благодеяний, удерживает их, чтобы они не сделали нас беспечными. Если же мы хотя несколько обратимся, т.е. настолько, насколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрешили, — тогда весьма богатые и обильные изливает на нас милости. И, чем больше ты приемлешь от Него, тем более Он радуется и более обильные готовит нам новые благодеяния. Спасение наше и щедрые дары просящим Он считает Своим богатством. Так говорит об этом и Павел: *богатый для всех, призывающих Его* (Рим. 10, 12). Но когда мы не молим, тогда гневается; когда не просим, тогда отвращается. Для того Он и обнищал, чтобы нас сделать богатыми; для того все претерпел, чтобы нас побудить к молитвам. Итак, не будем отчаиваться. Но, имея такие побуждения, такие добрые надежды, если и каждодневно согрешаем, будем приступать с прошением, молением и требованием отпущения грехов (6).

***

Какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них

содержащееся: животных, растения, семена; но невозможно исчислить всех Божиих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славою и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения и, наконец, послал единородного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!* (Рим. 11, 33). Он дал нам Крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками Царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку и излил Духа в сердца наши. Итак, что же после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воздали ли бы мы не только достойную, но даже самомалейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы (7).

***

Размыслив о благодеяниях Божиих, касающихся всех вообще и столь обильных, что невозможно и исчислить их, и за все это воздав Ему благодарность, будем все представлять то, что Он сделал для каждого из нас, и размышлять о том каждый день. Это имеет великую силу. Потому каждый из нас пусть помыслит сам о себе и тщательно припомнит, когда он, подвергшись опасности, избег от рук врагов, и пусть содержит благодеяния Божии как бы написанными в книге; например: не отправлялся ли он когда-нибудь в путь неблаговременно и избегнул опасности; не имел ли когда-нибудь дела с негодными людьми и вышел победителем; не впадал

ли когда-нибудь в болезнь и сверх всякого чаяния выздоравливал. Это много содействует к примирению нас с Богом. Если Мардохею добрые дела его, когда они были вспомянуты царем, столько принесли пользы, что он опять достиг прежнего величия (см. Есф. 6, 1–12), то тем более [получим пользы] мы, если будем припоминать и тщательно наблюдать, в чем мы согрешили против Бога и какие блага Он даровал нам; тогда мы и будем благодарны и оставим все [греховное]. Но никто не воспоминает ни о чем подобном, а как о грехах мы говорим, что мы грешны, не исследуя, в чем именно, так и о благодеяниях Божиих говорим, что Он благодетельствует нам, не исследуя, где именно, в чем и в какое время. Отныне же будем более внимательны. Если кто может припомнить и давние [благодеяния Божии], пусть тщательно размышляет о всем и найдет в этом великое сокровище. Это полезно нам и для того, чтобы не впадать в отчаяние. Если мы увидим, что Он многократно благодетельствовал нам, то не станем отчаиваться и считать себя отверженными, но будем иметь великий залог попечения Его о нас при мысли, что, и согрешая, мы не подвергаемся наказанию, но еще пользуемся Его благодеяниями (10).

БЛИЖНИЙ

Мой ближний — не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признает со мною того же отца и имеет общение в той же трапезе; эта связь крепче родства, равно как и несходство нравов ведет к отчуждению гораздо более, нежели различие по происхождению. Не на то смотри, что мы живем под одним небом и в одной вселенной; а ищу другого общения, которое выше неба; там наше отечество и жизнь. *Жизнь ваша,* — говорит апостол, — *сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Не на земле мы живем, но переселились в высшее жилище. У нас другой свет истинный, другое отечество, другие сограждане и сродники. Потому и Павел говорит: *не чужие и не пришельцы, но сограждане святым* (Еф. 2, 19). Как же, скажешь, Христос назвал ближним самарянина, хотя великое различие [между ним и истинно верующим]? Но и не по естественному родству. Так, когда нужно оказать благодеяние, то пусть всякий человек будет ближним твоим; а когда дело касается

истины, то различай своего от чужого. Если бы даже твой брат, родной по отцу и матери, не имел с тобою общения в законе истины, то он должен быть для тебя более чужим, чем скиф; и напротив, если скиф или савромат содержит правые догматы и верует в то же, во что веруешь и ты, то он должен быть к тебе ближе и роднее единоутробного брата; и варвара от не-варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры и ведет любомудрую жизнь (3).

БЛУД

Ты был привязан к блуднице? Ты впал в блуд? Хочешь покаяться? Не прилагай греха к греху и не говори мне: как я могу жить без блуда? Я скажу тебе, как ты можешь. Тебя сжигает страсть? Но ты имеешь жену, а если не имеешь, возьми, чтобы пользоваться удовольствием с безопасностью. Но я не могу воздержаться? А это уже распущенность. И если я укажу тебе на другого, который не имеет жены, но соблюдает целомудрие, какое ты представишь оправдание или извинение? Тот в море не терпит крушения, а ты в пристани подвергаешься падению? Имеешь жену и блудишь, даже больше — прелюбодействуешь? Но, спрашиваете, как мне избавиться от этой раны? В этом тебе поможет жена. Поможет жена? Именно. Послушай, что говорит блаженный Павел: *во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 2, 4). Итак, если позовет тебя блудница, примени к себе это наставление и скажи: *муж не властен над своим телом, но жена*; напиши эти слова в своем сердце и скажи блуднице: что зовешь меня? Это не мое тело, а моей жены; я не смею продать чужого. Я не смею тратить ее приданое, не смею распорядиться ее имуществом, не могу осквернить принадлежащего ей тела. Так ли? Не могу. Скажи блуднице: что зовешь меня? Не подходи к нему: это не мое, чужое. Ведь это тело не принадлежит блуднице? Я не принимаю тела блудницы: это тело моей жены. Побойся Христа и скажи, что тела наши — члены Христовы. Пусть слышат это и жены; пусть они поймут, к чему призывает их Христос, конечно, с соблюдением

святости, и пусть говорят: *жена не властна над своим телом, но муж*. Вникни, какая мудрость заключается в этих словах Павла. Ввиду того, что многие воздерживаются и имеют чистых и целомудренных жен, притом воздерживаются сверх должного, так что воздержание делается поводом к прелюбодеянию, ввиду этого он говорит: каждый пусть пользуется своей женой. И он не стыдится, но входит и садится на ложе днем и ночью, обнимает мужа и жену, и соединяет их друг с другом, и громко взывает: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию* (1 Кор. 7, 5). Ты соблюдаешь воздержание и не хочешь спать с мужем твоим, и он не пользуется тобою? Тогда он уходит из дому и грешит, и в конце концов его грех имеет своей причиной твое воздержание. Пусть же лучше он спит с тобою, чем с блудницей. Сожитие с тобою не запрещено, а сожитие с блудницей запрещено. Если с тобою он будет спать, нет никакой вины; если же с блудницей, тогда ты погубила собственное тело. Итак, садится [апостол] почти на брачное ложе и взывает: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию.* Для того ты [жена] и имеешь мужа, для того ты [муж] и имеешь жену, чтобы соблюдать целомудрие. Ты хочешь иметь воздержание? Убеди к тому и мужа твоего, чтобы было два венца — целомудрие и согласие, но чтобы не было целомудрия и сражения, чтобы не было мира и войны. Ведь если ты воздерживаешься, а муж распаляется страстью, и между тем прелюбодеяние запрещено апостолом, значит, он должен терпеть бурю и волнение. Но *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию.* И, конечно, где мир, там все блага; где мир, там и целомудрие сияет; где согласие, там и воздержание увенчивается; а где война, там и целомудрие подрывается. Но *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию.* Всякого распорядителя брака превосходит Павел, невестоводитель вселенной. Поэтому он и не стыдится говорить: *брак у всех да будет честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4). Ведь и Сам Владыка его пришел на брак, воздавая честь браку Своим присутствием, и даже принес дары, превратив воду в вино. Итак, подвизайся [в воздержании], сколько хочешь; когда же ослабеешь, пользуйся общением [брачным], чтобы не искушал вас сатана. Вот три образа жизни: девство, брак, блуд. Брак — в средине, блуд — внизу, девство — вверху.

Девство увенчивается, брак соразмерно похваляется, блуд осуждается и наказывается. Итак, соблюдай меру в своем воздержании, смотря по тому, насколько ты можешь обуздать немощь своей плоти. Не стремись превзойти эту меру, чтобы не ниспасть ниже всякой меры. Как желающий нырять настолько уходит в воду, насколько только может войти, но, когда входит, смотрит, как далеко ему придется возвращаться, так и ты будь целомудрен настолько, сколько можешь снести, чтобы не потерпеть падения чрез меру (3).

***

Если какая-либо женщина сделала блуд по принуждению, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Это открывается из того, что мы выше сказали о Давиде. Любодействовал ли кто по пришествии Христовом и умрет, не приняв Крещения, — подвергнется более жестокому наказанию, чем все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия божественным Крещением — здесь уже не остается никакого утешения в грехе. И показывая именно это, Павел сказал: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню ровь завета, которой освящен, и Духа благодати оскорбляет* (Евр. 10, 28–29)? Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже верх всех зол. Видишь ли, сколько различий у одного и того же греха? Иное — грех, совершенный прежде закона, иное — после закона, иное — сделанный священником, иное — богатой и бедной женщиной, иное — грех учиненный оглашенной и верной, иное — женщиной из рода священнического. Также великое различие происходит и от разумения: *который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). И грех, сделанный после таких и столь многих примеров, получает большее наказание. Поэтому Христос сказал: *видев это, не раскаялись после* (Мф. 21, 32), хотя и много были врачуемы (7).

***

Кто дает блудницам, тот делается смешным и зазорным; он будет иметь много ссор, а удовольствие краткое, лучше же

сказать — даже и краткого не получит. Сколько бы ни давал он отверженным женщинам, они ничуть не будут благодарны ему: *чужой дом — просверленный сосуд* (Притч. 23, 27). Притом же этот род бесстыден, и Соломон любовь такой женщины уподобил аду. Она тогда только успокаивается, когда увидит своего любовника ничего уже не имеющим. Лучше же сказать — она и тогда не успокаивается, но еще больше величается, попирает лежащего, предает его великому осмеянию и столько делает ему зла, что и описать нельзя (9).

БОГАТСТВО

Мы научимся никогда не пренебрегать дарами Божиими и за малое что-либо и ничтожное не терять великого. Для чего, скажи мне, когда нам уготовано Царство Небесное и неизреченные блага, для чего мы увлекаемся страстью к богатству и временное, часто и до вечера у нас не остающееся, предпочитаем нескончаемому и вечному? И что может быть хуже этого безумия, когда через привязанность к временным благам мы и будущих лишаемся, да и настоящими не можем беспорочно наслаждаться? Что пользы, скажи мне, в большом имуществе? Или вы не знаете, что умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы? Не видите ли, что те в особенности бывают, так сказать, рабами всего, которые окружены большими благами и каждый день они самых теней боятся? Отсюда-то происходят коварства, клеветы, сильная зависть и тысячи других зол. И часто видишь, что тот, у кого лежат тысячи талантов золота, считает счастливым работника, снискивающего себе пропитание трудами рук. Какое же удовольствие, какая польза, когда и этими благами мы не наслаждаемся, а через пристрастие к ним лишаемся высших благ? И что я говорю: высших благ, — когда, кроме бедствий, постигающих нас здесь, и лишения благ, уготованных там, мы еще посылаемся в самую геенну? Не говорю уже о тысячах грехов, порождаемых богатством, — обманах, злобе, хищничестве, любостяжании. А хотя бы кто и свободен был от всех таких грехов, что, однако же, трудно, но, если он, имея много богатства, скапливает, деньги и употребляет его для собственного только наслаждения, а не оказывает щедрости нуждающимся, — огонь

геенны и его постигнет. Об этом ясно учит нас притча в Евангелии, когда одних представляет одесную, а других ошуюю и говорит, что первым уготовано Царствие Небесное за попечение о нуждающихся: *придите*, сказано там, *благословенные Отца моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира* (Мф. 25, 34). Почему же и за что? *Ибо Я алкал и вы дали Мне есть* (Мф. 25, 35). А последним уготован вечный огонь. Идите, сказано, *от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). Велика важность этого изречения! Господь и Творец говорит: *ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть* (Мф. 25, 42). Какую душу не подвигнет это, хотя бы то была душа каменная? Господь твой ходит алчущим, а ты живешь в роскоши! И не это одно страшно, а и то еще, что, живя сам в роскоши, ты дерзаешь презирать Его, притом тогда, как Он просит не многого чего-либо, а только одного хлеба, чтобы утолить голод. Он ходит, цепенея от холода; а ты, одетый в шелковые ткани, не обращаешь на Него внимания, не показываешь никакого сострадания, но без всякого милосердия проходишь мимо. Какого извинения может это заслуживать? — Будем же заботиться не о том, чтобы собрать каким бы то ни было образом богатства больше всех, но будем обращать внимание на то, чтобы и тем, что имеем, хорошо распоряжаться. Облегчим убожество нуждающихся, чтобы не лишиться и тех благ, которые всегда пребывают и не подвержены никаким переменам (1).

***

Не будем заботиться о том, чтобы собирать богатство и оставить его детям; будем научать их добродетели и испрашивать им благословение от Бога; вот это, именно это — величайшее сокровище, неизреченное, неоскудевающее богатство, с каждым днем приносящее все большее богатство. Нет ничего равного добродетели, нет ничего могущественнее ее. Хотя бы ты указал мне на царство и на облеченного диадемой, но если только он не имеет добродетели, он будет несчастнее убогого, одетого в рубище. Какую может принести ему пользу диадема или порфира, когда его губит собственная беспечность? Разве Господь взирает на различие внешних достоинств? Или преклоняется перед знаменитостью лиц? Одно здесь требуется — подвигами добродетели

отверзать двери дерзновения к Нему, так что не стяжавший этим путем дерзновения будет оставаться среди отверженных и лишенных всякой надежды [спасения]. Будем все иметь это в виду и так наставлять наших детей, чтобы предпочитали добродетель всему другому, а обилие богатства считали за ничто. Оно, оно-то часто и бывает препятствием к добродетели, когда юноша не умеет надлежащим образом пользоваться богатством. Как малые дети, когда берут в руки ножи или мечи, часто по неумению надлежащим образом пользоваться подвергают самих себя явной опасности, почему матери и не позволяют им безбоязненно касаться их, — так и молодые люди, когда получат большое богатство, вследствие того, что не хотят надлежащим образом пользоваться им, сами себя низвергают в явную опасность, собирая себе через это богатство бремя грехов. Отсюда рождаются роскошь, неуместные удовольствия и бесчисленное множество зол. Не говорю, что это происходит прямо от богатства, а от неуменья получивших его пользоваться им, как должно. Потому-то и премудрый сказал: *хорошо богатство, в котором нет греха* (Сир. 13, 30). Хотя и Авраам был богат, и Иов был богат, однако они не только не потерпели никакого вреда от своего богатства, но еще более прославились. Ради чего и почему? Потому что не для своего только наслаждения пользовались богатством, но для утешения других, помогая бедным в их нуждах и отверзая свой дом для всякого странника. Вот послушай, что говорит один из них: *странник не ночевал на улице; двери мои я отворял прохожему* (Иов 31, 32). И *отказывал ли я нуждающимся в их просьбе и томил ли глаза вдовы?* (Иов 31, 16). Да и не только оказывали пособие неимущим из своего богатства, но и заботились о них через свое покровительство. *Я был,* — говорит, — *глазами слепому и ногами хромому... и из зубов беззаконника исторгал похищенное* (Иов 29, 15, 17). Видишь ли, что он и об обижаемых заботится и служит всем вместо увечных членов? Этому праведнику всем нужно подражать — праведнику, прежде закона и прежде благодати показавшему столь великое любомудрие, и притом не имевшему ни наставника, ни добродетельных предков, а собственными усилиями и здравым смыслом пришедшему к такой доброй жизни. Каждый из нас имеет лежащее в самой природе

познание о добродетели; и если кто не хочет по небрежности погубить благородство своей природы, то никогда не лишится этого (1).

***

В одном отношении живущие в роскоши несчастнее даже нищих; этого не станут отвергать и богатые. Часто богач, лежащий на мягкой постели, окруженный слугами и служанками и от всех принимающий множество услуг, услышав, как бедный кричит на улице и просит хлеба, заплачет, застонет и пожелает лучше быть таким же, только бы здоровым, чем богатым и больным. И не только в здоровье, но и в чадородии богатый также не имеет никакого преимущества пред бедным. Одинаково и у богатых, и у бедных бывает и много детей, и ни одного. А вернее сказать, и здесь богатый уступает бедному. Бедняк, если и не будет отцом, не чувствует большой скорби, а богач — чем более умножается его имущество, тем более терзается неимением детей и ни в чем не находит удовольствия от того, что не имеет наследника. Наследство бедного, если он умрет бездетным, не возбуждая спора по своей маловажности, переходит к его друзьям и родственникам. А наследство богача, привлекая к себе взоры всех, часто переходит в руки врагов покойного, и так как он еще при жизни своей видит это на других, то и ведет жизнь, ужаснейшую всякой смерти, ожидая, что и с ним будет то же самое. А смерть, не равно ли [постигает тех и других]? Не умирают ли преждевременною смертью как богатые, так и бедные? И по смерти, не одинаково ли и у тех, и у других тело разрушается, обращается в прах и пепел и зарождает в себе червей? Не одинаково, скажешь, погребение? Но какая от того польза? Надевая на [умершего] богача много драгоценных и позлащенных одежд, ты ничего другого не доставляешь ему, как только больше ненависти и осуждения; открываешь против покойного уста всех, навлекаешь на него тысячу проклятий и зажигаешь сильнейшую брань за корыстолюбие, потому что каждый разрывается, задыхается и проклинает умершего за то, что он и после смерти не оставил безумной страсти к деньгам. И зло не в этом только, но и в том еще, что это открывает глаза грабителям, и таким образом большая пышность становится поводом к большему его [богатого] бесчестию.

Тела бедняка никто не решится обобрать: малоценность одежды служит стражею тела его. А у гробов богачей и запоры, и ограды, и двери, и стражи, и все напрасно и без пользы, потому что жадность к деньгам побуждает на все отваживаться привыкших к подобным злодеяниям. Стало быть, чем больше оказывают покойному почестей, тем больше готовят ему оскорблений: кто получил небогатые похороны, тот лежит с честью, а погребенный великолепно обнажается и терпит бесчестие. Но если и ничего такого не случится — и тогда он не выиграет ничего, разве только доставит обильнейшую пищу червю и произведет больше гнилости. Так это ли, скажи мне, достойно ублажения? И кто так жалок и несчастен, что из-за этого станет завидовать человеку? Впрочем, если не только это, но и все прочее разберем подробно и исследуем с точностью, найдем, что бедные имеют гораздо больше преимуществ перед богатыми. Рассматривая все это со вниманием и исследуя все прочее: *дай [наставление],* — сказано, — *мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9, 9); и постоянно помня, что и множество денег не доставляет богачам ничего больше, кроме забот и беспокойств, кроме страхов и опасностей, будем думать, что мы имеем отнюдь не меньше, чем богатые. В самом деле, будем только бдительны, и мы будем иметь гораздо больше, чем они, как в вещах божественных, так и во всем настоящем. Удовольствие и безопасность, добрую славу и телесное здоровье, чистоту души, благие надежды и нерасположение к греху найдешь больше у бедных, чем у богатых. Итак, не станем роптать, подобно рабам неблагодарным, и обвинять Господа, но будем благодарить [Его] за все и почитать злом только одно — грех, и добром — правду. При таком образе мыслей ни болезнь, ни бедность, ни бесчестие и никакое другое мнимое бедствие не постигнет нас, но, получив от всего чистое удовольствие [в настоящей жизни], мы удостоимся и благ будущих (1).

***

Послушайте вы, которые ленитесь подавать милостыню, послушайте вы, которые уменьшаете свое богатство сбережением его. Послушайте вы, которые находитесь в положении нисколько не лучшем обогащающихся во сне. Подлинно, все настоящее нисколько не лучше сновидения.

Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни не может ничего принести туда, будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, — потому что он богат только во сне. Поэтому, если ты хочешь показать мне человека богатого, то покажи тогда, когда наступит день, в который мы отойдем в отечество; а теперь я не могу отличить богатого от бедного, потому что здесь в этих вещах нет истины, а чаще — только приятные и благозвучные названия. Как слепых многие называют многовидящими, но предмет не соответствует имени, а напротив, они-то и суть ничего не видящие, так и название богатых здесь приписывается, по моему мнению, тем, которые ничего не приобрели себе там. Кто богат здесь, о том особенно я думаю, что он беден, потому что, если бы он не был очень бедным, то не был бы очень богатым. Как слепого, если бы он не был совершенно слепым, не называли бы многовидящим, так точно нужно рассуждать и здесь. Итак, оставив обольстительные названия, будем искать истинных вещей. Вещи состоят не в названиях, но от свойств вещей происходят названия, сообразные с их качествами. Такого-то называют богатым; но на самом деле он не богат. Как не богат, когда у него много и серебра, и золота, и драгоценных камней, и золотых одежд, и все прочее у него в изобилии? Не богат потому, что не золото, не одежды, не деньги, но милостыня делает человека богатым. А все это — трава, хворост и солома. Какая, скажи мне, одежда может там прикрыть того, кто будет стоять нагим пред Страшным Судилищем? Страшась этого, и Павел говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5, 3). Какие деньги могут выкупить того, кто находится в такой опасности? Какие слуги могут защитить обреченного на такое наказание господина? Какие дома? Какие драгоценные камни? Какие бани могут смыть нечистоту, происходящую от грехов? Доколе вы будете обольщать себя? Доколе вы будете взирать не на истину вещей, а увлекаться сновидениями, тогда как суд уже близок и при дверях (2)?

***

Богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства. Поняли ли ска-

занное вам? Кто желает богатеть, тот имеет нужду в имуществе, в деньгах; а кто не желает богатеть, тот всегда в довольстве. *Не бойся, когда разбогатеет человек или когда увеличится слава дома его* (Пс. 48, 17). Почему же, скажи мне, *не бойся*? Так как богатых боятся, то пророк описывает жизнь их. Почему ты боишься человека, который обильно украшен листьями, а не имеет плода? Почему боишься человека, который проводит горькую жизнь? Почему боишься человека, который сам всегда находится в страхе? Почему боишься человека, который находится в постоянном трепете? Раб твой не боится тебя, когда ты в отсутствии; а богатый носит своего господина внутри себя; куда бы он ни пошел, любостяжание следует за ним и делает врагами всех — и родных, и домашних, и друзей, и завистников, и благодетелей. Во всех оно возбуждает отвращение. Тогда как бедный проводит жизнь, не боясь никого, потому что богат только любомудрием и терпением, богатый, который предан корыстолюбию, бывает ненавидим всеми и в общественных собраниях ходит, как общий враг, которому льстят в лицо, а внутренне ненавидят его (3).

***

Богатство для многих кажется добром, но на самом деле оно не прямо добро, если кто не будет пользоваться им, как должно. Если бы богатство было прямо добром, то и владеющие им должны бы быть добрыми; но если не все богатые добродетельны, а только те, которые хорошо пользуются богатством, то очевидно, что богатство само по себе есть не прямо добро, но некоторое средство к добродетели, занимающее среднее место. Посмотри: в теле бывают свойства, по которым и называются те, кто имеет их; например, белизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежит, того мы называем белым. Также болезнь есть некоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежит она, того мы называем больным. Потому, если бы и богатство было добродетелью, то владеющий богатством должен бы быть и называться добродетельным; если же богатый не всегда бывает добродетельным, то и богатство не есть добродетель или прямо добро, а бывает таким по душевному настроению того, кто пользуется им. Также, если бы бедность была злом, то все бедные

должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то, следовательно, бедность — не зло (4).

***

Ты пользуешься многою пищею, а тот погибает от голода; ты одеваешься в тонкие полотна, а он ходит постыдно нагим. Почему Бог повелевает, чтобы ты не презирал ближних по крови? Потому что и они имеют право приобретать блага от богатого родителя. Однако многие глупцы мучаются при этом, рассуждая так: почему тот богат, а мы бедны? Те изобилуют благами, а мы — притеснениями? Почему, подобно тому, как Он сделал общим для всех солнце и не сделал света малым для бедняков и великим для богача, почему таким же образом Он не сделал всех благ общими? Но Бог сделал богатства также общими, потому что Он повелел богачам выдавать от них беднякам. Если бы Он не сделал богатства общими, то Он не дал бы такого повеления. Если бы то, что необходимо для нашей жизни, Бог не сделал общим, то человеческий род был бы погублен и уничтожен. Если же бы Он даровал каждому богатство, то этим самым Он отнял бы средства к добродетели, а потому Он распределял блага всем не поровну для того, чтобы грехи, которые происходят от любви к богатству, не распространились на всех и не повреждали всех. Если бы Он не сделал солнца общим, а только для некоторых, подобно тому, как богатства, то многие ходили бы во тьме. Но Бог дал богатство богачу затем, чтобы он утешал скорби бедности (4).

***

Не потому только, говорит Он [Христос], вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш, но преимущественно потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу и таким образом вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать, и тем, что не позволяет служить Богу, Которому всего более вы должны служить. Как прежде показал Он двоякий вред для собирающих богатство на земле — и тот, что собирают богатство там, где тля тлит, и тот, что не собирают его там, где стража самая безопасная, так и теперь показывает двоякий вред — и тот, что богатство удаляет нас от Бога,

и тот, что оно порабощает маммоне. Впрочем, не тотчас выставляет это на вид, но наперед высказывает общие мысли, говоря таким образом: *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24). Здесь под двумя господами разумеет Он господ, приказывающих совсем противное один другому: иначе они не были бы и двоими. Ведь у множества веровавших *было одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). Хотя верные были разделены телом, но помыслом были одно. Потом, усиливая сказанное, Спаситель говорит: тот не только служить не будет, но еще возненавидит и отвратится. *Или одного будет ненавидеть,* — говорит Он, — *а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24). В двух этих изречениях Спаситель, кажется, выражает одну и ту же мысль; но не без причины говорит Он так, а с тем намерением, чтобы показать, как удобно перемениться на лучшее. Чтобы ты не говорил: я однажды и навсегда порабощен богатством, угнетен им — Он показывает, что возможно и перемениться, возможно перейти как на ту, так и на другую сторону. Итак, высказав общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть беспристрастным судьей слов Его и произнести суд на основании самого дела, Христос как скоро увидел, что слушатель соглашается с Его словами, тотчас открывает Свою мысль: *не можете,* — говорит, — *служить Богу и мамоне* (Мф. 6, 24). Помыслим и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа — сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству и его самовластное владычество предпочитать страху Божиему? (6).

***

Не столько имеют препятствий на пути к спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, — потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего: возбуждая в них беспрестанно новые пожелания, заставляет через то сознавать всю свою нищету (7).

***

Скажи же теперь ты: какое удовольствие получаешь от богатства? Ты скажешь: меня считают

богатым. Но какое удовольствие считаться богатым? Ведь имя богатого составляет предмет зависти; а богатство — одно имя, не имеющее ничего существенного. Но богатый таким мнением о себе услаждается? Услаждается тем, о чем бы надлежало скорбеть. Почему же, ты скажешь, скорбеть? Потому что это делает его ни к чему не годным, малодушным, немужественным в путешествиях и в смерти. Предпочитая богатство всему, он любит более деньги, нежели свет солнечный. Его не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. Но есть такие, ты скажешь, которые наслаждаются имуществом, удовлетворяя прихотям и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромные издержки. Ты указываешь мне на богачей, которые еще хуже тех, так как они-то более всего и не наслаждаются своим богатством. Богач, о котором я говорил, будучи предан одной страсти, по крайней мере, свободен от других пороков; а эти хуже его, потому что, кроме той страсти, порабощаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству и другим видам невоздержания; содержат блудниц, делают великолепные пиры, покупают себе тунеядцев, льстецов, унижаются до противоестественного вожделения и этим причиняют душе и телу бесчисленные болезни. Они тратят свое богатство не на нужное, но на то, что вредит телу, а вместе с ним развращает и душу, и поступают точно так же, как если бы кто, украшая тело свое, думал, что он тратит имущество для своей пользы. Таким образом, только тот один получает удовольствие от своего богатства и бывает господином его, кто пользуется им надлежащим образом... Что за наслаждение там, где стеснение, вражда и возмущение свирепее всякой морской бури? Если богатство достается глупым, то оно делает их еще глупее; если распутному, то распутнее (7).

***

Пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: удовольствия не доставляет никакого, а порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели — беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами и даже хуже рабов: рабами не людей, но

ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и Богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое рабство, диавольское владычество! В особенности пагубно то, что, находясь в столь несчастном положении, мы веселы духом, лобызаем свои оковы и, обитая в темнице, исполненной мрака, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу, и услаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем состоянии, чем те, которые работают в рудниках, потому что подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем и, таким образом, являемся ничем не лучше безумных, и даже гораздо несчастнее всех их — потому что не хотим и расстаться со своим безумием. Ужели для того явился ты на этот свет, человек? Ужели для этого родился человеком, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создал тебя [Господь] по образу Своему, но чтобы ты угождал Ему. Чтобы достиг будущих благ и ликовал с Ангелами. Зачем же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до последней степени бесславия и унижения (8)?

***

Скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры твои? Кони ли, украшенные золотом, и слуги-варвары или евнухи, дорогие одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и вглядись, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая

польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и вследствие внутреннего богатства не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели (11).

***

Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей; пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, — милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение пред Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас. Но зачем же ты вооружаешь своего врага и делаешь его более сильным? Вооружи против него свою десницу, всю красоту собери в свою душу, все богатство свое сложи в уме, пусть небо, а не кивот и дом хранит твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стен и важнее основания дома. К чему нам, забывши о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собою, а часто нельзя удержать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но и там окажемся всех достаточнее? Кто носит в душе и поля, и дома, и золото, тот, куда бы ни явился, приходит со всем этим богатством. Но как, спросишь, это возможно? Возможно с большим удобством. Если ты руками нищих перенесешь это на небо, то все сложишь в свою душу, так что, хотя бы и смерть пришла к тебе, никто не отнимет у тебя этого, но ты и в будущую жизнь переселишься с богатством. Таким сокровищем владела Тавифа, которую прославили не дом, не стены, не камни, не колонны, но прикрытые ею тела вдовиц, пролитые слезы, убежавшая от нее смерть и возвратившаяся жизнь. Станем и мы приготовлять себе такие хранилища, станем и

мы строить себе такие дома. В этом мы будем иметь сотрудником Бога и сами будем Его сотрудниками (11).

***

Богатство — это узы, тяжкие узы для неумеющих пользоваться им, это жестокий бесчеловечный тиран, направляющий все к погибели раболепствующих ему. Но, если мы захотим, то можем низвергнуть с престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться нам, а не повелевать нами. Каким же образом? Если будем разделять свое богатство всем. Доколе оно находится наедине с нами, то, как бы какой разбойник в пустыне, причиняет всякого рода зло; а когда мы выводим его в общество людей, то оно уже не может повелевать нами, потому что тогда все со всех сторон обуздывают его.

Не то я говорю, чтобы иметь богатство было грешно, грех — не разделять его бедным и худо пользоваться им. Бог не сотворил ничего худого, но *все хорошо весьма* (Быт. 1, 31); следовательно, и богатство — добро, но тогда, когда оно не завладевает имеющими его, когда оно избавляет ближних от бедности. Как свет не был бы добром, если бы не прогонял мрака, но еще увеличивал его, так и богатство я не назову добром, если оно не избавляет от бедности, но умножает бедность. Богат тот, кто не нуждается брать у других, но сам помогает другим; а кто старается брать у других, тот не богат, но беден. Таким образом, не богатство есть зло, а бедственное настроение души, обращающее богатство в бедность. Такие люди несчастнее просящих [милостыню] в переулках, слепых и увечных; облекаясь в шелковые и светлые одежды, они презреннее одетых в рубища; выступая гордо на торжище, они беднее скитающихся по перекресткам, входящих во дворы и там вопиющих и просящих помощи. Эти последние прославляют Бога и изрекают слова милости и великого любомудрия; потому мы и оказываем им сострадание, простираем руку [помощи] и никогда не осуждаем. А недобрые богачи изрыгают слова жестокости и бесчеловечия, любостяжания и сатанинских похотей; потому они для всех ненавистны и смешны. Посмотри, что у всех людей считается постыдным — от богатых ли брать или от бедных? Конечно, от бедных. А это и делают богатые, которые никогда не пойдут к более богатым. Бедные же берут от

богатых; нищий не станет просить у нищего, но у того, кто достаточнее его, а богатый требует от бедного. Притом, скажи мне, что почтеннее — брать ли от дающих добровольно и расположенных к тому или требовать и вынуждать нежелающих? Конечно, не вынуждать нежелающих. А богатые поступают напротив. Бедные получают от дающих добровольно и расположенных к тому, богатые же от нежелающих и противящихся, а это и есть доказательство большой бедности [их самих]. Если и на обед никто не решится идти, когда приглашающий не будет иметь расположения к приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого с принуждением? Не потому ли мы отвращаемся и убегаем от лающих псов, что они неотступно нападают на нас? То же делают и богатые. Разве почетнее, когда к потере имущества присоединяется еще страх? Это хуже всего. Потому употребляющий все меры к приобретению имущества не смешнее ли всех? Из страха мы часто и псам бросаем все, что имеем в руках. Притом что постыднее, скажи мне, просить ли одетому в рубище или облеченному в шелковые одежды? Когда какой-нибудь богач держит у себя престарелых бедных, чтобы овладеть их имуществом, тогда как у них еще есть дети, то достоин ли он прощения? Если хотите, обратим внимание на самые слова, какие произносит богач, требуя себе чего-нибудь, и какие — бедные. Что же говорит бедный? Подающий милостыню, говорит он, никогда не оскудеет, потому что подает из Божиего достояния; Бог человеколюбив и воздаст больше. Все это — слова любомудрия, вразумления и совета; они внушают тебе взирать на Владыку и избавляют тебя от страха будущей бедности; вообще много назидательного всякий может заметить в словах нищих. А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезах, о блюдах, о сластях, о винах, о благовониях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие — о процентах и закладах, о составлении заемных писем и уплате несчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного — дома, у другого — поля, у иного — слуги и всего его имущества. Что сказать о духовных завещаниях, писанных не чернилами, а кровью? Представив неизбежную опасность или сделав какие-нибудь

обольстительные обещания тем, у кого видят несколько имущества, они убеждают устранить всех прямых наследников, часто угнетаемых бедностью, и вместо того вписать их самих. Не хуже ли это всякого неистовства и свирепости диких зверей? Потому, увещеваю вас, будем убегать всякого такого богатства, покрытого стыдом и убийствами, а приобретать богатство духовное, искать сокровищ небесных. Кто имеет эти сокровища, тот только богат, тот достаточен, тот владеет всеми здешними и тамошними благами. Кто хочет быть бедным по слову Божию, для того бывают отворены двери всех — потому что человеку, не ищущему никаких стяжаний для Бога, всякий уделит от своего; а кто хочет получить неправедно хотя немногое, для того бывают заключены двери всех (12).

***

Не будем избегать бедности и удивляться богатству, но будем устроять душу свою так, чтобы она была готова ко всему. Кто строит дом, тот заботится не о том, чтобы на него не лился дождь и не падали [солнечные] лучи — это и невозможно, — но чтобы он мог вынести все. И кто строит корабль, тот заботится и старается не о том, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря — это и невозможно, — но чтобы стены корабля были способны вынести все. И кто укрепляет тело, тот также старается не о том, чтобы не было воздушных перемен, но чтобы тело легко переносило все это. Точно так будем поступать и с душой, будем стараться не о том, чтобы избегать бедности или сделаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самих. Не заботясь о них, будем уготовлять душу пригодной и к богатству, и к бедности. Ведь хотя бы и не случилось ничего свойственного людям — что бывает слишком редко, — и в таком случае не ищущий богатства и умеющий легко переносить все гораздо лучше, чем живущий всегда в богатстве. Почему? Во-первых, такой [человек] имеет опору спокойствия внутри себя, а не вне; как воин, полагающийся на крепость тела и воинское искусство, лучше того, который надеется только на силу оружия, так и огражденный добродетелью лучше того, кто надеется на деньги. Во-вторых, богатый, хотя бы и не впал в бедность, не может быть спокойным, потому что богатство причиняет

много бурь и беспокойств. А добродетель, напротив, доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов, богатство же, напротив, делает его доступным и удобопреклонным. Из животных олени и зайцы легче всех могут быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабан, бык и лев не легко попадают в руки охотников; то же можно видеть на богатых и на живущих в добровольной бедности: последний подобен льву и быку, а первый — оленю и зайцу. Кого, в самом деле, не боится богатый? Уж не разбойников ли? Не властителей ли? Не завистников ли? Не клеветников ли? Но что я говорю о разбойниках и клеветниках, когда он с подозрением смотрит на самих домашних? И что я говорю [о том времени], когда он еще жив? Даже и по смерти он не свободен от козней хищников; и самая смерть не может доставить ему безопасности, но и мертвого его грабят злодеи. Так опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же может быть хуже того, если самая смерть не доставляет ему безопасности, но, даже лишившись жизни, несчастное тело его не освобождается от житейских зол, если злодеи восстают даже против пыли и праха — и притом с большей жестокостью, нежели при его жизни? Тогда, входя в кладовую и разламывая сундуки, они, по крайней мере, не касались тела и не брали столько, чтобы обнажить самое тело; а теперь нечистые руки гробокопателей не воздерживаются и от этого, но сдвигают с места [и тело], переворачивают его и посмеиваются над ним с великой жестокостью. Когда оно бывает предано земле, то они, лишив его и покрова земли, и одежд, оставляют его брошенным в таком виде. Кто же враждебнее богатства, которое при жизни губит душу, а по смерти подвергает поруганию тело и не дает ему покоя в земле, чего не лишены даже осужденные и тяжкие преступники? И с преступниками, наказав их смертью, законодатели ничего более не делают; а их богатство и по смерти подвергает жесточайшему наказанию — быть обнаженными и лишенными погребения: ужасное и жалкое зрелище! Подлинно, участь их тяжелее участи тех, которые подвергаются тому же по определению и гневу судей; последние, пробыв непогребенными

один или два дня, предаются земле; а первые, когда бывают преданы земле, тогда именно и обнажаются и подвергаются поруганию. Если воры уходят, не взяв самого гроба, то и этим он обязан не богатству, а бедности; она сохраняет его, так что, если бы мы и гроб покрыли богатством или устроили бы его не из камня, а из золота, то лишились бы и его. Так неверно богатство! Оно не столько принадлежит имеющим его, сколько занимающимся хищничеством. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда как имеющие его не находят безопасности даже в день смерти. С умершим кто не примиряется, хотя бы то был зверь, демон или кто бы ни был? Достаточно одного взгляда на умершего, чтобы тронуться человеку железному и безжалостному; когда кто смотрит на мертвого, хотя бы в нем видел врага и неприятеля, то плачет вместе с ближайшими его друзьями; гнев погасает вместе с жизнью и вместо его является соболезнование; при выносе и погребении никто не различит врага и неврага: так все почитают общую природу и установленные для нее законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушает гнев против имеющих его и делает врагами умершего людей, нисколько не обиженных им, потому что обнажать мертвое тело свойственно жестоким врагам и неприятелям. Природа примиряет с ним тогда и врагов, а богатство вооружает против него и тех, которые не могут ни в чем обвинить его и терзают тело, совершенно уединенное. Многое здесь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться в землю и тление и беспомощно; но ничто подобное не трогает злодеев, преданных преступной страсти. Страсть корыстолюбия, как бы какой жестокий тиран, настоятельно требует от них исполнения своих бесчеловечных повелений и, обращая их в зверей, ведет к гробницам. Нападая на умерших как дикие звери, они не отказались бы и от тел, если бы [телесные] члены могли принести им пользу. Такие-то плоды мы получаем от богатства: по смерти подвергаемся поруганию и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкие преступники! Неужели после этого, скажи мне, мы будем еще любить такого врага? Нет, братии, нет, увещеваю вас, побежим от него, не оглядываясь назад; если

оно и само придет в наши руки, не будем удерживать его у себя, но свяжем его руками бедных; эти узы гораздо лучше могут удержать его; из этих хранилищ оно никогда не убежит, и неверное сделается наконец верным, тихим и кротким чрез подаяние милостыни. Итак, когда оно придет к нам, будем употреблять его на это дело; если же не придет, не будем искать, изнурять себя и считать блаженными имеющих его. Какое это блаженство? Разве назовешь блаженными занимающихся борьбой с дикими зверями за то, что такие борцы, заключив у себя дорогостоящих животных, стерегут их, между тем как сами не смеют приступить и прикоснуться к ним, боятся их и трепещут. Нечто подобное испытывают и богатые, заключив богатство в своих хранилищах, как дикого зверя. и каждый день получая от него тысячи ран, только не так, как от зверей. Звери, когда бывают выпущены, тогда и причиняют вред встречающимся с ними; а богатство, когда бывает заперто и хранимо, тогда и погубляет приобретших и хранящих его. Сделаем же этого дикого зверя кротким. А он будет кроток, когда мы не станем запирать его, но будем передавать его в руки всех нуждающихся (12).

БОГОХУЛЬСТВО

Богохульство не унижает величия Божия и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе. Итак, тебе должно воздыхать и плакать, потому что эта болезнь достойна слез, и человека, зараженного ею, не иначе можно исцелить, как кротостью. Кротость сильнее всякого насилия. Посмотри, с какою кротостью сам Бог как в Ветхом, так и в Новом Завете взывает к оскорбившим Его. Там Он говорит: *Народ Мой! что сделал Я тебе?* (Мих. 6, 3). А здесь: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* (Деян. 9,4). Равно и Павел повелевает наставлять противников с кротостью. И сам Христос, когда приступали к Нему ученики, прося у Него позволения низвести огонь с неба, сделал им сильный упрек говоря: *не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55)! (6)

БОЛЕЗНИ

Что же, скажешь ты, неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы

всякий удар переносить с благодарностью. Бывают болезни и за грехи; так видим в Книгах Царств, что некто страдал болезнью ног именно по этой причине. Случаются болезни и для испытания нашего в добре, как Бог говорит Иову: *ты хочешь обвинить Меня, чтобы оправдать себя*? (Иов 40, 3). Но почему этим расслабленным Христос выставляет на вид их грехи? И тому, о котором упоминает Матфей, Он говорит: *дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2), и этому: *вот, ты выздоровел; не греши больше* (Ин. 5, 14). Знаю, что некоторые говорят в осуждение этого расслабленного, будто он был после в числе обвинителей Иисуса Христа, и потому-то услышал от Него такие слова, но что сказать о том, который, по свидетельству Матфея, услышал почти те же самые слова? И ему сказано: *прощаются тебе грехи твои*; но услышал он это не по той же причине, как можно яснее видеть из последующего. Евангелист говорит, что после исцеления *Иисус встретил его в храме* (Ин. 5, 14), — а это знак великого благочестия: он не ходил на торжище и гульбища, не предавался объедению и беспечности, а проводил время в храме; хотя должен был терпеть там насилие и гонение от всех, но это нисколько не побудило его удалиться от храма. Итак, Христос, встретив его после разговора с иудеями, не сделал никакого намека на что-либо подобное; если бы Он хотел обличить его, то сказал бы ему: ты опять принимаешься за прежнее и после исцеления не сделался лучшим? Но ничего такого Он не сказал, а только предостерегает его на будущее время.

Почему же, исцеляя хромых и увечных, Он не напоминал им об этом? Мне кажется, что болезни у расслабленных происходили от грехов, а у прочих — от естественной немощи. Если же это не так, то через них и то, что сказано им, сказано было и другим. Так как эта болезнь тяжелее всех других, то через большую врачуются и меньшие. Как, исцелив некоего другого, Христос повелел ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а через него и всем другим, так и здесь через расслабленных увещевает и всех прочих и внушает то же, что им сказал. К этому надобно и то сказать, что Он видел в душе расслабленного великое терпение и потому дает ему наставление как человеку, могущему принять увещание, ограждая его здоровье и

благодеянием и страхом будущих зол (8).

***

Будем употреблять все меры, чтобы не отпасть от Бога, и постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к другу; не будем отторгать от себя своих членов — это свойственно беснующимся и умалишенным, — но чем в худшем найдем их положении, тем большую покажем об них заботливость. Ведь мы часто видим людей, одержимых упорными и неисцелимыми телесными недугами, и, однако же, не перестаем прилагать к ним врачевства. Что, например, хуже подагры? Что — хирагры? Но разве мы отсекаем из-за этого члены? Вовсе нет. Напротив, употребляем все меры, чтобы получить хоть какое-нибудь облегчение, если уж нет возможности уврачевать болезнь. Так же будем поступать и со своими братьями: хотя бы они страдали неисцелимыми болезнями, будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы друг друга. Через это мы исполним и закон Христов и достигнем обетованных благ (8).

***

Если ты желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один день подвергаться наказанию, то это нисколько не удивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, — так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать [больное место], бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль, а после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза, а равно и быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге. Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках должно плакать не тогда, когда им ломают ребра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает, если же она не чувствует этого, то тем более должно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страдающих горячкою,

а пьяниц — больше, чем подвергаемых мучению. Но если все это вреднее, то почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жен, домов, рабов, угодий и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия — сообщение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошаками? Однако же мы найдем много таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на то, что сообразное с природою приятнее противоестественного (11).

БРАК

Надо призвать священников и молитвами и благословениями утвердить в сожительстве единомыслие, чтобы тем и любовь жениха усиливалась, и целомудрие невесты укреплялось, чтобы все способствовало к водворению в их доме добродетели, а дьявольские козни уничтожались, и супруги в веселье провели жизнь, соединяемые помощью Божией (1).

***

Видишь ли, с каким благочинием в древности совершались браки? Послушайте вы, пристрастившиеся к сатанинским забавам и с самого начала опозоривающие честность брака: были ли тогда свирели, были ли кимвалы, были ли пляски бесовские? Скажи мне: зачем ты тотчас вводишь в дом такой срам и созываешь лицедеев и плясунов? Чтобы этою безвременною роскошью и целомудрие девицы оскорблять и юношу сделать бесстыднее? И без таких распалений трудно этому возрасту спокойно выдерживать бурю страстей. А когда такие предметы чрез зрение и чрез слух еще более увеличивают костер и еще больший пламень производят в горниле страстей, как не потонуть тогда юношеской душе! Оттого во всем такое повреждение и растление, что при вступлении в сожительство с самого начала подрывается целомудрие; и часто с самого первого дня и юноша, смотря [на девицу] невоздержными очами, уже уязвлен в душе своей сатанинскою стрелою, и девица чрез слух и зрение делается пленницею [страсти]. И с того же

дня раны, более и более увеличиваясь, производят зло. И, во-первых, подрывается единомыслие между супругами и оскудевает их взаимная любовь. Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе и управляемый уже самим диаволом, наполняет свой дом всякою скорбью. А если и жена увлечется подобною же страстью, то все, так сказать, до самого дна перевертывается: скрывая друга от друга, один подозревает жену, другая — мужа; там, где надлежало быть согласию и единению, люди, которые должны быть плоть едина — *будут*, — сказано, — *два одною плотью* (Мф. 19, 5) — доходят до такого разъединения между собою, как будто бы уже совсем разведены были. Привзошедший к ним диавол производит в них такую пагубу, что у них каждый день — война и сражения и никогда нет покоя от бед. А что сказать о презрении к ним со стороны слуг, о посмеянии от соседей, о явном позоре? Как если кормчие враждуют между собою, то и плывущие на корабле подвергаются опасностям, и самый корабль вместе с людьми должен потонуть, так равно и здесь, если муж и жена враждуют между собою, то, естественно, и все домашние бедствуют. Поэтому умоляю вас: предвидя все это, не следуйте принятым обычаям. Знаю, что многие, ссылаясь на эти обычаи, не хотят и слушать наших слов; несмотря на то, мы обязаны сказать, что полезно и что может избавить от будущих наказаний. Где столь великий вред для души, для чего тут указываешь ты мне на обычай? Вот и я предлагаю тебе обычай, гораздо лучший, соблюдавшийся в древности, когда люди еще не имели таких понятий [как ныне] о благочестии. Не подумай, однако же, что я говорю здесь о праведном Иакове — нет, но представь себе, что Лаван, человек еще преданный идолопоклонству, не имевший никакого понятия о благочестии, обнаружил в себе такую мудрость. Такое хорошее дело [свт. Златоуст разумеет здесь благочиние при бракосочетании Иакова с Лиею] принадлежало не тому, кто вступал в брак с девицею, но отцу, выдававшему девицу в замужество. Поэтому я и заговорил об этом, направляя свою речь не столько против женихов, сколько против родителей жениха и невесты. Не безрассудно ли, что мы, пользующиеся столь великим человеколюбием Божиим, удостоенные страшных и неизреченных Та-

инств, в этом отношении хуже Лавана, еще поклонявшегося идолам? Или не слышишь слов Павла, что брак есть Таинство — есть образ той любви, которую Христос показал к Церкви (см. Еф. 5, 32)? Не будем же срамить самих себя, не будем нарушать досточтимости брака. Если что придумано хорошо и полезно, то, хотя бы и обыкновения не было, пусть делается; а если то, что вами делается, вредно и гибельно, хотя и обычай таков, надобно отвергнуть. Ведь если мы это допустим, тогда и вор, и любодей, и всякий другой злодей будет ссылаться на обычай; но от этого не будет ему никакой пользы, ни прощения, а будет тяжкое осуждение за то, что не мог преодолеть худого обычая. Если захотим трезвиться и иметь большую заботливость о своем спасении, то можем отстать и от худого обычая и обратиться к обычаями добрым: таким образом, и потомкам своим мы дадим немалое побуждение подражать нам в этом, да и сами себе за их доброе поведение получим награду. Кто показал начало доброго пути, тот становится виновником и того, что другие делают [по его примеру], и потому получает двойную награду, — и за то, что сам делает, и за то, что других привел к лучшему образу мыслей. Не говорите мне при этом те пустые и смешные слова, будто это есть нечто законное и потому должно быть соблюдаемо. Не это делает союз супружеский законным, а сожитие, сообразное законам Божиим, целомудренное и честное, когда сожительствующие соединены между собою единодушием. Так понимают это и [внешние гражданские] законы; спроси людей, занимающихся изучением их, и они скажут, что супружество составляет не иное что, как близость или приязнь. Не будем же преступать законов Божеских вместе с человеческими и предпочитать им законы бесовские и такой пагубный обычай, потому, что это узаконение того, который всегда радуется нашей погибели. И что может быть нелепее этого обычая, когда муж и жена выслушивают от слуг и ничтожных людей неуместные шутки и разные насмешки и никто не может запретить этого, когда всякому желающему позволяется без страха говорить все до самого вечера, забрасывать шутками жениха и невесту? Если бы в другое время вздумал кто издеваться, поносить, то его — в суд, с него пеня, ему беда; а тогда, когда особенно должно соблюдать благоговение,

особенную благопристойность, скромность, тогда все наполняется бесстыдством, так что можно подумать, что всем этим управляет диавол. Но не огорчайтесь, прошу вас: не без причины я вошел в это рассуждение, а потому, что забочусь о вас, о вашем спасении, о вашем благонравии и желаю, чтобы вы, показав перемену к лучшему, первыми положили начало добрым обычаям (1).

***

Обыкновенно, ничто так не укрощает юного возраста, как венец целомудрия, и то, чтобы вступать в брак чистому от всякого распутства. И жены будут им любезны, когда душа их наперед не узнает блуда и не будет растлена, когда юноша будет знать одну ту женщину, с которой он вступил в брак. Тогда и любовь бывает пламеннее, и расположение искреннее, и дружба надежнее, когда юноши вступают в брак с соблюдением этого [правила]. А то, что делается ныне, не брак, это просто денежная сделка, торговля. Если юноша и прежде брака растлился, и после брака опять будет смотреть на чужую жену, то, скажи мне, что пользы от брака? Тягчайшее наказание, непростительный грех, если, имея дома у себя жену, [муж] оскверняет себя с блудницами и творит прелюбодеяние: после жены, хотя бы с женатым распутствовала и не блудница, его действие есть прелюбодеяние. А это бывает: и после брака бегают к любовницам, потому что прежде брака не соблюдали целомудрия. Отсюда — распри, ругательства, разорение домов и ежедневные ссоры; оттого любовь к жене ослабевает и прекращается, истощаясь в обществе блудниц. А если научится целомудрию, то жену свою будет считать милее всех, станет смотреть на нее с великой любовью и иметь с ней большое согласие, а с миром и согласием войдут в тот дом все блага. Итак, чтобы нам и здешнее устроить хорошо и с этим вместе получить Царство Небесное, будем заботиться и о себе самих, и о детях, особенно по отношению к этой заповеди, чтобы не прийти нам на тот духовный брак в нечистых одеждах, но с большим дерзновением насладиться честью, уготованной там достойным (1).

***

Соломон знал различие между грехами; он, сравнивая воровство с прелюбодеянием, говорит так: *не спускают вору, если он крадет,*

чтобы насытить душу свою, когда он голоден. то же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это (Притч. 6, 30, 32). И то и другое, говорит, есть грех; но один грех меньше, другой больше; тот находит предлог в бедности, а этот не имеет никакого оправдания. И этот, скажешь, вынуждается естественною потребностью? Но не допускает этого данная человеку жена; она лишает его оправдания. Для того и учрежден брак и законное пользование, чтобы муж не мог говорить ничего подобного. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать беснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Потому как кормчий, допустивший кораблекрушение в пристани, не может иметь никакого оправдания, — так и человек, достигший безопасности чрез брак и оскорбляющий чужие браки, или похотливо взирающий на какую-нибудь жену, не может иметь никакого оправдания ни пред людьми, ни пред Богом, хотя бы он тысячу раз ссылался на естественное удовольствие. Впрочем, какое может быть удовольствие там, где — страх, беспокойство, опасность и ожидание столь многих бедствий, где предстоят судилища, следствия, гнев судьи, меч, палач, пропасть и казнь? Такой человек трепещет и боится всего: теней, стен и самых камней, как будто они издают звук; он подозревает и опасается всех — слуг, соседей, друзей, врагов, знающих все и не знающих ничего (4).

***

Какая жена употребила старание на то, чтоб сделать мужа лучшим? Какой муж имел попечение об исправлении жены? Нет ни одного. Напротив, у жены только и заботы, что о золотых украшениях, одежде и других нарядах и также об умножении имущества; а муж занят, кроме этих, еще многими и другими попечениями — и все житейскими. Кто, намереваясь вступить в брак, старался узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас расспрашивает о деньгах, об имении, о том, сколько всякого рода домашних вещей, — все равно, как бы хотел купить что-нибудь или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договор. По этой причине и брак называют этим именем. Слыхал я, как многие говорят: такой-то сделал договор с такою-то, т.е. женился. Так ругаются над дарами Божиими: женятся и выходят

замуж, как будто продают и покупают что-нибудь. А письменные условия по бракам заключаются с гораздо большею осторожностью, чем по делам купли и продажи. Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения, и нравов, и совершенства душевного, а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости (7).

БРАТЬЯ

Он брат твой, имеет одинаковую с тобой природу; вы живете под властью одного Господа, а нередко приобщаетесь одной и той же трапезы, разумею — духовной и страшной, — и ты говоришь: у меня ничего нет с ним общего, и без милосердия бежишь от него прочь, не хочешь подать руки падшему? Иудеям закон повелевал не оставлять без помощи падшего скота, даже принадлежащего врагам их. А ты, видя брата своего, изъязвленного дьяволом и падшего не на землю, а в глубину греха, не извлекаешь его оттуда своими наставлениями, не делаешь ему со своей стороны никаких внушений, не заботишься и других, если возможно, взять с собой на помощь, чтобы избавить из челюстей зверя собственный член твой и возвратить ему принадлежащее достоинство, чтобы и сам ты, когда случится тебе пасть в сети лукавого демона, мог иметь людей, готовых помочь тебе и освободить от рук дьявола. Так, Павел, желая возбудить галатов к попечению о своих членах, говорит: *наблюдая каждый за собой, чтобы не быть искушенным* (Гал. 6, 1). Как бы так говорит он: если ты без сострадания и милосердия будешь проходить мимо брата, то, может быть, когда сам падешь, другой точно так же пройдет мимо тебя. Если же ты не хочешь быть оставленным без внимания, когда бы случилось тебе пасть, то и сам не пренебрегай падшими, но оказывай им всякую любовь, и почитай за величайшее благо возможность спасти брата. Ни в чем не может быть столько добродетели, как в этом деле. Ведь если только ты подумаешь, что тот, кого ты пренебрегаешь и оставляешь без внимания, удостоен от Господа твоего

такой чести, что для него не отрекся Он излить даже кровь Свою, как и Павел говорит: *от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос* (1 Кор. 8, 11), то как после этого не скроешься сам (от стыда) в землю? Если для него Христос излил даже кровь Свою, что же особенного сделаешь ты, когда покажешь к нему свою благосклонность, словесным увещанием восставишь падшего и душу его, потопляемую, а может быть, уже и потонувшую, возведешь из глубины зла, поможешь ей увидеть свет добродетели и не устремляться опять к мраку греховному (1)?

***

И что братья враждуют против братьев также за грехи, о том свидетельствует Книга Судей. Когда некоторые из колена Вениаминова соблудили с наложницей путешественника и она, не перенесши безмерной обиды, умерла, одиннадцать колен начали войну против одного; но так как одиннадцать колен отступили от Бога и прелюбодейно обратились к идолам, то все одиннадцать были побеждены одним коленом — и притом многократно были побеждаемы им одним, между тем как над ним одержали только одну победу, — и братья воевали с братьями, потому что Бог за грехи их разрушал средостение греха (см. Суд. 19 и 20). Когда одно колено соблудило с женщиной, а одиннадцать колен прелюбодейно обращались с идолами, то и те, и другие были истреблены Богом, как написано: *Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя* (Пс. 72, 27). Таким образом, братья воевали с братьями за грехи. Когда братья нападают на тебя, то не столько сетуй на них, сколько смотри на самого себя и тщательно исследуй, за какие грехи братья сделались твоими врагами. Впрочем, не все за грехи терпят нападения от братьев. Так, Иосиф терпел нападения от братьев, но совсем не за грехи (2).

***

Не будем отказываться для братьев наших ни от каких, по-видимому, унизительных и трудных дел. Но хотя бы нам надлежало послужить человеку незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого горы и стремнины — все это мы должны переносить для спасения брата. Бог столько печется о душе, что не пощадил и Сына Своего. Потому умоляю

вас, будем с самого утра, как скоро выйдем из дома своего, стремиться к одной этой цели и прежде всего будем заботиться о том, чтобы избавить от опасности брата. Я говорю здесь не столько об опасности телесной — это почти нельзя и назвать опасностью, — сколько о душевной, которой подвергает людей дьявол. Купец для умножения богатства переплывает море, и художник для увеличения своего имущества делает все. Так и мы должны заботиться не только о своем спасении; иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом жесточайшая из всех войн — время сражения и битвы, — то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, потому что величайшее дерзновение [к Богу] и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от дьявола, что ищем только своего и не укрепляем друг друга, не ограждаем любовью о Боге, но отыскиваем иные случаи для дружества: одни в родстве, другие в товариществе, третьи в знакомстве, иные в соседстве, — и всякие другие узы гораздо более утверждают нас в дружестве, нежели благочестие, тогда как оно одно должно связывать нас узами дружества (7).

***

Не видите ли вы в воинских лагерях, что воины, по заключении мира, сложив с себя оружие, без всякого прикрытия и защиты входят в неприятельский стан? А когда они защищены оружием, везде стражи, дозоры, ночи без сна и постоянно горят костры, то это уже не мир, а война. Это можно наблюдать и среди нас: мы друг друга остерегаемся и опасаемся,

каждый с соседом перешептывается на ухо, а как скоро увидим, что подходит посторонний, замолчим и все на виду прикроем: это свойственно не людям доверчивым, но чрезмерно осторожным. Но, скажешь, мы делаем это не затем, чтобы обидеть, а затем, чтобы не подвергнуться обиде. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьев, мы во избежание обиды нуждаемся в охране, зажигаем так много огней и расставляем стражу и дозоры. А причина этого — частая ложь, частые обманы, общий недостаток любви и непримиримая вражда. Вследствие этого, конечно, и случается видеть, что многие доверяют больше язычникам, нежели христианам. Какого стыда, конечно, заслуживает это, скольких слез, скольких стенаний! Что же мне делать? — говоришь ты, — этот человек груб и несносен. А где твое любомудрие? Где апостольские уставы, повелевающие нам носить бремена друг друга? Если не умеешь обходиться с братом, то как можешь хорошо жить с чужим? Если не умеешь устроиться с собственным своим членом, то как ты можешь привлечь к себе и приспособить постороннего? Но что же я буду делать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, так как, по примеру пророка, испустил бы обильные источники из очей, видя на этом поле тысячи браней, которые ужаснее виденных пророком. Он, видя вторжение варваров, говорил: *скорблю в глубине сердца моего* (Иер. 4, 19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику восстают друг на друга, грызут и терзают члены друг друга, одни из-за денег, другие из-за славы, иные просто без всякой причины смеются и издеваются друг над другом, наносят друг другу тысячи ран, вижу и мертвых, более обезображенных, чем на войне, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, как достойно оплакать такое печальное зрелище. Итак, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной. Даже разбойники, принимая участие в пище, перестают уже быть разбойниками для тех, кого они делают своими сотрапезниками: трапеза переменяет их нравы и делает смиреннее овец тех, которые в другое время лютее зверей. А мы, участвуя в этой трапезе, приобщаясь этого брашна, вооружаемся друг против друга, тогда как следовало бы

делать это против дьявола, враждующего со всеми нами. Потому, конечно, мы с каждым днем становимся слабее, а он сильнее. Мы не вместе друг с другом ополчаемся на него, но вместе с ним восстаем друг на друга и пользуемся им, как вождем, в этих бранях, тогда как всем нам надлежало бы против него одного сражаться; взамен этого мы, оставив его в покое, обращаем стрелы против братьев. Какие стрелы? — спрашиваешь. Стрелы языка и уст. Ведь не только стрелы и копья, но и слова наносят раны, которые даже гораздо болезненнее нанесенных стрелами. Как мы можем прекратить эту борьбу? — спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о брате, ты источаешь из уст своих грязь, если будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляет один из членов Христовых, что поедаешь собственную плоть свою, что Страшный тот и нелицеприятный Суд делаешь для себя еще более строгим, что стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее. Но он обидел в чем-нибудь и сделал зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вследствие погибели обидчика, как и Владыка твой плакал об Иуде не потому, что сам был распинаем, но потому, что Иуда предал Его. Он оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилосердился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобой трапезе. Но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил дьявол.

Итак, не наноси ему ран и ты, не падай с ним и сам: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесением обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потом поднимет вас? Тот, раненный [поднимет]? Но он лежит и не сможет. Или ты, с ним вместе павший? Но как ты, неспособный подать руку помощи самому себе, поможешь другому? Итак, стой мужественно и, держа перед собой щит, своим долготерпением извлеки из битвы своего мертвого брата. Его уязвил гнев? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрелу. Если мы так станем обходиться друг с другом, то скоро все сделаемся здоровыми, а если станем вооружаться друг против друга, то, наконец, не нужно

будет и дьявола для нашей погибели. Всякая война тяжела, особенно же война междоусобная. Но эта борьба тяжелее и междоусобной, насколько важные права христианского общества, а лучше сказать, права и самого нашего родства. Некогда брат убил Авеля и пролил родственную кровь, но это убийство беззаконнее того, насколько важнее наше родство и насколько ужаснее эта смерть. Каин поразил тело, а ты изострил меч против души. Но ты первый потерпел зло? Не терпеть, но причинять зло — вот что значит подвергнуться злу. Смотри же: Каин умертвил, Авель умерщвлен, но кто оказался мертвым? Тот ли, который вопиет по смерти и о котором сказано: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. 4, 10), или тот, который в жизни трепетал и боялся? Конечно, Каин, который жалок более всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обиде, хотя бы [обида] простиралась и до убийства? Пойми, что гораздо хуже делать неправду, хотя бы кто-нибудь дошел и до убийства. Каин поразил и убил брата, но последний увенчан, а первый наказан; Авель был несправедливо истреблен и умерщвлен, но он, умирая, обвинял, одерживал верх и смирял, а оставшийся в живых молчал, покрывался стыдом, побуждался и делал все вопреки своему желанию. Он убил брата, так как видел, что он любим, надеясь лишить его и любви, но лишь увеличил к нему любовь, и Бог по смерти его больше искал его, говоря: *где Авель, брат твой?* (Быт. 4. 9). Ты не потушил любви завистью, но сильнее воспламенил ее; не умалил честь убийством, но увеличил ее. Прежде сам Бог подчинял тебе брата, но, так как ты умертвил его, он по смерти будет твоим судьей: такова у Меня любовь к нему. Итак, кто из них был осужден: наказывающий или наказанный? Тот ли, кто получил от Бога столь великую честь, или тот, кто был предан новому и необыкновенному мучению? Ты не убоялся его живого, говорит [Бог], потому убойся мертвого; ты не трепетал, намереваясь приблизить меч, потому, пролив кровь, ты будешь объят непрестанным страхом; при жизни он был твоим рабом, и ты не терпел его, за то по смерти он сделался грозным для тебя господином (11).

ВДОВА

Если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не рассудила в самой себе и не решила, остаться ли ей во вдовстве или вступить во второй брак, — такой, говорит он [Павел], я внушаю, что лучше оставаться так; если же она не может переносить этого бремени, то пусть вступает в брак; но те, которые уже определили себя, и записались в звание вдовиц, и заключили завет с Богом, уже не властны, говорит, вступать во второй брак. Потому, писав о них в Послании к Тимофею, он говорит так: *молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру* (1 Тим. 5, 11–12). Видишь ли, как здесь он укоряет и наказывает их и признает достойными суда и осуждения за то, что они нарушали завет с Богом и изменяли обету (4)?

***

Вдовая женщина должна быть, по апостолу Павлу, такова: она воспитывает детей, служит нуждам святых, оказывает услуги странным и не предается на волю своих страстей (см. 1 Тим. 5, 10). После смерти мужа своего она, говорит апостол, облечена во вдовью одежду и, предаваясь скорби, пред всеми должна обнаруживать соответственные нравы. Невоздержная же вдовица — дикий зверь; обходя дома, она распространяет неприличные слова: «Я — бедная, беззащитная вдова: много богатств было у меня и в поле, и дома, много было и скота, и одежд, но супруг мой, будучи неопытен в мирских делах, все растратил; мое приданое было очень обильно, но что ни говорила я ему, он не слушал. Конечно, я не могла идти против него и против воли помогала ему в растрате имения; и вот — он оставил меня без всего». Так, кого при жизни обнимала и ласкала, того по смерти отдала на посмеяние друзьям и знакомым.

Такая вдовица после смерти мужа своего озирается туда и сюда и ищет, где бы найти ей тайного любовника, и под предлогом молитвы или заботы о своем доме она многим причиняет соблазн; совершая же беззаконные дела и во чреве зачиная, она старается это скрыть и тысячи способов употребляет, чтобы произвести у себя выкидыш, прибегая к помощи яда или к содействию других развращенных жен. В ее сердце нет страха пред Богом, все видящим, и, совершая грех, она не стыдится, но плода этого греха стыдится и избегает (5).

***

Защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь (Ис. 1, 17–18). В Писании часто говорится таким образом о вдовах и сиротах; а мы о том и не думаем. Между тем, представь, какая награда! *Если будут грехи ваши*, — сказано, — *как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1, 18). Вдовицы беззащитны, а потому [Господь] много о них и заботится. Они, конечно, могли бы вступить и во второй брак, но из страха Божия они переносят скорби вдовства. Подадим же им руку помощи все мы: и мужи, и жены, чтобы и нам самим когда-нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства или, если подвергнемся ей, — иметь полное право ожидать и себе человеколюбия. Немалую имеют силу слезы вдовицы: они могут отверзть самое небо. Не будем же обижать их, не станем увеличивать их несчастия, но будем оказывать им всевозможную помощь. Если будем поступать таким образом, то доставим себе совершенную безопасность и в настоящей жизни, и в будущем веке. Не только здесь, но и там они послужат для нас защитою; за оказанные им благодеяния они избавят нас от большей части наших грехов и дадут нам возможность с дерзновением предстать пред судилищем Христовым (9).

ВЕЛИЧИЕ БОГА

Не исследуй, как и каким способом: величие его [Бога] беспредельно. Потому он [пророк Давид] и сказал: и величию Его нет предела (см. Пс. 144, 3). Как беспредельно Его величие, так беспредельна и мудрость. Потому сказав: *Велик Господь наш*, он и присовокупил: *и разум Его непостижим* (Пс. 146, 5).

И знание Его удивительно, почему пророк и говорит: *дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его* (Пс. 138. 6), и судьбы Его неисследимы, почему он и говорит: *истина Твоя до облаков* (Пс. 35, 6). Итак, если Бог и велик, и силен, и премудр, то не исследуй, как это будет (3).

***

Величие Божие для нечестивых неведомо, а для благочестивых ведомо. Но как от того, что слепые не знают света, слава солнца не уменьшается, так точно и ввиду того, что нечестивые отрицают могущество Бога, не следует умалять в своем представлении Его силу благочестивым, которых Он называет богами, поскольку праведники поставляются богами для нечестивых, почему Бог и говорит, например, Моисею: *Я поставил тебя Богом фараону* (Исх. 7, 1). *В руке Его все концы земли, и вершины гор Его же* (Пс. 94, 4). Назвав Бога великим, пророк [Давид], естественно, говорит о величии — не как оно есть, а как мы в состоянии постичь его из видимых созданий. Псалмопевец говорит в этом случае согласно с пророком Исаией: *Он есть Тот, Который восседает над кругом земли* (Ис. 40, 22), и еще: *взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы?* (Ис. 40, 12). *Ибо Его — море, и Он сотворил его, и сушу руки Его создали* (Пс. 94, 5). Назвав стихии, пророк указал, естественно, и на то, что содержится в стихиях. Поэтому, путешествуем ли мы по морю, возделываем ли землю, — зная, кем они созданы и кому принадлежат, — будем благодарить Бога за то, что Он произвел на нашу пользу такие блага, славословя Его не словами только, но и делами (3).

***

Скажи же мне, человек, чем ты был прежде своего зачатия в утробе матери? Ничем, конечно. Итак, Бог, сотворивший тебя из ничего, не удобнее ли может воссоздать тебя из чего-нибудь? Поверь мне, легче будет обновить уже прежде бывшее Тому, Кто мог сотворить и то, чего не было. Кто повелел тебе в утробе твоей матери произрасти из капли безобразной жидкости и облечься нервами, жилами и костями, Тот, поверь мне, в состоянии будет родить тебя снова из утробы земной. Но ты боишься, что иссохшие твои кости не смогут облечься прежнею плотию? Не суди, не суди о величии Божием

по собственной своей немощи. Бог, Творец всех вещей, одевающий деревья листьями и луга цветами, может немедленно облечь и твои кости в определенное время весны при воскресении. Сомневался в этом самом некогда и пророк Иезекииль и на вопрос Господа, оживут ли сухие кости, которые представились ему рассеянными по полю, отвечал: *Господи Боже! Ты знаешь это* (Иез. 37, 3). Но когда он увидел, как кости по Божию повелению и его собственному пророчеству пошли к своим местам и суставам, когда увидел, что сухие кости стали облекаться нервами, связываться жилами, покрываться плотью, одеваться кожею, то после этого изрек пророчество о духе, и пришедший дух каждого вошел в лежащие на земле тела; они воскресли и тотчас встали. Убежденный таким образом в воскресении, пророк описал это видение, чтобы познание о таком предмете дошло до потомков. Поэтому справедливо взывает Исаия: *оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис. 26, 19). Подлинно, как семена, увлаженные росою, прозябают и возрастают, так возрастут и кости верующих от росы Духа (5).

ВЕРА

Будем же держаться благочестия, будем соблюдать веру непоколебимою. Верьте истине и не противоречьте истине. Не искажай веры, не исследуй Божественного естества, не подвергай смертным суждениям бессмертного достоинства. Опасен путь умствований; безопасно и твердо разумение исповедания веры. Истинная мудрость есть вера. Послушай, что говорит Божественное слово: *да хотя бы кто и совершен был между сынами человеческими, без Твоей премудрости он будет признан за ничто* (Прем. 9, 6). Избегай исследований и не предпочитай слов вере. Имей своим учителем Павла, признавай своим руководителем Петра, подражай вере их. Послушай Петра, который говорит: *Ты — Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 16). Последуй Павлу, который ясно прославляет Сына Божия и в одном месте говорит, что *Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в*

Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте (Евр. 1, 1–3); а опять в другом месте, говоря об иудеях, проповедует: *их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь* (Рим. 9, 5) (5).

***

Когда земной царь пригласит кого-нибудь в свой дворец или на пиршество, то, как ты думаешь, приглашенный не поспешит ли с благодарностью? Гораздо с большим усердием должно стремиться к Небесному Царю, Который сделает тех, кого примет, не только участниками пиршества, но даже и общниками царствования, как написано: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11–12). И не то я говорю, чтобы иной наложил на себя руки или умертвил сам себя вопреки воле Творца Бога, или изгнал душу из временного ее жилища — своего тела, но хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовут туда его самого или ближнего, с радостью и веселием и сам шел, и других идущих приветствовал. В том и состоит сущность христианской веры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надеяться на возвращение после исхода (5).

***

Великое благо — вера, великое благо и виновница многих благ, так что люди во имя Божие могут совершать дела Божии. *Если вы будете иметь веру,* — говорит [Христос], — *скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20); и опять: *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12). Какие же, скажешь, дела большие? Дела, совершенные учениками впоследствии, когда даже тень Петра воскресила мертвого. Через это еще более проповедовалась и сила Христова. В самом деле, не столько удивительно то, что Он при жизни своей чудодействовал, сколько то, что по смерти Его другие могли Его именем совершать большие чудеса: это служило несомненным доказательством Его воскресения. Если бы даже Он всем явился — и это не возбудило бы такой веры, потому

что видевшие могли бы еще сказать, что это был призрак. Но кто видит, что одним именем Его совершаются знамения гораздо большие, нежели какие Он сам творил, обращаясь с людьми, тот не может не уверовать, если только он не крайне бесчувствен. Итак, великое благо — вера, когда она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души. Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, любомудрствует о вещах небесных — даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает. Будем же держаться веры и не станем вверять наших дел умствованиям. Отчего, в самом деле, скажи мне, язычники не могли ничего обрести? Не знали ли они всей внешней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцев и неученых? Не потому ли, что они все предоставляли своим умствованиям, а эти последние — вере? Так, по этой причине последние превзошли Платона, Пифагора и всех вообще людей заблуждавшихся, победили сведущих в астрологии и математике, геометрии и арифметике и изучивших всякую науку и сделались настолько лучше их, насколько истинные и действительные мудрецы лучше людей от природы глупых и безумных. В самом деле, смотри: эти сказали, что душа бессмертна, или, лучше, не только сказали, но и убедили в этом; а те первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее от тела, опять стали страдать тем же незнанием. Так, одни говорили, что она бестелесна; другие — что она есть тело и вместе с телом разрушается. Равным образом о небе те говорили, что оно одушевлено и есть Бог, а рыбари и научили, и убедили, что оно есть творение и произведение Божие. Впрочем, в том нет ничего удивительного, что язычники руководились умствованиями, но вот что достойно слез — что люди, представляющие себя верующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали в заблуждения. Так, одни из них говорили, что знают Бога так, как Он знает Сам Себя, чего не смел сказать даже никто из язычников. Другие говорили, что Бог не может рождать бесстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества пред людьми. Иные же утверждают, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведение не приносят никакой пользы.... А что

правая вера при порочной жизни не приносит никакой пользы, это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Так, Христос учит: *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное* (Мф. 7, 21); и далее: *многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22–23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя имеют правую веру (8).

***

Никогда не будем испытывать Бога относительно причины событий, но без исследования и излишней пытливости станем принимать все, что бы Он ни повелел, хотя бы Его повеление и казалось несообразным с точки зрения человеческих размышлений. Скажи мне, в самом деле, что может представляться более несообразным, как то, чтобы сам отец умертвил единственного и возлюбленного своего сына? Однако же, праведник, получив такое приказание, не стал рассуждать об этом, а принял повеление только по достоинству приказавшего и повиновался. Но другой, получив от Бога повеление бить пророка и считая его несообразным, задумался над этим делом, а не просто послушался, и за это был наказан смертно, а бивший угодил Богу (см. 3 Цар. 20, 35). И Саул, против воли Божьей спасший жизнь людям, был низложен с престола и подвергся жестокому наказанию. Можно найти и многие другие примеры, которые все научают нас никогда не изведывать причины повелений Божиих, а только не противиться и повиноваться им. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Бог повелел, и если испытующих ожидает крайнее наказание, то какое оправдание некогда будут иметь те, которые судят о предметах более непостижимых и страшных, например: каким образом Отец родил Сына? Какова Его сущность? Итак, зная это, со всем благоволением примем матерь всех благ — веру, чтобы нам, как плывущим в спокойной гавани, соблюсти правильное учение (11).

***

Кто, видя небеса отверстые, Христа грядущего на облаках и

все воинство горних сил вокруг Него, текущие реки огненные и всех предстоящих Ему с трепетом, не поклонится Ему и не признает Его Богом? Но, скажи мне, заменит ли это поклонение и признание для язычника веру? Нет. Почему? Потому, что это — не вера, это — следствие необходимости величественного зрелища; не собственное решение, но величие созерцаемого увлекает в этом случае душу. Следовательно, чем яснее и разительнее знамения, тем менее бывает вера, потому знамения теперь и не совершаются. Чтобы убедиться в истине этого, послушай, что говорит Христос Фоме: *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Следовательно, чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры. То же самое было бы, если бы и теперь совершались знамения. Что тогда [по пришествии Христовом] мы уже не будем познавать Его верою, это объяснил Павел в словах: *ибо мы ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7). Как тогда вера не вменится тебе по причине очевидности предмета, так и теперь она не вменялась бы, если бы совершались такие же знамения, какие были прежде. Ведь вера бывает тогда, когда принимаем то, чего никаким образом, никакими рассуждениями невозможно постигнуть. Так, Бог угрожает геенной, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы то же (12).

ВЕСЕЛЬЕ

Если тот, кто надеется получить наследство или достигнуть высокой власти, не только во время получения, но еще прежде действительного получения оживляется надеждою и во все это время приходит в восторг от ожидания, то представь, в каком состоянии должен быть тот, кто ожидает Царства вечного и бессмертного и благ таких, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Поэтому он и говорит: *Ты исполнил сердце мое весельем* (Пс. 4, 8). Это было действие величайшего Промышления Божия, что Он еще тогда приготовил и сообщал такое благо. Если же люди более грубые, плотские и привязанные к земле не внемлют этому, то уже не от Обещавшего, а от их невежества происходит недовольство и смущение. И не сказал просто: *Ты исполнил весельем*, но: *сердце мое*, выражая, что веселье его происходило не от внешних предметов, не от рабов, не от

золота и серебра, не от одежд, не от роскошного стола, не от величия власти, не от великолепия жилища. Это — веселье не сердца, но одних только глаз. Многие из приобретших эти блага даже считают жизнь не в жизнь, носят в душе своей пещь огорчений, истощаясь от множества забот и терзаясь непрестанным страхом. А мое, говорит он, веселье не в этом, а в разумном сердце, бестелесной душе, помышляющей о бестелесном. Если радуют тебя блага настоящие, то и из них уразумей Промышление Божие; но тем более научайся из благ будущих, чем они превосходнее, постояннее и неизменнее. Если то, что ты пользуешься богатством и благополучием, убеждает тебя в существовании Промысла Божия, то тем более богатство небесное пусть приводит тебя к такому убеждению. А если ты скажешь: почему те блага только в надежде и неизвестны? — то я скажу, что мы, верующие, считаем эти ожидаемые блага более известными, нежели блага видимые: таково убеждение веры. Если же ты еще скажешь: почему мы не получаем воздаяния здесь? — то я скажу, что здесь время трудов и подвигов, а там — венцов и наград. И это было делом Промышления Божия, что труды и подвиги определены для настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, а награды и венцы отложены до жизни бессмертной и нестареющей (2).

ВЛАСТЬ

Как же Павел говорит, что *нет власти не от Бога* (Рим. 13, 1)? Это значит, что Бог поставил ее для нашей пользы. Грех сделал нужною власть, а Бог употребил ее в нашу пользу. Как лекарства нужны бывают для ран, употребление же лекарств зависит от мудрости врачей, так и потребность рабства вызвана грехом, надлежащее же удовлетворение ее — дело премудрости Божией (1).

***

Хочу сказать вам еще о другом виде власти, который имеет свое основание не в грехе, а в самой природе. Какой же это род власти? Власть родителей над детьми. Эта честь есть награда за болезни рождения. Поэтому и премудрый говорит: *Как владыкам, послужит родившим его* (Сир. 3, 7); затем приводит и причину: *Что можешь ты воздать им, как они тебе?* (Сир. 7, 30). Что же, однако, есть такого, чего бы сын не мог

воздать отцу? Ни о чем ином говорит, как о следующем: как они родили тебя, ты не можешь родить их. Поэтому, если в этом мы ниже их, то превзойдем в другом отношении посредством уважения к ним, не только по закону природы, но преимущественно пред природою, по [чувству] страха Божия. Воля Божия решительно требует, чтобы родители были почитаемы детьми, и исполняющих это награждает великими благами и дарами, а нарушающих этот закон наказывает великими и тяжкими несчастиями. *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). А почитающим их говорит следующее: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Что считается величайшим благом, т.е. счастливая старость и долгая жизнь, это [Бог] назначил в награду почитающим их, а что кажется крайним несчастьем, то есть ранняя смерть, это он назначил в наказание оскорбляющим их. Одних Он привлекает к любви заповедью о почитании (родителей), а других, хотя бы они и не хотели, отклоняет от оскорбления страхом наказания (1).

***

Будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью, как следует. Тот, кто лишен власти, волею и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошею и красивою девицею, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ — не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому,

указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю — приостановиться или отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливыми, подлыми, льстецами и лицемерами. Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное об Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна, и царство, когда он поглощен этой страстью (6).

ВОЗДАЯНИЕ

Мы не должны думать, что то же будет и в грядущем веке, то есть, что добродетельные люди, имеющие дерзновение перед Богом, в состоянии будут освободить от будущих наказаний близких к ним людей, которые живут здесь в беспечности. Поэтому-то Писание и приводит в пример праведников с целью навести на нас страх и научить нас полагать надежду спасения после благодати свыше, в собственных добрых делах, но не рассчитывать на добродетели предков или на что-либо другое, если сами остаемся во зле. Если имеем предков добродетельных, то надо стараться о том, чтобы подражать их добродетелям. А если бы случилось противное и мы происходили бы от порочных предков, то не опасаться от того для себя самих какого-либо вреда, а только самим надобно упражняться в подвигах добродетели — тогда и не будет нам от того никакого вреда. Каждый или увенчивается, или осуждается, смотря по тому, что сам

сделал, как и блаженный Павел говорит: *каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10), и опять: *Который воздаст каждому по делам его* (Рим. 2, 6). Зная все это и оставив всякую беспечность, посвятим все свои силы добродетели, пока еще находимся на поприще, пока еще не кончилось зрелище; позаботимся о нашем спасении, чтобы, совершив подвиг добродетели в это краткое время, получить на то награду в бесконечном веке (1).

***

Убеждаю вас, с душевною щедростью отдадим нуждающимся то, что есть, что даровал нам Господь, то самое, что Он нам дал, отдадим Ему обратно, чтобы таким образом снова получить свое с большим приращением. Он так щедродателен, что, принимая от нас Свои же дары, не считает, что получает Свою собственность, но обещает возвратить нам их еще с большею щедростью, если только мы захотим проявить свою готовность и будем так раздавать свое добро бедным, как бы передавали его Самому Богу, зная, что десница Божия возвратит нам не только полученное от нас, но дарует еще в большей мере, — так как она всегда и во всем являет свою щедрость. И что я говорю: воздаст снова еще в большей мере! Рука та воздает не только это, но вместе с этим дарует и Царство Небесное, прославляет, увенчивает, дает бесчисленные блага, если мы пожертвуем хотя нечто немногое из того, что дано нам ею. Да и тяжкого ли или обременительного чего-нибудь требует от нас Господь? Он хочет, чтобы мы избыток сверх необходимого сделали для себя пригодным, чтобы мы сами хорошо распределили то, что понапрасну и без нужды лежит в наших кладовых, дабы это послужило поводом для Него к дарованию нам светлого венца. Он поспешает Сам и понуждает нас, и все делает и направляет к тому, чтобы удостоить нас обещанных Им самим благ (1).

***

Если мы кротко и терпеливо будем переносить обиды от кого бы то ни было, то тем более великой и щедрой помощи удостоимся свыше. Поэтому не будем противоборствовать старающимся вредить нам, а будем великодушно переносить, зная, что Господь всяческих не презрит нас, если только мы со своей стороны окажем благомыслие: *Мне*, — говорит

Он, — *отмщение: Я воздам, говорит Господь* (Рим.12, 19) (1).

***

Да слышат нынешние люди, какие преимущества в древности давались служителям идолов, и да научатся хотя такую же честь оказывать тем, кому вверено служение Богу всяческих. Если древние, заблуждаясь и совершая служение идолам, думали, что они воздают особенное почтение идолам, когда такой чести удостаивают служителей их, то какого осуждения заслуживают те, которые ныне не имеют попечения о служителях Божиих? Разве не знаете, что эта честь переходит к Господу всяческих? Итак, не смотри на того, кто принимает честь. Не ради его самого ты должен делать то, что требуется от тебя, но ради Того, Кому он служит, — чтобы ты мог получить от Него щедрое воздаяние. Поэтому-то и сказал Господь: сделавший одному из сих — для Меня сделал, и: *кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка* (Мф. 10, 41). Разве Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния соразмерно с достоинством или слабостью служителей Своих? Он награждает тебя или осуждает сообразно с твоим расположением. И как честь, воздаваемая через них, подает нам великое дерзновение (потому что Он усваивает Себе то, что делается для Его служителей), так и презрение их низведет свыше великое наказание. Господь усваивает Себе как воздаваемую [т.е., Его служителям] честь, так и презрение. Зная это, никогда не будем пренебрегать попечением об иереях Божиих. Говорю это я, не столько о них заботясь, сколько о вашей любви, желая, чтобы вы через все приобретали себе благо. Даешь ли ты столько, сколько получаешь от Господа? Какое ты служение оказываешь? Однако и за это незначительное и ограничивающееся настоящей жизнью служение ты можешь получить нетленные награды и неизреченные блага. Размышляя об этом, будем внимательны к этим служениям, рассчитывая не издержки, но те пользу и прибыль, какие можем через это приобрести. Если мы, видя когонибудь близкого к человеку, облеченному мирским величием, стараемся оказывать ему всевозможные услуги, зная, что честь, воздаваемая ему, переходит к его покровителю, и что он, сделавши это известным своему покровителю, может, таким образом, еще более расположить его в вашу

пользу, то тем более так будет у Господа всяческих. Если кто окажет какое-либо человеколюбие и сострадание прохожему человеку или поверженному на распутье, то Господь, усваивая Себе это, обещает ввести сделавших им что-либо доброе в Царство Небесное и изречь: *придите, благословенные Отца Моего, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть* (Мф. 25, 34–35). Тем более тот, кто оказывает свои услуги подвизающимся ради Господа и облеченным священным саном, получит не только такое же воздаяние, но и гораздо большее, так как человеколюбивый Господь всегда с большим избытком вознаграждает за сделанное нами. Итак, не будем хуже неверных, которые, еще находясь в заблуждении относительно идолов, оказывали такое попечение об их служителях. Но сколь великое различие находится между заблуждением и истиной, между служителями идолов и служителями Божиими, такое же различие покажем и в самом почтении, дабы получить свыше тем большее воздаяние. *И жил Израиль в земле Египетской, и плодились, и весьма умножились* (Быт. 47, 27). Таково было обетование Божие Иакову: *там произведу от тебя народ великий.* И *жил Иаков в земле Египетской семнадцать лет; и было дней Иакова, годов жизни его, сто сорок семь лет* (Быт. 47, 28). Бог определил столько времени для жизни Иакова, чтобы он оставил эту жизнь, получив достаточное утешение за те бедствия, которые претерпевал во все продолжение жизни. (1).

***

Уделяйте от имения своего нуждающимся и таким образом умножайте свое богатство, потому что *благотворящий бедному дает взаймы Господу*, говорит [Премудрый] (Притч. 19, 17). Если же ты не хочешь терпеть и ожидать времени воздаяния, то вспомни о тех, которые дают взаймы деньги людям. Они не тотчас берут проценты, но стараются как можно долее держать капитал в руках должника, только бы верно было возвращение и надежен взявший взаймы. Пусть будет то же и здесь: оставь свое в руках Божиих, чтобы Он воздал тебе многократную награду. Не старайся получить все здесь; если ты все получишь здесь, то какое воздаяние получишь там? Потому и Бог соблюдает награды там, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Он подает и здесь: *ищите*, — говорит, — *Царства*

Божия, и это все приложится вам (Мф. 6, 33): но мы будем взирать туда и не будем спешить получать воздаяние за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамошние проценты не таковы, как здесь, но какие свойственно получать от Бога (12).

***

Бог потому и заповедал нам призывать на вечери и пиршества хромых, увечных и не имеющих возможности воздать нам со своей стороны (см. Лк. 14, 13), что такие благодеяния преимущественно и в собственном смысле совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человека великого и знатного, то твое пожертвование не есть чистая милостыня, но часто примешиваются к тому и тщеславие, надежда получить что-нибудь и прославиться чрез него пред другими. Я мог бы указать на многих, которые для того благодетельствуют известнейшим из святых, чтобы чрез них получить большую доверенность в глазах начальников и чрез то привести в лучшее состояние свои обстоятельства и семейные дела, и даже испрашивают себе у святых многих подобных милостей, что и уменьшает цену их благодеяний, совершаемых с такой целью. Но для чего говорить о святых? Вообще, кто ищет от Бога воздаяний за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, тот гораздо более достоин воздаяния, подобно Лазарю, который получил все блага там, подобно трем отрокам, которые, готовясь быть вверженными в пещь, говорили: *Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся* (Дан. 3, 17–18), — подобно Аврааму, который возвел на гору сына своего и хотел заклать его, делая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшей и единственной для себя наградой повиноваться Владыке. Будем и мы подражать им. Если мы станем делать все с таким расположением, то получим в воздаяние изобильные блага и удостоимся блистательных венцов (12).

***

Не удивляйся, когда видишь, что праведный муж, совершаю-

щий великие подвиги, терпит множество бедствий; надлежало бы дивиться противному, т.е. если бы диавол, будучи часто поражаем, оставался в покое и кротко переносил [наносимые ему] раны. Неудивительно, если змий, получая непрестанные удары, свирепеет и бросается на ударяющего. А диавол, пресмыкаясь, свирепствует против всех злее всякого змия и нападает, выставив жало, подобно скорпиону. Это не должно смущать нас; возвращающемуся с войны после сражения и победы необходимо быть в крови, а нередко и иметь раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел и таким образом сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается. Великое [дело] быть милосердным и добродетельным тогда, как обстоятельства благоприятны; но гораздо важнее не отступать от доброй деятельности и во время бедствий. В последнем случае человек действует собственно для Бога. Итак, возлюбленные, будем ли мы находиться в опасности или терпеть что-нибудь прискорбное, станем тем с большим усердием совершать подвиги добродетели, потому что еще не время воздаяния. Не будем искать венцов здесь, чтобы во время [раздаяния] венцов нам не уменьшить своей награды. Как у художников работающие на собственном иждивении получают большую плату, а проживающие на счет нанявшего их получают плату гораздо меньшую, так и из святых, кто совершает много добра и терпит много зла, тот получает полную награду и гораздо большее воздаяние — не только за добро, которое он сделал, но и за зло, которое он претерпел; а кто наслаждается здесь, живя в удовольствиях и роскоши, тот получает там не столь светлые венцы. Потому не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения (12).

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Прекрасное, конечно, дело одобрять и хвалить воздержание, но обладать им — еще прекраснее. И, без сомнения, немало побуждаются к воздержанию те, кто много говорит о нем и слушает. По этой-то причине Богу и было благоугодно прославление добродетелей святых мужей в Священном Писании, чтобы все люди склонялись к подражанию им и чтобы, тщательно идя по их стопам, они вели воздержную жизнь. Если во время состязаний в гимнастических училищах многие при виде увенчанных атлетов воспламеняются, раздеваются и переносят много усиленных и напряженных трудов, чтобы заслужить венки из ветвей маслины или лавра, то с какою, следовательно, стремительностью мы должны напряженно заботиться о воздержании при виде других, уже увенчанных от Бога, — чтобы и нам заслужить добрыми спасительными делами это украшение — небесные венцы. Как же не тягостно и как же не заслуживает великого гнева то обстоятельство, что атлетов приманивают лист лавра или оливы и слава этой преходящей жизни, а нас нимало не побуждают дары Христовы к тому, чтобы оставить всякую похоть и вожделениям предпочитать страх Божий? Далее, не одни только люди, видим мы, подражают себе подобным, но также и неразумные существа. Часто голубки при виде отлетающей одной из них тотчас следуют за нею все, и благородный жеребенок, резвящийся в конском табуне, увлекает за собою весь табун. И между вами, как бы в стаде Христовом, находится прекрасная молодая отрасль — воздержаннейший Иосиф, своею небесною резвостью призывающий нас — сорабов — к подражанию ему. Итак, воспляшем вместе с прекрасным юношей духовный танец, восхваляя его воздержание не одними только словами, но и чрез подражание его делам. Он был рачительным и постоянным стражем воздержания, хотя мог отдавать повеления самой царице и в пышности и роскоши проводить богатую и полную удовольствий жизнь. Хотя мог быть господином таких и столь великих благ, однако, обсудив, что богатство, могущество и слава проходят вместе с настоящей жизнью и что выгода от них — только временная, а что нет никакого конца у одной только добродетели, он поэтому набросил на удовольствия как бы

некоторую узду — страх Христов. Богатство же, пышность и обещание своей госпожи он осмеял, считая страдания в темнице более приятными, чем жизнь в прекрасных чертогах, — хотя для тех, кто отменно благообразен телом, властвовать над удовольствием и трудно. Он же представил такой образец воздержания, что красотою своей души затемнил красоту своего тела, что ввиду благообразия его тела он должен быть уподоблен некоторой прекрасной звезде, а ввиду прелести его души должен быть уподоблен Ангелам. Нам же надлежит удивляться не только воздержанию юноши, но и тем опасностям, каким он из-за того подвергался, считая дело служения удовольствиям более тяжким и более страшным, чем какова даже смерть. Ему будет удивляться тот, кто тщательно исследует его добродетель и кто взвесит то, в какие времена он сохранил чистою свою душу. Он сохранил свободу ума прежде явления на землю Господа и Творца вселенной. Он воспитывался в доме нечестивых; многие склоняли его к очень дурным делам, у него не было учителя воздержания. Все были рабами удовольствия — потворствовали своему чреву, не делали ничего благочестивого, ничего святого; однако, живя среди столь многих и таковых нечестивцев, когда увидел возлежавшую — невоздержную свою госпожу, то не оказался предателем небесных сокровищ, но сохранил храм Святого Духа неопустошенным, предпочитая умереть, чем служить удовольствиям. Он еще не слышал слов Павла, что тела наши *суть члены Христовы* (1 Кор. 6, 15); но прежде чем услышал божественный голос, он, уча нас в церквах, как нам надлежит бороться и сохранять неповрежденною душу, явил себя не уступающим по своему значению тем, кто были почтены небесными обещаниями. Если я, — может сказать Иосиф, — живший до Рождества Христова и не слышавший возвышенного апостола Павла, восклицавшего, что наши тела — *суть члены Христовы,* думал, что Божиим рабам приличествует повелевать удовольствием, и не оказался расточителем воздержания, хотя пред моими глазами было приготовлено много опасностей, то в какой степени надлежит вам жить в воздержании со страхом и трепетом, чтобы не оказаться недостойными почести и чтобы *члены Христовы* не сделались членами блудодейцы! Это слово может оградить

воздержанием всякую душу; это слово легко тушит и пылающие вожделения. Падающий в огонь дождь так легко не подавляет пламени, как заставляет увядать дурные вожделения, допущенные в душу. Такие же речи нам может говорить и великий Иов, который не только был тщательным блюстителем воздержания, но даже положил для своих глаз закон, по которому они не должны были смотреть на лицо девицы, из боязни, чтобы сверкающая красота как-нибудь не обольстила его ума (см. Иов 31, 1). Кто не удивился бы и не пришел бы в изумление при виде того, что этот муж, поистине храбро боровшийся с диаволом и разрушавший все хитрые замыслы лукавого, бежит от лица молодой женщины и отводит глаза от созерцания красивой девицы? Видя приступающего диавола, он не убежал, но, полагаясь на свои силы, остался на месте, как лев; при виде же девицы он не остановился и не мешкал, чтобы рассмотреть ее красоту, но немедленно ушел. Без сомнения, он думал, что в борьбе с демонами нужен мужественный и отважный дух, а в деле заботы о воздержании победа уступается не вследствие общения человека с девицами, но вследствие удаления от них. Итак, кто дает обещание девства, тот получит советы от воздержнейшего из всех людей, который и сам еще до воплощения Христа был столь рачительным блюстителем воздержания. Не следует с пренебрежением слушать о том, что и до воплощения Христа являлись праведники, представлявшие такой образец воздержания. Ведь тогда не было налицо того, что с такою силою побуждало бы к этой добродетели и даже девам не вменялось в преступление их нерадение о сохранении воздержания. Как же это так? Да ведь по этой причине высочайший Бог, Творец вселенной, и принял наш образ, чтобы свести с неба целомудрие Ангелов. Итак, если и после такой чести люди предаются чувственным удовольствиям, то невозможно и выразить величины их безрассудства, в силу которого, делая члены Христовы членами блудницы, они ослабляют проявление милосердия Божия к ним и, насколько от них зависит, делают его бесполезным для них. Демоны слушают и страшатся, так как Бог не допускает им соединяться с Собою, а нас соединяет с Собою. И после этого некоторые из верных дерзают разрывать связь со Христом и соединяться с блудницами? Не столь велико

зло упасть с неба в грязь, сколь велико зло, сделавшись членом Христовым, лишиться божественной почести и стать членом блудодейцы. Поэтому, когда порочное вожделение воспламеняет душу, тотчас вспоминай о Христе, помышляй о том, что пред тобою стоит Павел, увещевающий тебя, и говорит: *разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы?* (1 Кор. 6, 15). Если ты приведешь себе на память эти слова, то сейчас же увидишь, как убежит от тебя похоть. Если целомудренная и благонравная госпожа одним своим видом тотчас делает целомудренными своих служанок, преданных постыдной страсти, то что удивительного, если воспоминание о Христе немедленно умерщвляет беспокоющую тебя похоть? Всегда имей пред своими глазами крест блистающий, и ты за это время уйдешь чистым от грехов. Как облачный столп — образ нашего креста — покрывал народ еврейский, чтобы он не потерпел какого-либо зла от египтян (см. Исх. 13, 21), так и крест пред нашими глазами, созерцаемый нами, тотчас отгоняет всякую злую похоть. Ведь он — спасение нашей души и спасительное противоядие от гнусных вожделений. В самом деле, немощи тела исцеляются искусством врачей, а больную душу немедленно излечивают Христовы изречения. Поэтому и тех людей, которые согрешили и еще служат удовольствиям плоти, просим и умоляем пробудиться и образумиться, чтобы им не оказаться совсем во власти страстей, не быть унесенными их натиском и добровольно не подпасть горькому рабству, но чтобы противостать в воинском строю, укрепить свой ум страхом Христовым и выгнать из крепости жестокую владычицу, так чтобы по удалении всякого порока и множества грехов мы могли со святою и чистою душою приступить к божественным и страшным Таинствам великого Бога и Спасителя Иисуса Христа (5).

***

Жена не должна, говорит [апостол Павел], воздерживаться против воли мужа, и муж [не должен воздерживаться] против воли жены. Почему? Потому, что от такого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство. Ведь если иные, имея своих жен, предаются прелюбодеянию, то тем

более [будут предаваться ему], когда лишены будут этого утешения. Хорошо сказал: не лишайте себя; то, что здесь назвал лишением, выше назвал долгом, чтобы показать, как велика их взаимная зависимость: воздерживаться одному против воли другого значит лишать, а по воле — нет. Так, если ты возьмешь у меня что-нибудь с моего согласия, это не будет для меня лишением; лишает тот, кто берет против воли и насильно. Это делают многие жены, совершая большой грех против справедливости и тем подавая мужьям повод к распутству и все приводя в расстройство. Всему должно предпочитать единодушие, оно всего важнее. Если хочешь, докажем это опытом. Пусть будет жена и муж и пусть жена воздерживается, тогда как муж этого не хочет. Что произойдет? Не станет ли он тогда предаваться прелюбодеянию или, если не станет прелюбодействовать, не будет ли скорбеть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять жене множество неприятностей? Какая польза от поста и воздержания, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдет отсюда огорчений, сколько хлопот, сколько раздоров (12)!

ВОЛЯ

Все зависит от твоей воли. Так, к чему во всей природе служат снег, огонь и буря, к тому же в теле служат мокрота, кровь и желчь. Поэтому нужно умерять их с величайшим благоразумием, чтобы получить от них какуюнибудь пользу, а не вред. Но что я говорю о теле, когда и душа имеет такие принадлежности, которые делаются болезнями, если допустишь их дойти до неумеренности, а когда умеряются, то служат в пользу? Так гнев, если будешь пользоваться им, как должно, служит спасительным врачеством, а если неумеренно, то бывает причиною погибели. И похоть, управляемая с умеренностью, делает тебя отцом, так как она бывает полезною для рождения детей; а если не умеряется, то часто ввергает тебя в блуд и прелюбодеяние. Итак, не слагай вины на посторонние предметы, но всегда обвиняй свою волю. Если ты будешь оставлять ее в пренебрежении, то потерпишь вред и от себя самого, погибнешь и от собственного тела; а если будешь благоустроять ее, то не испытаешь ничего худого и неприятного ни от бесов, ни от диавола, а не только от зверей (3).

***

От невежества душа делается робкою и боязливою, точно так же, как от знания небесных догматов — великою и возвышенною. Лишенная всякого попечения, она бывает как-то робка — не по естеству, а по свободному произволению. Когда я вижу, что человек мужественный, бывший некогда смелым, становится робким, я уже не считаю этого состояния естественным, потому что все естественное неизменно. Равным образом, когда вижу, что люди робкие вдруг делаются смелыми, я опять думаю то же самое, — все приписываю свободному произволению. Так, и ученики были весьма робки, доколе не узнали того, что следовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впоследствии сделались неустрашимее львов (9).

***

Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, чтобы ты заслужил награду. Например, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле, говоря с Павлом: *я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Он может лишить тебя почестей без твоей воли и сделать тебя уничиженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, чтобы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, чтобы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление (12)?

***

Когда голод принуждает тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла к тебе сама собой, но употребляешь все меры к отысканию пищи; также в случае жажды, холода и всех подобных обстоятельств ты бываешь деятелен и готов позаботиться о теле. Поступай также и по отношению к Царствию Небесному, и непременно достигнешь его. Для того Бог и сотворил тебя со свободной волей, чтобы ты впоследствии не обвинял Бога, как бы связавшего тебя необходимостью. А ты тем именно и недоволен, что составляет честь твою? Я слышал многих, говоривших: для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели? Но как возвести на небо тебя, дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши и чревоугодию? Ты и там не отстал бы от пороков. Если и теперь, когда положена угроза,

ты не перестаешь грешить, то тогда, когда бы Он предназначил тебе в награду небо, оставил ли бы ты свою беспечность и не сделался ли бы гораздо хуже (12)?

ВОСКРЕСЕНИЕ

И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения (Ин. 5, 29). Вот и различие между воскресшими! Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще телу человеческому; но добрый воскреснет для жизни, а злой воскреснет для казни, как написано: *не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрание праведных* (Пс. 1, 5). Поэтому, чтобы нам воскреснуть не для осуждения, перестанем скорбеть о смерти, а примем на себя печаль раскаяния, позаботимся о добрых делах и о лучшей жизни, будем думать о прахе и умерших для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы при таком воспоминании нам не пренебрегать своим спасением, пока есть время, пока еще возможно, то есть или приносить лучшие плоды, или исправляться, если мы согрешили по неведению, чтобы нам, если день смерти застигнет нас нечаянно, не пришлось искать времени для покаяния и не находить его, просить милости и возможности загладить грехи и не получить желаемого (5).

***

Будем постоянно говорить и себе, и другим: есть воскресение, и нас ожидает Страшное Судилище. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным беспечности и лености, представим ему опять то же, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в беспечности. Эта речь лучше всякого лекарства может уврачевать душу. И подлинно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного,* — говорит Павел, — *и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37), и в другом месте: *всем нам должно явиться пред судилище Христово* (2 Кор. 5, 10), т.е. и злым, и добрым, — тем, чтобы пред всеми потерпеть бесславие, этим, чтобы пред всеми оказаться еще более славными. Как здесь

судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь открыто пред всеми, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно. Будем же непрестанно говорить и себе, и другим: есть воскресение, и Суд, и отчет в делах. Пусть говорят и все те, которые допускают судьбу, — и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ведь если есть воскресение и Суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости и не просто и не как-нибудь, тот, очевидно, не христианин. Поэтому я прошу и умоляю: очистим себя от всякого зла и сделаем все, чтобы получить прощение и оправдание в тот день. Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени — и ничего такого не случилось? Но будет, — поверьте. Ведь и пред потопом то же говорили и смеялись над Ноем; но пришел потоп, и всех этих неверовавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той свыше ниспосланной казни, пока ниспавшие молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться, но беды пришли неожиданно в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве, и не избегнут* (1 Фес. 5, 3). Так устроил это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беспечности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресения и Суда? Это исповедуют и демоны — а ты не исповедуешь? *Пришел Ты сюда*, — говорят они, — *прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29). Если же говорят, чтоб будет мучение, то знают, конечно, будет и Суд, и отчет,

и наказание. Не будем же прогневлять Бога сверх худых дел еще и неверием слову о воскресении. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и перворожденным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть перворожденным, когда никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получат по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении, но каждый день молятся. Произнося это святое изречение: *да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 10), кто же не верует в воскресение? Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: *Во всякое время пути его гибельны; суды Твои далеки для него* (Пс. 9, 26). Подлинно, невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собою ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздаяние. Не будем же прогневлять Бога, но послушаем Христа, Который говорит: *бойтесь Того, то может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Боязнь эта сделает нас лучшими, и таким образом, мы, избавившись от этой погибели, удостоимся Царства Небесного (8).

***

Какое же будут иметь оправдание не верующие в воскресение, когда оно ежедневно представляется в семенах, и в растениях, и при нашем рождении? Ведь прежде нужно истлеть семени, и потом уже бывает рождение. Впрочем, говоря вообще — где действует Бог, там нет нужды в умствованиях. Каким образом Он сотворил нас из ничего? Это я говорю христианам, которые говорят о себе, что веруют Писанию. Но я скажу нечто и на основании умствований человеческих. Одни из людей живут порочно, другие добродетельно; но из числа порочных многие доживают до глубокой старости, наслаждаясь счастьем, а с людьми добродетельными бывает противное. Когда же каждый из них получит по заслугам? В какое время? Это так, говорят, но не будет воскресения тел. А разве они не слышат, что сказал Павел: *тленному сему надлежит*

облечься в нетление (1 Кор. 15, 53)? Здесь речь не о душе, потому что душа не подлежит тлению. Да и восстание свойственно тому, что пало, а пало тело. И почему ты не хочешь [допустить] воскресения тел? Разве это невозможно для Бога? Но говорить так — дело крайнего безумия. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тленное, участвовавшее в труде и смерти, приняло участие и в венцах? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено в начале и Христос не принял бы на Себя плоти. А что Он и принял, и воскресил ее — послушай, как Он говорит: вложи персты и посмотри, ибо дух костей и жил не имеет (см. Ин. 20, 27; Лк. 24, 39). Зачем также Он воскресил Лазаря, если лучше воскреснуть без тела? Зачем поставляет это в ряду чудес и благодеяний? Да зачем и вообще дал пищу? Нет, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресение есть, и Суд; отвергают их только те, которые не хотят дать отчета в своих делах. И притом воскресение должно быть такое же, каково было и воскресение Христово, — потому что Христос есть *начаток, первенец из мертвых* (Кол. 1, 18). Но если воскресение состоит в очищении души и освобождении от грехов, а Христос не согрешил, то как мы избавились от клятвы? Да и как Он говорит: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14, 30)? Ведь это значит, что Он безгрешен. Итак, по их мнению, Христос или не воскрес, или, если воскрес, то до воскресения согрешил. Но Он и воскрес, и греха не сотворил; следовательно, воскрес телом (8).

***

Не сомневайтесь в истине воскресения; иначе вы будете весьма далеки от надежды [благ] будущих. И чем выражают свою мудрость или, лучше, свое безумие возражатели? Как, говорят они, воскреснет тело, когда оно смешается с землей, обратится в прах и рассеется по разным местам? Для тебя это кажется непостижимым, но не для недремлющего Ока: для Него все ясно. Ты не видишь раздельно того, что смешано, а Оно видит все; ты не знаешь и того, что в сердце ближнего, а Оно знает все. Если же ты не веруешь воскресению потому, что не знаешь, как Бог совершит воскресение, то, значит, не веруешь и тому, что Он знает сердечные помышления, которые также невидимы. Вещество тела и по

разрушении остается видимым, а помышления невидимы. Потому Видящий невидимое со всей ясностью неужели не видит видимого и не может легко восстановить состава телесного? Очевидно, может. Итак, не сомневайся в [истине] воскресения; это [сомнение] — внушение диавольское. Диавол старается внушать это не только для того, чтобы не верили воскресению, но чтобы прекратились и погибли и дела добродетели. В самом деле, человек, не ожидающий воскресения и предстоящего отчета в делах своих, едва ли будет добродетелен, а не упражняющийся в добродетели не станет верить и воскресению; то и другое взаимно подкрепляется: порок неверием и неверие пороком. Обремененная грехами совесть, страшась и трепеща пред будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием. Если ты будешь утверждать, что нет ни воскресения, ни Суда, он скажет: следовательно, и я не буду отдавать отчета в грехах своих. Но что говорит Христос? *Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией* (Мф. 22, 29). Бог не совершил бы таких дел, если бы не хотел воскресить нас, но (предположил) разрушить и обратить в ничто; не распростер бы неба, не основал бы земли, не создал бы и всего прочего только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Он сделал столько для настоящей жизни, то чего не сделает для будущей (12)?

ВРАГИ

Для многих невыносимее всех смертей кажется то, когда враги распространяют об них худые слухи и навлекают на них подозрение. Рассмотрим и это. О тебе кто-нибудь сказал худое, назвал тебя блудником и прелюбодеем? Если это правда, исправься; если ложь, посмейся над этим; если сознаешь за собой то, что сказано, вразумись; если не сознаешь, оставь без внимания; лучше же [сказать], не только посмейся и оставь без внимания, но и радуйся и веселись, по слову Господа, повелевающего так делать: *когда будут поносить вас,* — говорит Он, — *и всячески неправедно злословить за Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11–12); и еще: *возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, когда пронесут имя ваше, как бесчестное* (Лк. 6, 22–23). Если [враг] и правду ска-

жет, а ты перенесешь его слова с кротостью, не будешь мстить ему и поносить его, но горько восстенаешь и осудишь свои грехи, — и тогда ты получишь награду не меньше первой. Постараюсь и это подтвердить вам из Писания, чтобы вы узнали, что, сколько вреда делают нам друзья, когда хвалят и ласкают нас, столько же пользы приносят враги, говоря о нас дурно, хотя и справедливо, если только мы захотим надлежащим образом воспользоваться их порицаниями. Ведь друзья из любви часто и льстят нам; а враги обличают наши грехи. По самолюбию мы не видим своих недостатков, а они по вражде смотрят за нами внимательнее и своим злословием поставляют нас в необходимость исправиться; и вот вражда их становится для нас источником величайшей пользы, потому что, вразумляемые ими, мы не только познаем свои грехи, но и отстаем от них. В самом деле, если враг укорил тебя в грехе, который ты сознаешь за собой, и ты, услышав это, не ответил ему оскорблением, но горько восстенал и помолился Богу, тем самым ты уже и сложил с себя весь грех. Что же может быть лучше? (1).

***

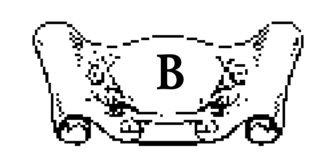
Ты, молясь за врага, благодетельствуешь ему словами, а Бог благодетельствует ему весьма великими и чудными делами, освещая его солнцем и ежегодно посылая дожди в определенное время. И при всем том я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человека. Итак, не питай ненависти к человеку, делающему тебе зло, когда ты через него приобретаешь такие блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающего тебя, иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, — понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно — претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего. Но как это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Бог для тебя сделался человеком, что Он так уничижил Себя и так много пострадал за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумеваешь, как можешь ты прощать обиды равным себе? Не слышишь ли, что говорит Он на Кресте: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34)? Не слышишь ли, что говорит Павел: восшедший на небо и седящий *одесную Бога, Он и ходатайствует за нас* (Рим. 8, 34)? Не видишь ли, что Он и после

распятия и вознесения на небо послал к умертвившим Его иудеям апостолов, принесших им бесчисленные блага и вместе потерпевших от них бесчисленное множество зол? Но ты весьма много обижен? Что же такое потерпел ты, что было бы подобно страданию твоего Владыки, Который после оказанных Им бесчисленных благодеяний был связан, претерпел заушения, бичевания, оплевания от рабов и, наконец, претерпел смерть — и смерть поноснейшую из всех смертей? Если же ты и много обижен, то потому-то самому и должен еще более благодетельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнейший венец, и брата избавить от крайне жестокой болезни. Когда больные, находящиеся в сумасшествии, наносят удары и обиды врачам своим, то последние в это-то время особенно и жалеют о них и стараются об их излечении, зная, что дерзость их происходит от чрезмерной болезни. Подобным образом и ты имей такое же расположение духа к злоумышляющим против тебя и таким же образом поступай с обижающими тебя, потому что они совсем больные и делают все совершенно невольно. Итак, освободи врага своего от тяжкой его гордости, заставь его бросить гнев и избавь от лютого демона — ярости. Видя беснующихся, мы проливаем слезы, а не думаем сами подобно им бесноваться. Будем поступать также и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно (6).

ВЫСОКОМЕРИЕ

Что постыднее надменности и высокомерия? Именно тогда-то ты и унижаешься, человек, тогда-то покрываешься и стыдом и бесчестьем, когда выжидаешь, чтобы ближний твой первый заговорил с тобой. Что хуже этой надменности? Что смешнее этого высокомерия и тщеславия? Если ты заговоришь первым, то и Бог, что важнее всего, одобрит тебя, и люди похвалят, и ты получишь полную награду за это приветствие [врагу]. Но если ты выжидаешь, чтобы он наперед почтил тебя, а потом уже и ты почтишь его, то ничего особенного не сделаешь, потому что, кто предупредил почтить тебя, тот предвосхитит и всю награду за состоявшееся между вами примирение.

Итак, не будем выжидать, чтобы другие почтили нас первыми; напротив, будем мы спешить делать честь ближним своим и всегда первые обращаться к ним с приветствием; не станем думать, будто пустое и низкое дело быть ласковым и приветливым. Пренебрежение этого дела расторгло многие дружеские связи, породило много вражды, тогда как тщательное исполнение его не раз прекращало продолжительные ссоры и укрепляло существовавшие дружеские связи. Не пренебрегай же, возлюбленный, заботой об этом; но если случится нам встретиться с кем бы то ни было, первые обласкаем их и приветствиями, и всем прочим. Если же другой предупредит тебя, тем большую окажи ему честь со своей стороны. Это заповедал Павел, сказав так: *почитайте один другого высшим себя* (Флп. 2, 3) (1).

ГАДАТЕЛИ

Добровольно не решайтесь прибегать к гадателям, но если бы вас привлекали к тому другие — и тогда не соглашайтесь. Когда возникала война или постигало какое-либо бедствие, был обычай спрашивать у гадателей о будущем. Человеческая природа всегда желает, ищет и употребляет тщательные усилия знать невидимое, особенно желает наперед знать о своих несчастьях, чтобы вследствие неожиданности не впасть в замешательство. Итак, выслушай, что он [Исайя] говорит: Я, говорит, наперед предсказал вам имеющие быть знамения и чудеса, чтобы вы не нуждались в других предсказаниях, хотя бы вас привлекали и обманывали. Поэтому, если вы будете внимать совету других, то вы будете недостойны расположения и милости Божией, вы, приготовляющие для самих себя бедствия. Какое утешение получишь ты, о, человек, от заклинателей, когда постигнут бедствия? Если ради потерянного богатства ты тратишь еще другие деньги, вопрошая прорицателей, то что пользы тебе, если найдешь блага? Вместе с богатством ты будешь отведен в рабство, погубишь и душу свою, и никто не поможет тебе. Но должно сказать, что такое гадатель: это — злой демон, который говорит из чрева женщин и этим странным действием старается ложное сделать достоверным; говорит же он не естественным образом, а из живота, и этим людей невежественных повергает в изумление, показывая, что он говорит истину... Акила называет их авгурами и издающими голос; Симмах — предсказателями, которые шепчут и шипят; Феодотион — писклявыми вещунами, то есть подобными цыплятам. А мне кажется, что здесь означается также некромантия и что этим странным голосом дьявол повергает людей в изумление, как объясняли и другие переводчики. Демоны обыкновенно щебечут и

издают голоса птиц, — что LXX толковников назвали *тщесловием* (κενολογία), — чтобы отовсюду необычными кликами утверждать ложь. Хотя демон владеет искусством убеждать [людей], что он может вызывать души умерших, но мы утверждаем, что душа по выходе их тела вступает в некоторое жилище и пребывает там — выйти оттуда она не может. Демон старается показать, что она не только обитает в костях [умерших людей], но ходит туда и сюда, блуждая понапрасну, что она не подчинена какой-либо власти, ни даже божественному промышлению и не будет подвержена какому-либо наказанию за содеянные преступления. Таким образом, он делает то, что многие верят, будто после смерти души постоянно блуждают. Но это — басни детей и старух, и остерегайтесь верить им, когда вас привлекают такими вымыслами. Волшебница (аэндорская) некогда по Божиему дозволению показала Саулу Самуила для того, чтобы изобразить ему воскресение, хотя это не было воскресением, и чтобы на основании этого он веровал, что Бог есть Владыка живых и мертвых. Хотя виденный им не был Самуилом, однако он не осмелился отвратить его от Бога. Те, которые так говорят или делают, далеки от Бога, подобно тому, как и Саул, который был наказан. Отступив от Бога, он вопрошал прорицательницу, и это ему не принесло никакой пользы, но он был подвержен тягчайшему наказанию: раньше времени пришла его злая кончина. Смотри, как он осмеивает их: *спрашивают ли*, — говорит, — *мертвых о живых?* (Ис. 8, 19). Мертвыми он называет или демонов, или самих умерших. И этого более, чем достаточно, для открытия лжи. Если и живые ничего не знают, то тем больше следует это сказать об умерших и погребенных в земле, которые не знают даже того, что знаем мы (4).

ГНЕВ

Подлинно, гневный безумствует не меньше самих беснующихся. Посмотри, как этот демон, вошедши, делает безумными, подобно беснующимся, и побуждает их делать все вопреки очевидности; они и не видят ничего здраво и не делают ничего, как следует, но все делают, как люди с поврежденными чувствами, потерявшие и самую способность рассуждать. Так, и гневом воспламененные не узнают присутствующих, не помнят ни родства, ни дружбы, ни

приличия, ни достоинства и вообще ничего не принимают в соображение, но совершенно увлекаемые гневом, несутся в бездну. Что может быть жальче их, когда побежденные и порабощенные страстью, они доходят даже до убийства? Поэтому блаженный Павел, желая исторгнуть самый корень зла, пишет такое увещание: *всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас* (Еф. 4, 31). Не только, говорит, не хочу я, чтоб вы гневались и приходили в ярость, но не хочу и того, чтобы вы говорили что-либо ближнему с *криком,* — разумея здесь тот крик, который происходит от гнева. Когда внутри возбуждается страсть и надмевается сердце, то уже и язык не может произносить слова тихо, а, обнаруживая расположение духа, побуждается говорить ближнему с криком. Итак, этот блаженный, желая, чтобы слушающие его жили в постоянном мире, говорит: *и гнев*, то есть всякое огорчение, от какой бы причины оно ни происходило, *и ярость*, и всякий *крик да будут удалены от вас.* Потом, желая иссушить самый корень зла и сделать его бесплодным, говорит: *со всякою злобою.* Кто живет в таком расположении духа, тот всегда находится в пристани, свободный от земных волнений, не боится ни бури, ни кораблекрушения, но, как бы плавая во время тишины или оставаясь в безопасной пристани, проводит настоящую жизнь вне всякого волнения, и, мало того, он еще приготовляет себе наслаждение бесконечными и неизреченными благами (1).

***

Когда увидишь врага или придет тебе на ум, сколько ты слышал или потерпел неприятностей, старайся забыть все это; если же и вспомнишь, приписывай это дьяволу, а сам припоминай то, что [враг] сказал или сделал тебе когда-либо доброго. Если на этом будешь останавливаться воспоминанием, то скоро прекратишь вражду. А если вознамеришься и обличить врага, и рассчитаться с ним, то наперед подави страсть и погаси гнев, а потом уже рассчитывайся и обличай: тогда легко можешь победить его. В гневе мы не можем ни сказать, ни выслушать что-нибудь здравое, а освободившись от этой страсти, и сами не выпустим обидного слова, и не послышится нам, будто другие говорят что-нибудь такое, — потому что обыкновенно

мы раздражаемся не столько от самого свойства слов, сколько оттого, что уже до этого были объяты враждой. Так часто, когда те же самые оскорбительные слова говорят нам или друзья в шутку и в веселом расположении духа, или малые дети, мы не только не чувствуем ничего неприятного и не сердимся, но еще улыбаемся и заливаемся смехом: это оттого, что мы слушаем не с расстроенным духом, не с объятой гневом душой. Стало быть, и в отношении к врагам, если ты погасишь гнев и отбросишь вражду, то никакое слово не сможет огорчить тебя (1).

***

Представь себе, если хочешь, что гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою, и необузданный ум свой сделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее и делая ее ни к чему не способною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия — разумею гнев, снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем, внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых (6).

***

Нет ничего хуже гнева, возлюбленный; нет ничего хуже неуместной раздражительности. Гнев не терпит дальнего отлагательства, это — бурная страсть. Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь; или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю

его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, чрез один поступок, чрез одно даже слово [эта страсть] часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды. Поэтому умоляю вас, употребите все меры к тому, чтобы обуздывать этого зверя (10).

***

Дух Святой не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно быть чему-нибудь здравому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в [тихой] пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь необходимом, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять то же; будет ли есть — и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется подобное же. И что у таких [людей] не беспорядочно? Глаза — отвратительны; рот — искривлен; члены тела напряжены и трясутся; язык необуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде: [во всем] великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих [от гнева]: чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает всегда только на время? Правда, неистовствующий бывает одержим [гневом] на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не сознавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это — оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это — слова гнева, скажешь, а не мои. Как — гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это — раны руки [моей], а не мои.

Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то все будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться, нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безумное раздражение; безумный же не может сделать ничего разумного (10).

***

Гнев — это огонь, это сильный пламень, требующий [горючего] вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнев не имеет силы сам по себе, если кто-либо другой не будет поддерживать его. Ничто не может оправдать тебя. Тот одержим неистовством и не знает, что делает; а если ты, взирая на него, впадаешь в то же и не умудряешься его примером, то можешь ли получить прощение? Если бы кто, находясь на пиршестве, увидел другого в преддверии в пьяном и безобразном виде, а потом и сам впал в то же, не будет ли это непростительно тем более, что он упился после того? Так и здесь. Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример, не удержал себя.

Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотою, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? Таков и гневающийся. Он напрягает жилы более блюющего, распаляет глаза, терзается внутренностями, изрыгает слова гораздо сквернее той пищи, говорит все как бы непереваренное и ничего дельного, — потому что гнев препятствует, — и как там часто избыток мокрот, раздражая желудок, совершенно истощает его, так и здесь избыток жара, возмущая душу, не позволяет скрывать того, о чем лучше бы молчать, и гневающийся говорит все, что следует и чего не следует, посрамляя не слушающих, но самого себя. И как мы убегаем от блюющих, так и от гневающихся. Что мы делаем тогда? Посыплем пепел на их

блевотину, тихонько подзовем псов, чтобы они съели изблеванное. Знаю, что вы слушаете с отвращением; но мне хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояние, а не услаждались им. Гневливый нечистее пса, возвращающегося на свою блевотину (см. 2 Петр. 2, 22): если бы он, изблевав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изблевывает то же, то очевидно, что он пожрал изблеванное. Но что сквернее этого? Что нечистее уст, пожирающих такую пищу? Притом первое есть дело природы, а последнее — нет; или, лучше, и то, и другое противно природе. Как? Так; гневаться всуе (см. Мф. 5, 22) несвойственно природе, но противно ей; потому он и не говорит ничего, как человек, но иное, как зверь, иное, как беснующийся. Как телесная болезнь противна природе, так и это. А то, что это противно природе, [видно из того], что, если он долго останется в таком состоянии, то мало-помалу погибнет; а оставаясь долго в том, что свойственно природе, не погибнет. Я желал бы лучше разделять трапезу с человеком, питающимся грязью, нежели с произносящим такие слова. Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти. Что в самом деле срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здравого, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других; а что они посрамляют самих себя, видно из вышесказанного (10).

***

Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ деревянных вещей и не в темноте, а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сжег всех. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во

время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна — только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство или вразумить чью-либо душу (10).

ГНЕВ БОЖИЙ

Бог, когда о Нем говорится, что Он гневается, гневается не для отмщения за Себя самого, но для исправления нас. Будем же и мы подражать Ему: мстить, таким образом, есть дело божественное, а мстить иначе — дело человеческое. Впрочем, Бог не тем только отличается от нас, что Он гневается справедливо, но и тем, что в Боге гнев не есть какое-нибудь страстное раздражение. Итак, не будем и мы гневаться напрасно. Гнев внедрен в нас не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали и других согрешающих, не с тем, чтобы он сделался в нас страстью и болезнью, но чтобы служил врачеством от страстей (2).

***

Гнев у Бога — не страсть, а угроза, служащая к нашей пользе. Поэтому, если мы обращаемся, то и Он отвращается от гнева и успокаивается, более всего ценя наше спасение; потому Он и находит много путей к нему, измышляет многие способы достижения его, за что справедливо и называется Богом спасений. *Неужели вечно будешь гневаться на нас, прострешь гнев Твой от рода в род?* (Пс. 84, 6). Страшен и теперь гнев Божий на людей; но так как в настоящей жизни Бог большею частью обнаруживает долготерпение, то будущий гнев, естественно, еще страшнее (3).

***

Всякий человек сильный, всякий властитель, всякий военачальник, всякий обладающий богатством, всякое, так сказать, великолепие и могущество человеческое тогда [на Страшном суде] уничтожится и прекратится, и ничто не поможет им избежать гнева Божиего: ни сила

телесная, ни опытность в войне, ни изобилие богатства, ни покровительство власти, ни множество войска и ничто другое подобное (4).

***

Скажи мне: если бы твой раб, претерпевая много зла от своих товарищей, не обращал никакого внимания на других, а заботился бы только о том, чтобы не прогневать господина, то не мог ли бы он этим одним утолить гнев твой? Напротив, если бы он нисколько не заботился о проступках своих пред тобой, а заботился бы только об отношениях своих к товарищам, то не подверг ли бы ты его еще большему наказанию? Так поступает и Бог: когда мы пренебрегаем гневом Его, тогда Он являет на нас сильнейший гнев; а когда бываем внимательны, тогда смягчает или, лучше, прекращает гнев свой. Он желает, чтобы мы сами себя наказывали за грехи, и тогда Он уже не наказывает. Для того Он и угрожает наказанием, чтобы страхом истребить в нас нерадение; и когда мы страшимся одной угрозы, то Он уже не попускает нам испытать ее на самом деле (12).

ГОРДОСТЬ

Что гордость ненавистна и самому Богу, послушай, что говорит Писание: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4, 6). И в другом месте: *гордость ненавистна и Господу и людям, и преступна против обоих* (Сир. 10, 7). И: *что гордится земля и пепел?* (Сир. 10, 9). И во многих местах ты найдешь, что гордость мерзка и весьма ненавистна. Так и здесь говорит [пророк Давид]: *со смотрящим гордо и с ненасытным сердцем — с сим я не ел* (Пс. 100, 5), так как гордость в высшей степени вредна и пагубна не только для того, кто усвоил себе ее, но и для того, кто не надолго разделяет ее. Жадного, несытого сердцем пророк поставил рядом с гордым, так как душевное расположение обоих одно и то же — и возносящегося над ближним, и жадного по отношении к ближнему. Итак, хорошо, братие, нам отложить гордость и приобрести смирение, чтобы услышать не: *возвышающий сам себя, унижен будет*, но: *унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 14). Хорошо укрепиться вместе с тем и в воздержности и умеренности, чтобы жадностью сердца не отогнать от себя правды и не

услышать тогда: *за множество беззаконий твоих открыт подол у тебя, обнажены пяты твои* (Иер.13, 22). Будем же избегать поведения, свойственного людям гордым и жадным, чтобы вследствие привычки к общению с ними не усвоить себе и их пороков (3).

***

Таково зло — гордость; она в каждом производит то, что он не знает самого себя, и после многих трудов уничтожает все сокровище добродетели. Прочие грехи обыкновенно происходят от нашей беспечности; а она зарождается в нас, когда мы поступаем правильно. Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Когда будет приступать к вам этот зверь, тогда этими словами, говорит, заприте от него двери. Не сказал: когда исполните все, тогда вы ничего не стоите; но сами вы *говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать;* говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговор. Если ты сам назовешь себя непотребным, то Я увенчаю тебя, как благопотребного. Так и в другом месте Бог говорит: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). В судилищах внешних после обвинения и признания в преступлениях назначается смерть; а в судилище божественном после признания — венец. Потому и Соломон говорил: *не оправдывай себя пред Господом* (Сир. 7, 5) (4).

***

Ты праведен? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми делами? Не поноси ближнего и удержись от похвалы себе. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведник должен бояться гордости больше, нежели грешник, — это я и вчера говорил и сегодня повторяю для тех, которые вчера не были, — потому что грешник по необходимости имеет смиренную совесть, а праведник может гордиться своими добрыми делами. Как между мореплавателями имеющие пустой корабль не боятся шайки разбойников, потому что они не нападают на пустой

корабль, а имеющие корабль, наполненный грузом, боятся разбойников, потому что разбойник обыкновенно является там, где золото, где серебро, где драгоценные камни, — так и диавол не скоро нападает на грешника, но на праведника, где много богатства. Гордость часто происходит от наветов диавола; потому нужно бодрствовать. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебе нужно остерегаться, чтобы не упасть. Потому и Господь наш говорит: *и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Что ты много думаешь о себе, будучи человеком, сродным земле, единосущным с пеплом, и по природе, и по мыслям, и по произволению в делах? Сегодня ты богат, завтра беден; сегодня здоров, завтра болен; сегодня весел, завтра печален; сегодня в славе, завтра в бесчестии; сегодня молод, завтра стар. Прочно ли что-нибудь человеческое и не течет ли оно подобно речным потокам? Оно лишь только явилось и уже оставляет нас быстрее тени. Что же превозносишься ты, человек, дым, суета? *Человек подобен суете: дни его, как тень, проходят* (Пс. 143, 4). *Засыхает трава, увядает цвет* (Ис. 40, 7). Говорю это не для того, чтобы унизить существо человека, но чтобы обуздать гордость. Великое создание — человек, и почтенное существо — муж милосердый (4).

***

Гордый обыкновенно почитает себя выше всех и не признает никого равным себе, и какой бы он ни пользовался честью, всегда желает и домогается большей; думает, что он еще ничего не получал; презирает людей и ищет от них почтения. Что может быть безрассуднее этого? Это что-то загадочное: человек ищет себе почтения от тех, которых почитает за ничто. Видишь ли, как желающий вознестись ниспадает и пресмыкается долу? А что он всех людей почитает за ничто в сравнении с собой, он сам это ясно обнаруживает: таково именно свойство надменности. Итак, для чего же ты прибегаешь к тому, который ничего не стоит? Для чего ищешь от него чести? Для чего имеешь при себе такое множество людей? Вот низкий, который и стоит на низком месте! (7)

***

Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то он еще

изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы сделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляет нам никакой пользы, но лишает и того, что имеем. Напротив, смиренномудрие не только не отнимает у нас того, что имеем, но еще доставляет и то, чего не имеем. Итак, возревнуем об этой добродетели, потщимся стяжать ее, чтобы нам насладиться и в этой жизни честью и приобрести будущую славу (7).

***

Христианину следует удаляться как от гордости, так и от льстивости и неблагородного образа мыслей. Кто говорит, например, что имущество он не вменяет ни во что и все настоящее считает тенью, сновидением и детскими игрушками, того мы не обвиняем в гордости — иначе мы должны были бы обвинять в гордости и Соломона, который, любомудрствуя об этом, говорит: *суета сует, — все суета!* (Еккл. 1, 2). Но не будем называть любомудрие именем гордости. Презирать блага настоящие — это не гордость, а великодушие, хотя не отвергают их и цари, и начальники, и вельможи. Бедный по любомудрию часто презирает их; но мы не назовем его за это гордым; подобно как человека, слишком привязанного к ним, не назовем умеренным и смиренномудрым, а слабым, малодушным и пристрастным. Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами: а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобных себе людей — это гордость, а произносить истинное суждение о вещах — это не гордость, но любомудрие (12).

ГРЕХ

Таков грех. Когда он уже совершен на самом деле, тогда и обнаруживает величайшее свое безрассудство. Как пьющий, когда упивается крепким вином, нисколько не чувствует вреда от

вина, а уже после самым опытом познает, как оно губительно, так и грех: пока еще не сделан, он помрачает рассудок, и подобно густому облаку затемняет смысл, а потом восстает совесть и сильнее всякого обличителя терзает мысль, обнаруживая гнусность поступка (1).

***

Грех есть властелин жестокий, дающий нечестивые приказания, подвергающий бесчестию повинующихся ему. Поэтому, увещеваю вас, будем с великой ревностью убегать власти его, будем бороться с ним, никогда не станем мириться с ним и, освободившись от него, будем пребывать в этой свободе. Если иудеи, освободившись от иноплеменников, были утешены, то тем более мы, освободившись от греха, должны радоваться, и восхищаться, и хранить вечно эту радость, а не нарушать и не осквернять ее, снова предаваясь тем же порокам (2).

***

Не почитай себя безопасным, если не скорбишь о грехах своих; но о том-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушения о своих беззакониях. Твое спокойствие происходит не оттого, чтобы грех не угрызал, но от бесчувствия души, преданной греху. Представь себе, как терзаются чувствующие тяжесть грехов своих, как горько вопиют они, — горестнее, нежели те, кого режут или жгут! Что делают они, как страдают, сколько проливают слез, сколько испускают стенаний, чтобы освободиться от мучений совести? Этого они не стали бы делать, если бы сильно не страдали душой. Всего лучше совсем не грешить, а если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то, как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них никакого отчета? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать величие благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и, таким образом, возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорб-

ленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаешь, но тем с большей ревностью усугубляешь свои моления. А, раздражив Бога всяческих, мы небрежем о том, остаемся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем все то, к чему привыкли: когда же мы Его умилостивим?.. Напротив, продолжая так жить, не раздражаем ли Его еще более? И действительно, нераскаянность в грехах гораздо более возбуждает Его гнев и негодование, нежели самый грех. Нам надлежало бы скрыться под землей, не видеть солнца и даже не пользоваться воздухом за то, что, имея столь милостивого Владыку, мы раздражаем Его и, раздражая, даже не раскаиваемся в том. Он и в гневе Своем не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя бы таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты еще более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Свое, чтобы соединить тебя с Собой навеки. Итак, одушевимся надеждой на его человеколюбие, принесем усердное покаяние прежде, нежели настанет день, в который самое покаяние не принесет нам никакой пользы (6).

***

Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская, по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его, грехом введена смерть, чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы дьяволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее (7).

***

Тяжкое зло — грех, зло и пагуба для души; а слишком усиливаясь, это зло часто касается и тела. Мы остаемся бесчувственными, когда в нас сильно страждет душа, а когда тело получает хотя малое повреждение, то употребляем все усилия, чтобы излечить его от недуга, потому что чувствуем боль. Поэтому-то Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей части и высшая получила какое-нибудь врачевание. Так, у коринфян Павел исправил блудника, удержав болезнь души казнью

тела; он прекратил зло, поразив тело, — подобно тому, как хороший врач, если водяная болезнь или боль в печени не уступает внутренним лекарствам, делает прижигания снаружи. Так и Христос поступил с расслабленным. Вот как Он сам выражает это, когда говорит: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14). Чему же мы отсюда научаемся? Во-первых, что болезнь произошла у него от грехов; во-вторых, что учение о геенне справедливо; и в-третьих, что наказание в ней будет продолжительно, бесконечно. Где же те, которые говорят: я в один час совершил убийство, я краткое время прелюбодействовал, и неужели буду наказываться вечно? Вот и расслабленный не столько лет грешил, сколько терпел наказание, и почти целую жизнь человеческую провел в непрерывном мучении. Грехи судятся не по времени, а по самому существу преступлений. При этом надобно принять во внимание и то, что, хотя бы мы претерпевали тяжкое наказание за прежние свои грехи, но, если снова впадем в те же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанию — и это совершенно справедливо (8).

***

От греха не столько получаем мы удовольствия, сколько скорби: тут и совесть вопиет, и посторонние люди осуждают, и Бог прогневляется, и геенна угрожает поглотить нас, и мысли не могут успокоиться. Тяжел, поистине тяжел и невыносим грех — тяжелее всякого свинца. Кто сознает его за собою, тот отнюдь не может смотреть прямо, хотя бы был и очень нечувствителен. Так Ахаав — хотя был крайне нечестив, но, почувствовав грех, ходил с поникшею головою, сокрушался и скорбел. Потому-то он и вретище возложил на себя, и проливал источники слез. Если и мы будем это делать, если будем плакать, как Ахаав, и сложим с себя грехи, как Закхей, то и мы получим прощение (9).

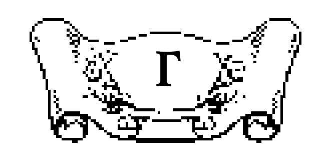
***

Тело, получив хотя малую рану от меча, портится; здание, расщелившись хотя немного, разрушается; и ветвь, отломившись от корня хотя немного, делается негодной. Таким образом, это малое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрешим в чем-нибудь малом или почувствуем леность, не будем презирать этого малого, потому что,

будучи оставлено в небрежении, оно скоро сделается великим. Так, одежда, если начнет раздираться и будет оставлена в небрежении, вся раздирается; и кровля, если обнажится от нескольких черепиц и будет оставлена в небрежении, разрушает весь дом. Итак, представляя себе это, никогда не будем пренебрегать малыми грехами, чтобы не впасть в великие; если же по небрежению впадем даже в бездну зол, то и тогда не будем отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствует над собою тщательно, не только по причине глубины этой бездны, но и по самому положению. Грех — это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет. Как упавшие в колодезь не скоро могут выйти оттуда и имеют нужду в других, которые бы вытащили их, так точно и тот, кто впал в глубину грехов. Спустим же к ним вервие и извлечем их оттуда; или лучше сказать, не в других только здесь нужда, но и в нас самих, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотим, и гораздо выше. Сам Бог — помощник, потому что Он не хочет смерти грешника, но *чтобы он обратился и был жив* (Иез. 18, 23). Итак, никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болезни нечестивых, которым этот грех свойствен: когда достигнет, сказано, нечестивый до глубины зол, нерадит (12).

***

Ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние [языческие] поэты изображают Сцилл (12).

ДАРЫ БОЖИИ

Не проси у Бога того, что получается от дьявола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, целомудренное и воздержное, кающееся и умиленное. Вот дары Божии, потому что в них мы имеем наибольшую нужду (6).

***

Постоянное пользование каким-нибудь видом удовольствия притупляет его приятность и злоупотребление наслаждением делает его со временем нечувствительным. Таким образом, нужно подумать и о том, чтобы слишком большая доступность не обесценивала удовольствия: вдвойне приятно наслаждаться тем, что дается с трудом и не часто. Так и Создатель наш устроил, что непостоянство жизни заставляет нас ценить Его дары, пребывающие постоянно. Не замечаешь ли, что и солнце после ночи является более светлым, и бодрствование приятнее после сна, и здоровьем мы дорожим в особенности тогда, когда испытываем противоположное ему состояние (9)?

***

Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь отдавать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих, — ведь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для того, чтобы мы расторгали ими свое чрево, а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета, и не боишься грозного и Страшного Суда Христова? (12)

ДЕВСТВО

Он [Христос] превознес девство, когда сказал: *есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного*; и: *кто может вместить, да вмес-*

тит (Мф. 19, 12). Кроме того, Ему известно было и высокое мнение многих о девстве. Оно и по природе своей — великое дело, что видно из того, что как в Ветхом Завете оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, так и в Новом не поставлено в необходимый закон. Христос не дал о нем заповеди, а предоставил его произволению слушающих. Поэтому и Павел говорит: *относительно девства я не имею повеления Господня* (1 Кор. 7, 25). Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом (7).

ДЕЛА

Смотри, возлюбленный, не подобны ли морю человеческие дела, не сплетается ли с его смятением наша жизнь, не обуреваемся ли мы на суше больше, чем на море, не нападаем ли мы друг на друга сильнее ветров, не наталкивают ли нас друг на друга деньги, как буря, не носимся ли мы в морской бездне туда и сюда? Один захватил поле другого, этот увел слуг того, один судится с соседом из-за воды, иной враждует с сожителем из-за воздуха. Одни позорят друг друга из-за пяди земли, другие притесняют друг друга из-за дома; этот стремится взять то, чего не давал, тот идет в суд, чтобы не отдавать того, что взял. Один с жадностью требует лихвы, другой усиливается отнять и сам капитал. Этот скорбит от недостатка, а тот угнетается изобилием; кто не имеет, терпит унижение, а кто имеет, служит предметом зависти. Кто облечен властью, тот возбуждает против себя гнев; кто управляет, того ненавидят; кто принадлежит к числу знати, против того вооружаются. Войны постоянны, зависть непрерывна, жадность тиранствует, корыстолюбие преобладает, ложь превозносится, взаимное доверие утрачено, истина оставила землю, дружба только за трапезой. Все погубили свою силу; земля, наконец, не в состоянии сносить зло; воздух осквернен до самого эфира. Из-за денег жизнь делается не в жизнь; за деньги мы готовы продать даже свободные стихии; на дорогах воздвигаются заставы, земли разделяются по жребию, воды — в распоряжении господ, воздух — на откупу; десятинники, сборщики податей и откупщики захватили города; богатые истаевают от забот; ростовщики сгорают от беспокойства; грабители расстраивают жизнь;

любостяжатели развращают суды; купцы извлекают выгоду из бедствий; доносчики продают ложь. Обманывая друг друга, мы разрушили святость клятвы; знаем Бога только для того, чтобы клясться (3).

***

Везде нужны нам дела, а не уверения на словах, потому что говорить и обещать всякому легко, а сделать не так легко. К чему я это сказал? К тому, что теперь много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах. Потому-то и ученикам говорил: *если любите Меня, соблюдите Мои заповеди* (9).

***

Как терние, с какой бы стороны не коснулись его, уязвляет касающегося, так и житейские дела, с какой стороны не приступишь к ним, всегда наводят печаль на того, что связывает себя ими и заботится о них. Но духовные дела не таковы; напротив, они похожи на драгоценный камень, который, как ни повернешь его, — отовсюду увеселяет зрение. Например, сотворил ли кто милостыню? Он не только питается надеждою на будущее, но наслаждается и здешними благами: он ничего не опасается и все делает с великим дерзновением. Преодолел ли кто злое вожделение? Еще прежде наступления царствия он уже здесь получает плод, слыша похвалу и одобрение от всех, а прежде всего от собственной совести. Да таково и каждое доброе дело, между тем как дела злые еще прежде геенны, уже здесь мучат совесть. Если ты грешишь, то, подумаешь ли о будущем, — поражаешься страхом и трепетом, хотя никто не наказывает тебя; подумаешь ли о настоящем, — имеешь много врагов и живешь в подозрении, и не можешь даже прямо и посмотреть на обидевших тебя, лучше же сказать, и на тех, которые не обидели (9).

***

Любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью — вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надобно быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, — все скажут, — кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами: и если

ты не имеешь дел, то, разглагольствуя, не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, — рассуждаю я, — не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю. Потому-то и сказал пророк: *грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои* (Пс. 49, 16)? Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах (10).

***

Как жизнь наша поддерживается пищей, а пища создает жизнь, так, если имеем добрые дела, будем иметь и Духа, а если имеем Духа, будем иметь и добрые дела. Равно и наоборот, если не имеем добрых дел, Дух улетает от нас, а если лишимся Духа, то будем хромы и на добрые дела. Как скоро отступит от нас Святой Дух, приходит к нам дух нечистый, как это и случилось с Саулом. И что из того, если он не мучит нас, как Саула? Он давит нас иначе — худыми делами. Потому нам нужны гусли Давида, чтобы для души воспевать Божественные песни, то есть и песни Давида, и песни добрых дел. А если будем делать только одно из двух и, слушая песнопения, будем противоборствовать псалмопевцу своими делами, как некогда Саул, то самое врачевство обратится нам в осуждение и безумие сделается более опасным. Прежде чем мы стали слушать, злой демон боится, чтобы мы, послушав песнопения, не исправились, а когда, выслушав, остаемся все теми же, это освобождает его от страха. Потому воспоем песнь дел, чтобы изгнать из себя грех, который лютее демона. Ведь демон не всецело лишает нас неба, но иногда человеку бдительному даже содействует, а грех решительно отлучает от Небесного Царства. Грех есть добровольный демон, самовольное безумие, а потому никто о нем не жалеет, никто его не извиняет. Итак, для души, лежащей в грехе, будем воспевать песни, заимствуя их как из остального Писания, так и у блаженного Давида. Пусть поют уста, пусть поучается ум (11).

***

Ты, когда занимаешься с шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрелищах, не

ссылаешься ни на необходимые дела по военной службе, ни на страх пред начальниками; а когда мы приглашаем в церковь, тогда — бесчисленные препятствия. Что же ты скажешь в тот день, когда увидишь пламя, огненные реки и неразрешимые узы и услышишь скрежет зубов? Кто поможет тебе в тот день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшего жизнь свою, наслаждающимся великой славой, а себя, который ныне украшаешься нежными одеждами и дышишь благовониями, невыразимо страждущим? Какая польза будет тебе от богатства и изобилия и какой вред ремесленнику от бедности? Потому, чтобы нам не потерпеть этого, устрашимся сказанного и приложим всякое старание к совершению дел необходимых. Таким образом, умилостивив Бога за прежние грехи свои и присоединив добрые дела в будущем, мы сможем получить Царствие Небесное (12).

***

Если бы ты захотел исследовать все дела Божии, то чем Бог был бы больше человека? Даже и дела многих людей мы не исследуем. Если же мы поступаем так по отношению к людям и не исследуем дел их, то тем более не должно исследовать премудрость Божию и требовать от нее отчета; и, во-первых, потому, что Возвестивший достоин веры; во-вторых, потому, что самые дела Его недоступны суждениям разума. Бог не так немощен, чтобы производить только то, что может быть постигнуто твоим слабым разумом. Если ты не понимаешь дел художника, то тем более — высочайшего Художника, Бога (12).

ДЕНЬГИ

Много ныне богачей, которые денег не желают презирать, а душу презирают. Я удивляюсь, когда вижу, как часто они просят у Бога милости, а сами к себе немилосердны, не щадят души своей, как будто она — враг их. Не будем шутить, возлюбленные, не будем издеваться и обольщать себя, прося себе у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщение и все прочее. Если бы кто предложил тебе на суд дело какого-нибудь человека и сказал бы, что он, подвергаясь смертным опасностям и будучи в состоянии небольшим количеством денег освободить себя от погибели, решился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь

из своего имущества, то ты, конечно, признал бы его не достойным никакой милости или прощения. Так суди и о себе самом: и мы делаем то же, пренебрегаем своим спасением, а дорожим деньгами. Как же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь сам себя и предпочитаешь деньги душе? Крайне удивляюсь, какое обольщение скрывается в деньгах или, лучше, не в деньгах, а в душах обольщаемых. А есть, действительно есть, люди, которые смеются над этим обольщением. В самом деле, что в деньгах может обольщать нас? Не вещество ли они и бездушное, и тленное? Не обманчиво ли обладание ими? Не сопряжено ли со страхом и опасностями, с убийствами и кознями, с враждой и ненавистью, с леностью и многими пороками? Не прах ли они и пепел? Какое безумие! Какая болезнь! Но, скажешь, не осуждать только нужно зараженных болезнью, а истреблять эту страсть. Как же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена бесчисленных зол? Впрочем, не легко убедить пристрастившегося к этим детским игрушкам. Ему надобно указать на другую, противоположную красоту. Но, как больной, он еще не может видеть красоты бестелесной. Потому представим красоту телесную и скажем ему: вообрази себе луга и на них цветы, которые прекраснее всякого золота, приятнее и светлее всяких драгоценных камней; вообрази прозрачные струи потоков и рек, которые тихо, подобно елею, протекают по земле; обратись к небу и посмотри на красоту солнца, благолепие луны, сияние звезд. Но что же из этого? Мы не можем, скажешь, пользоваться ими так, как деньгами? Напротив — более, нежели деньгами, потому что и употребление их необходимее, и наслаждение надежнее; тебе не нужно опасаться, чтобы кто не похитил их, подобно как деньги, но можно всегда быть уверенным в них, притом без забот и беспокойств (12).

ДЕТИ

Будем иметь попечение о детях, будем так же воспитывать их, как во всем прочем, так и в отношении целомудрия. Ничто у юношей не требует такого старания и забот, как целомудрие и чистота, потому что эта особенно страсть обуревает этот возраста. Что делаем мы относительно светильников, то же будем соблюдать и по отношению к детям. Часто

случается, что, когда служанка зажжет огонь, мы велим ей не подносить светильника туда, где лежит тростник, или сено, или что-нибудь подобное, чтобы незаметно для нас не упала в это вещество искра и не сожгла всего дома. Так же будем заботиться и о детях и не станем обращать их взоры туда, где бесчестные служанки, нескромные девицы и распутные рабыни; а если есть у нас такая служанка, или соседка, или вообще другая какая этого рода девица, то прикажем и подтвердим им, чтобы они и не являлись на глаза и не вступали в разговор с юношами, чтобы попавшая отсюда искра не воспламенила всей души дитяти и не причинила безутешного горя. Будем удалять детей не только от зрелищ, но и от слушания соблазнительных и развратных песен, чтобы ими не прельстилась душа их. Не будем водить их в театры, на пиры и попойки. Но станем беречь юношей еще более чем дев, скрываемых во внутренних покоях (1).

***

Во всяком несчастье станем прибегать к Богу. Если нет у нас детей, будем просить их у Него. А если получим, будем воспитывать их с большой заботливостью и удалять юношей от всякого зла, особенно же от любострастия. Искушения этого греха сильны и ничто так не волнует этот возраст, как эта страсть. Поэтому оградим их отовсюду советами, увещаниями, страхом и угрозами. Если они одолеют эту страсть, то не скоро поддадутся и другой, — напротив, будут выше и страсти к деньгам, победят и пьянство, и всячески постараются избегать бесчинства и порочных обществ; будут и родителям любезнее, и приятнее всем людям. В самом деле, кто не будет уважать скромного юношу? Кто не обнимет и не облобызает обуздавшего нечистые пожелания? Кто из самых богатых не согласится с великим удовольствием отдать за него свою дочь, хотя бы он был беднее всех? Как никто не будет столь жалок и глуп, чтобы решиться иметь зятем расточительного и развратного человека, хотя бы он был богаче всех, так никто не будет и столь безрассуден, чтобы отвергнуть и обесславить скромного и целомудренного. Итак, чтобы дети наши были и у людей в уважении, и Богу любезны, будем украшать их душу и вводить их целомудренными в брачную жизнь. Тогда потекут к ним и все земные блага, как из источников,

и от Бога получат они милость, так что насладятся и настоящей, и будущей славой (1).

***

Не допустим войти и поселиться в душах юношей низким и грубым пожеланиям и всякому распутству. Такие помыслы свирепее разбойников, отнимая у детей свободу, делая их рабами безумных страстей, поражая их со всех сторон и нанося душе их множество ран. Поэтому каждодневно будем заботиться об этом и, пользуясь словом, как бичом, будем изгонять все такие страсти из их души, чтобы дети были в состоянии вместе с нами принять участие в высшей жизни и совершить всякое в ней служение. Не видите ли, как живущие в городах, лишь отнимут детей своих от груди, тотчас заставляют их носить масличные ветви, делают их судьями состязаний, начальниками этих состязаний и хоров? Так будем делать и мы: с раннего возраста будем вводить их в жизнь небесную, потому что эта земная жизнь требует только трат, а пользы никакой не приносит (1).

***

Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сын станет знаменитым и прославит себя делами государственными, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; от того-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Ведь ничего нет драгоценнее души: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди

свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то, по крайней мере, для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем, кого случится. А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий это искусство, должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства. Он учится говорить не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что если бы, и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом. Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою и связала нас, точно невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таковых обличений? Мы вооружаемся против этой страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, не перестанем хоть и так — словами уст наших — поражать ее. Если от этого будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере, мы со своей стороны сделали все (7).

***

Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда, однако же, ищет ее и более всех любит ее. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет ее матери, облеченной в рубище, но еще более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Свое оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится

молоком, оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется, подобно нам, о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: *таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14), чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе (7).

***

Малые дети не ищут действительно великого, а обыкновенно удивляются ничего не стоящему. Так, они с радостью смотрят на колесницы, коней, возничего и колеса, когда все это сделано из глины; а если видят действительно царя, сидящего на золотой колеснице, и запряженных белых лошаков, и великую пышность, — не обращают и внимания. Или еще: получив куклу, сделанную из того же вещества и представляющую невесту, они наряжают ее; а на невест настоящих и блистающих красотою и не взглянут. Так поступают они и во многих других случаях. Этому же ныне подвержены многие и из взрослых. Слыша о небесном, они не обращают и внимания, а ко всему бренному пристрастны, как дети, — изумляются земному богатству, высоко ценят и славу, и наслаждение в настоящей жизни, хотя все это — такие же детские [игрушки], как и те, а небесное доставляет жизнь, и славу, и успокоение. И как дети, лишаясь игрушек, плачут, а небесного и пожелать не умеют, так точно и многие из тех, которых считают мужами. Поэтому-то сказано: *не будьте дети умом* (1 Кор. 14, 20). Ты любишь, скажи мне, богатство? Зачем же ты любишь не богатство пребывающее, а детские игрушки? Ведь, если бы ты увидел, что кто-нибудь дорожит свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее, — не заключил ли бы ты о его большой бедности? А ты собираешь вещи еще более ничтожные и считаешь себя в числе богатых! Есть ли в этом какой-нибудь смысл (9)?

***

Если желаешь оставить детям своим большое богатство, оставь им Промысел Божий. Тот, Кто без всякого твоего участия дал тебе душу, образовал тело и даровал жизнь, когда увидит, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и детей, и им принадлежащее, неужели не отверзет для них всего Своего богатства? Если Илия,

прокормленный малым количеством муки, когда увидел, что та женщина предпочитает его детям, явил в хижине вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажет Владыка Илии. Потому станем заботиться не о том, чтобы детей оставить богатыми, но о том, чтобы сделать их добродетельными. Если они станут надеяться на богатство, то не будут заботиться ни о чем другом, как имеющие возможность прикрыть порочность нравов обилием денег; а когда увидят, что они лишены этой опоры, то сделают все, чтобы посредством добродетели найти себе большее утешение в вечности. Итак, не оставляй богатства, чтобы оставить добродетель. Ведь крайне безрассудно при жизни своей не делать детей господами того, что имеем, а по смерти давать легкомыслию молодости полную свободу. Когда мы живы, то можем требовать у них и отчета и, если они дурно пользуются настоящим, можем вразумлять и обуздывать их, а по смерти своей, если мы вместе с нашим отсутствием и их молодостью предоставим им и свободное пользование богатством, то ввергнем этих несчастных и жалких в величайшую бездну, подложив огонь к огню и подлив масла в раскаленную печь. Таким образом, если желаешь оставить детей подлинно богатыми, то оставь должником их Бога и Ему вручи свое завещание. Если они сами получат богатство, то не будут знать, кому отдать его, а встретятся со многими — и клеветниками, и людьми бесчестными, если же ты заранее отдашь его взаймы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновенным и возвращение его состоится с большой легкостью. Бог милостив, возвращает нам то, что должен, и взирает на Своих заимодавцев приятнее, нежели на тех, которые ничего не давали Ему взаймы, и, кому больше всего должен, того особенно и любит (11).

ДИАВОЛ

Душа наша избавилась, как птица из сети птицеловов: сеть порвалась, и мы избавились (Пс. 123, 7) ... Пророк [Давид] показывает, как Бог избавил от него [диавола], как разрушил козни его. Это произошло с того времени, когда Христос сказал ученикам: *даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). Теперь уже не открытая борьба и не равный бой; но диавол лежит, повергнутый

на землю, а ты стоишь прямо и поражаешь сверху; он обессилен, а ты крепок. Почему же он часто одерживает над нами победу? По нашему малодушию, по беспечности спящих. Если ты захочешь противостать ему, то он не посмеет идти против тебя. Если же он побеждает тебя спящего, то это происходит не от его силы, а от твоего малодушия. Кто, даже из самых слабых, не победит спящего? Но теперь крепкий связан, сосуды его расхищены (см. Мф. 12, 29), сила его сокрушена, убежище его разрушено, мечи у него отняты. Чего же хочешь более? Почему боишься его? Почему страшишься? Тебе повелено попирать его, обессиленного: почему же ты трепещешь, скажи мне, почему колеблешься? Разве не понимаешь, какого имеешь ты Помощника? Ведь не только враг сделался слабее, но и помощь тебе стала больше. Волнения плоти усмирены, бремя греха свергнуто, ты получил благодать Духа, силу помазания: *как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти* (Рим. 8, 3–4). Он сделал плоть покорною, даровал тебе оружие — броню правды, препоясание истины, шлем спасения, щит веры, меч Духа; дал тебе залог — плотью Своею питает тебя, кровью Своею напояет тебя; вручил тебе крест, как копье, копье никогда несокрушимое; связал диавола и поверг его на землю. Итак, ты безответен, если бываешь побеждаем; не имеешь оправдания, если терпишь поражение, потому что имеешь бесчисленные средства к победе. *Сеть порвалась, и мы избавились. Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю* (Пс. 123, 7). Видишь ли, какой у тебя Вождь, какой Царь? Создатель всего, словом Своим произведши такие существа, столь огромные, столь великие. Не падай же духом, стой мужественно; ничто не препятствует тебе воздвигать славный трофей (2).

***

Диавол существовал не с самого начала, но был создан Ангелом; назвался же диаволом тогда, когда оклеветал Бога пред людьми, а людей пред Богом, когда стал вооружать Владыку против слуги и слугу против Владыки. Если к нам приступает диавол и говорит, например, так: сколько бедствий в мире! Где же Бог? Почему Он не

управляет миром? — то, конечно, это он клевещет нам на Создателя: именно это дело свойственно диаволу изначала. Он клевещет Адаму на Бога, говоря: *но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги* (Быт. 3, 5). Из зависти, говорит, запретил вам Бог есть (5).

***

Диавол много обещает нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять. Обещает доставить богатство посредством хищения с тем, чтобы отнять у нас Царствие и правду; расстилает по земле сокровища, как бы тенета и сети, для того, чтобы лишить и этих сокровищ, и небесных; хочет обогатить нас здесь, чтобы мы не имели богатства там. Когда же не может лишить нас небесного наследия посредством богатства, то избирает для того другой путь — путь бедности, как поступил он с Иовом. Когда он увидел, что богатство не причинило никакого вреда Иову, то связал сети из бедности, надеясь таким образом одержать над ним победу. Что может быть безумнее этого? Кто умел благоразумно пользоваться богатством, тот тем более будет мужественно переносить бедность. Кто не имел пристрастия к богатству, когда обладал им, тот не станет искать, когда его и не будет, как и действительно не искал его блаженный Иов, напротив, в бедности он сделался еще славнее. Злой демон хотя и мог лишить его богатства, но любви к Богу не только не лишил, но даже еще более усилил ее и, отняв у него все, сделал то, что Иов обогатился еще большими благами, так что дьявол не знал даже, что еще и предпринять. Чем более он поражал его, тем более видел в нем сил. А когда, испытав все средства, не получил никакого успеха, то прибег, наконец, к древнему оружию — к жене, и, надев на себя личину сострадания, весьма живо и трогательно изображает его несчастья и, как бы радея об избавлении его от бедствий, подает гибельный совет. Но этим он не победил Иова; этот удивительный муж приметил хитрость его, и с великим благоразумием заградил уста жене, которая по внушению дьявола предлагала совет. Так и мы должны поступать. Хотя бы в лице брата, или искреннего друга, или жены, или кого-нибудь из самых близких к нам людей, диавол внушал нам что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словах и принимать

советы, но и по гибельному совету должны заключать о том, кто предлагает совет, и отвращаться от него. Дьявол ведь и ныне часто поступает подобным образом: принимает личину сострадания, и, притворяясь доброжелательным, подает нам советы пагубнее и вреднее всякого яда. Его дело — льстить нам к вреду нашему, а дело Божие — наказывать нас, для нашего блага (6).

***

Коварный диавол употребляет большие [хитрости, и насилие, и] послабление к погибели человека, и начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать болтовню чревовещательницы. Если бы он в начале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его. Как, в самом деле, послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его к тому. И, во-первых, когда не послушал Саул Самуила и в отсутствие его дерзнул принести всесожжение, то, будучи обвиняем, говорит, что большая нужда настояла со стороны врагов; и в то время, как должен был рыдать, оставался спокоен, как бы ничего не сделал. Потом Бог повелел истребить амаликитян, но он и этого не исполнил. Далее следовали злые умыслы его против Давида, — и, таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, он не мог уже остановиться, пока, наконец, не вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Дьявол не тотчас увлек его на убийство брата, так как он и не успел бы убедить его; но, во-первых, склоняет его принести в жертву худшее, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем ненависть и зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираться перед Богом в гнусном смертоубийстве; и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собой дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем они доходят и до большего, когда душа вознерадит (7).

***

Когда кто-нибудь обидит тебя, ты смотри не на него, но на диавола, который побуждает его к тому; на диавола изливай весь свой гнев, а о нем даже жалей, так как

он находится под влиянием диавола. Если ложь — от диавола (см. Ин. 8, 44), то тем более от него же безрассудный гнев. Равным образом, когда увидишь издевающегося над тобою, помышляй, что это диавол побуждает его, потому что насмешки — не христианское дело (9).

***

Не давай ему [диаволу] снисхождения, как и Бог Израилю, потому что он жестоковыен; не делай ему уступки: он влечет тебя ко греху. Но ты будь впереди врага твоего и скажи ему: *отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8, 33). Удаляйся от него, как Илия убегал от Иезавели, спеши к почести вышнего звания. Не допускай его догнать тебя, как слуги Авессалома не могли догнать Иоанфана и Ахимааса, священников Господа, бежавших [к Давиду], не допускай схватить тебя, как слуги царя иерихонского не могли схватить соглядатаев, но если возможно, обмани его, как Раав блудница обманула сыщиков. Пусть не удастся ему подчинить тебя себе, как фараон не мог подчинить себе Моисея и Аарона, но ты перехитри его, как волхвы — Ирода. Не ослабевай в борьбе с ним: ведь ты имеешь распорядителем Бога, а врачам Христа. Не бойся: имеешь ведь умастителем Духа Святого, помазавшего тебя миром из таинственного рога Самуилова. Не бойся жажды: у тебя есть при себе в тыкве вода упокоения — Крещения, чтобы, подвигаясь вперед, то есть проповедью Иониною, ты мог восстановить свои силы. Опрокинь его тираническую колесницу. Брось его в яму, которую он сам вырыл; брось его туда на самое дно. Воскликни словами псалма: *Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой* (Пс. 129, 1–2). Сбрось его в глубину, уцелев сам от его пагубы. Воздень в высоту преподобные твои руки к Царю, прими от Него пальмовый венок, как некогда отроки, и потрясши им, поклонись Ему, потому что пал Вил, сокрушился Дагон (см. Ис. 46, 1). *Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!* (1 Кор. 15, 57). Такою вот победою ты мог бы открыть себе доступ в рай, как во всенародную купальню, где четыре источника с обильною точно в купальне водою, и почить в месте злачнее, где так кстати были бы слова: *Он покоит меня на злачных пажитях и водит*

меня к водам тихим (Пс. 22, 2). И похваляясь всем этим, ты мог бы сказать: *подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды* (2 Тим. 4, 7–8) (9).

***

Как хорошо, что божественное Писание всеми способами отвлекает нас от греха: *О, если бы вы ныне послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне* (Пс. 94, 7–8), и: *наставляйте друг друга каждый день, чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом* (Евр. 3, 13). Тут часто строит свои козни диавол. Когда он замечает, что душа начинает чувствовать грехи и думать о последствиях наказания, то наводит такого рода мысли: я еще очень молод, придет время для раскаяния, а ныне я пока воспользуюсь тем, что есть, пока еще повладею предметом спора; от этого-то я как-нибудь защищусь, но покончу сначала с наслаждением и удовольствием, а потом успею покаяться. Приходит опять завтрашний день, и он опять совершенно опутывает тебя этими же самыми дьявольскими рассуждениями: опять указывает на будущее, а от настоящего отвлекает; и так каждый день — сегодня удерживая тебя в удовольствиях, а надежды на раскаяние относя на завтра, он заставляет тебя без пользы тратить свою жизнь день за днем на служение греху (9).

***

Нам нужны щит веры, шлем спасения и меч духовный, чтобы не только не потерпеть нам зла, но, если дьявол захочет напасть на нас, отсечь ему голову; нам нужны непрестанные молитвы, чтобы попрать его ногами. Диавол бесстыден и нагл; к тому же нападает снизу, однако, и таким способом побеждает. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударов: ведь он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог такое указал ему место в начале, тем более таков он ныне. Если же ты не знаешь, что значит нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебе способ такой борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земных вещей, посредством удовольствий, богатства и всего житейского. Потому, если дьявол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то,

во-первых, он не может наскочить на него, а во-вторых, если и решается, то быстро сам упадет: ведь он не имеет ног — не бойся, не имеет и крыльев — не страшись, он ползает только по земле и пресмыкается среди земных дел. Пусть же у тебя не будет ничего общего с землей, тогда тебе не потребуется и труда. Диавол не умеет сражаться открыто, но, как змей, скрывается в терниях, часто таясь в прелести богатства. Если ты посечешь это терние, то он, тотчас придя в робость, убежит, а если ты умеешь заговорить его божественными заклинаниями, то тотчас ранишь его. Есть у нас духовные заклинания — имя Господа нашего Иисуса Христа и сила Креста. Это заклинание не только изгоняет дракона из его логовища и ввергает в огонь, но даже исцеляет раны (11).

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Итак, возлюбленный, когда увидишь человека, по наружности одетого в бедную одежду, а внутри облеченного добродетелью, не уничижай его за наружность, но наблюдай душевное его богатство и внутренний свет, и тогда увидишь в нем отовсюду блистающую добродетель (1).

***

Навуходоносор, ввергнув в печь трех отроков и узнав на самом деле добродетель этих пленных юношей, начал прославлять их и превозносить повсюду на собственном языке (см. Дан. 3, 28). В том-то и открывается особенно величие силы Божией, что она заставляет проповедовать о рабах Божиих самих врагов их. И тот, кто в ярости повелел разжечь печь, когда увидел, что добродетель отроков при помощи свыше победила и силу огня, внезапно переменил мысли и воскликнул: *рабы Бога Всевышнего!* Посмотри, как он прославляет не их только, но и Господа всяческих. *Рабы Бога Всевышнего,* — говорит он, — *выйдите* (Дан. 3, 93). Что с тобою сделалось? Не ты ли предал их казни? Не ты ли приказал разжечь печь до такой степени? Да, говорит он; но теперь я вижу дивные и чудные дела. Эта стихия, как бы забыв свою силу, как бы связанная какими-то узами, показала такую покорность им, что не коснулась даже волос их. А отсюда должно разуметь, что это событие — выше сил человеческой природы, что какая-то неизреченная и божественная сила здесь действует и оказывает столь великое промышление об этих отроках.

Видишь ли человеколюбие Божие — как Бог не оставляя рабов Своих, хотя попустил им быть вверженными в печь, но желая и их еще более прославить, и Свое всемогущество показать, смягчил душу мучителя и явил столь великое долготерпение? Конечно, не столь чудно было бы, если бы Он с самого начала не допустил их быть вверженными в печь, как теперь дивно и чудно то, что Он даже и среди огня не попустил их потерпеть ничего неприятного. Так-то Бог, когда хочет, и находящихся среди тяжких бедствий еще более возвеличивает, и страждущих делает сильнее тех, которые причиняют им страдания. Так было и с апостолами (см. Деян. 4. 16). Те, которые, захватив их в свою власть, осыпали их угрозами, и как бы скрежеща на них зубами, говорили друг другу: *что нам делать с этими людьми?* — те держали их у себя в руках, но ни на что не отваживались. Столь сильна добродетель, и столь бессильна злоба; первая — и среди страданий побеждает, а последняя — и в том, что делает, показывает только собственное бессилие. Зная это, возлюбленные, будем иметь все попечение о добродетели и убегать зла. Таким образом, получим и помощь свыше, и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы (1).

***

Такова сила добродетели, что и чрез самые гонения она достигает большей славы. Подлинно, нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, — не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и вышнею помощью. А с такою помощью и с таким содействием он сильнее всех, он непобедим, он неуловим не только для наветов людских, но и козней бесовских. Зная это, будем избегать не злостраданий, а злодеяний. Злые дела и составляют действительное злострадание. Кто умышляет сделать зло ближнему, тот ему нисколько не вредит; а если и вредит сколько-нибудь, то в настоящей только жизни, а себе готовит казни нескончаемые, муки невыносимые. И нам нельзя избежать их иначе, как если будем располагать себя к готовности переносить зло, и, по учению Господа, будем молиться за тех, кто делает нам зло (1).

***

Добродетель не подвергается рабству и ничто не может

преодолеть ее: ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни сама смерть, которая сильнее всего. Доказательством служат все те, которые перенесли все это и сделались от того более славными. Какой вред потерпел Иосиф от рабства (ничто не препятствует опять указать на того же мужа), какой от заключения, какой от уз, какой от клеветы, какой от козней, какой от жизни в чужой земле? Какой вред потерпел Иов от истребления волов и стад, от насильственной и преждевременной смерти детей, от поражения тела, от скопища червей, от невыносимой скорби, от сидения на гноище, от наветов жены, от укоризн друзей, от порицания рабов? Какой вред потерпел Лазарь от того, что лежал при воротах, был облизываем языками собак, от постоянного голода, от презрения богача, от ран, от невыносимой боли, от недостатка покровителей, от презрения со стороны тех, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вред потерпел Павел от множества темниц, истязаний, смертей, потоплений и прочих искушений, которых невозможно исчислить словом? Размышляя обо всем этом, будем избегать порока и следовать добродетели; будем молиться, чтобы нам не впасть в искушение; а если когда впадем, то не будем падать духом и унывать, потому что это — оружие добродетели для тех, которые пользуются им, как должно (4).

***

Обитающий с добродетелью в лесах будет жить безопаснее, чем в городе; напротив, предавшийся неправым действиям, хотя бы был окружен тысячью стен, ничем не отличается от безоружного и незащищенного. Великое благо добродетель, сохраняемая со всяким попечением; но великое зло — грех, т.е. предание себя растлению. *Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе* (Еккл. 7, 19). *Отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст* (Притч. 14, 7). Облечемся же в эти доспехи: нет ничего крепче этого вооружения, никогда не оставляющего нас безоружными и незащищенными (4).

***

Ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его. Он как бы окружен солнечным лучом и светит яснее самого

луча, простирая свое сияние не на землю только, но и на самое небо (6).

***

Будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет ее и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой бедности делает его достаточнее богатого (6).

***

Скажешь, я желал бы лучше быть добрым по необходимости и не получать никаких наград, нежели быть злым по свободному решению и терпеть наказания и мучения. Но невозможно быть добрым по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно делать, заяви, и тогда мы скажем, что следует сказать; а если знаешь, что невоздержание есть зло, то почему не убегаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другие люди, совершившие такие великие подвиги, осудят тебя и заградят тебе уста с великой силою. Ты, может быть, и жену имея, не соблюдаешь целомудрие; а другой, и не имея жены, хранит совершенную чистоту. Какое же ты имеешь оправдание, не соблюдая меры, тогда как другой восходит выше заповеданного? Но я, говоришь, не таков по своей телесной природе или по расположению. Да — потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что все способны к добродетели; кто чего не может сделать, тот не сможет и в случае необходимости; если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по свободному решению. Например: летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью [не повинующимся] и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сделано было касательно целомудрия и приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали бы многие повиноваться приказаниям? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий

не прелюбодействовать, и не все повинуются. Но не потому, что закон бессилен, а потому, что многие надеются укрыться. Если бы при тех, кто склоняется на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы силен прогнать похоть. Если даже я представлю другую меньшую необходимость, например, возьму и уведу его от любимой женщины и, связав, запру где-нибудь, то и тогда он в состоянии будет перенести и не потерпит ничего худого. Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе и такой-то зол по природе. Если бы кто был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым; а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое состояние, и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где, например, мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев. Если бы [добро и зло] были естественны, то таких перемен не было бы. Так, мы чувствительны по природе и при всем старании никогда не сделаемся нечувствительными. Что свойственно природе, то не выйдет из природы. Никто, имеющий нужду в сне, не перестанет спать: никто, подвергающийся тлению, не избавится от тления; никто алчущий не достигнет того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится в вину, и мы сами за это не укоряем себя. Никто в укор другому не говорит: о, тленный, о, чувствующий! — но всегда на вид обвиняемым мы поставим или прелюбодеяние или блуд или что-нибудь подобное и за это приводим их к судьям, которые осуждают и наказывают, а за противное тому награждают. Итак, и из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, и из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, и из того, что от нерадения становимся хуже, а от страха лучше, и из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, — очевидно, что в нас находится возможность добродетели. Для чего же многие из нас понапрасну обольщают себя холодными извинениями и предлогами,

не только не заслуживающими прощения, но и навлекающими тяжкое наказание, тогда как следовало бы заботиться о добродетели, имея пред глазами тот страшный день, и, потерпев немного, достигать неувядаемых венцов? Эти извинения не принесут нам никакой пользы; рабы, нам подобные и успевшие в противном, осудят всех согрешающих, жестокого — милостивый, злого — добрый, дерзкого — кроткий, завистливого — дружелюбный, тщеславного — любомудрый, нерадивого — усердный, развратного — целомудренный. Так совершит Бог суд над нами, разделив нас на две части, и одних удостоит похвалы, а других наказания (12).

***

Будем соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродетели, потому что *вы*, — говорит [апостол Павел], — *сияете, как светила в мире* (Флп. 2, 15). Каждый из нас получил от Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на круг солнца и удивляясь красоте, веществу и блеску этого светила, будем вместе с тем представлять, что в нас есть свет высший и лучший, равно как может быть и мрак густейший, если мы не будем внимательны. Глубокая ночь объемлет всю вселенную. Разгоним же и уничтожим ее (12).

***

Добродетель нам естественнее, а порок противоестественнее, подобно как болезнь и здоровье. Так, Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы смотрели с любострастием, но чтобы, удивляясь созданиям, поклонялись Создателю. Что действительно таково назначение глаз, это видно из опыта: красоту солнца и неба мы видим чрез неизмеримое пространство, а красоты женской никто не мог бы увидеть на таком расстоянии. Не очевидно ли, что глаза наши созданы более для первого? Также Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда он воспринимает что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тело содрогаются. *Пустословие много клянущихся*, — говорит [Премудрый], — *поднимет дыбом волосы* (Сир. 27, 14). Также, услышав что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышав что-нибудь

нежное и человеколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносят срамные слова, то заставляют нас стыдиться и закрываться; а когда слова благопристойные, то они текут спокойно и свободно; никто не станет стыдиться естественного, а стыдятся того, что неестественно. Руки также, когда похищают, то скрываются и ищут защиты, а когда подают милостыню, тогда выставляются на вид. Итак, если мы захотим, то все будет много располагать нас к добродетели. Если же укажешь мне на удовольствие, проистекающее от порока, то заметь, что еще большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды — это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия; а противное тому для понимающего сущность неудовольствия всего мучительнее, как-то: быть у всех в презрении, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущего и настоящего (12).

***

В удовольствии живет только добродетельный; он истинно богат и истинно свободен. Если же кто, согласившись приписать добродетели безмятежность, спокойствие, свободу от опасений, от всякого страха и всякого подозрения, не согласится только приписать ей удовольствия, тот мне кажется весьма смешным. В чем же другом и состоит удовольствие, как не в том, чтобы быть свободным от опасений, страха и огорчений и ничему не раболепствовать? Кто живет в удовольствии, скажи мне, тот ли, кто неистовствует, мятется, терзается множеством страстей и не владеет сам собой, или тот, кто свободен от всех этих волнений и пребывает в любомудрии, как в пристани? Не явно ли, что последний? Но это свойственно одной добродетели. Порок только носит имя удовольствия, а на самом деле лишен его; прежде, чем он выполнен, он — неистовство, а не удовольствие; а когда выполнен, то [и неистовство] внезапно исчезает. Если же ни в начале, ни впоследствии не видно в пороке удовольствия, то где же оно и когда? Чтобы ты лучше понял слова мои, объясним это примером. Положим, что кто-нибудь влюбился в красивую и миловидную женщину; доколе не будет удовлетворена страсть его, он бывает подобен беснующимся и безумным; а когда удовлетворена, то исчезает и похоть. Если же

ни в начале он не чувствует удовольствия — потому что находится в состоянии безумия, — ни впоследствии — потому что удовлетворением страсти прекращается пожелание, — то где же это удовольствие? Напротив, наши удовольствия не таковы: они и в начале чужды всякого смятения, и до конца сохраняются в своей силе, или, лучше, у нас нет и конца удовольствию; блага наши не имеют предела, и удовольствие наше не исчезает никогда. Итак, представляя себе все это и желая получить удовольствие, будем любить добродетель (12).

ДОМ

Не видите ли, как богатые люди после обеда приглашают певцов и флейтистов? Они свой дом делают театром — ты сделай свой дом небом; а сделаешь это не тогда, когда переменишь стены или переставишь основание, а когда призовешь к своей трапезе самого Владыку Небесного. Бог не презирает такие вечери. Где духовное учение, там и смиренномудрие, и честность, и скромность; где муж, и жена, и дети в согласии и любви соединены узами добродетели, там посреди Христос. Он ищет не золотой крыши, не блестящих колонн и не красивых мраморов, а красоты души, духовного благолепия, трапезы, обильной праведностью и имеющей плоды милостыни. Когда Он увидит такую трапезу, тотчас приходит и принимает участие в собрании. Он сам сказал: вы видели Меня алчущим, и напитали (см. Мф. 25, 35). Итак, когда услышишь, что внизу громко кричит нищий и затем дашь просящему что-нибудь из того, что находится на столе, то в лице раба ты пригласил Господа к своей трапезе, всецело исполнил ее благословений и этим начатком положил весьма важное основание к тому, чтобы твои житницы наполнились множеством благ (1).

***

Все, что бывает в мире, и делается, и производится, имеет установителя и совершителя, и только мир не имеет управителя? Если нет Бога, что ты делаешь в его владениях? Ты остаешься в доме Божием и не признаешь его хозяина? Или будь благодарен за жилище, или уходи из дома. Зачем и дом позоришь, отрыгая худу (3)?

***

Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут

восхвалять Тебя (Пс. 83, 5). Дом Божий — закон; здесь Бог обитает как в Своем жилище и чрез него является тем, кто исполняет заповеди. Живущие здесь блаженны, во-первых, потому, что живут с Богом, затем и потому, что место это недоступно для злобы и что в нем имеется точное знание настоящего и ясное предвидение и созерцание будущего. Потому-то живущие там во веки веков восхвалят Бога, предвосхищая уже жизнь Ангелов, непрестанно восхваляющих Творца, и с настоящим славословием соединяя будущее (3).

***

Христос никогда не входил в блистательный дом, но был в доме мытаря, начальника мытарей и рыбаря, оставив царские палаты и тех, которые облекались в дорогие одежды. Итак, если и ты желаешь призвать Его в свой дом, то укрась последний милостынями, молитвами, всенощными бдениями и усердным молением. Это и составляет украшение для Царя Христа, а внешняя пышность есть украшение для маммоны, врага Христова. Итак, никто пусть не стыдится иметь бедный дом, если в нем есть такие украшения; равно никто из богатых пусть не гордится великолепным домом, напротив, пусть стыдится, и, оставив его, пусть поревнует о первом, чтобы и на земле принять Христа, и на небе удостоиться вечных селений (7).

***

Если теперь для того, чтобы иметь светлые и со здоровым воздухом дома, мы тратим множество денег, подвергаясь тяжким трудам при постройках, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми телами, чтобы создать себе светлые обители там, где тот неизреченный свет? Здесь споры и раздоры по поводу границ и стен; там нет ничего подобного; нет ни зависти, ни клеветы; никто не станет спорить с нами из-за границ. Притом этот дом непременно нужно будет покинуть, а тот останется при нас навсегда. Этот со временем неизбежно подвергается гниению и многочисленным повреждениям — тот не стареется никогда. Этого бедный не может построить — тот можно построить и на две лепты, как вдовица. Поэтому крайне прискорбно мне, что при стольких предстоящих нам благах мы беспечны и нерадивы. Чтобы иметь блистательные дома здесь, о том мы всячески стараемся; а чтобы на небесах устроить себе хотя малое приста-

нище, о том не заботимся, не помышляем. Скажи мне: здесь где желал бы ты иметь себе дом? В пустыне или в одном из небольших городов? Не думаю, без сомнения — в столицах и в больших городах, где больше блеска. Но я веду тебя в такой город, которого строитель и художник — Бог. Там, умоляю, устрояй и созидай себе дом — с меньшими издержками и с меньшим трудом. Этот дом созидается руками нищих, и он есть наилучшее здание; а те, которые строятся теперь, — дело крайнего безумия. Если бы кто повел тебя в Персию с тем, чтобы посмотреть на эту страну и потом возвратиться, а между тем стал бы советовать строить там дома: не назвал ли бы ты его крайне безумным за то, что он советует тебе тратиться по пустому? Как же ты делаешь то же самое на земле, которую скоро потом покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все детям. Но ведь и они оставят скоро после тебя, а нередко и прежде тебя; точно также и их потомки. Таким образом, и это бывает для тебя поводом к скорби, когда ты не видишь после себя наследников. Но там нет нужды опасаться ничего подобного; там приобретение остается постоянным и для тебя, и для детей, и для внуков, если они будут подражать той же добродетели. Тем зданием заведует сам Христос; строящему его нет нужды ни поставлять надсмотрщиков, ни заботиться, ни беспокоиться. Когда дело принимает на Себя Бог, к чему тогда заботы? Он Сам все собирает и воздвигает жилище. И не это только удивительно, но и то, что Он создает его так, как нравится тебе, или даже лучше, чем как тебе нравится и как ты желаешь, потому что Он наилучший художник и весьма заботится о твоих выгодах. Хотя бы ты был нищим и пожелал создать такой дом, это не породит против тебя зависти, не возбудит клеветы, потому что не видит его никто из тех, кому знакома зависть, а видят Ангелы, умеющие только радоваться твоему благополучию. Никто не станет захватывать границ твоего дома, потому что там нет ни одного соседа, страждущего такою болезнью. Твоими соседями там будут святые, Петр и Павел, все пророки, мученики, сонм Ангелов и Архангелов. Ради всего этого раздадим наше имение нищим, чтобы наследовать те обители (8).

***

Представим два дома: один наполненный отправляющими

брачное пиршество, и другой — сетующими. Войдем мысленно в тот и другой и посмотрим, который из них лучше. Дом сетования окажется исполненным любомудрия, а дом брака — бесчиния; смотри, здесь в самом деле: нескромные речи, беспорядочный смех, еще более беспорядочные движения, одежда и походка, исполненные бесстыдства, действия, отличающиеся безумием и непристойностью; вообще здесь нет ничего, кроме смешного и достойного осмеяния. Говорю не о браке, — да не будет! — но о том, что бывает на браке. Здесь извращается природа человеческая; присутствующие обращаются из людей в бессловесных животных; одни ржут, подобно коням, другие бьют ногами, подобно ослам, все в беспорядке, все в смятении; нет ничего благопристойного, ничего благородного; здесь великое торжество для диавола — кимвалы, флейты, песни, исполненные прелюбодеяния и разврата. Не так бывает в жилище сетования — все там бывает благопристойно; там глубокое молчание, совершенная тишина, великое сокрушение; нет ничего непристойного, ничего бесчинного. Если же кто станет говорить, то все слова его звучат, как исполненные любомудрия; и, что достойно удивления, в таком случае бывают любомудрыми не только мужи, но и слуги, и жены. Таково свойство скорби. Стараются утешить сетующего, высказывают множество мыслей, исполненных любомудрия. Тотчас начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила из пределов; с готовностью утешают страждущих; исчисляют множество примеров подобных же сетующих (10).

ДРУЗЬЯ

Любовь лучше власти и всякого богатства; она дороже здоровья и самого света; она — основание благодушия. Доколе мы будем ограничивать любовь одним или двумя? Возьми себе урок и из противного. Пусть кто-нибудь не имеет ни одного друга (что служит знаком крайнего неразумия, потому что только глупый скажет: нет у меня друга): какова будет жизнь его? Хотя бы он был чрезвычайно богат, хотя бы в довольстве и роскоши, хотя бы приобрел бесчисленные блага — он бывает одинок и беспомощен. Между друзьями же не так; но хотя бы они были и бедны — они бывают богаче богатых. Чего кто-нибудь не посмеет сказать сам за себя, то скажет за него друг; чего не

может доставить сам себе, того достигнет чрез другого и даже гораздо более того. Таким образом, дружба будет для нас основанием всякого удовольствия и всякой безопасности. В самом деле, невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царские телохранители не так бдительны, как эти: те охраняют по нужде и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнее страха. Притом царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, больше надеется на них, чем на себя, и при них не боится никого из злоумышляющих. Будем же приобретать этот товар — бедный, чтобы иметь утешение в бедности, богатый, чтобы в безопасности владеть богатством, начальник, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы иметь благосклонных начальников. Это — повод к снисходительности, это — основание кротости. Ведь и между зверьми те особенно жестоки и неукротимы, которые не живут стадами. Потому-то мы и живем в городах, и имеем площади, чтобы обращаться друг с другом. Это и Павел повелел, говоря: *не будем оставлять собрания своего* (Евр. 10, 25); нет ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и те, которые заняли вершины гор? И они не без друзей. Они удалились от шума городского, не имеют многих товарищей, единодушных с ними и искренно привязанных друг к другу. Для того они и удалились от мира, чтобы достигнуть этого. Так как пререкательство о делах производит многие распри, то они, удалясь от мира, с великим усердием упражняются в любви. Что же, скажешь, если кто будет один? Ужели и он имеет бесчисленных друзей? Я желал бы, конечно, видеть, если возможно, чтобы [отшельники] и жили вместе; но и теперь да будет непоколебима дружба. Ведь не место делает друзьями. И у них есть много почитателей; но их не почитали бы, если бы не любили. Да и они, с своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служит величайшим доказательством дружества. Потому-то и в таинствах мы лобзаем друг друга, чтобы нам — многим — быть едиными, и о непосвященных совершаем общие молитвы, молимся о больных, о плодах вселенной, о земле и море. Видишь ли всю силу любви в молитвах, в Таинствах, в увещаниях? Она — причина всех благ (9).

***

Позаботься приобрести себе друзей прежде домашних своих, прежде всего прочего. Если *миротворцы* есть *сыны Божии* (Мф. 5, 9), то не тем ли более приобретающий друзей? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то делающий примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будем совершать эту куплю, враждующих между собою делать друзьями, соединять тех, которые ни враги, ни друзья между собою, а прежде всех — нас самих (10).

ДУХОВНЫЕ БЛАГА

Когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных. А если нет их, то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить. О них молиться научил нас и Христос. И если мы вникнем в ту молитву, то не найдем в ней ничего плотского, но все духовное. Даже и то немногое чувственное, о чем мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только хлеба *насущного*, то есть ежедневного, было бы знаком ума духовного и любомудренного. Но смотри, что предшествует этому: *да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф. 6, 9–10). Затем, сказав о том чувственном, Он тотчас уклонился и опять пришел к учению духовному, говоря: *прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Ничего [не сказал] о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву все, что клонится к пользе души, — ничего земного, но все небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и настоящих, то как будем мы несчастны и жалки, когда станем просить у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, если и имеем, чтобы избавить нас от забот, а чего повелел просить, о том не будем иметь никакого попечения, или даже не будем и желать того? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха. Как же, скажешь, богатеют люди злые? Как неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Бог дарует им это, нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большего наказания. Вот послу-

шай, что сказано ему: *чадо! ты получил уже доброе твое, а Лазарь — злое; ныне же он утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 25). Итак, чтобы и нам не услышать этого голоса, нам, которые суетно и безрассудно проводят жизнь в роскоши и прилагают грехи ко грехам, станем заботиться о приобретении истинного богатства и совершенного любомудрия (8).

***

Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра — прах рассеянный; сегодня — огонь пылающий, а завтра — пепел остывший. Но не таковы блага духовные: они всегда сияют и цветут и с каждым днем становятся прекраснее. То богатство никогда не гибнет, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергает беспокойству, зависти или порицанию, не губит тела, не растлевает души, не возбуждает зависти, не навлекает ненависти, между тем как все это соединено с богатством. Та слава не доводит до безумия, не рождает надменности, никогда не перестает и не помрачается. Покой и наслаждение на небесах также непрерывны, всегда неизменны и бессмертны: нельзя найти для них ни предела, ни конца. Возжелаем же, убеждаю вас, этой жизни. Если будем ее желать, то не поставим ни во что блага настоящие, но станем презирать их, смеяться над ними. Все, что имеет конец, не очень вожделенно. Все, что прекращается, что сегодня есть и чего завтра нет, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, — все это кажется слишком малым и не стоящим внимания. Итак, будем любить не скоротечные, не преходящие и утекающие блага, но блага постоянные и неизменные (8).

ДУША

Вспомним, наконец, свое достоинство и подумаем о своем спасении, приложим всякое старание, чтобы не тело только наше было здорово, но чтобы и душа исцелилась от разнообразных ее недугов. И недуги души нам еще удобнее уврачевать, чем болезни тела, если только мы захотим быть воздержанными и бодрствовать. Так, если нас возмущает какая-нибудь страсть, но мы благочестивым умом представим себе будущий день Страшного Суда и будем иметь в виду не настоящие удовольствия, но последующие за ними мучения, то страсть тотчас отступит от нашей души и оставит

ее. Не будем же беспечны, но, зная, что нам предстоит подвиг и борьба и что нам нужно быть готовыми на брань, постоянно будем сохранять свой дух крепким и бодрым, чтобы, пользуясь помощью свыше, могли мы стереть главу лукавого зверя, т.е. я разумею — наветника против нашего спасения. Сам Господь обещал нам это, говоря: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). (1)

***

Будем приобретать себе праведность милостынею, чтобы и о нас достойно могло быть сказано: они расточили, дали убогим — и правда их пребывает во век века. Поелику сказано: *расточил, роздал*, — то, чтобы ты не подумал, будто расточенное погибает, тотчас и прибавлено: *правда его пребывает во веки*, — то есть после расточения временных сокровищ остается правда нерасточимая, простирающаяся на всю вечность и никогда не оканчивающаяся. А вместе с милосердием, приложим усердное попечение и о других добродетелях — укротим страсти плотские, изгоним из души своей всякое пожелание непотребное, всякое злое помышление, гнев, ярость, зависть и украсим всем благообразие души, чтобы, приобретши светлую и блистающую душевную красоту, привлечь к себе Владыку Небесного, и Он благоволил сотворить в нас обитель Себе: а Он, где только узрит душу благообразную, немедленно туда приходит (1).

***

Существо разрушается не все; благороднейшая и существеннейшая часть его — душа — остается навсегда бессмертной, не подвергаясь ни одному из этих бедствий, тление же касается только низшей части его. Это обстоятельство служит нам к большей чести; ведь мы не просто и не без всякой причины подвергаемся старости и болезням, но справедливо и для нашей пользы: справедливо потому, что мы впали в грех; для нашей пользы — чтобы посредством этих нужд и страданий искоренить гордость, исходящую у нас от беспечности. Следовательно, Бог попустил это не с тем, чтобы унизить нас: если бы Он хотел унизить, то не оставил бы нашу душу бессмертной. Но и не по бессилию сотворил Он наше тело таким: если бы Он был бессилен, то не мог бы и небо, звезды и состав земли поддерживать столь долгое время. А для того,

чтобы сделать нас лучшими, и благоразумнейшими, и более покорными Ему, от чего зависит все наше спасение. Потому Он не создал неба подверженным старости и другим каким-нибудь подобным слабостям, что, лишенное свободного произволения и души, оно не может ни грешить, ни исправляться; почему не имеет нужды и в исправлении. А вам, одаренным разумом и душой, необходимы были производимые этими страданиями скромность и смирение, так как и в начале первый человек прежде всего впал в гордость. Иначе, если бы небо создано было подобно нашим телам и так же старелось, многие увидели бы в этом большое бессилие Создателя как не могущего сохранить одно существо в течение многих веков; между тем теперь, когда Его создания пребывают столько времени, отнять у них самый повод [к этому] (1).

***

Когда душа избирает добродетель, несмотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока, несмотря на его удовольствия и еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть его и отвращаться. Таким образом, она приобретает навык — отвращаться от порока и любить добродетель (2).

***

Такова душа, зараженная гордостью. Однажды оставив попечение о своем спасении, она никогда не перестает безумствовать, но, передав бразды своего спасения безумным пожеланиям, носится везде. Как необузданный конь, сбросив узду с своих уст и свергнув всадника с своего хребта, несется быстрее всякого ветра и бывает неприступным для встречающихся, когда все разбегаются и никто не осмеливается удержать его, так и душа, отвергнув обуздывающий ее страх Божий и отбросив управляющий ею разум, бегает по странам нечестия до тех пор, пока, стремясь в бездну погибели, не свергнет в пропасть собственное спасение. Потому, нужно постоянно удерживать ее и как бы некоторою уздою благочестивыми помыслами обуздывать безумное ее стремление (4).

***

Большая часть грехов у нас порождается чувствами души. Наша душа, как бы девица в каком-нибудь чертоге, спокойно пребывает

в центре сердца, а за нею, подобно служанкам, ухаживают пять чувств. Какие чувства? Зрение, вкус, обоняние, слух и осязание. И вот, если никакое чувство не портится и не заблуждается, то и душа сохраняет свою чистоту и невинность; если же случится, что зрение, оставшись без кормчего, уязвится видом юношеской красоты и сильный порыв страсти посредством глаз проникнет в сердце, тотчас душа, объятая бурею похоти, утопает во грехе, ее целомудрие терпит крушение со всеми его последствиями (5).

***

Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верою, даже и в чудесах не имеет особенной нужды (6).

***

Не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь (потому что таковой имеет спутником своим благую надежду, возбуждающую, ободряющую, укрепляющую и делающую его ревностнейшим), сколько тогда, когда кто-либо после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути (6).

***

Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь, потому что *души праведных в руке Божией* (Прем. 3, 1). Если же души праведных в руке Божией, то и души детей, так как они не сделались еще злыми. Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче. И в другом месте Христос говорит: *в эту ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20). Да и быть не может, чтобы душа, вышедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой надобно идти дорогой, то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путеводителя, куда ей должно идти? Также и из многих других доказательств всякий может легко увидеть, что душа,

вышедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так, Стефан сказал: *прими дух мой* (Деян. 7, 59); и Павел говорит: *разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). Также о патриархе Писание говорит: *и приложился к народу своему, и умер в старости доброй* (Быт. 25, 8). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил и не получил желаемого. Если бы это возможно было, то он сам пришел бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души по отшествии отсюда уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня (6).

***

Все прекрасное зависит от души. Если душа радуется, то розы рассыпает по ланитам; если печалится, то, отъемля всю красоту у тела, все облекает в черную одежду. И если постоянно находится в радостном состоянии, то и тело бывает в безболезненном состоянии; если же находится в печали, то и тело становится слабее и бессильнее паутины. Если рассердится, то и телу дает отвратительный и безобразный вид; если покажет ясный взор, то и телу дает приятный вид. Если бывает объята завистью, то и на тело разливает бледность и томность. Если исполнена бывает любовью, то и телу сообщает особенное пригожество. Таким-то образом многие жены, не будучи пригожи лицом, особенную приятность получают от души; напротив, другие, блистая внешней красотой, всю ее портят тем, что не имеют привлекательности душевной. Представь, как румянится белое лицо и какую производит приятность разнообразием цвета, когда краска стыдливости разливается по нему. Вот потому, в ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным. Подлинно, нет ничего прекраснее и любезнее доброй души. Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, не возмущаемым удовольствием. Итак, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю. Для чего, оставив самого мудреца, с изумлением смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внешний взор — постарайся узнать внутренний; и, если последний

некрасив, презри и внешний. Если ты увидишь безобразную женщину в прекрасной маске, конечно, не пленишься ей; наоборот, не захочешь, чтобы благовидная и красивая прикрывала себя маской, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты мог ее видеть в естественной красоте ее. Так поступай и по отношению к душе: ее наперед старайся узнать. Тело как маска прикрывает ее, и каково есть, таким всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро может сделаться прекрасной; хотя бы имела око безобразное, свирепое, суровое — оно может сделаться красивым, миловидным, ясным, ласковым, привлекательным (6).

***

Каково, по твоему мнению, состояние человека раздражительного и человека незлобивого и кроткого? Не правда ли, что душа последнего похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина, а душа первого — на шумную площадь, где страшный крик, где погонщики верблюдов, лошаков, ослов кричат изо всей силы на проходящих, чтобы их не задавить? Или еще, не походит ли душа последнего на средину городов, где сильный шум то с той стороны от серебренников, то с другой — от медников и где одни обижают, а другие терпят обиду? А душа первого похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч [солнца], откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прелестных цветов, как на весенних лугах и в садах, красующихся растениями, цветами и струящимися ручейками. Если здесь и бывает какой звук, то это — звук приятный, доставляющий большое удовольствие тому, кто его слышит. Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях дерев, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей дерев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя; или луг, покрытый розами и лилиями, которым склоняются друг к другу и отливают синевою, представляет как бы синее море в минуту легкого волнения. Одним словом, здесь всякому можно найти много подобий: когда посмотришь на розы, — подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фиалки, — подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лилии, —

подумаешь, что видишь небо. И не зрением только наслаждаешься здесь при виде такого зрелища, но и самим телом. Здесь человек по преимуществу находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле (10).

***

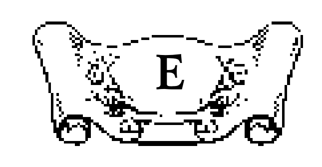
Невозможно, подлинно невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов. Она впадает в крайнюю болтливость, говорит невнятно, как старики или безумные, страдает притуплением внешних чувств, поражением членов тела, забывчивостью и гноетечением из глаз, становится отвратительною для людей и вполне пригодной для диавола. Таковы души грешников. Но не таковы души праведников, а юны и бодры, пребывают всегда в полном расцвете возраста, всегда готовы ко всякой борьбе и брани; души же грешников, когда подвергаются и слабому нападению, обыкновенно тотчас падают и погибают. Это выразил пророк, сказав, что *они — как прах, возметаемый ветром* (Пс. 1, 4), так непостоянны и подвержены всякому нападению живущие во грехах. Они не видят хорошо, не слышат правильно, говорят нераздельно, постоянно заикаются, рот их всегда полон слюны и хорошо бы — только слюны, это было бы не так отвратительно, но они испускают речи зловоннее всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не в силах выплюнуть слюну таких речей, но с большим бесстыдством вытаскивают ее рукою и снова растирают ее, так как она сделалась густой и трудноразделимой. Вероятно, вы чувствуете отвращение, слыша мое описание, тем отвратительнее самый предмет. Если неприятно это видеть в теле, то гораздо неприятнее в душе (11).

ЕРЕТИКИ

И пророки, и сам Господь, и блаженные апостолы вполне справедливо называли их [еретиков] волками, и не только волками, но и заразой, и нечестивыми, и противниками, врагами, коварными, хулителями, лицемерами, ворами, разбойниками, гнусными, лжепророками и лжеучителями, вождями слепыми, бродягами, злыми, антихристами, соблазном, сынами лукавого, плевелами, безбожными, духоборцами, хулителями Духа благодати, коим не отпустится ни в этом веке, ни в будущем. *И через них путь истины будет в поношении* (2 Петр. 2, 2). В довершение всего они — дети лукавого дьявола, как говорит Богослов: *дети диавола* (1 Ин. 3, 10) (9).

ЖЕЛАНИЯ

Не озабочивайся многим, чтобы не погнаться за тем, чего нельзя достигнуть, не заразиться неизлечимой болезнью и от того не сделаться несчастнее всех. Скажи мне, кто более мучится и терзается: тот ли, кто желает дорогих кушаний и напитков и не в состоянии удовлетворить своего желания, или тот, кто не имеет такого желания? Очевидно, тот, который сильно желает и не может получить желаемого. Состояние желающего и не получающего, жаждущего и не утоляющего своей жажды так мучительно, что и Христос, желая дать нам понятие о геенне, изображает ее точно так же, представляя в ней богатого среди пламени; последний, желая капли воды и не получая ее, жестоко мучился. Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое имение, тот еще более воспламеняет ее и никогда не в силах подавить. Последний, хотя бы собрал бесчисленное богатство, желает получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда он пожелает иметь еще вдвое более; и таким образом, более и более желая, он впадает в некоторый новый, ужасный и никогда не излечимый род сумасшествия, которое заставляет его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него в золото. Итак, знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло. В самом деле: если бы тебе пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то как бы ты истребил ее? Устройством ли крыльев и других потребных к тому орудий или путем рассуждения, что желание это невыполнимо и что не следует даже и пытаться его исполнить. Очевидно, последним способом. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостяжания; легче для людей

летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему. Если ты желаешь возможного, то можешь утешаться надеждой, что некогда это получишь; если же невозможного, то ты об одном только должен стараться, т.е. об истреблении такого желания, потому что иным образом нельзя доставить душе спокойствие. Итак, чтобы не напрасно нам беспокоиться, для этого, отвергнув постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству, устремимся к другой, которая и гораздо легче может сделать нас блаженными, и возжелаем небесных сокровищ. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная: никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага, напротив, тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, необходимо лишится первых (7).

***

Приступающие к божественной проповеди и внимательные к вере должны выказывать расположение жаждущих и возжигать в себе такое же, как у них, желание. Чрез это они будут в состоянии вернее удержать в себе проповедуемое. Жаждущие, взяв чашу, выпивают ее с великою охотой и тогда только успокаиваются. Так и те, которые слушают божественные слова, если будут принимать их с жаждою, никогда не отстанут от них прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, об этом сказано: *блаженны алчущие и жаждущие правды* (Мф. 5, 6). И здесь Христос говорит: *кто жаждет, иди ко Мне и пей* (Ин. 7, 37). Эти слова означают: Я никого не влеку принуждением и насилием; но кто имеет великое усердие, кто пламенеет желанием, того Я призываю (8).

***

Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так все те желания, от неудовлетворения которым гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, — желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и однако ж не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь и Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит*

(Мф. 19, 12), а о богатстве не так, — а как? *Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33) (9).

ЖЕНА

Многие ныне ведут войну в домах своих: один встречает войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата, иной от слуги, — и каждый мучится, досадует, сражается, причиняет войну и поражается войною; но никто не думает, рассуждая сам в себе, что, если бы он не посеял грехов, то не возросли бы в доме его терния и волчцы, если бы не подложил искр греховных, то не воспламенился бы дом его. А что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобою ведет войну жена, при входе твоем встречает тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? Прискорбно, конечно, что помощница сделалась противницею; однако исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиною, и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог. Он действует на тебя ею как железом, и как железо не знает того, что делает, а знает совершающий железом врачевание — врач, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно. А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует Божественное Писание; оно говорит, что грешному мужу дастся злая жена (см. Сир. гл. 25 и 26). Она дастся ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки (2).

***

Жена, всегда находящаяся при своем законном муже, никогда не подвергнется гибели, не потерпит падения, не впадет в прелюбодеяние, если же она удаляется от мужа, то хотя бы среди Ангелов жила, легко подвергается соблазнам. Где, в самом деле, предаются своим грязным делам жены, удаляющиеся от законных мужей, как не у гробов мучеников, под предлогом молитвы устраивая здесь свидания с нарушителями брака и оскорбляя тем самых мучеников? А часто они

даже и клянутся именем мучеников в верности своим беззаконным делам (3).

***

Когда мы беседуем со многими и говорим: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни? — то отвечают: как я могу, если не оставлю жены, если не оставлю детей? Почему же? Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе помощницею, а не вредительницею. Разве не имел жены пророк? И, однако, брак не был препятствием для Духа; он и жил с женою и был пророком. Разве не имел жены Моисей? И, однако, он и рассекал камни, и изменял воздух, и беседовал с Богом, и умилостивлял божественный гнев. Разве не имел жены Авраам? И, однако, он стал отцом народов и Церкви; он имел сына Исаака, который также был для него поводом к добрым делам. Не вознес ли он [в жертву] сына, плод брака? Не был ли он и отцом и боголюбцем? Не оказался ли священником, принесшим в жертву собственную утробу, — священником и отцом? Не показал ли в себе природу побеждаемую и благочестие побеждающее, естественную привязанность покоряемую и благочестивые действия покоряющие, отца устраняемого и боголюбца увенчиваемого? Не видишь ли ты его всецело и любящим сына, и любящим Бога? И попрепятствовал ли ему брак? А что мать Маккавеев? Не была ли она женою? Не присоединила ли семерых сыновей к лику святых? Не видела ли их мучениками? Не стояла ли она при этом непоколебимая, как гора? Не стояла ли она, перенося мученичество с каждым из них и как мать мучеников не вытерпела ли седмикратное мученичество? Ведь когда они были подвергаемы пыткам, она сама принимала удар. Не без боли она принимала это, потому что была мать, и терзание природы оказывало свою силу; и, однако, она не была побеждена. Было море и волны, и, однако, как бушующее море укрощается, так и возмущаемая природа была покоряема страхом Божиим. Как она намастила их? Как воспитала их? Как представляла Богу сем храмов, статуй золотых или, лучше, драгоценнейших золота? (4)

***

Женам следовало бы быть любомудрее мужей, так как они по большей части привязаны к занятиям домашним. Оттого именно и Иаков был *кротким*, что жил

дома и был свободен от внешних тревог; не без причины же Писание заметило о нем, как о живущем *в шатрах* (Быт. 25, 27). Но и в доме, скажешь, много беспокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множеством забот. Муж, обращаясь на торжищах и в судилищах, очевидно, обуревается внешними хлопотами, как бы некоторыми волнами; а жена, сидя дома, как бы в некоем училище любомудрия, и сосредоточив в себе свои мысли, имеет возможность заниматься и молитвою, и чтением, и другими делами любомудрия. И как живущие в пустынях не имеют никого, кто бы беспокоил их, так и жена, находясь всегда дома, постоянно может наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и тогда нет для нее повода к беспокойству. В самом деле, женщине нужно бывает выходить или для того, чтобы придти сюда, или когда надобно омыть мело в бане; затем большую часть времени она сидит дома. Поэтому она может и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженного мужа, утешать и успокаивать его, разгонять излишние и тяжелые его мысли и, таким образом, снова отпускать его уже без тех неприятностей, какие он принес с собою с торжища, но с добрым расположением, которое приобрел дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ни друзей, ни учителей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных, во входах и выходах, и в весьма многом другом; она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головою. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

Поэтому убеждаю: считайте это обязанностью и давайте надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома; она — Амнона; она намеревалась — Иова; но она же избавила Навала от смерти; она спасла целый народ. Так, Деввора

и Иудифь выказали доблести мужей — военачальников. Таковы же и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? И мы знаем, что в те времена Персида, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Когда он увидит, что ты не злонравна, не расточительна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть: в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если ты на словах будешь любомудрствовать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе с словами ты представишь ему наставление делами, тогда он похвалит тебя и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, но вместо этого скромности, целомудрия, благодушия, и, поступая так сама, будешь требовать того же и от него. Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезною и приятною для него, сколько — целомудрие и ласковость к нему и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей. То украшение неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот; а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным; а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и многое другое, а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и возбуждает зависть и возжигает ревность; а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия.

Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если не так, если будет со всех сторон лежать пред глазами и стеснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем пленяются глаза. Ведь вы знаете, верно знаете, что, если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в том удовольствия, когда у него душа болеет. Кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем, если золото все растрачено на украшение женина тела, а в доме обитает скудость, то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа, а приведете их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время бракосочетания; но впоследствии, с течением времени теряет свою цену. Если от привычки мы не очень удивляемся небу, которое так прекрасно, и солнцу, которое так блистательно, что ты не можешь сравнить с ним ни одного тела, то каким образом будем дивиться украшенному телу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповедал Павел: *не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9–10). Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы? Но это желание отнюдь не жены целомудренной. Впрочем, если хочешь, то и они будут очень любить тебя и хвалить за целомудрие. В самом деле, ту [любящую наряды] не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что ее бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту [целомудренную] и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от нее никакого вреда, а, напротив, еще наставление в любомудрии. И от людей ей будет великая похвала и от Бога великая награда (8).

***

Из всех зол злейшее — злая жена! Если она бедна, злоба ее доставит ей богатство. А если богатство уже в ее распоряжении, оно удваивает ее злобу; нестерпимое животное, неизлечимая болезнь, неукротимый зверь — вот что она тогда. Я знаю, что аспидов можно приручить лаской, а львы, тигры и леопарды укрощаются и делаются ручными. А злая жена неукротима; притесняемая, она неистовствует, ласкаемая — надмевается. Если ее муж — начальник, она день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду; если муж ее беден, она возбуждает его к зависти и ссорам; наконец, если она сделается вдовою, тогда уж сама принимается всех бесчестить. Страх Господень не обуздывает ее языка; она не боится ни Бога, ни будущего Суда, законов любви не признает. Даже предать на смерть собственного мужа для злой жены ничего не значит. В самом деле, праведного Иова его жена побуждала ускорить свою кончину богохульством. *Похули Бога*, — говорила она, — *и умри* (Иов 2, 9). О, злое существо! О, нечестивое желание! Не тронулась жалостью при виде страданий человека, у которого все тело кишело червями и, словно горячими углями, было осыпано гнойными струпьями; не смягчилась при виде мук и предсмертного томления, с конвульсиями и прерывающим дыханием; не прониклась состраданием, видя обнаженным и лежащим в навозе того, кто некогда выступал в царской багрянице; не вспомнила ни своих прежних отношений к нему, ни того, сколько добра и славы получила она чрез него. А вместо всего этого — *похули Бога и умри*. Вот благодарность жены! Вот пластырь, смягчающий боль! Вот закон супружеской любви! Говорил ли он когда-нибудь, когда тебе случалось болеть, такие слова? Не старался ли, напротив, молитвами и благодеяниями смягчить твою болезнь? А ты, не довольствуясь постигшим его временным наказанием, хочешь навлечь на него и вечное, побуждая его к богохульству? Не знаешь разве, что *всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 31–32)? Хочешь видеть и другую супругу такой же злобы? Вспомни Далилу. Сильнейшего Сампсона она остригла, связала и предала иноплеменникам. Своего собственного мужа, разделявшего с нею ложе, она

обольщала, обманывала, усыпляла своими ласками и своим лицемерием. Вчера любила, а сегодня обманула; вчера ублажала любовью, а сегодня погубила обманом. А разве он не был красив? Да кто в то время был красивее его, носившего на голове семь завитков, образ седмеричной благодати? Или разве он не был силен? Но кто же был сильнее его, когда он и страшного льва задушил на пути своими руками, и тысячу иноплеменников избил одною ослиною челюстью? Или он не был свят? Настолько был свят, что когда однажды, томясь жаждою и не находя воды для ее утоления, помолился Богу, то по его молитве из мертвой ослиной челюсти, бывшей в руках у него, истекла вода, и утолена была его жажда. И столь прекрасного, столь сильного и столь святого мужа его собственная жена, связав, как врага, предала иноплеменникам. Но как же женщина могла одолеть столь сильного мужа? Она воспользовалась его добротою, ночью выведала от него его силы и затем нагого связала его крепкими ремнями. Не даром Премудрость возвещает тебе: *от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих* (Мих. 7, 5). Какой, скажи мне, зверь и когда замышляет что-либо подобное на своего самца? Какая змея ищет погубить своего супруга? Какая львица готовит смерть своему самцу? Видишь, как истинны слова Премудрости: *нет головы ядовитее головы змеиной, и нет ярости сильнее ярости* женской (Сир. 25, 17)? Одним словом, кто имеет злую жену, пусть так и знает, что это ему награда за беззакония. Это опять подтверждается Премудростью: жена злая мужу беззаконному дана будет за его злые дела (9).

***

Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству; цвет лица ее увядает, ясность и кротость глаз помрачаются, как бы от какого облака, закрывающего лучи солнечные. Это — дело, свойственное не свободному человеку, но рабу, и крайне неблагородное. Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе

расположение души придает много красоты и телу (10).

***

Жена есть пристань и важнейшее лекарство для [ищущих] благодушия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища: а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби, хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Потому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более — жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она — член твой; вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды — великую пользу, сделав ее более благопокорной, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости.

Рассказывают, что один из внешних философов [Сократ], имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: я, говорил он, упражняясь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать Ангелам или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изго-

нял своей злой жены, а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но, так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницей житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри с своей сожительницей; тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни (12).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Никто из живущих в этой жизни не живет вечно, кроме только тех, которые живут всегда славной жизнью. И грешники живут, но живут в наказании, мучении и скрежете зубов; а те — во свете и славе, занимаясь вместе с бесплотными силами возношением таинственных песнопений Богу. Итак, чтобы и нам наслаждаться этою радостью, будем вести такую жизнь, чтобы достигнуть того состояния, которого не может представить ни слово, ни ум и ничто другое, но которого блаженство можно познать только самым опытом (2).

***

Желай жизни не безопасной, бездейственной и безбедной, но неколеблющейся от опасностей. Не одинаково ведь можно показать свое искусство, оставаясь спокойно в пристани или переплывая волнующееся море. Один делается ленивым, беспечным и слабым; а другой, испытав много подводных камней, много скал, много бурных ветров и других морских

опасностей и перенесши все это, делает свою душу более крепкою. Ты введен в настоящую жизнь не для того, чтобы бездействовать, лениться, не терпеть никаких бедствий, но чтобы чрез страдания сделаться славным. Не будем же искать покоя или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум. Ты молись усердно, чтобы не впасть в искушение, но когда впадешь, то не скорби, не смущайся, не унывай, а употребляй все силы, чтобы сделаться славным. Не видишь ли, как мужественнейшие из воинов, слыша призывающую трубу, взирают на трофеи, на победы, на венцы, на доблестных предков? Так и ты при звуке духовной трубы встань и будь мужественнее льва, иди и на огонь, и на железо. Сами стихии стыдятся истинно мужественных людей. И звери боятся таких храбрых мужей; хотя бы они рассвирепели от голода или от своих природных свойств, они забывают все, увидев праведника, и удерживают ярость свою. Итак, ограждай себя этим оружием — и ты не будешь бояться даже огня, хотя бы ты видел пламя, восходящее до неба (2).

***

Жизнь наша — не игра или, лучше сказать, настоящая жизнь — игра, но будущая — не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред тем, которые не хотят тщательно благоустроять самих себя (6).

***

Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы через них, явясь достойным веры и привлекши к Себе людей, ввести в мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает Царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы сделать нас равными Ангелам. Но что говорить

о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор — или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе — или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а через то увеличится их любостяжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни. Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть (7).

***

Умоляю вас, постараемся исправлять все недостатки и подавлять страсти, возрастающие у нас соответственно каждому возрасту. Если же в каждую часть жизни нашей мы будем проплывать мимо трудов добродетели, везде претерпевая кораблекрушения, то, достигнув пристанища без духовных сокровищ, подвергнемся крайнему бедствию. Настоящая жизнь есть обширное море. И как в море различные заливы имеют различные бури, например, Эгейское море опасно по причине ветров, Этрурский пролив — по причине узкого места, Харибда, близ Ливии — по причине мелей, Пропонтида, у Эвксинского понта — по причине быстроты и стремительности вод, часть моря близ Гадир — по причине пустых, непроходимых и неизвестных мест, и другие части моря опасны по другим причинам, так бывает и в нашей жизни. Первым морем можно назвать детский возраст, который подвержен многим волнениям по причине неразумия, легкомыслия и непостоянства. Поэтому и приставляем мы к детям воспитателей и учителей и попечением восполняем недостатки природы, подобно тому, как на море они восполняются

искусством кормчего. За этим возрастом следует море юности, где дуют сильные ветры, как на Эгейском море, — потому что тогда усиливается в нас похоть. Этот возраст особенно неспособен для исправления, не только потому, что подвержен сильнейшим волнениям, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бывает уже учителя и воспитателя. Когда же ветры дуют сильнее, а между тем кормчий слаб, и никто не подает помощи, то представь, как опасна буря! Далее наступает возраст мужеский, в котором предстоят человеку дела хозяйственные, жена, брак, деторождение, управление домом и великое множество забот. Тогда же особенно усиливается сребролюбие и зависть. Итак, если мы в каждом возрасте будем терпеть кораблекрушение, то как же пройдем мы настоящую жизнь? Как избежим будущего наказания? Если в первом возрасте не научимся ничему разумному, в юности не будем жить воздержно, сделавшись мужами не победим сребролюбия, то придя в старость, как бы на некоторое дно корабля, и ослабив ладью души всеми этими язвами, по разрушении досок ладьи достигнем пристани с множеством сора вместо духовных сокровищ и возбудим в дьяволе смех, а себе причиним плач и доставим нестерпимые мучения (7).

***

Доколе будем мы жить суетно и напрасно? Если здесь данное нам время мы проведем без пользы, то, отошедши отсюда, подвергнемся тяжкому наказанию за неосмотрительную трату. Бог даровал нам эту настоящую жизнь и вдохнул в нас разумную душу не для того, чтобы мы пользовались только этой временной жизнью, но чтобы все получили и будущую жизнь. Неразумным животным предоставлена только настоящая жизнь, а мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы готовиться к тамошней жизни, чтобы просиять там, чтобы ликовать с Ангелами, чтобы Царю предстоять всегда — в бесконечные веки. Для того и душа наша бессмертна, и тело будет возвращено нам. Если же ты, когда перед тобой небесное, привязан к земле, — подумай какую обиду наносишь ты своему Благодетелю. Он предлагает тебе небесное, а ты, не обращая на это внимания, предпочитаешь землю? Пренебрегаемый, Он угрожал тебе и геенной, чтобы ты узнал отсюда, каких ты лишаешься благ (9).

***

Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться, здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя, на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печется только об одном, как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам все. Об одном только нам надобно стараться, как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но все — благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться, чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе помощь Его. *Если Бог за нас, кто против нас?* — говорится (Рим. 8, 31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвратился от нас (10).

***

Великое дело — жизнь, возлюбленные; как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, как силою Божиею. Что же, когда и эллины бывают такими? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хотя содержали самое развращенное учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения; а другие, и, осуждая их учение, уважали их за жизнь; это не хорошо, но так было. То и ослабляет важность нашей веры, то и извращает все, что никто нисколько не думает о жизни, это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о Суде и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в Промысел. Душа, погрязшая в многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть Суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло.

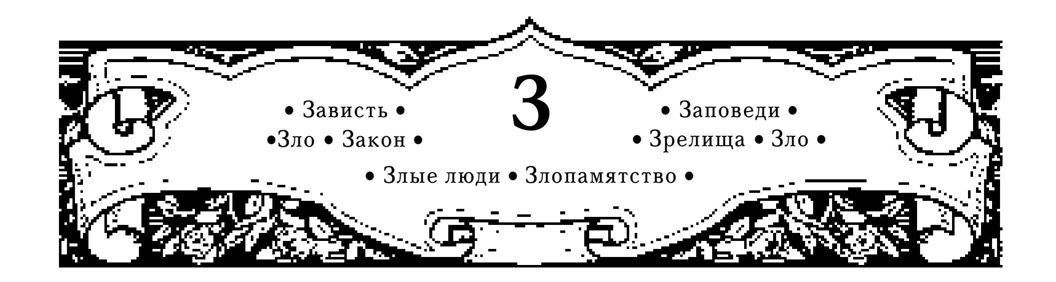
Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает

людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и извращает все. Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без Промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, для того он делает все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таков именно по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здравой вере, но принимает все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения. Потому, увещеваю вас, будем пещись о добродетельной жизни, чтобы не принять дурного учения (10).

***

Будем непрестанно умерщвлять тело в делах его. Я говорю это не о сущности тела — да не будет, — а о склонностях к порочным делам. Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям — в этом тоже состоит жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти, он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного, он уже погиб и уничтожен. Что может быть несчастнее такой жизни? Но не таков живущий Духом: он стоит выше и страхов, и скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но — что гораздо важнее — презирает все, что бы ни случилось (11).

ЗАВИСТЬ

Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает самое дерево, так и зависть прежде всего сокрушает самую душу, породившую ее в себе. А тому, кому завидует, делает не то, чего желал бы ему, а совсем противное. В делах зависти ты смотри не на начало, а на конец и прими во внимание то, как самая злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются их зависти, потому что страдающие от зависти преклоняют Бога к себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий, будучи лишен благодати Божией, легко впадает в руки всем. Порабощаемый прежде всяких внешних врагов собственною страстью, он как бы сокрушает сам себя и, как бы пожираемый невидимыми зубами и таким образом истощаясь сам в себе, так сказать, погружается в бездну. Зная это, будем, убеждаю вас, убегать этой пагубной страсти и всеми силами исторгать ее из души своей. Это гибельнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого диавола. Потому и Премудрый говорит: *Завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24). Что значит: *завистью диавола вошла в мир смерть*? Это значит: когда тот злой зверь увидел первозданного человека бессмертным, то по злобе своей увлек его к преступлению заповеди и таким образом сделал то, что человек подвергся наказанию смерти. Итак, зависть произвела обольщение, обольщение — преступление, преступление — смерть. Потому сказано: *Завистью диавола вошла в мир смерть.* Видишь ли, какое зло от этой страсти? Возвеличенного бессмертием она подвергла смерти. Но тогда как враг нашего спасения, побуждаемый собственною завистью, был причиною того, что первый человек, созданный бессмертным, подвергся осуждению смерти, — благопопечительный и человеколюбивый

Господь собственною смертью опять даровал нам бессмертие, так что мы приобрели еще больше, нежели сколько потеряли. Диавол лишил нас рая, а Господь возвел на небо; тот был причиною осуждения нашего на смерть, а Этот даровал нам бессмертие; тот лишил нас райского блаженства, а Этот уготовал нам Царствие Небесное. Видишь ли премудрость твоего Господа, как он те самые оружия, которые завистью диавола направлены были против вашего спасения, обратил на его же главу? Притом Господь, не только удостоил нас больших благ [чем в раю], но и самого диавола предал во власть нашу, сказав: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов* (Лк. 10, 19). Итак, размышляя обо всем этом, исторгнем зависть из нашей души и будем стараться о приобретении благоволения Божия. Оно — наше оружие непобедимое; оно — наше самое великое могущество; при его помощи и Измаил, хотя был еще юн и находился в пустыне и в крайне затруднительных обстоятельствах, возвеличился и имел в потомстве многочисленный народ — потому что *Бог был с отроком*, говорит Писание (Быт. 21, 20) (1).

***

О, зависть, сестра лицемерия, виновница коварства, сеятельница убийства, змеиное семя, губительный цвет. Что сквернее зависти? Ничто. И саму смерть что породило? Ничто другое, кроме зависти, как свидетельствует и Писание, говоря, что *Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, но завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 1, 13; 2, 24). Мне кажется, возлюбленные, что зависть есть изобретение змия и что невозможно иметь зависть откуда-либо иначе, как если только змей порождает ее, тайно вползши в кого-либо и извергнув яд из своего сердца в сердце принявшего его. Таким образом, завистник стоит в ряду со змием и имеет ту же силу. Ты видел завистливого? Видел змея? Свое он говорит тебе, как друг, а твое принимает от тебя, как враг твой. Приходит змей к Еве, как друг, чаруя ее сладкими словами, но уловляя ее горькими мыслями; на устах неся мед, а в сердце скрывая меч; в одну сторону скрывая голову и в другую виляя тебе хвостом. Приходит к Авелю Каин, как друг; говорит мирно, а думает враждебно; коварством дышали его уста, а зависть скрывалась в его

сердце. Приходит к тебе завистник; он говорит приятное тебе, обращаясь к тебе с льстивыми словами и вкрадчивым смехом, он заставляет твое лицо просветлеть; он раскрывает твое сердце, чтобы опустошить сокровенные его тайники. В беседе он выведает твои тайны и разнесет их повсюду. Если ты обманываешь его, он не переносит этого: перестает смеяться, улыбка исчезает с его лица, он стоит с видом сурового обвинителя и не двигается, пока не заметит твоего смущения, и тогда начинает смеяться. Если на пиру что-нибудь говорится против тебя, он жадно прислушивается. Хорошо. Если же что-нибудь говорится в твою пользу, он, вставляя различные слова, отравляет внимание слушателей, чтобы сказанное о тебе не принесло тебе пользы и в твоем отсутствии. Что хуже завистника? Ничто. К каким зверям причислить его? Если сравнить его со львом или барсом, ты найдешь в завистнике больше зла, потому что всякое животное любит подобных себе, а завистник брата своего ненавидит и его убивает. Вороны питали Илию на горе, а братья пожрали Иосифа, из зависти продали его. Змей при зависти обольстил Еву, и Каин по зависти убил Авеля. Кит в глубине моря дал приют Ионе, а Саул при зависти преследовал Давида. Львы устыдились Даниила, а иудеи из зависти распяли Христа. Ядовитые змеи укрощаются лаской, а завистники, получая благодеяния, еще более разжигаются. ... Помолитесь и вы, преследуемые завистью, чтобы не потерпеть вам от завистников чего-нибудь худшего и самим не впасть в тот же недуг, потому что *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12). Помолитесь и вы, завидующие, чтобы, извергнувши змеиный яд, вам сподобиться небесного хлеба во свидетельстве чистой совести (3).

***

Такова-то зависть! Нет зла хуже ее. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие, и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны — вредить нам; так и завистливый радуется несчастию ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел,

почитая чужие несчастия своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди не достойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастиях других. Другие жалеют и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в Царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: *а сыны царства извержены будут* (Мф. 8, 12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в дьявола и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии разверзшеюся землею поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко, а надобно позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в Церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее; но если откроется, что она зло, то легко оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к ней, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Но кто ж не знает, скажешь, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий страсть эту ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы помиловал его за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладаемый гнуснейшею из всех страстью, если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно

завидовал. Отчего сделался таким преступником Каин, отчего Исав, отчего дети Лавановы, отчего сыны Иакова, отчего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, отчего Мариам, отчего Аарон, отчего сам дьявол? Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечом себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в Царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот после злоумышления своего не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит, и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастию своих врагов, как-то сказано: *не радуйся, когда упадет враг твой ... увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его* (Притч. 24, 17–18), то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества пред мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников? Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать Ангелам и даже Владыке Ангелов, ревнуем дьяволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, — почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважают и хорошо говорят об нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным? Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают и, что всего хуже, — происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты

завидуешь, скажи мне?... Достойно ли это зависти? Напротив, не достойно ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам (6).

***

Нет ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, [завистливый] губит и себя самого. Глаз завистливого снедается печалью. Завистливый живет в непрерывной смерти, всех считает своими врагами, даже и тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется диавол. Приобрел ли кто почтение у людей? Это не честь: не завидуй. Почтен ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобен. Но ты не хочешь? Зачем же еще и губишь себя? Зачем бросаешь и то, что имеешь? Ты не можешь сравняться с ним и сделать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь разделять с ним труды его, ты должен, по крайней мере, радоваться вместе с ним, чтобы получить пользу от этого сорадования. Ведь часто достаточно бывает и одного намерения, чтобы получить великое добро. Вот, Иезекииль говорит, что моавитяне за то были наказаны, что радовались [несчастью] израильтян (см. Иез. 35, 12); а были и такие, которые спаслись потому, что воздыхали о бедствиях других. Если же есть некоторое утешение для тех, которые воздыхают о чужих бедствиях, то гораздо более [утешения] для тех, которые радуются почестям других. Бог обвинил моавитян за то, что они радовались [несчастьям] израильтян. И хотя сам же Он наказывал их, однако же Он не хочет, чтобы мы радовались наказанию других даже и тогда, когда Он сам наказывает, — потому что и Сам неохотно наказывает. Если же должно соболезновать о наказываемых, то тем более не должно завидовать тем, кому воздается честь. Чрез это именно погибли Корей и Дафан; кому они завидовали, тех сделали более славными, а на себя навлекли наказание. Зависть есть зверь ядовитый, зверь нечистый, зло произволения, не заслуживающее прощения, порок, которому нет оправдания, причина и матерь всех зол (8).

***

Зависть — страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила

вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От нее страсть к славе и стяжанию; от нее властолюбие и гордость. Отсюда на путях преступные разбойники и на морях грабители. Отсюда убийства во вселенной; отсюда разделение нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. *Подарки*, — сказано, — *ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращают обличения* (Сир. 20, 29). Она и свободных делает рабами. Об ней мы каждый день беседуем, но нет никакой пользы. Мы бываем хуже зверей, грабим сирот, обираем вдовиц, обижаем бедных, прилагаем к горю горе (8).

***

Многие подвергаются опасности вместе с находящимися в опасностях, но, когда другие успевают в делах, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя там нужны труды и пот, а здесь одно доброе желание и расположение, однако многие, перенеся более тяжелое, не совершили более легкого, но томятся и сами себя губят, когда увидят, что другие преуспевают и что всей церкви оказана услуга или словом, или иным чем-либо. Что может быть хуже такого человека? Он противится уже не брату, но воле Божией. Помыслив об этом, уничтожь недуг свой и, по крайней мере, избавь самого себя от множества зол, если не желаешь избавить и ближнего. Для чего ты ведешь борьбу со своими мыслями? Зачем наполняешь душу смятением, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь в таком состоянии, как ты можешь просить себе отпущения грехов? Если Бог не отпускает грехов тем, которые не прощают сделанных против них грехов, то какое прощение Он даст тем, которые мыслят зло на людей, нисколько их не обидевших? Это — доказательство крайней злобы; таковые вместе с дьяволом враждуют на церковь, а может быть, они и гораздо хуже самого дьявола. Ведь от дьявола можно остеречься, а такие люди, нося личину дружбы, тайно возжигают огонь, сами же себя ввергая в печь первыми и страдая болезнью, которая не только не может вызвать сожаления, но и возбуждает сильный смех. Скажи мне: почему ты бледнеешь, трепещешь и сделался крайне робок? Какое случилось несчастье?

Не то ли, что брат твой богат, знаменит и пользуется почетом? Значит, тебе нужно бы украсить себя венком, радоваться и прославлять Бога, что твой сочлен стал знатен и славен, а ты скорбишь о том, что Бог прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Бог прославляется, а прославляется брат. Но через него слава восходит к Богу, а следовательно — и вражда твоя. Но не то печалит меня, говоришь ты, а я желал бы, чтобы Бог прославлялся через меня. Так радуйся успехам брата и вот — Бог прославляется и через тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастью друг друга. И что мне сказать о брате? Если он и был твоим недругом и врагом, а Бог через него прославился, то потому самому он должен сделаться твоим другом. А ты друга делаешь врагом, когда он получает почести и прославляет Бога. Если бы кто-нибудь излечил твое страждущее тело, то хотя бы он был и враг твой, не стал ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающего Тело Христово, то есть церковь, и своего друга ты считаешь врагом? И как ты можешь иным способом доказать свою вражду к Христу? Потому, хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнялся и с Ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток — будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодея, блудника, разбойника и гробокопателя. И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взяв огонь и заступ, стал разорять и сжигать этот дом [Божий] и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями как в человека нечестивого и беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, — я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен, и престола, здание учителей, то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? Пусть никто не говорит мне, что покушающийся на преступление часто не имеет сил исполнить его: дела оцениваются по расположению; так, Саул умертвил уже Давида, хотя и не осуществил этого на деле. Скажи мне,

неужели ты не понимаешь, что, враждуя с пастырем, ты злоумышляешь и на овец Христа, на тех овец, за которых Христос пролил кровь Свою и нам повелел все делать и терпеть? Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а выискивая своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итак, какое же будет врачевание от этого? Будем молиться все вместе и вознесем один голос за них, как за одержимых бесом. Ведь они находятся в положении даже более жалком, потому что безумие их произвольно, и болезнь эта имеет нужду в молитве, притом в молитве многой. Если не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха, то пойми, какого наказания может заслуживать тот, кто враждует на человека, ничем его не обидевшего? Такой хуже и язычника. Если любовь к любящим нас не дает нам никакого преимущества перед ними (язычниками), то, скажи мне, где займет место завидующий любящим? Завидовать хуже, чем ссориться. Ссорящийся, как скоро будет устранена причина ссоры, обыкновенно прекращает вражду; но завистник никогда не может сделаться другом. Первый ведет борьбу открытую, а второй — тайную; тот иногда может представить благовидный предлог к ссоре, а этот не может ни на что указать, кроме своего безумия и сатанинского настроения. Итак, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехидне? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ведь нет ничего нечестивее и злее такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу в крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело в исполнение древние проклятия, заставило того несчастного (Каина) забыть муки рождения, своих родителей и всех других, привело его в такое неистовство и ввергло в такое бешенство, что, когда Бог призывал его и говорил: *он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт. 4, 7), то он не тронулся и этим. Хотя бы Бог и простил ему вину и подчинил брата, однако эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки

будет обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнейший из всех? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это — сатанинское настроение. Или потому, что брат превзошел тебя славой? Но тебе возможно опять опередить его. Таким образом, если желаешь побудить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился повод к состязаниям, и побуди живого, тогда и у тебя будет светлый венец; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговор, который постыднее поражения. Но ничего этого не признает зависть. Ради чего же ты стремишься к славе в такой пустыне? Вот и они [Каин с Авелем] тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и он, все исторгнув из души своей, стал рядом с дьяволом и ополчился, именно дьявол был тогда вождем Каина. Так как ему недостаточно было того, что человек сделался смертным, то он самым родом смерти постарался увеличить несчастье и внушил Каину сделаться братоубийцей; он, никогда не насыщающийся нашими бедствиями, спешил, нетерпеливо желал видеть исполнение своего дела. Подобно тому, как если кто-нибудь, имея врага своего в узах и увидев, что над ним произнесен уже приговор, спешит, прежде чем он вышел из города, увидеть его умерщвленным и внутри города и не может пережидать надлежащего времени, так спешил тогда и дьявол. Хотя он и услышал, что человек должен возвратиться в землю, но он весьма сильно желал увидеть нечто большее — чтобы сын умер прежде отца, брат убил брата и смерть была преждевременная и насильственная. Видишь ли, к чему послужила зависть, как она исполнила ненасытное желание дьявола и предложила ему такую снедь, какую только он желал увидеть. Итак, будем избегать этого недуга. Ведь тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать того огня, уготованного дьяволу (11).

ЗАКОН

Человек до вкушения от дерева знал добро и зло, а не по вкушении получил это знание; объяснял то, почему [так] называется дерево познания добра и зла и как Писание имеет обычай называть время и место по тому событию, которое совершилось в этом месте и в это время. Сегодня следует уяснить самую заповедь, которой

[Бог] воспретил вкушение от дерева. В чем она состоит? *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть* (Быт. 2, 16). Это — божественный закон; будем же внимательны. Если, читая царские грамоты, люди заставляют всех собравшихся вставать, то тем более мы, готовясь читать не человеческие законы, а божественные, должны подняться умом и внимательно слушать, что говорится. Знаю, что некоторые винят законодателя и говорят, что закон был причиной падения. Поэтому наперед нужно обратиться к этому и самым делом показать, что [Бог] дал закон не по ненависти к человеку и не по желанию нанести оскорбление нашей природе, а по любви и попечительности. Что Он дал его нам в пособие, послушай, что говорит Исаия: *Обращайтесь к закону и откровению* (Ис. 8, 20). А кто ненавидит, тот не помогает. Опять, пророк взывает: *Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей* (Пс. 118, 105). А ненавидящий не прогоняет мрака светильником и не направляет блуждающего на путь посредством света. Еще Соломон говорит: светильник заповедь закона, и свет, и жизнь, и назидательные поучения (см. Притч. 6, 23). Вот (закон) не только помощь, не только светильник, но и свет, и жизнь. А (делать) это свойственно не тому, кто ненавидит и желает погубить, а тому, кто подает руку и помогает. Поэтому и Павел, обличая Иудея и показывая, сколько пользы принес закон, и что он для нашей природы служит успокоением, а не отягощением, сказал: *вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом* (Рим. 2, 17). Видишь ли, что Бог дал закон не для отягощения, но для успокоения нашей природы? Хочешь ли узнать, что — и ради чести? Вполне достаточно и это [сказанное] может свидетельствовать о чести и попечении, однако я сделаю это ясным и посредством других свидетельств. *Хвали*, говорит Давид, *Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего, ибо Он укрепляет вереи ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя; утверждает в пределах твоих мир; туком пшеницы насыщает тебя* (Пс. 147, 1–3). Потом сказав и о благодеянии, которое оказывает Бог через прочее творение, указал на особенное и важнейшее [благодеяние], говоря так: *возвестил слово Свое Иакову, уставы Свои и суды Свои Израилю. Не сделал Он того никакому другому народу,*

и судов Его они не знают (Пс. 147, 8–9). Смотри, сколько перечислил благ: безопасность города: *укрепляет*, говорит, *вереи ворот твоих*, — удаление войны: *утверждает в пределах твоих мир*, — изобилие необходимого для жизни: *туком пшеницы насыщает тебя*. Однако на дарование закона он указал как на драгоценнейшее из всего. Желая показать, что получение закона и познание судеб Божиих есть дар гораздо важнейший, нежели безопасность, мир, отсутствие войн, доброчадие и многочадие, и изобилие необходимого для жизни, он, поставив этот дар после всего как венец и совокупность благ, присовокупил: *не сделал Он того никакому другому народу. Так*, т.е. как? Изобилием и другими выше исчисленными благами часто наслаждались и многие, но не о вышесказанном, говорит, а о законе я сказал, что не сделал Он того никакому другому народу. Поэтому и прибавил: и судов Его они не знают. Ты видишь, что закон важнее всех исчисленных благ (1).

***

Закон дан Богом, потому что Он есть Царь царствующих и Господь господствующих. Закон обязателен вообще для всех людей: для начальников и подчиненных, для рабов и господ, для богатых и бедных. Название «закон» (νόμος) произошло от слова — νέμειν — «разделять», «назначать». От всех людей требуется законом: *не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, почитай отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 12–17). То же самое называется заповедью, потому что заповедует нам Бог делать добро и уклоняться от зла; оправданиями и судами — потому что праведники, соблюдающие заповеди, оправдываются пред Богом, а грешники, преступающие их, осуждаются. А откровением называется потому, что Бог чрез Свои Божественные Писания убеждает сохранять все заповеди Его. *Они не делают беззакония, ходят путями Его* (Пс. 118, 3) (3).

***

Видишь ли славу закона? Истинная слава его в том, когда он может руководить тебя ко Христу, а руководит он тогда, когда разъясняет, что сам он упразднится. Следовательно, и отсюда наносится еретикам смертельная рана. Если бы закон был противен и

враждебен Христу и не Им дан, то Павлу не следовало бы назвать славою закона то, что он может научить приступающих к нему, что чрез Христа он упраздняется. С другой стороны, если бы закон был худ, то не следовало бы снимать с него покрывало, но надлежало бы оставаться ему прикровенным и после благодати. Если благодать делает приступающих к ней более проницательными в деле разумения закона, так что отсюда они получают начала и все побуждения к вере во Христа, то какое кто-либо мог бы привести лучшее доказательство сродства закона с благодатью, как не то, что Христос открывает очи приступающих к Нему, чтобы они могли видеть руководство закона, а закон, открывшись и сделавшись ясным, возможет с большою легкостью руководить разумеющих дела Христовы? Так, это показывает, что ни Христос не враждует против закона, ни закон против Иисуса, но совсем напротив: закон предуготовляет людей к этому великому любомудрию, а Христос принимает их оттуда и возводит на верх совершенства (4).

***

Как глаз при самом освещении светом получает пользу, так и душа при самом повиновении закону получает величайшие плоды, очищается, освобождается от порока и восходит к самой добродетели; напротив того, преступающие закон еще прежде наказания получают наказание в самом преступлении, находясь в положении более жалком, нежели сидя во тьме, испытывая страх, терпеть и угрызения совести, и в самый полдень боясь и страшась всех знающих и ничего не знающих (4).

***

Полагать законы есть дело более прочего необходимое, и это отличает нас от лишенных разума. Что пользы иметь дар слова, когда мы лишены правильного разума? Страсти, которым мы подвергаемся, делают ум пустым, и потому происходит то, что способность говорить, которою нам следовало отличаться среди прочих, мы изменяем в болтливый нрав неразумных животных. Но у тех гнев тотчас успокаивается, у нас же упорствует ненависть. У них не бывает зависти, у нас же она всегда воспламенена. Таким образом, законодатель и закон — это первая и великая помощь. Потому иноплеменники, а также завоеватели городов считали законодателей большими благодетелями, чем

своих родителей. Это справедливо и заслуженно, так как последние дают жизнь, а те учат, как проводить честную жизнь, — вследствие чего происходят защита и твердость. Не стены, не войска, но справедливые законы делают государства безопасными (4).

***

Закон, данный через Моисея, есть совокупность разнообразных и необходимых учений, общеполезное собрание всего хорошего в жизни, таинственное подражание порядкам небесной жизни, светильники и подсвечники, огонь и свет, отблеск горняго света. Закон, данный через Моисея, есть прообраз благочестия, пособие в добром порядке жизни, сдержка для первого греха, намек на будущую истину. Закон, данный через Моисея, есть наказание египетского заблуждения, написанное перстом Божиим, потому что иначе бы высокая рука сохранялась. Закон, данный через Моисея, наставник благочестия, путеводитель к справедливости, просвещение слепых, воспитатель неразумных младенцев, оковы для дурно поступающих, узда для жестоковыйных, принудительное иго для зложелательствующих. Закон, данный через Моисея, воспитание мудрых, упражнение в делах необходимых, училище для познания мира, предводительное наставление, преходящая тайна. Закон, данный через Моисея, есть символическое, состоящее из намеков, сокращение будущей благодати, возвещающее образами исполнение будущей истины, жертвами — [святую] жертву, кровью — кровь, агнцем — Агнца, голубем — голубя с небес, жертвенниками — Первосвященника, храмом — дом Божества, огнем жертвенным — весь вообще свет, свыше озаряющий мир (9).

ЗАПОВЕДИ

Он [Бог] сам сказал: *на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Видишь, что Он сам указывает нам все духовные украшения, могущие сделать светлым душевное благообразие! На *сокрушенного духом*, — говорит, — *на смиренного*, а затем присовокупляет и то, отчего все другие добродетели происходят: *и на трепещущего пред словом Моим*. Что это значит: *Трепещущего пред словом Моим*? Значит — такого человека, который в самых делах своих показывает повиновение заповедям

Божиим, как и в другом месте сказано: *Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении* (Притч. 28, 14). И мы, когда видим, что слуга наш исполняет наши приказания с великим тщанием, со страхом и трепетом, оказываем ему более благоволения и благорасположения, а гораздо более окажет нам милости благий Господь наш. Поэтому Он и сказал: *Призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим.* Итак, будем трепетать слов Его и со всяким страхом исполнять их. А слова Его — это заповеди, данные нам от Него. Зная, что Ему угодно, что приятно, то и будем делать; и постараемся быть такими, оказывать послушание безмолвное, кротость, смирение, с великим благоговением и страхом исполняя все Его заповеди, чтобы Он, Владыка всяческих, приняв доброе расположение наших намерений и будучи доволен нашим послушанием, благоволил призреть на нас. Если Он благоволит сделать это, то приведет нас в состояние совершенной безопасности. *Призрю,* — говорит Он, — то есть, удостою своего попечения, простру руку, во всем помогу, в изобилии изолью щедроты Свои. Будем же, умоляю, делать все это, чтобы воззрел Владыка и на нас, — чтобы могли мы и настоящую жизнь провести беспечально, и будущих благ достигнуть (1).

***

Чтобы тебе не грешить, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. *Я возлюблю его,* — говорит Он, — *и Мы придем к нему* (Ин. 16, 21, 23), — не богатого, не здорового, но повинующегося моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвращается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь не исполняющего заповедей Его, то, хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, считай его в числе ненавидимых Богом; а добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни или бедности, считай в числе любимых Им. Не к тем — любовь Его, а к этим (2).

***

Не будем думать, что заповедей [Божиих] невозможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только он один, но услышал от Господа: *Я оставил между Израильтянами*

семь тысяч мужей (3 Цар. 19, 18). Отсюда видно, что и ныне есть много таких, которые ведут жизнь апостольскую, подобно как и тогда три тысячи и пять тысяч уверовавших. Если же мы не верим этому, то не оттого, что нет добродетельных, но оттого, что мы сами слишком мало делаем. Предавшийся пьянству не легко может поверить тому, что есть какой-либо человек, который не пьет даже воды, хотя и это многие из монахов исполняют на наших глазах. Похотливый не вдруг поверит, что легко можно сохранять девство; хищник не скоро поверит, что есть такие, которые охотно отдают и свое; так и те люди, которые каждодневно изнуряют себя бесчисленными заботами, не скоро примут учение о том, что можно быть свободным от житейских забот. А что многие исполнили это учение, мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь в состоянии исполнить и то. Итак, прежде оставим ненужную пышность, станем держаться умеренности и все, что думаем получать, научимся приобретать праведными трудами. Так и блаженный Иоанн, когда беседовал с собирающими пошлины и воинами, заповедовал довольствоваться жалованьем. Он, хотя желал возвести их к другой, гораздо высшей мудрости, но поскольку они к тому были еще неспособны, то предлагает низшую заповедь. Если бы он стал внушать высшие заповеди, то они не только не стали бы внимать им, но не исполнили бы и низших. Поэтому и мы занимаем вас истинами низшими; мы ведь знаем, что бремя нелюбостяжания превосходит силы ваши и сколько отстоит небо от земли, столько от вас — такое любомудрие. Итак, по крайней мере, сохраним последние заповеди. Немалый и это урок (6).

***

Есть ли в заповедях что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нет, мы не найдем в них ничего такого; даже еще найдем противное. Они настолько же легки, насколько порок труден. В самом деле, что может быть труднее — давать в займы, заботиться о прибыли, заключать сделки, требовать поручительства,

страшиться и трепетать за заклады, за отданные в рост деньги, за расписки, за барыши, за выполнение обещаний? Таково-то все житейское! Самая, по-видимому, изысканная предусмотрительность во всем ненадежна и непрочна. Напротив того, быть милостивым легко и освобождает от всех забот (7).

***

Бог обещает нам Царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! То — Бог, а это — диавол! Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь, если бы даже ничего этого не было, если бы, то есть то не был Бог, а это — диавол, если бы первый не уготовлял нам Царства, а последний — геенны, — самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один — то, что покрывает нас стыдом, а другой — то, что делает нас славными; один — то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой — то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотри: один говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29); а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее. Но не это только (имей в виду), а помысли о том, что один из них диавол. Тогда в особенности обнаружится то (что полезнее), да и торжество будет больше. Ведь не тот заботлив, кто дает повеления легкие, а кто заповедует полезное. И отцы дают приказания тягостные, равно как и господа своим слугам; но потому-то именно одни из них — отцы, а другие — господа; а поработители и губители заповедуют все противное (10).

***

Если бы Бог заповедал что-либо трудное и невозможное, то иной мог бы сослаться на трудность Его заповедей; если же Он заповедует весьма легкое, то что мы можем сказать, не заботясь и об этом? Разве ты не можешь поститься и сохранять девство? Можешь, если захочешь, в чем обличают нас те, которые исполняли это; но Бог не употребил против нас всей строгости, не повелел и не заповедал этого, а предоставил воле слушателей; ты можешь быть целомудренным и в браке,

можешь воздерживаться и от пьянства. Разве ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, как показывают сделавшие это, но Бог не заповедал и этого, а повелел не похищать чужого и из имущества своего уделять нуждающимся. Если кто скажет, что он не может довольствоваться одной женой, тот обольщает и обманывает себя, в чем обличают его те, которые сохраняют целомудрие и без жены. Разве ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротив, труднее делать это, нежели не делать. Какое же мы имеем оправдание, когда не исполняем столь легкого и удобного? Не можем представить никакого (12).

ЗЛО

Что человека нельзя обвинять в том, что зависит от природы, тому никто не будет противоречить. Следовательно, когда ты обвиняешь кого-то, то показываешь этим, что его преступление зависит не от природы, а от собственной воли. Если мы тем, что не обвиняем других в преступлениях, показываем, что их преступления зависят от природы, то очевидно, что если в чем порицаем других, этим даем знать, что их преступление зависит от свободы. Итак, не представляй превратных умствований и хитросплетений, которые слабее паутинной тенеты, а отвечай мне опять на вопрос: всех ли людей Бог сотворил? Конечно. Почему же не все равно добродетельны и порочны? Откуда добрые, хорошие, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависит не от воли, а от природы, то почему одни добродетельны, а другие порочны? Если все от природы злы, то никому нельзя было бы быть добрым; если ж от природы все добры, то никто не может быть злым. Если у всех людей одинакова природа, то все они, в силу этого, должны быть одинаковы — или все добры, или все злы. Если же мы скажем, что одни добры от природы, а другие злы, то эти свойства их должны бы быть неизменными, так как природные свойства не изменяются. Например, посмотри: все мы смертны, подвержены страстям, и никто не может освободиться от них, хотя бы употреблял тысячу усилий. Между тем мы видим, что многие из добрых делаются злыми и из злых — добрыми: одни по нерадению, другие по великому тщанию; из чего особенно и видно, что быть добрым или злым — не

зависит от природы. Что дано природою, то не изменяется, не приобретается посредством старания. Как для того, чтоб видеть или слышать, нам не нужно трудиться, так и для приобретения добродетели нам не было бы нужды употреблять усилия, если бы она дана была в самой природе. Да для чего и Бог сотворил бы злых, когда мог всех сотворить добрыми? Итак, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дело только показать, что оно ни от природы, ни от Бога. Итак, скажешь, само собою явилось? Ни в каком случае. Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человек! Беги от такого безумия, и не воздавай злу одинаковой чести с Богом, и притом высочайшей. Ведь, если зло нерожденно, то, значит, оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому известно, что нерожденное не может погибнуть. Отчего же так много добрых, когда зло имеет такую силу? Как рожденные могут быть сильнее нерожденного? Ты скажешь: Бог некогда уничтожит зло. Но каким образом Он уничтожит зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вечно? — скажет кто-либо? О, злоба дьявольская! Сколько она изобрела зла! До какого богохульства довела человека! Под каким благочестивым предлогом измыслила новое нечестивое учение! Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным. Итак, откуда же происходит зло? От хотения и нехотения. Но откуда происходит самое хотение и нехотение? От нас самих. Предлагать такой вопрос — значит то же, что спрашивать: отчего человек видит и не видит? Если бы я отвечал тебе: оттого, что он открывает и закрывает глаза свои, ты бы снова спросил меня: а отчего он открывает и закрывает глаза свои? И потом, когда бы я сказал тебе, что это зависит от нас самих и от нашего хотения, ты бы опять стал искать новой причины. Зло не иное что есть, как неповиновение Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновение произошло в человеке? Но скажи мне: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того, что трудно, спрашиваю только, отчего человек захотел не повиноваться Богу? От беспечности. Имея власть повиноваться и не повиноваться Богу, он избрал последнее. Если ты и после этого сомневаешься и недоумеваешь, то я предложу тебе вопрос не трудный и не запутанный, но

простой и ясный: не случалось ли с тобою, что иногда ты поступал худо, а иногда хорошо? Например, побеждал какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался от него, гневался и укрощал гнев, презирал бедного и не презирал его, прелюбодействовал и снова делался целомудренным? Итак, скажи мне: откуда все это? Отчего? Если ты мне не скажешь, то я скажу тебе: это оттого, что сперва ты старался [о добродетели] и был ревностен, а потом ослабел и сделался беспечен. Людям отчаянным и совершенно предавшимся злу, бесчувственным и безумным, которые не хотят даже и слышать о том, что может исправить их, я не буду и говорить о любомудрии; а тем, которые поступают то так, то иначе, скажу с удовольствием. Ты похитил как-нибудь имущество, тебе не принадлежащее, а после, побуждаемый милосердием, уделил бедному и от собственных твоих благ: откуда произошла в тебе такая перемена? Не очевидно ли, что от твоей воли и расположения? Это так очевидно, что всякий легко согласится с этим. Поэтому прошу вас быть тщательными и держаться добродетели, и тогда вы не будете предлагать подобных вопросов. Если мы захотим, то зло будет существовать только по одному имени. Итак, не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению; но, узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его. Если же кто скажет тебе, что зло не от нас самих происходит, то когда ты увидишь, что он гневается на раба, сердится на жену, обвиняет сына и осуждает тех, которые причиняют другим обиды, скажи ему: как же ты говорил, что зло происходит не от нас самих? Если оно не от нас, то для чего же ты обвиняешь других? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь других? Если не добровольно, то никто не должен на тебя гневаться; если же добровольно, то значит, зло происходит от тебя и от твоей беспечности. Далее: веришь ли ты, что есть люди добрые? Если нет добрых, то откуда ты взял самое это название? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могут порицать злых. Если же злой делается злым не добровольно, и не сам по себе, то несправедливо поступят добрые, упрекая злых, и сами сделаются чрез то злыми. В самом деле, что может быть хуже, как обвинять невинного? Если же добрые, и упрекая злых, остаются

добрыми, и это служит сильнейшим доказательством их доброты даже для людей безрассудных, то и отсюда очевидно, что никто никогда не был злым по необходимости. Если ты и после этого будешь спрашивать, откуда происходит зло, то я скажу тебе: от беспечности, от праздности, от обращения с злыми и от презрения к добродетели. Отсюда происходит и зло, и то, что некоторые спрашивают, откуда происходит зло. Из людей добродетельных, возлюбивших жизнь смиренную и целомудренную, никто не спрашивает об этом; одни только дерзающие делать зло и желающие посредством этого учения ввести некоторую пагубную беспечность сплетают паутинные тенета. Но мы разорвем эти паутины не словами только, но и самими делами. Зло существует не по необходимости. Если бы оно было необходимо, то Христос не сказал бы: *горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Он называет несчастными тех только, которые делают зло по своей воле (7).

***

Нужно употреблять все средства, чтобы истреблять пороки в самом начале. Не смотри на то, что грех сам по себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем. Сказать ли тебе достойное удивления? Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые по тому самому, что малы, располагают нас к лености и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим. Так обычно бывает и с телом. Так и в Иуде родилось это великое зло. Если бы он не думал, что будто бы неважное дело — красть имущество бедных, то, конечно, не впал бы и в грех предательства. Также если бы иудеям не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства. Да и всякое зло обыкновенно совершается так. Ведь никто не впадает в нечестие скоро и вдруг. В душе нашей, несомненно, есть некоторый прирожденный стыд греха и уважение к добру, и невозможно ей вдруг дойти до такого бесстыдства, чтобы отринуть все зараз, напротив, она нисходит до крайней погибели неприметно, мало-помалу, когда вознерадит.

Так вошло в мир и идолопоклонство, когда стали выше меры чтить людей, как живых, так и умерших. Так же стали покланяться изваянным. Так, наконец, усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри также: один безвременно посмеялся, другой укорил; иной отринул страх, говоря: это ничего. Что за важность — посмеяться? Что от этого может произойти? От этого происходят пустые разговоры, отсюда срамословие, а потом позорные поступки. Еще иной, когда его упрекают, что он поносит ближнего, насмехается и злословит, презирает это и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. На самом же деле отсюда рождается безмерная ненависть, непримиримая вражда, бесконечные укоризны, а от укоризн — драки, а от драк часто и убийство (7).

ЗЛОПАМЯТСТВО

Для чего же нам подражать людям неистовым, пожирающим друг друга и враждующим против собственной плоти? Послушай, как сильно сказано о том и в ветхом завете: *на пути правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти* (Притч. 12, 28). *Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения* (Сир. 29, 3). Но Бог позволил мстить: *глаз за глаз, зуб за зуб* (Исх. 21, 24): почему же в таком случае Он ставит это в вину? Потому, что Он позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды. Притом же такое мщение свойственно гневу кратковременному, а злопамятность свойственна душе объятой злостью. Тебе причинили зло? Но оно отнюдь не так велико, как то, которое ты сам себе причиняешь злопамятством. Кроме того, человеку доброму и невозможно нанести никакого вреда. Представим себе, что кто-нибудь, имея детей и жену, ведет жизнь совершенную; пусть будет у него много и случаев получить вред; пусть обладает он громадными богатствами, властью, множеством друзей, наслаждается почестями и, однако, ведет жизнь совершенную (это должно прибавить) — и представим, что его постигают бедствия. Пусть, например, какой-нибудь злой человек причинил ущерб его имуществу: но что это значит для того, кто ни во что вменяет имение? Пусть убил детей его: но что значит это для того, кто уверен в воскресении мертвых? Пусть

умертвил жену его: но что значит это для того, кто научился не плакать об умерших? Пусть обесчестил его: но что значит это для того, кто все настоящее представляет цветом травным? Пусть изранил он, если хочешь, даже тело его, и ввергнул его в темницу: но что и это значит для того, кто знает, что *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний ... обновляется* (2 Кор. 4, 16), и что *от скорби происходит терпение* (Рим. 5, 3)? Я уверен, что такой человек не потерпит никакого вреда, а напротив, как пред этим объяснено, получит пользу: он обновится и сделается искусным. Итак, не будем мучить себя обидами других, причиняя тем сами себе вред и расслабляя свои душевные силы. Мучение происходит не столько от злобы ближних наших, сколько от нашего малодушия. Поэтому-то, если кто обидит нас, мы плачем и предаемся унынию; если похитит у нас что-нибудь, мы испытываем то же самое, подобно малым детям, которых сверстники их, более резвые, раздражают, смущая не чем-нибудь важным, а пустяками, и если увидят, что те на них гневаются, то не перестают им досаждать, а если увидят, что смеются, то от них отступают. Но мы бессмысленнее и детей — плачем о том, чему бы должны смеяться. Поэтому умоляю вас, оставим такие детские чувства; будем стремиться к небесному. Христос хочет, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповедал и Павел, говоря: *братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы* (1 Кор. 14, 20). Итак, будем младенцами на злое и, избегая греха, будем держаться добродетели (7).

***

Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить с своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлобия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения [от Бога], потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать [пред Богом]: я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет,

чтобы и нам быть услышанными; будем молиться со вниманием и великим усердием (10).

ЗЛОСЛОВИЕ

Поистине злословие уязвляет гораздо более, нежели самые дела. В опасностях есть много такого, что облегчает скорбь, например, когда все поощряют, многие одобряют, хвалят и прославляют. Но здесь, в злословии, отнимается и самое утешение. Переносить злословие не считается за великий подвиг, хотя на самом деле злословие уязвляет подвижника более чем самые опасности. Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенести худой о себе молвы. И что дивиться на других, когда эта-то именно причина более всего побудила удавиться того бесстыдного и гнусного предателя, который совершенно потерял стыд ко всему. И Иов — этот адамант, тверже самого камня, — когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение (6).

***

Пусть кто-нибудь нас злословит, мы не тогда должны скорбеть, когда слышим это злословие, но тогда, когда оно справедливо. Если мы будем жить в нечестии, то хотя бы никто нас не злословил, мы всех несчастнее; напротив, если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худое — и тогда мы будем счастливее всех и привлечем к себе всех желающих спастись, потому что они будут обращать внимание не на злословия нечестивых, но на добродетельную жизнь. Подлинно, голос добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы злословящих было неисчислимое множество. Итак, если мы будем иметь все упомянутые добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и

все охотно устремятся к нам, хотя бы кто был неукротим подобно зверю, хотя бы кто был лукав, подобно злому духу, — словом, как бы кто ни был худ. Если же явятся и злословящие, не беспокойся этим; не смущайся, что тебя злословят перед людьми, но рассмотри совесть злословящих — и ты увидишь, что они рукоплещут тебе, удивляются и внутренне осыпают бесчисленными похвалами. Так, обрати внимание, с какой похвалой говорил Навуходоносор о тех отроках, которые были в печи, несмотря на то, что был их врагом и гонителем. Так как он увидел их мужество, то хвалит их, и прославляет, и за то именно, что они не покорились ему и остались верны закону Божиему (см. Дан. 3). Так-то дьявол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит, наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы. А когда он удалится, и напускаемая им тьма рассеивается, тогда всякий, как бы ни был развращен и нечестив, познает добродетель. Если же и люди не поймут тебя, то будешь иметь у Бога похвалу и большую славу. Итак, не скорби и не малодушествуй. И апостолы были *для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом живительным на жизнь* (2 Кор. 2, 16). Если ты не подал никакого повода к злословию, то ты свободен от всякого обвинения; напротив, ты сделался даже счастливейшим человеком. Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Но от них ничего не потерпит добродетельный человек; напротив, он через это еще более прославится. Итак, размышляя об этом, будем иметь в виду одно — вести жизнь свою добродетельно. Ведя так жизнь, мы и сидящих во тьме будем руководить к небесной жизни. Такова сила этого света, что он не только здесь сияет, но и освещает путь идущим туда (6).

***

Не злословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что о них разносимы были недобрые слухи, но злословящие дадут ответ в том, что они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не о чем заботиться, потому что не потребуется

от них ответа в том, что другие говорили о них худо, но говорившим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычие потребованы будут к суду. Поистине, это дьявольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Поистине, злое сокровище копит в душе своей злоязычник. Если одержимый дурными мокротами сам больше всех терпит от них и впадает в болезнь, то тем более скапливающий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь. Если изрыгаемые им слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их. Умышляющий зло прежде всех убивает самого себя, точно так же, как раздувающий огонь нередко сам сгорает, и бьющий по алмазу причиняет вред самому себе, и наступающий на острые гвозди наносит сам себе кровавую рану (6).

***

Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многие хвалятся тем, чего надлежало бы стыдиться. Многие произносят такую угрозу: ты не устоишь, говорят, против языка моего. Такие слова свойственны женщине пьяной и беспорядочной, старухе непотребной, которую преследуют на торжище. Нет ничего постыднее этих слов; нет ничего недостойнее мужа, ничего женоподобнее, как в языке полагать свою силу и хвалиться злословием, подобно действующим на зрелищах, подобно шутам, тунеядцам и льстецам. Более свиньи, нежели люди, — те, которые этим хвалятся. Тебе надлежало бы скрыть это от самого себя, и если бы кто другой сказал тебе об этом, надлежало бы бежать от слов его, как враждебных и недостойных мужа; а ты сам делаешься провозвестником укоризн. Но ты нисколько не повредишь слушающему от тебя злое. Потому, увещеваю, уразумев, как велико это зло, которым многие даже хвалятся, опомнимся, исправим преданных этому безумию, изгоним из города такие общества, благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия (10).

ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Не будем же бояться людей злых, но жалеть о них. Тогда действительно они были страшны, когда не был еще открыт высокий путь, ведущий к любомудрию; а теперь, когда нам открыты небеса и люди делаются ангелами, они уже не страшны. Так зверь, с великою стремительностью бросающийся на острие копья, по-видимому, угрожает опасностью тому, кто держит копье, но наносит самому себе тягчайшую рану; и тот, кто прет *против рожна* (Деян. 9, 5), также обагряет кровью свои ноги. Такова добродетель — рожен и меч изощренный, а все злые люди хуже и безумнее диких зверей. Когда они нападают на добрых, то гораздо больше причиняют зла себе; добрым они причиняют убыток в деньгах, или здоровье, а сами наносят существенный вред душе своей. Если бы потеря имущества причиняла вред нашей собственной добродетели, то Павел не заповедал бы терпеть обиды, а не обижать (см. 1 Кор. 6, 7). Если бы терпение обид было злом, то Законоположник добра не заповедал бы зла. Впрочем, хотя это действительно так, не следует предавать себя людям злым и иметь общение с ними, но убегать и уклоняться от их общества; а когда они нападают, то мужественно встречать их. Потому нам и заповедано молиться, чтобы не впасть в искушение. Потому и пророк [Давид], сказав: *удали меня, Господи, от человека лукавого*, прибавляет: *от мужа неправедного избавь меня* (Пс. 139, 1), разумея опять порок вообще, потому что он говорит здесь о неправде не только в отношении к имуществу, но ко всему. Пророк просит избавить его, чтобы не пасть, или чтобы самому не сделаться таким же. Притом просит не просто, но сделав должное и со своей стороны (3).

***

Таков злой человек: чем больше получает он благодеяний, тем больше разжигается завистью. Сила благодеяния является пищей для злобы благодетельствуемого человека. *Удали меня, Господи, от человека лукавого* (Пс. 139, 1), — не от бесов. Бесы прогоняются знамением креста, а злой человек противоборствует самому Господу; Павел одним словом изгонял бесов, а злобы Александра ковача победить не мог: *Александр медник*, — говорит он, — *много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его!* (2 Тим. 4, 14). *Удали*

меня, Господи, от человека лукавого, — не от человека доброго. *Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое* (Мф. 12, 35), и из своего сердца, как бы от корня какого, каждый из них возвращает свое, добрый — доброту, а лукавый — лукавство (3).

***

Если человек не изменяет нравов своей жизни, то он ничем не отличается от диких зверей. Мы иногда называем дикими зверями людей неправых и злых, думая, что недостаточно их называть только зверями, и для того, чтобы показать совершенно жестокое умственное настроение их, мы называем их дикими зверями; кроме того, если мы думаем, что недостаточно даже и этого, то мы называем их демонами — и демонами злыми и вредными. Того, что человек одарен телом, еще не достаточно для обнаружения меры его человечности; но нужно, чтобы душа его открыла, что он действительно человек. Тело образовано для того, чтобы быть служителем и рабом души. Но когда ум принимает нравы зверей, то что пользы от цитры, когда бывает болен сам цитрист? У Навуходоносора было некогда тело человека, но пища, образ жизни и остальные нравы звериные. И сколько есть подобных ему по нравам! О, если бы они, удалившись, питались вместе со зверями травами, а не терзали тел людей, не пили их крови и не расхищали имущества и достояния других, так как даже и у зверей нет такого нрава, чтобы один зверь терзал другого (4).

***

Тебе бы надлежало порицать злых за то, что они, имея возможность не быть такими, сделались злыми; а ты, оставив это, слишком много испытываешь и исследуешь судьбы Божии, хотя и знаешь, что никто не бывает злым по необходимости. Ты скажешь: надлежало бы рождаться одним только добрым — и не было бы нужды ни в геенне, ни в наказании, ни в мучении, и не было бы даже зла; злым же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчас умирать. Прежде всего, должно указать тебе на следующее апостольское изречение: *а ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»* (Рим. 9, 20). Если же ты требуешь доказательств разума,

я скажу, что добрые заслуживают большего удивления, когда находятся среди злых, потому что тогда-то особенно открывается в них терпение и великое любомудрие. Ты же, говоря вышеупомянутые слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвигов. Что ж, скажешь ты; для того, чтобы одни сделались добрыми, наказываются другие? Нет, не для этого, а за свои злодеяния. Они сделались злыми не потому, что родились, но вследствие своего нерадения; поэтому и подвергаются наказанию. Как не быть достойными наказания тем, которые имеют таких учителей добродетели и не получают от них никакой пользы? Как благие и добрые вдвойне достойны чести за то, что и были добры и нисколько не заразились от злых, так и злые достойны двойного наказания — и за то, что были злы, имея возможность стать добрыми (что и доказывают те, которые сделались добрыми), и за то, что не получили никакой пользы от добрых (7).

***

Не надобно, возлюбленные, входить в состязания с злыми людьми, но научимся, если только это не повредит нашей добродетели, уступать место их злым наветам. Таким образом укрощается всякая дерзость. Как стрелы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодействующее, с большей силой отскакивают назад — на пустивших их; когда же стремительность их полета не встречает противодействия, то скоро теряет силу и прекращается, — так бывает и с дерзкими людьми. Когда мы идем наперекор им, они еще более свирепеют; когда же уступаем им и отстаем от них, тем легко укрощаем их неистовство (8).

***

Если нужно отсекать член, который, будучи соединен с нами, вредит нам, то не гораздо ли более должно удаляться от друзей, когда связь с ними ведет не к добру. Итак, не всегда хорошо согласие, как и не всегда худо несогласие.

Я говорю это для того, чтобы мы избегали людей злых и искали добрых. Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы все тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно

для нас. Если мы можем и их исправить и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то все старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы. Потому-то и Павел убеждал таким образом: *извергните развращенного из среды вас*, и: *дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело* (1 Кор. 5, 13, 2). Пагубно, истинно пагубно обращение с злыми людьми. Не так скоро пристает зараза и короста губит подвергшихся этой болезни, как злые нравы людей порочных. *Худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33). И пророк также говорит: *бегите из среды* их и удалитесь (Иер. 51, 6). Пусть же никто не имеет порочного друга. Если мы отказываемся и от детей порочных и не уважаем ни природы, ни ее законов, ни ее связей, то тем более должны убегать порочных друзей и знакомых. Пусть мы и не получим от них никакого вреда, но все же не в состоянии будем избежать худой молвы. Посторонние не всматриваются в нашу жизнь, но судят нас по нашему обществу. Заповедаю это и женам, и девам. Сказано ведь: *пекитесь о добром* не только пред Богом, но и *перед человеками* (Рим. 12, 17). Будем же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближнего. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служит соблазном для других — теряет всю цену. Но как возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? [Это бывает], когда сообщество с другими людьми навлекает на нее худую молву. Когда мы, надеясь на себя, обращаемся с людьми порочными, то, если сами и не терпим вреда, соблазняем других. Говорю это и мужам, и женам, и девам, предоставляя их совести узнать в точности, сколько отсюда рождается зол. Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой из более совершенных; но простодушнейший брат терпит вред от твоего совершенства. А надобно обращать внимание и на его немощь. Но если и он не потерпит вреда, то потерпит язычник. А Павел заповедал: *не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией* (1 Кор. 10, 32). Я не подозреваю ничего худого о деве, потому что люблю девство, а любовь не мыслит зла. Я крайне люблю такой образ жизни и не могу подумать ничего дурного. Но чем мы убедим

внешних? А надобно и о них иметь попечение. Будем же вести себя так, чтобы никто даже из неверных не мог найти повода справедливо упрекать нас. Как те, которые ведут жизнь праведную, прославляют Бога, так, напротив, живущие худо подают повод к хуле на Него. Но не дай Бог, чтобы между нами были такие, а да светятся дела наши так, чтобы прославлялся Отец наш (8).

***

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят [добрых] как идущих противоположным путем и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели. Потому-то и Христос говорит: *если бы вы были от мира, то мир любил бы свое* (Ин. 15, 19), и опять в другом месте: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк. 6, 26) (9).

ЗРЕЛИЩА

Что я говорю о зрелище? Часто и на площади, встретившись с женщиною, мы смущаемся; а ты, сидя вверху, где столько побуждений к нескромности, видя блудную женщину, выходящую с обнаженною головою, с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель, представив в уме своем, потупляешь взоры, — как дерзаешь сказать, что не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое — камень? Разве оно — железо? Я не перестану повторять тоже. Разве ты любомудреннее тех великих и доблестных мужей, которые пали только от одного такого взгляда? Не слышал ли ты, что говорит Соломон? *Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?*

(Притч. 6, 27–29). Хотя бы ты и не имел совокупления с блудницею, но ты имел с нею связь пожеланием и совершил грех волею. И не только в то время, но и тогда, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодейные члены, и ты уходишь, получив множество ран. Не отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бессмысленные неприятности? Когда ты, занятый и плененный ею, приходишь домой, то и жена кажется тебе менее приятною, и дети — более надоедливыми, и слуги — несносными, и дом — отвратительным, и обычные заботы устроено надлежащих дел кажутся тягостными, и всякий приходящий — неприятным и ненавистным (5).

***

Не пленяйтесь беспорядочными зрелищами, не оскверняйте своих мыслей чуждыми песнями. Ты можешь обуздать свои мысли, хотя бы привычка и увлекала тебя в ту сторону. Ты не раб, а свободный, и не насильно берут тебя в плен и порабощают, но ты сам по своей воле продаешь себя греху (9).

***

Люди не могут дождаться дня, сгорая от нетерпения, и еще ночью захватывают места тьмы, чтобы непристойными зрелищами усладить взоры или посмотреть на схватки борцов с дикими зверями. И сидя там, нередко зрители — люди — выражают больше расположения к зверям, чем к подобным себе людям. Неужели тебе не жалко того несчастного, который из-за куска хлеба добровольно отдает себя на съедение зверям и в угоду ненасытимой страсти насыщает собой утробы зверей. Но у него желудок ненасытен, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходит шутом, на позор себе самому производит ужимки, за плату выдает себя с головой на смех, не стыдится даже, если его бьют публично, сам подставляет щеки под удары, волосы сбривает бритвой, чтобы ни один волос не свидетельствовал против его бесстыдства. Иной посвящает себя похотливым женским пляскам, вопреки природе и с досадой на то, что родился у своих родителей не женщиной, и таким извращением природы даже гордится. Чего только не делают люди

ради своего чрева и корысти и из-за тщеславия позорными делами; о таких прилично привести свидетельство Павла: *их бог — чрево, и слава их — в сраме* (Флп. 3, 19). Не ходите же туда, не спешите делать шаги в том направлении, да и на своих пирах не допускайте непристойных увеселений (9).

***

Хочешь ли, сравним между собою темницы и зрелища, [эти места] одно — сетования, другое — удовольствия? Посмотрим, что происходит в каждом из них. Там [в темнице] великое любомудрие, потому что где скорбь, там непременно и любомудрие. Там человек, прежде богатый и надменный, не чуждается беседовать со всяким, кто к нему обращается; страх и скорбь, как бы какой сильнейший огонь, проникая его душу, смягчает ее грубость. Там он делается кротким и смиренным; там он постигает превратность жизни и терпеливо переносит все. На зрелище же все напротив: здесь смех, бесстыдство, бесовское веселие, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата, поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности. Не такова темница: там смирение, вразумление, упражнение в любомудрии, презрение житейских благ. Все [земное] попрано и презрено, и страх бодрствует над человеком, как пестун над дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотрим на те же места с другой стороны. Я желал бы, чтобы ты встретился с человеком, который идет со зрелища, и с другим, который выходит из темницы: ты увидел бы, как душа первого возмущена, неспокойна, поистине точно связана, и как душа последнего спокойна, свободна, возвышенна. Тот идет со зрелища ослепленный видом тамошних женщин, несет на себе оковы, которые тяжелее всяких железных, оковы тех мест, слов, действий. А выходящий из темницы, будучи свободен от всего этого, не чувствует и ничего прискорбного, сравнивая свое положение с положением других. Он будет считать за счастье, что свободен от уз, пренебрежет человеческими делами, видя, как многие богатые впадают в несчастия и, будучи прежде в великой чести и силе, содержатся там, в заключении; если он испытывает

какую-либо несправедливость, то он перенесет это терпеливо, потому что там много примеров и этого; будет вспоминать о будущем Суде и содрогаться, видя настоящие места [заключения]. И как заключенный в здешней темнице становится кротким ко всем, так и те, еще прежде Суда, еще прежде будущего дня станут кроткими и к жене, и к детям, и к слугам. Но не так [возвращающийся] со зрелища: он с неудовольствием будет смотреть на жену, будет жестоко обращаться с слугами, гневаться на детей, будет свирепым ко всем. Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем, насколько великого (10).

ИМЯ БОЖИЕ

Старайтесь всячески о прославлении Бога. Горе, сказано, тому рабу, которым имя Божие хулится. А когда будет горе, тогда тотчас последует всякое наказание и мучение. Напротив, блажен тот, кем имя Божие прославляется. Так не будем же жить, как во тьме, но постараемся избегать всяких грехов, а особенно тех, которые клонятся к общему вреду, потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, в самом деле, мы получим прощение, когда, обязанные по заповеди давать другим, мы будем похищать чужое? Какая будет для нас надежда на спасение? Ты будешь наказан, если не напитаешь алчущего: какое же получишь помилование, если обнажишь одетого? Мы постоянно говорим это и не перестанем говорить. Может быть, не послушавшие сегодня послушают в следующие дни; если же некоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мере, мы будем правы на Суде, потому что исполнили свое дело. Но дай Бог, чтобы эти слова и нас не приводили в стыд, и вас не заставляли закрываться. Дай Бог всем с дерзновением стать пред Судилищем Христовым, чтобы и мы могли похвалиться вами и для своих зол найти какое-нибудь облегчение в вашем добром имени (8).

***

Имя Иисуса Христа страшно для демонов, страстей и болезней. Итак, станем Им украшаться, Им ограждаться. Так и Павел сделался велик, хотя он и был одинакового с нами естества, но вера сделала его совершенно иным, и таково было в нем обилие даров, что и одежды его имели великую силу. Какого же оправдания достойны мы, если тень и одежды апостолов отгоняли смерть, а у нас даже молитвы не усмиряют страстей? Какая причина этого? Большое различие в духе. Естественные способности у нас с

Павлом общие и равные: одинаково с нами он родился и воспитан, обитал на той же земле и дышал тем же воздухом. Но в остальном он был гораздо лучше и совершеннее нас, именно в отношении ревности, веры, любви. Станем же подражать ему, дадим возможность Христу и через нас возвещать: ведь Он желает этого более нас и потому устроил орган слова и не хочет, чтобы он оставался без пользы и без действия, но желает всегда иметь его у Себя в руках. Почему же ты не держишь его в готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь их роскошной жизнью и делаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда как следовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовной солью? Если Христос увидит, что душа наша так настроена, то извлечет из нее звуки. А когда это произойдет, ты увидишь ликующих Ангелов, Архангелов и Херувимов. Итак, сделаемся достойными пречистых рук, станем просить Господа, чтобы Он прикоснулся к сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сделай только сердце свое достойным такого прикосновения, и Господь первый притечет к тебе. Если Он притекает к тем, которые хотят прибегнуть к Нему (так Он превознес похвалами Павла, не бывшего еще таковым), то чего Он не сделает, когда увидит, что ты совершенно приготовился? А как скоро Христос извлечет звуки из души нашей, то, несомненно, снизойдет на нас Дух и мы будем лучше неба, имея не солнце и луну запечатленными на теле нашем, но самого Владыку солнца, луны и Ангелов, в нас поселившегося и шествующего (11).

ИСКУССТВО

Излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств, я не назвал бы также искусствами живопись и уменье выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки, а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и приготовлять нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие

свое; а изображать животных на стенах или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили и к искусству примешали ухищрение. То же случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним — я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры — называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преображает в женщин и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых тогда — причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным, но это не остановит меня. Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве — вы, которые не почитаете этого греха и за грех и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши (7).

ИСКУШЕНИЕ

Господи, избавь душу мою от уст неправедных и от языка льстивого (Пс. 119, 2). Смотри, как здесь сияет евангельская заповедь: *молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 46). Подлинно, возлюбленный, ничто не может сравниться с искушением — попасть к человеку коварному; он опаснее дикого зверя. Зверь и кажется тем, что он есть; а тот часто скрывает яд под видом кротости, чтобы и коварство было незаметным, и впадал в яму неосторожно попавший. Потому-то пророк часто молит Бога об избавлении от таких злоумышленников. Если же должно избегать людей лживых и коварных, то тем

более — развратителей, проповедующих нечестивое учение. Особенно можно назвать *устами неправедными* те, которые отклоняют от добродетели и увлекают к пороку. Поэтому пророк и просит Господа избавить от них душу его, потому что туда проникают стрелы их (2).

ИСПОВЕДЬ

Там, где дело идет о проявлениях души, не может служить препятствием ни пол, ни возраст, ни житейское отличие и ничто другое. Поэтому прошу всех вас посвящать на это служение сыновей и дочерей своих с самого раннего возраста и заготовлять для них богатство, свойственное этой жизни, не закапывая в землю золота и не собирая серебро, но слагая в душе их кротость, целомудрие, скромность и все другие добродетели. Таких свойств требует это служение. И если это богатство мы соберем и для себя, и для детей, то и в настоящей жизни насладимся великим счастьем и в будущей услышим тот блаженный голос, которым Христос прославляет всех исповедавших его. А исповедание бывает не только чрез веру, но и чрез дела; если нет этого последнего, то мы находимся в опасности быть наказанными наравне с отвергшимися [Господа]. Ведь не один способ отречения, но много и есть различные, которые и описывает нам Павел в следующих словах: *Говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1, 16); и в другом месте: *Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8); и еще: бегайте *любостяжание, которое есть идолослужение* (Кол. 3, 5). А если есть столько способов отречения, то очевидно, столько же, и еще больше, есть и способов исповедания. Постараемся же всеми ими исповедать [Бога], чтобы и нам получить небесную честь по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа (1).

ИСПРАВЛЕНИЕ

Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо много насыщены мы уничижением (Пс. 122, 3). Видишь ли сокрушенную душу? Они [иудеи] просят спасти их по милости и даже не по милости заслуженной, а потому, что они потерпели великое наказание, как и Даниил говорит: *умалены, Господи, паче всех народов* (Дан. 3, 37). То же и они говорят в своей

молитве: мы потерпели крайнее бедствие, лишились отечества и свободы, сделались рабами иноплеменников, жили в унижении, были изнуряемы голодом, притеснением и жаждою, подвергались оплеванию и были попираемы ногами в течение всего времени: за это прости и помилуй нас. Что значит: *премного насыщена душа наша*? Сама душа наша, говорит, ослабела и изнурилась от великих бедствий. Многие, хотя подвергаются бедствиям, но переносят их мужественно; а мы, говорит, и этого лишились; мы унываем во время бедствий, сокрушаемся. Они не пользовались надлежащим образом дарованными им преимуществами; потому Бог и исправил их противным тому, как он всегда делает. Так, Адама, не употребившего на пользу пребывания в раю, Он исправил изгнанием из рая; и жену, сделавшуюся худшею от равной с мужем чести, Он сделал лучшею посредством порабощения и подчинения. Так и этих иудеев, которые от свободы и безопасности в своем отечестве сделались худшими, необузданными и невоздержными, Он исправляет противным тому. Умоляя о помиловании, они и говорят Богу: *Премного насыщена душа наша презрением от благоденствующих и уничижением от гордых* (Пс. 122, 4) … Так часто и случается; Бог обыкновенно делает это, смиряя высокомерных и унижая гордых, чтобы отклонить их от пути, ведущего к погибели. Нет ничего хуже гордости. Для того и бывают искушения и скорби, дано смертное тело и посылаются многие несчастные обстоятельства, для того страдания и болезни, чтобы крепко обуздать душу, которая легко надмевается и доходит до гордости. Поэтому не смущайся, возлюбленный, когда подвергаешься искушениям, но помня слова пророка: *Благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился оправданиям Твоим* (Пс. 118, 71), принимай несчастье за врачество, пользуйся искушением надлежащим образом — и достигнешь величайшего спокойствия (2).

***

Бог никого не подвергает наказанию с гневным намерением; тогда как мы изливаем свой гнев на других, воспламеняемые гневом, Бог не так, но наказывает наши злые действия для исправления. Почему, говорят, Бог не пожалел фараона после обращения? Мы отвечаем: когда тот показал добродетель? Разве он, преследуя

народ после десяти казней, не пылал желанием подчинить его себе? Отсюда явно, что не Бог, а он сам был причиной своей гибели. Он [Бог] предает смерти подверженных неисцельной болезни, как Он сделал с содомлянами и жившими во время потопа, которые, пренебрегши спасением, погибли. Почему, скажут, Он теперь не делает этого, но щадит людей, состарившихся в пороках, даже до смерти? По справедливости, отвечаем, тогда Он быстро мстил, а теперь щадит, чтобы утвердить надежду воскресения и не сделать кого-либо праведником по необходимости. Тогда не боялись ада, и потому он внезапно подвергал их этому наказанию, теперь же не так — чтобы люди каялись ради страха будущей жизни, только изредка Он наказывает неожиданно (4).

***

Немалым, истинно немалым средством к исправлению служит то, чтобы, сознав все грехи свои, непрестанно представлять и размышлять о них. Кто это делает, тот в такое придет сокрушение, что признает себя недостойным и жить. А кто так рассуждает, тот будет мягче всякого воска. И не только осуждай себя за блуд, прелюбодеяние и другие грехи, которые всеми признаются за тяжкие; но собери в уме своем и тайные наветы, клеветы, злословие, тщеславие, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесут наказание. И клеветник ввергнется в геенну; и упивающийся вином не будет иметь места в царстве небесном; и не любящий ближнего так оскорбляет Бога, что и мученичеством своим не бывает угоден Ему. И тот, кто не радит о домашних своих, отвергся веры; и тот, кто бедных презирает, в огонь ввергается. Итак, не считай эти пороки маловажными, но все собери в уме своем и напиши их как в книге. Если ты напишешь, то Бог сотрет их. Если же ты не напишешь, то Бог впишет их и потребует твоего наказания. Лучше же нам самим вписать их и видеть изглаженными Богом, нежели, забывая о них, заставлять самого Бога представить их перед глазами нашими в день Судный. Итак, чтобы этого не случилось, внимательно все разберем, и мы найдем тогда, что во многом виновны. Кто, например, чист от любостяжания? Не указывай мне на то, что ты не слишком был любостяжателен; и за малое понесешь то же самое наказание. Помышляй

об этом и раскаивайся. Кто не оскорбляет другого? А это ввергает в геенну. Кто тайно не злословил ближнего? А это лишает Царствия. Кто не надмевался? А этот более всех нечист. Кто не смотрел похотливыми очами? А этот считается наравне с блудником. Кто без причины не гневался на брата своего? А такой повинен суду. Кто не клялся? А это от лукавого. Кто не преступал клятвы? А это более, нежели от лукавого. Кто не служил маммоне? А такой отпал от законного служения Христу. Я мог бы исчислить вам много и других пороков; но и этих довольно, чтобы привести к сокрушению не окаменевшего сердцем и не дошедшего еще до бесчувственности. И если каждое из этих преступлений повергает в геенну, то чего не сделают они, когда совокупятся вместе? Каким же образом, скажешь, можно спастись? Употребляя против недугов равносильные врачевства — милосердие, молитвы, скорбь, раскаяние, смирение, сердце сокрушенное, презрение к земным благам. Бесчисленные пути Бог предложил к спасению, если только мы захотим быть внимательными. Будем же внимательны, будем всячески стараться об исцелении ран наших, творя милостыню, удерживая гнев к оскорбившим нас, благодаря за все Бога, постясь по силам, молясь с искренним сердцем, приобретая друзей себе *от богатства неправедного* (Лк. 16, 9). Таким образом, мы можем получить прощение в грехах наших и удостоиться обещанных благ (6).

***

Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как то же самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть никто не будет таким бесчувственным и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия. Или вы не слыхали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом беззаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первою актрисою в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в

нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокиян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотою телесною, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была ее сила! Но вдруг — не знаю каким образом, только знаю верно, — она добровольно переменилась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив дьявольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, — и одетая во вретище, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города по наущению некоторых людей хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных тайн, явив ревность, достойную благодати, она кончила жизнь, омытая от всех грехов, и после Крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении, многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут последними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными — и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными. Итак, никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться — и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых (7).

***

От того происходило для нас огорчение, что многие крайне пристрастны к мнению людскому. Вот если так мы захотим любомудрствовать, то ясно узнаем, что все человеческое — ничтожно. Научимся же этому и, сообразив свои недостатки, станем маломалу исправлять их; определи для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий затем — другой, а еще в следующий — третий. Таким образом, восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем неба по лествице Иаковлевой; мне кажется, эта лествица вместе с

тем зрелищем, какое видел Иаков, между прочим, указывает и на постепенное восхождение по лествице добродетели, по которой можно взойти от земли на небо, — не по ступеням чувственным, но через исправление и улучшение нравов (9).

***

Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь, если ты наденешь платье на изнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя. Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь, а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие? Пусть будет и раб учителем, пусть будут и дитя, и жена, и друг, и родственник, и сосед. Как зверь, когда его отовсюду гонят, не может убежать, так и тот, кто имеет стольких стражей и стольких порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй, и в третий, а потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом (10).

КЛЕВЕТА

Тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, достоин наказания; так точно не тот, кто слышит о себе, но кто произносит клевету, будет наказан, если только и слышащий не подал справедливого повода к его осуждению. Будем поэтому стараться не о том, чтобы нам не слышать о себе чего-нибудь худого, — так как это невозможно, и притом есть изречение Христово: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26), — но чтобы нам самим не подавать к тому поводов. Кто хочет, чтобы все говорили о нем хорошо, тот часто губит свою душу, питая любовь к славе человеческой, оказывая услуги людям в том, в чем не должно, угождая в том, в чем не следует, чтобы купить себе их расположенность. С другой стороны, и тот, кто презирает всеобщую худую молву о себе, губит самого себя. Как для добродетельного невозможно, чтобы все говорили о нем хорошо, так невозможно, чтобы все не говорили худо о том, кто во многих отношениях подает много поводов к худой о себе молве. Если же, несмотря на твое безукоризненное поведение, являются злословящие тебя, то тем большая ожидает тебя награда, как было с апостолами и другими доблестными мужами. Впрочем, нужно заметить, что, хотя бы порицали нас в таком деле, за которое совесть не укоряет нас, и тогда мы не должны презирать порицателя и причиняемый им вред, но с надлежащей осторожностью принимать все меры к уничтожению неосновательной молвы (2).

***

Изучим, возлюбленные, эту прекрасную науку — не только не клеветать, но даже и не слушать клеветы. Ужасное зло — клевета, беспокойный демон, никогда не

оставляющий человека в мире. Какого, в самом деле, зла не производит клевета? Из нее рождается вражда, чрез нее возникают ссоры, от нее берут начало разногласия; дурные подозрения, возбужденные ею, являются причиной бесчисленных зол; ненависть имеет ее своим источником. И какие бы кто ни вообразил себе бедствия, все они окажутся проистекающими из клеветы, всех увлекающей в злобу. Клевета возбуждает человека к убийству ближнего. Клевета ожесточает душу и разрушает братское общение, недавнего друга без всякой причины делая врагом. Она, коснувшись Мариами, сестры Моисеевой, тотчас покрыла ее проказой и навлекла на нее гнев от Господа. Она разрушает целые дома и мирные города возбуждает к войне. Она разрывает узы прекрасного мира и расторгает великий союз любви. Она, отклоняя от заповедей Божиих, научает преступлению и, отвлекая от общения с Богом, удаляет от истины. Она первоначально явилась причиной гибели первозданного Адама и лишила его райской жизни и небесного блаженства, потому что она вошла в уста змия и взвела ложь на неложную благость Божию; это она сказала: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? — и побудила Адама преступить заповедь и отпасть от истины; склонивши к себе бывшего собеседником Владыки, она тотчас при помощи обмана сделала его врагом и сразу удалила от благ. Итак, будем же удерживаться от клеветы, удаляясь от нее, чтобы не войти во вражду с Владыкой. Отстанем от клеветы, чтобы не сделаться несправедливыми судьями истины и не оказаться пред лицом закона ложными свидетелями. *Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, того злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья. Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить* (Иак. 4, 11–12). Видишь, возлюбленный, как тяжел грех клеветы? Отстанем же от нее, чтобы не навлечь на себя суда. И тех, кто желал бы клеветать, прогоним от себя, чтобы, принимая участие в чужом зле, не причинить гибели самим себе; не будем находить удовольствие в слушании клеветников, чтобы не подчинить себя диавольским внушениям. Ведь и сама клевета называется диавольской, получив самое свойственное себе

название от имени виновника; значит, занимающийся клеветой служит диаволу, занимаясь его диавольским делом. Недопускающий такого человека к себе и самого себя избавляет от этого напрасного греха и согрешающего удерживает от несправедливого обвинения против ближнего, наконец, и оклеветываемого спасает от обвинения; таким образом, гнушаясь услуг клеветника, он делается устроителем мира и учителем дружбы. Научимся же и мы, гнушаясь этого дела, говорит: *тайно клевещущего на ближнего своего — сего я изгонял* (Пс. 100, 5). А чтобы тебе убедиться, возлюбленный, что клевета нисколько не содействует истине, обрати внимание на само название ее, рассматривая в связи с ним последующее слово. Клевета есть учитель обвинения, а слово *тайно* указывает на ложь и постыдность этого дела. Когда дело касается истины, то следует обличить в лицо и со смелостью соединить мир; если же тайно, значит — ты приносишь ложное обвинение, возбуждая против ближнего злое подозрение и не будучи в состоянии обличить его в том, что ты возводишь на него. Поэтому хорошее дело — прогонять клеветника, как лжеца и вора, чтобы, как-нибудь смутив мир своей души, не сделать ее враждебной к ближнему из-за клеветы (3).

КЛЯТВА

Отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык — пусть никто не клянется Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть и — все окончено, потому что это — дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги — не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? И теперь я в опасности — и в большой, так что, если бы я был в темнице, или получил тысячи ударов, или находился в рудниках, — и тогда я не скорбел бы более. Простирите же руку помощи. Подумайте, как велика опасность, когда вы не можете сделать и этого крайне малого дела: называю его весьма малым по труду, какого оно требует. Что скажу тогда в ответ на обвинения? Отчего не обличил? Отчего не повелел? Отчего не

положил закона? Отчего не удержал непослушных? Недостаточно будет, если я скажу: я увещевал. А надобно было, сказано будет мне, употребить и более сильное порицание. Ведь увещевал и Илий, но не дай Бог сравнивать вас с детьми его! И он увещевал, и он говорил: *дети мои, нехороша молва, которую я слышу* о вас (1 Цар. 2, 24); а между тем Писание далее говорит, что он не вразумлял сыновей своих (см. 1 Цар. 3, 13), и говорит так потому, что он вразумлял не строго и не с укоризною. Не странно ли, что в иудейских синагогах законы имеют такую силу, хотя все заповедует тот, кто учит, а здесь мы в таком пренебрежении и презрении? Не о своей славе забочусь я (моя слава — ваша добрая жизнь); но о вашем спасении. Каждый день мы вопием, возглашаем в слух вам, и между тем, как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего Суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от неприязни (см. Мф. 5, 37) — а это и есть клятва, — не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто с здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь (10)?

***

Авраам и бывшие с ним заключили много договоров, заклали жертвы, сделали приношения, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззакония, когда все пришло в крайний беспорядок, когда [люди] склонились к идолослужению, вот тогда-то — тогда, когда они уже оказались недостойными веры, стали призывать Бога в свидетели, представляя как бы верного поручителя в том, что говорили. Ведь клятва в этом и состоит — в поручительстве, — потому что уже не доверяют честности. Следовательно, она прежде всего служит обвинением тому, кто клянется, если ему не верят без

поручителя и притом без поручителя великого, потому что от великого недоверия происходит то, что требуют в свидетели не человека, но Бога. Во-вторых, столько же виновен бывает и тот, кто принимает клятву, если он, споря об условиях, влечет Бога в поручительство и говорит, что не поверит, если не будет иметь Его [поручительства]. Какая чрезвычайная бесчувственность! Какое поругание! Ты — червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть [поручителем]. Скажи мне: если бы в то время, как ваши слуги спорят между собою и не доверяют друг другу, один из рабов сказал, что он не поверит до тех пор, пока не будет иметь поручителем общего господина, то не получил бы он тысячи ударов и не узнал ли бы, что господином надобно пользоваться для других дел, а не для этого? Что я говорю о рабе [и господине]? Если бы даже он избрал [и другого] почтенного человека, то не счел ли бы тот такой выбор позором для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! В таком случае не принуждай и Бога, когда и между людьми бывает так, что, если кто скажет: я представлю такого-то в поручители, ты не берешь на себя [этого поручительства]. Что же, скажешь, ужели мне потерять то, что я дал? Не говорю этого, но [утверждаю], что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающий [к клятве] еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует. И — что особенно тягостно — каждый клянется из-за одного овола, из-за малой выгоды, из-за несправедливости. Это [я говорю о тех случаях], когда не будет клятвопреступления; если же последует клятвопреступление, то все окажется в крайнем беспорядке, и виною всего будет и тот, кто принял, и тот, кто дал (клятву). Но иногда бывает, скажешь, нечто неизвестное? А ты предусматривай это и не делай ничего легкомысленно; если же делаешь что-либо легкомысленно, то сам с себя и взыскивай за вред. Лучше так потерпеть вред, чем как-нибудь иначе. Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, — чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего делаешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно

душе зверской и человеку нечестивому. Но я [скажешь] надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы. Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы — нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву. Кто благоговеет пред клятвою, тот тем более побоится нанести обиду. Но он сделает это по неволе? В таком случае он достоин прощения. Но что я говорю об этих клятвах, оставляя клятвы, [бывающие] на рынке? Там ты не можешь сказать ничего подобного, потому что из-за десяти оволов бывают клятвы и клятвопреступления. Так как не падает с неба молния, так как не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь [при себе] Бога. Для чего же? Чтобы получить несколько огородной зелени, чтобы [взять] башмаки. Из-за нескольких серебряных монет ты призываешь Его во свидетельство. Но если мы не подвергаемся наказанию, то не будем думать, что и не грешим. Это происходит от человеколюбия Божия, а не от нашей добродетели. Клянись своим сыном, клянись самим собою; скажи: пусть палач приступит к бокам моим. Но ты [этого] боишься. Так ужели Бог бесчестнее боков твоих? Ужели Он ничтожнее головы твоей? Скажи: пусть я ослепну! Но Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственною головою, а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его. Разве не знаете, что такое — Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем имя досточтимое, которое выше всякого имени, — имя, чудное по всей земле, слыша которое, трепещут демоны, — мы всюду произносим безрассудно.

О, привычка! От нее-то произошло то, что [это имя] пренебрегается. Ведь, если бы ты заставил кого-нибудь поклясться святым домом, — ты, без сомнения, считал бы это за страшную клятву. А отчего это кажется столь страшным, как не оттого, что ту [клятву] мы употребляем без разбора, а эту — нет? Иначе не следовало ли содрогаться при произнесении имени Божия? У иудеев это имя было столь священно, что его писали на дощечках и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного только первосвященника; а мы теперь везде

произносим это имя, как обыкновенное. Если и просто называть Бога не всем дозволено, то, скажи мне, какая дерзость, какое безумие призывать Его во свидетельство? Ведь, если бы и все надлежало бросить, — не следовало ли бы охотно согласиться на то? Вот я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающие на площади, а всех, которые не слушаются, приведите ко мне. Вот в вашем присутствии я заповедую тем, которые отделены на служение молитвенным домам, внушаю им и объявляю, что никому не дозволяется клясться безрассудно, а лучше сказать — и как бы то ни было. Итак, ведите ко мне [клянущегося], кто бы он ни был, — потому что и это должно доходить до нас, как будто бы вы были малые дети. Но не дай Бог, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имеете нужду чему-нибудь учиться. Осмелишься ли ты, не будучи посвящен в тайны, прикоснуться к священной трапезе? Но, что еще хуже, — ты, посвященный в тайны, дерзаешь прикасаться к священной трапезе, которой и не всем священникам позволено касаться, — и таким образом клянешься! Ты не коснешься по выходе [из дома] и головы дитяти, а касаешься трапезы — и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мне таких [людей]! Я произведу суд и отпущу обоих с радостью. Делайте, что хотите: я полагаю закон — отнюдь не клясться. Какая надежда спасения, когда мы все так унижаем? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принес им в жертву свою душу? Приобретаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушишь ли клятву [тот, кого ты обязал ею]? Ты погубил и его, и себя. Не нарушил? И в этом случае ты погубил его, принудив его преступить заповедь. Удалим от души эту болезнь. Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех прочих торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не подумайте, что от нарушения божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят? Действительно, мне случалось иногда слышать от некоторых и это, что если я не произнесу тысячи клятв, то мне не верят. Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься, то поверь словам моим, что ты сделал бы только знак, и тебе поверили бы больше, чем тем, которые употребляют

тысячи клятв. Вот, скажи мне, кому вы больше верите: мне ли, хотя я не клянусь, или тем, которые клянутся? Но ты, — скажете вы, — начальник и епископ? Что же, если я докажу, что не поэтому только [верите мне]? Отвечайте мне со всею искренностью, прошу вас: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положение? Отнюдь нет. Видишь ли, что не поэтому [верите мне]? Да и какую, скажи мне, приобретаешь ты, наконец, выгоду? Павел терпел голод; решись и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих. Отчего ты так неверен? Ужели тогда, как ты решишься все сделать и претерпеть для того, чтобы не клясться, — Бог не вознаградит тебя? Ведь Он каждый день питает клятвопреступников и (людей) часто клянущихся: ужели предаст голоду тебя за то, что ты послушал Его? Пусть все знают, что из собирающихся в эту церковь никто не клянется! Пусть мы будем известны и этим, а не верою только! Пусть будет это нашим отличием от язычников и от всех [людей]! Пусть примем печать с небес, чтобы нам везде являться как бы царским стадом! Пусть тотчас же узнают нас, как варваров, по речам и языку, и пусть отличаемся этим от варваров, подобно знающим по-гречески! Скажи мне: по чему узнают так называемых попугаев? Не по тому ли, что они говорят по-человечески? Так пусть же и нас узнают по тому, что мы говорим, как апостолы, говорим, как Ангелы. Если кто скажет: поклянись, то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродетель. Это — некоторая дверь к благочестию, путь, ведущий к благоговейному любомудрию, это — некоторого рода училище (10).

***

Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею, а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание (10).

КОРЫСТОЛЮБИЕ

Кто желает Царства Небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином. Богатство обыкновенно само ищет того, кто от него бегает, и убегает

от того, кто его ищет; не столько чтит ищущего его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над своими искателями, — и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами. Итак, освободимся хотя бы теперь от этих пагубных цепей. Зачем порабощать разумную душу неразумному веществу, матери бесчисленных зол? Но не смешно ли? Мы спорим против него словами, а оно спорит против нас делами; водит нас повсюду и, к нашему бесславию, спорит с нами, как с невольниками и непотребными рабами. Что постыднее и бесчестнее этого. Если мы не преодолеваем вещества бесчувственного, то как же будем преодолевать силы бестелесные? Если не презираем низкое вещество и презренные камни, то как покорим себе начала и власти? Как будем упражняться в целомудрии? Если и блеск серебра поражает нас, то как сможем презреть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным, и душевным очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев и лишила их брачного чертога. Взгляд на золото, — по словам твоим, полезный для глаз, — не позволил несчастному Иуде внять гласу Господа и еще довел до того, что он удавился, разверзся посередине и, наконец, низвергся в геенну. Итак, что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти. Она-то по каплям проливает кровь человеческую, имеет смертоубийственный вид, всякого зверя лютее, так как и падших терзает, и, что еще хуже, не дает и чувствовать этих терзаний. Одержимым этой страстью надлежало бы простирать руки к мимоходящим и взывать о помощи, а они еще благодарят за эти мучения. Что может быть злосчастнее? Итак, размышляя об этом, будем убегать от этой неисцелимой болезни, будем врачевать ее угрызения и подальше уклоняться от таковой язвы, чтобы и здешнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущие наследовать сокровища (6).

***

Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие,

так и воины, — только по противоположным причинам. Первые не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни: а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставив воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно пред другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они при всех трудах своих подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют неправедную продажу и куплю, из корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела? Впрочем, если вам угодно, оставим и этих и перейдем к другим — более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельцами, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами, они непрестанно налагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков — и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые, трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжав, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройства, сколько мучений, насилия,

истязаний, тюрьмы и неизбежных работ — от управителей? Что сказать о торгах, чрез них производимых, и о неправедных прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои неправедные сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в свое гумно и точило, — они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привести слова пророка: ужаснися небо, и убойся земля! (см. Иер. 2, 12) До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, — но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, и Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотрев все это и вспомнив о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали (7).

***

Грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить [самих людей], подобных ему? Кого же наперед изобразить вам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Действительно, что может быть бесстыднее глаз его? Что бессовестнее его и более похоже на псов? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие: не так глядят человеческие глаза. Он не смотрит на людей, как на людей, не смотрит

на небо, как на небо, не устремляет взоров к Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы; а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое, а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотоле, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверски. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, — ведь для них оно свое и тогда, когда по наружности принадлежит другим, — а глаза корыстолюбца не насыщаются дотоле, пока не обнажат кого-либо совершенно и не скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. Если же мы станем употреблять их на последнее, то лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Ты скорбишь, когда дикий зверь растерзает овцу; а когда сам делаешь то же с своим единоплеменником, то и не считаешь этого дела ужасным? Что же ты за человек? Разве ты не знаешь, что человеческим мы называем то дело, которое исполнено милосердия и человеколюбия, а дело грубое и жестокое называем бесчеловечным? Таким образом, характер человека мы изображаем делами милосердия, а характер зверя — делами противными тому, и часто говорим: ужели он человек, а не зверь и не пес? Людям свойственно облегчать бедность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивых и уста — уста зверские или еще хуже их; они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто испытает душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания Царствия, ни страха геенны, ни стыда пред людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему; вещания Божии о [будущих] мучениях

кажутся им басней, угрозы — посмешищем. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извне звери и даже хуже зверей, то за кого, скажи мне, мы будем считать их? Что они хуже зверей, это видно из следующего: звери таковы по природе, а они, получив от природы кротость, вопреки природе стараются усвоить себе свойства зверей. Сами демоны делают своими споспешниками людей неблагонамеренных, так как если бы последние не были их споспешниками, то большая часть их козней против нас оставалась бы без успеха; а те стараются притеснять и содействующих им в неправедных делах их. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов; а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему, и родному, не стыдясь самой природы (12).

***

Если хотите, мы представим корыстолюбца, обнажим порочную страсть. Мы увидим, что он мучится страхом и не может наслаждаться чистым удовольствием. Представляя себе обиженных им и жалеющих о них и всеобщее о себе мнение, он обуревается бесчисленными волнами. И не только это мучительно для него, но и то, что он не может наслаждаться своим любимым [предметом]. Таково именно свойство сребролюбцев: они имеют не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебе загадкой, то выслушай еще худшее и более странное: они не потому только лишены удовольствия, что не смеют пользоваться своим имуществом, как бы хотели, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанной жаждой. Что может быть мучительнее этого? Не таков человек праведный; он свободен от опасения, ненависти, страха и неутолимой жажды; как того все проклинают, так ему все желают добра; как тот не имеет ни одного друга, так он не имеет ни одного врага. Если же все это несомненно, то что может быть неприятнее порока и приятнее добродетели (12)?

***

Если ты скорбишь о том, что пользуешься ими [деньгами] вместе с другими, а не один обладаешь ими так, как деньгами, то значит ты предан не деньгам, а только корыстолюбию. Ты не стал бы любить и денег, если бы они были общими для всех. Итак, нашедши то, что ты любишь, т.е. корысто-

любие, я теперь покажу тебе, как оно тебя не любит и ненавидит, сколько изощряет против тебя мечей, сколько искапывает пропастей, сколько раскидывает сетей, сколько приготовляет стремнин, чтобы хотя таким образом погасить страсть твою. Откуда же это видно? Из войн, из того, что на дорогах, на морях, в судилищах. Ведь оно и моря наполняет кровью, и мечи судей часто обагряет несправедливо, и вооружает производящих засады на дорогах днем и ночью, и заставляет забывать самую природу, и создает отцеубийц и матереубийц, и вводит вообще всякое зло в жизни (12).

КРАСОТА

Где те, которые превозносятся красивой наружностью? Не говори мне о красоте тела, но смотри на достоинства души. Что представляет из себя красивая женщина? Гроб разукрашенный, если она не украсила себя целомудрием. Красота телесная есть угрожающая падением путнику яма и яд, приготовленный для других людей, если она не соединена с целомудрием; с другой стороны, она увядает в болезнях и уничтожается смертью. А красота души остается бессмертной и незапятнанной, и тогда именно является в полном расцвете, когда умолкают страсти и для ума настает спокойствие. Итак, если ты увидишь мужчину или женщину красивых, не удивляйся. Посмотри, дубы высятся до небес, а их плод негоден для людей, но только для бессловесных; а лоза стелется по земле и приносит грозды прекрасного плода. Итак, что хочешь иметь — виноградную лозу или дуб? Конечно, лозу, потому что дуб, красуясь в высоте, своими плодами доставляет пищу только бессловесным. Что ничтожнее пчелы и что величественнее павлина? Но что лучше — пчела или павлин? Конечно, пчела. Уничтожь павлина — и ты не потеряешь ничего; уничтожь пчелу — и ты потеряешь многое (3).

***

Сладостна настоящая жизнь и заключает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этой жизнью и не ставить ее ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой — лучшей, возбуждает удивление; а когда явится красота лучшая, прежнею начинают пренебрегать. Так и мы,

если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего Царства, — скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы. К этому-то и приводит нас Христос, когда говорит: *любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12, 25–26) (8).

***

Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой. Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благоприлично и соблюдать пост, то красота ее сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести (10).

КРЕСТ

Как венец будем носить крест Христов. Через него совершается все, что для нас нужно. Нужно ли родиться — предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственной пищей, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать — везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, который *как овца, веден был на заклание* (Ис. 53, 7). Потому, когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому — я разумею свободу, нам приличную, — упомянув о Кресте и Крови Господней, убеждает такими словами: *вы куплены дорогой ценой; не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогой ценой он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное

расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается дьявол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек голову змея. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет в славе Своей и когда это знамение явится перед Ним, сияя светлее самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и в свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызения зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость дьявола, то что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного? Итак, запечатлей крест в уме твоем и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано (7).

***

О, божественный Крест, Ангелов неизреченное созерцание, смертных похвала, царей держава! Как с живым, я хочу беседовать с тобою, виновником радости и победным оружием нашего спасения. Тобою отверзаются заключенные двери рая, тобою сокрушается держава смерти, тобою ад лишается добычи, тобою мертвые удостаиваются жизни, тобою разбойник ликует в раю, тобою сочетаются небесные с земными, тобою — познание истины, тобою даровано Крещение возрождения, тобою людям снискано оставление грехов, тобою запечатлен дар Святого Духа, ознаменованные тобою церкви именуются домами Божиими, тобою мы сподобляемся Тела и Крови Христовых, тобою удостаиваемся быть сынами

Божиими и наследниками Царства Небесного, тобою праздники и торжества наши просветляются и облистаются. Никакой язык не мог бы изобразить все то, что Христос Бог даровал через тебя народу человеческому (9).

***

Если о Кресте Господнем (как орудии страданий) слышать печально и тягостно, то тот же Крест исполнен для нас светлой радости, раз он сделался для нас причиною не страданий, но освобождения от страданий. Если одно имя его служит сообразном для иудеев, а проповедь о нем оказывается для язычников безумною, то нам верующим он напоминает о нашем спасении. И если в церкви, при чтении о Кресте и воспоминании о Крестных страданиях, в народе, верующем Кресту, возбуждается негодование, соединенное с сожалением, и возникает ропот, то эти чувства относятся не к самому Кресту, а к тем, которых неверие сделало распинателями. Крест есть спасение Церкви, Крест есть похвала возложивших на него упование, Крест — избавление наше от одержавших нас зол и начаток дарованных нам благ, Крест — примирение с Богом его врагов и обращение ко Христу грешников. Крестом избавились мы от вражды и Крестом утвердились в дружбе с Богом; Крестом освобождены мы от насилия дьявола и Крестом избавлены от смерти и гибели. Потому-то и народ сначала, слыша о Кресте, роптал, а потом, слушая о воскресении, от ропота перешел к радости, громогласно возглашая славу. Крест сочетал людей с ликом Ангелов, сделав их природу чуждою всякого тленного дела и доставив им возможность проводить нетленную жизнь. Ведь уже не людьми, но богами называются они после Креста: *Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы* (Пс. 81, 6), — не рабами, но друзьями и братьями они именуются: *буду возвещать имя Твое братьям моим* (Пс. 21, 23). Видишь, какую перемену произвел Крест? Но чтобы еще яснее уразуметь силу Креста, представь себе, что было до Креста и что после Креста, — и тогда ты оценишь его силу и действие. До Креста Сын был в неизвестности, а сегодня, когда проповедуется о Кресте, и Сын именуется, и Отец через Сына познается; до Креста совершалось поклонение дьяволу, а ныне с проповедью о Кресте дьявол низложен и демоны обращаются в бегство; до Креста мы погрязали

в блуде и распутстве, а ныне после проповеди о Кресте не только отстали от блуда, но и над браком превозносимся, а девство, которого раньше не знали, усвояем себе и соблюдаем. Когда не раздавалось еще проповеди о Кресте, дьявол собрал иудеев против Христа; ныне проповедуется Крест — и апостолы тех же иудеев приводят ко Христу верою. До проповеди о Кресте смерть властвовала над нами; ныне Крест проповедуется — и смерть презирается, как бы ее и не существует, а вечную жизнь мы возлюбили. До Креста мы были чужды рая, а с явлением Креста тотчас же разбойник удостоен рая. О, великая сила Креста! Какие перемены произвела она в роде человеческом! От такой тьмы привел нас Крест к свету незаходимому, от смерти воззвал к жизни вечной, от тления возродил к нетлению. Очи сердца нашего уже не покрываются тьмою неведения, но Крестом открыты свету разумения; уши глухих уже не затворены более неверием, потому что глухие услышали слово Господне, и слепые прозрели, чтобы видеть славу Божию. Вот что совершено Крестом, вот что даровано нам ради Креста! В самом деле, какое добро получено нами, помимо Креста, какое из благ даровано нам не через Крест? Через Крест научились мы благочестию и познали силу божественной природы; через Крест уразумели мы правду Божию и постигаем добродетель целомудрия; через Крест познали мы друг друга и, будучи прежде далекими, сочетались Христу и приобщились благодати Святого Духа; через Крест познали мы силу любви и не отказываемся умереть друг за друга; благодаря Кресту презрели мы все блага мира и вменили их ни во что, ожидая будущих благ и невидимое принимая как видимое. Крест проповедуется, и вера в Бога исповедуется, и истина по всей вселенной распространяется: Крест проповедуется, и мученики подвизаются и исповедничество за Христа утверждается; Крест проповедуется, и воскресение даруется, и жизнь является, и Царство Небесное удостоверяется, и неверные веруют Кресту, — достигают спасения даже и те, которым Крест казался непримиримым с жизнью. Виновником всего этого для нас является Крест, и благодаря ему же мы научились воспевать Бога. Итак, что выше Креста? Что полезнее его для наших душ? Не будем же стыдиться имени Креста, но со всею смелостью будем исповедывать его, так как через

него призваны ко спасению и приводимся к жизни вечной. Видишь, какие перемены произвел этот Крест в мире, для его спасения? Он положил конец его беззаконным делам, пресек его безбожные учения — и мир не угождает уже более дьявольским законам и не связывается узами смерти. Бог пришел на землю и посек неистовство страстей; установил Свои законы и научил нас полезному и нужному; утвердил заповедь целомудрия и искоренил сладострастие; начертал границы святости, оградил невинность законом и беззаконный блуд осудил на попрание; освятил правила воздержания и низложил господство похоти; божественным учением ниспроверг силу страстей и умалил всякий грех, порождавшийся похотью. Так как блуд есть изобретение идолов, и их коварством порождается всякая порча, то Он и посекает самый корень беззакония, чтобы положить конец потоку нечестия. Он упразднил мерзкое служение идолам, уничтожил беззаконные обычаи, рассеял все ухищрения, приманки и прикрасы нечестия; Он разоблачил обман и неправду и преградил потоки погибели; Он очистил души от укоренившихся в них терний нечестия и подобно зернам пшеницы принес семена богочестия, чтобы заставить души наши плодоносить плоды правды; Он даровал нам изобилие в духовной пище и наполнил наши духовные житницы божественными плодами небесной мудрости; Он приобщил верных святыне Духа, и благодаря ему каждый из нас сделался сосудом божественного освящения и источником божественной красоты. Все это приобрели мы благодаря Кресту, всех этих благ удостоились ради Креста. Все это познали мы через Крест и всему этому научились благодаря ему. Но чтобы вполне оценить силу Креста и те последствия, которых он был причиной, обрати внимание на то, что совершилось у его подножия, и ты убедишься, что действительно это были дела, совершенные божественной силой. Крест водружается против Жизни, но через Крест даруется жизнь миру и смерть им умерщвляется; Крест воздвигается против Истины, но благодаря Кресту мир весь наполняется истиной; Крест приготовляется для уничижения Владыки, но Владыка распростер на нем Свои руки и всех привлек к Себе. Христос висит на Кресте — и дьявол умерщвлен; Христос распростерт на Кресте — и спасительное знамение даровано всему

миру; Христос пригвожден ко Кресту — и всякая душа разрешена от уз; Христос томится на Кресте — и все создание освобождено от работы истления; Христос на Кресте испустил дух — и новое чудо явлено миру: свет солнца помрачается. Для неверных в этом знамение, что на день Суда им уготовляется тьма, а для верных этим знаменуется то, что для них тьма сменяется дневным светом. Эта мысль выражается и в одном пророческом изречении, которое гласит: *и будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня. И обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач* (Ам. 8, 9–10). Видишь, возлюбленный, какой глубочайший таинственный смысл содержит в себе это пророческое слово? Оно равно применимо и к тем, и другим, т.е. как к подзаконным иудеям, так и к язычникам, вне закона творившим свои беззакония. Первые, празднуя по закону, будут проводить свои праздники в плач и место всяких песен у них заступит вопль об Иерусалиме. Служение Богу в Иерусалиме упразднится и совершение праздников в нем прекратится, когда наступит конец всему, после Пришествия Христа и Его искупительных страданий. Потому-то и говорит Бог через пророка: *обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач*. Иудеи лишатся своего законного достояния и предадутся в рабство всякому народу за то, что не поверили божественной и необычайной проповеди Креста. Будут плакать и язычники, исповедуя свои грехи, но будут плакать плачем, достойным ублажения. Сказано: *блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4). И вот они будут оплакивать те суетные праздники и нечестивые песни, в которых выражалось их служение нечистым демонам... Так-то вот и мы с добрым плачем и сожалением об изображенных выше наших пороках припадем к Кресту, на него возлагая свои надежды, чтобы при руководстве Креста и в устремленною к небу мыслью приблизившись ко Христу Спасителю нашему, мы удостоены были пребывания вблизи Бога, в Царстве Небесном (9).

***

Чего не сделал Крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении благ настоящих и стремлении к благам будущим; он сделал людей

Ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели (12).

КРЕЩЕНИЕ

Грехи, совершаемые после [Крещения], делаются вдвое и вчетверо тяжелее. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель [Крещения] нисколько не облегчает для нас наказания. Заметь: имел ли кто тяжкие грехи (до Крещения), совершил ли, например, убийство, или прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще более тяжкое, — все это отпускается чрез купель Крещения. В самом деле, нет, подлинно нет никакого греха и нечестия, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это — божественная благодать. Но, если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то, хотя прежнее прелюбодеяние разрешено и то убийство отпущено и уже не воспоминается, так как *дары и призвание Божие непреложны* (Рим. 11, 29), — тем не менее за эти грехи, совершенные после Крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как если бы и прежние были приняты во внимание, и даже гораздо большему. Это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. А что за эти грехи (ожидает) большее осуждение — послушай, что говорит Павел: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?* (Евр. 10, 28, 29).

Может быть, я многих отвлек теперь от принятия Крещения? Но я сказал это не с этою целью, а для того, чтобы принявшие [Крещение] пребывали в целомудрии и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажет кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принял бы и стал бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь [не сохранить]? А так [без Крещения] отойти не боишься? Бог, скажешь, человеколюбив? Потому-то и прими Крещение, что Он человеколюбив и помогает нам. Но ты, когда нужно бы позаботиться [о Крещении], не представляешь себе этого человеколюбия; а когда хочешь отложить его, тогда о нем вспоминаешь, между тем как это

человеколюбие имеет место в первом случае, и к нам оно будет проявлено в особенности тогда, когда и с своей стороны привнесем, что следует. Кто во всем положился на Бога, тот, если и согрешит, как то свойственно человеку после Крещения чрез покаяние сподобится человеколюбия; а кто, как бы мудрствуя о человеколюбии Божием, отойдет [отсюда] чуждым благодати, тот подвергнется неизбежному наказанию. Зачем же ты поступаешь так против своего спасения? Невозможно, совершенно невозможно, как я, по крайней мере, думаю, чтобы человек, который отлагает [Крещение], обольщая себя такими надеждами, совершил что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страх и прикрываешься неизвестностью будущего? Почему не переменяешь этого страха на труд и старание, чтобы стать великим и достойным удивления? Что лучше — бояться или трудиться? Если бы кто-нибудь посадил тебя без всякого дела в разваливающемся доме и сказал: «Ожидай, что может упасть на твою голову потолок, так как он уже сгнил (может быть, он упадет, а может быть, и не упадет); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи в здании более безопасном», — то что бы ты предпочел? Праздность ли ту, соединенную со страхом, или этот труд, — с уверенностью в безопасности? Поступай же так точно и теперь. Неизвестное будущее — это как бы некоторый истлевший дом, всегда угрожающий падением; а этот труд, соединенный с утомлением, обещает безопасность.

Итак, не дай Бог, чтобы мы подверглись столь великому несчастию — грешить после купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при таких обстоятельствах не будем отчаиваться. Бог человеколюбив и предоставил нам много путей к получению прощения и после [крещения]. И как те, которые грешат после купели, по этой самой причине наказываются больше оглашенных, так и те, которые знают, что есть врачество покаяния и не хотят им воспользоваться, подвергнутся тягчайшему наказанию, потому что чем больше умножается человеколюбие Божие, тем больше усиливается и наказание, если мы должным образом не воспользуемся им (10).

***

Крещение имеет силу не только заглаживать прежние согрешения,

но и защищает от будущих. И как для заглаждения прежних грехов ты принес веру, так и для того, чтобы опять не оскверняться грехами после Крещения ты должен обнаружить перемену в усердии (11).

КРОТОСТЬ

И поистине то составляет величайшую добродетель, когда не тех только мы любим и не тем только всячески угождаем, которые искренно к нам расположены, но когда и людей, желающих вредить нам, к себе привлекаем ласковостью. Нет ничего могущественнее кротости. Как вылитая вода погашает сильно горящее пламя, так и слово, сказанное с кротостью, утишает гнев, воспламененный сильнее огня в печи, — вследствие чего происходит двоякая для нас польза: этим и сами мы обнаруживаем в себе кротость, и, успокоив раздраженный дух брата, спасаем от потрясения его рассудок. Да и скажи, пожалуй: не порицаешь ли ты, не осуждаешь ли гневающегося, враждебно к тебе расположенного брата? Почему же не стараешься сам поступать иначе, а еще более раздражаешься? Ведь огня нельзя погасить огнем: это неестественно. Также и гнева, ни в каком случае невозможно укротить гневом. Что для огня — вода, то для гнева кротость и ласковость. Поэтому-то и Христос сказал ученикам: *если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?* (Мф. 5, 46) (1).

***

Когда будет в твоих руках враг, не о том заботься, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, а о том, как бы уврачевать его, как бы возвратить к кротости; и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока своей кротостью не победишь его жестокости. Ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это самое, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 15). Что тверже кости? Однако, хотя бы кто был так же тверд и жесток [как она], и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко. И еще: *кроткий ответ отвращает гнев* (Притч. 15, 1). Отсюда ясно, что ты более чем сам враг твой властен и раздражить, и укротить его. В самом деле, от нас, а не от тех, кто гневается [на нас], зависит и погасить пламень их гнева, и раздуть его сильнее. И это самое

объяснил опять сказавший предыдущие слова простым примером. Если, говорит, подуешь на искру огня, то возгорится пламя, а если плюнешь, то погасишь; то и другое в твоей власти: *то и другое выходит из уст твоих* (Сир. 28, 14). Так и с враждой ближнего: если ты будешь говорить с ним дерзко и надменно, то зажжешь в нем огонь, раздуешь угли, а если кротко и ласково, то потушишь весь гнев прежде, чем поднимется пламя. Не говори же: то и то потерпел я; то и то слышал. Все это от тебя зависит. От тебя зависит воспламенить или погасить гнев, точно также как зажечь или потушить искру (1).

***

А мы, подвергаясь оскорблениям, когда нужно извинение и примирение, часто раздуваем пламя, нападаем на оскорбивших как дикие звери, тесним их, влачим, требуем наказания за сказанные слова и тем самым, что делаем, подтверждаем возведенную на нас клевету. Если хочешь доказать поносителям, что ты не пьян, докажи это кротостью и скромностью, а не бранью и не ругательством; ведь, если ты станешь бить оскорбившего, то все примут тебя за пьяного; а если перенесешь великодушно, то самым делом отклонишь злой навет (1).

***

Подлинно, ничто не бывает столько причиною вражды и раздора, как любовь к настоящим благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям. Когда же ты разорвешь все эти узы и не попустишь душе пленяться чем-нибудь подобным, тогда увидишь, откуда берет свое начало раздор, где лежит основание добродетели. Для того Христос и повелевает нам быть овцами среди волков, чтобы ты не говорил: я потерпел то и то и оттого ожесточился. Хотя бы ты потерпел бесчисленное множество обид, продолжай быть овцою — и победишь волков. Такой-то человек зол и нечестив; но ты имеешь силу, которою можешь преодолевать и злых. Что смиреннее овцы? Что свирепее волка? Однако первая преодолевает последнего, как видно на апостолах, потому что нет ничего могущественнее кротости, ничего сильнее долготерпения. Вот почему Христос и заповедует нам быть овцами среди волков. Но, сказав это и желая объяснить, каков должен быть Его ученик и что для него недостаточно этой простоты, т.е. кротости

овцы, прибавляет еще нечто другое: *будьте*, — говорит, — *как голуби* (Мф. 10, 16), соединяя кротость двух смирных и незлобивых животных. Такой требует Он от нас кротости, когда мы обращаемся среди злобных! Не говори мне: он зол, я не могу сносить. Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело с злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияет ее действенность, достоинство и польза (2).

***

Поистине, лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть, как кроткое лицо Господа отвращается от нас и ясное око Его не хочет взирать на нас. И действительно, если Он меня, врага Своего, при всей к Нему ненависти и отвращении от Него так возлюбил, что даже не пощадил самого Себя, но предал Себя на смерть, и если после всего этого не подам Ему и хлеба, когда Он алчет, — то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здесь заметь Его кротость. Он не исчисляет Своих благодеяний, не жалуется на то, что ты презрел столь великого своего благодетеля, не говорит: Я тебя привел из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, поставил тебя владыкою над всем, что находится на земле; для тебя Я сотворил землю и небо, море и воздух, и все сущее; от тебя я был презрен и казался тебе ниже дьявола, но при всем том не оставил тебя: бесчисленные открыл средства для твоего спасения, восхотел сделаться рабом, был бит по ланите, оплеван, заклан, умер поноснейшею смертью; даже на небе за тебя ходатайствую, даю тебе Духа, удостаиваю тебя Царствия и предлагаю тебе такие благодеяния; восхотел быть твоим главою, женихом, ризою, домом, корнем, пищею, питием, пастырем, царем и братом; избрал тебя наследником и сонаследником Своим, из мрака привел тебя в область света. Хотя Господь мог сказать это и еще того более, но Он ничего такого не говорит (6).

***

Устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками — будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет

не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе. Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу (6).

***

Всякая добродетель хороша, но в особенности — незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей; она отличает от зверей; она делает равными Ангелам. Поэтому и Христос часто и много говорит об этой добродетели, повелевая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповедует это, но учит тому и самыми делами, то терпеливо перенося заушения, то подвергаясь поношениям и наветам, и, несмотря на то, опять обращаясь с наветниками (8).

***

Видишь ли, какое великое благо — кротость? Она больше жестокости уязвляет сердца наши и причиняет рану более чувствительную. Как тот, кто наносит удар телам затверделым, производит ощущение не столь сильное, а кто наперед смягчит их и сделает нежными, тот поражает сильнее, так точно и здесь — прежде надобно смягчить и тогда уже поразить. Смягчает же не гнев, и не сильное обвинение, и не порицания, но кротость: гнев еще увеличивает ожесточение, а кротость уничтожает. Итак, если хочешь тронуть кого-либо, обидевшего тебя, обращайся к нему с большою кротостью (10).

***

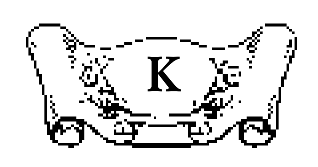
Бьющим нас будем воздавать кротостью, молчанием, долготерпением. Это — раны более тяжкие, удар более сильный и действительный, так как тяжко поражение не тела, а души. Мы многим наносим удары; но если это делается по дружбе, то даже нравится; если же ты будешь бить когонибудь с гневом, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорчение, — так мы поражаем более сердце их. Докажем же по возможности, что кротость поражает более, нежели сопротивление. Яснейшее доказательство этого было бы из дел и из опыта; но, если угодно, объясним это и словом, хотя мы уже многократно делали это. При оскорблениях мы ничем столько не огорчаемся, как мнением присутствующих; не все равно — получать ли оскорбление при всех или наедине; мы переносим легко те

оскорбления, которые наносятся нам наедине, когда нет свидетелей и никто не знает о том. Следовательно, не самое оскорбление огорчает нас, но то, что оно наносится при всех, так что, если бы кто-нибудь при всех хвалил нас, а наедине поносил, то мы еще были бы ему благодарны. Значит, огорчение зависит не от самого оскорбления, но от мнения присутствующих, пред которыми [мы не хотим] казаться достойными презрения. Теперь: что, если мнение их будет в нашу пользу? Не больше ли потерпит сам оскорбитель, если они подадут голос за нас? Кого же, скажи мне, осуждают посторонние свидетели: того ли, кто наносит оскорбление, или того, кто подвергается ему и молчит? Гнев увлекает нас в то время, когда наносится оскорбление; посмотрим же теперь, когда мы свободны от этой страсти, чтобы нам не увлекаться и тогда. Кого все мы осуждаем? Без сомнения, того, кто наносит оскорбление; если он ниже нас, мы говорим, что он беснуется; если равен, говорим: он безумствует; если выше — и тогда не одобряем. Кто, скажи мне, достоин одобрении? Тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует как дикий зверь, восставая против имеющих одинаковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли Ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собою владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потопляет мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер — дыхание незлобия — веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия. Как во время крушения корабля плывущие на нем не знают, что они выбрасывают в море: свою ли собственность или вверенное им достояние других, но бросают без разбора все в нем находящееся — и драгоценное и недрагоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о том, что бросили, плачут и не радуются тихой погоде по причине потери выброшенного, — так точно и здесь. Когда свирепствует гнев и поднимается эта буря, не думают, что нужно выбросить и чего нет; когда же гнев прекратится, тогда,

размышляя о том, что выбросили, видят только вред и не радуются самому спокойствию, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великий ущерб понесли не в деньгах, но в отношении к смирению и кротости (10).

***

Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно [силы душевной], чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством; кто был столько силен, что преодолел эту страсть, тот, конечно, будет в состоянии преодолеть и другую; т.е. здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то, без сомнения, [преодолеешь] и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество (10).

ЛЕНОСТЬ

Диавол всеми мерами старается вкрасться и, если заметит в человеке, что он мало занят или откладывает дело, производит в нем большую леность. Поэтому-то некто и советует: *не откладывай со дня на день* (Сир. 5, 8). Таким образом ты можешь в большем успеть, да и домашние дела твои будут в хорошем состоянии (7).

***

Не удивляюсь тем, которые пренебрегают [деньгами], но [удивляюсь] тем, которые не пренебрегают. Это — признак души, исполненной крайней лености, — души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вечную и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую и говоришь: как презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом царя и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя. Все же, которые хотели, поступали, как должно, и делали это с большою ревностью и легкостью. Дай Бог, чтоб и вы, послушавшись нашего увещания, исправились и стали ревностными подражателями поживших добродетельно (10).

ЛОЖЬ

Как на войне для различения своих и чужих дается лозунг, так и в круговороте человеческих дел друзья Бога отличаются стоянием в правде и воздержанием от лжи, а лжецы поражаются собственным языком как мечом. Уста, не знающие лжи и клятв, скоро преклоняют Бога своей молитвой. Если слугу или друга нелживого мы уважаем и не отказываем им в их просьбах, тем более Бог из

благоволения к нелгущему доставляет ему все блага, потому что, видя язык, любящий истину, чистым и незапятнанным, Он принимает его слова, как угощение на блюде. Ложь так дурна, что и сами лжецы ненавидят того, кто лжет. Как горючее вещество от дома, удаляй ложь от своих уст; как огонь в спальне, погашай на языке своемложную клятву. Если загорится дом, погибнет дерево и тело, а ложная клятва, воспламеняясь, и душу, и тело губит в геенне. Если я скажу: «не бранись», ты ссылаешься на гнев; если я скажу: «дай денег бедным», ты представляешь бедность и кормление детей. А не клясться или не лгать — это не то, что тратить деньги из кармана. Эта добродетель не требует издержек. Почему же нам не приобрести ее? Царю не так приличны порфира и венец, как христианину воздержание от лжи. За это его уважают и родственники, и друзья, и соседи, и знакомые. Такого христианина боятся бесы, а Ангелы любят его и с радостью открывают ему двери Царства Небесного (3).

***

Ложь бессильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Как те, которые покрывают смазкой стены, близкие к разрушению, чрез эту смазку не могут поправить их, так и люди, когда говорят ложь, легко изобличаются (8).

ЛЮБОВЬ

До такой крайности возросла ныне людская злоба, что редко уже любят и любящих. Откуда же будет нам надежда спасения, если мы сделаемся хуже самих мытарей, как говорит Христос: *если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари* (Мф. 5, 46)? Христос желает, чтобы мы достигли самого верха добродетели, чтобы были выше мытарей; а мы стараемся быть и их ниже. И что говорю: мытарей? Мы становимся хуже и разбойников, и гробокопателей, и человекоубийц. И из них всякий любит того, кто с любовью относится к нему, а часто и подвергается опасности за любимого им. Что же может быть достойнее сожаления, когда мы, удостоенные столь великого человеколюбия Божия, оказываемся хуже людей, сделавших тысячи зол? Итак, умоляю вас: помышляя о великом наказании, о крайнем посрамлении, которые ожидают

нас там, — познаем, хотя поздно, свое достоинство, покоримся учению Христову и не только любящих нас будем любить искренно, изгнав из своего сердца всякую злобу и ненависть, но если бы кто-либо и враждебно расположен был к нам, будем стараться и тех любить. Нам невозможно иначе спастись, если не пойдем таким путем. Постараемся даже более, чем любящих нас, любить тех, как способствующих нам в достижении бесчисленных благ. Таким образом мы сможем и прощение грехов получить, и молитвы к Богу воссылать смиренным умом и сокрушенною душою. Когда душа свободна от всякой вражды и ум наслаждается спокойствием, тогда она с великою бодростью призывает Владыку и привлекает себе свыше великую помощь (1).

***

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого. Каждый из этих предметов сам по себе может воспламенить в нас любовь. Хотя бы мы от какого-нибудь человека не получали никакого благодеяния, но если слышим, что он постоянно любит нас, хвалит нас и удивляется нам, то и сами тотчас привязываемся к нему душою и любим его, как благодетеля (2).

***

Где любовь, там великая безопасность, великое благоволение Божие. Она — мать всех благ, она — корень и источник их, она — прекращение войн, истребление распрей. ... Действительно, как несогласие и раздор причиняют смерть и смерть преждевременную, так любовь и согласие производят мир и единодушие, а где мир и единодушие, там все в жизни безопасно и вполне надежно. Но для чего говорить о настоящем? Любовь доставляет нам небо и неизреченные блага; она — царица добродетелей (3).

***

Всякое доброе дело есть плод любви. Поэтому много и говорится о ней. Так Христос говорит: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35); и Павел взывает: *не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 8). Не сказал просто о любви, но повелевает быть как бы должниками в любви друг к другу. Как в отношении к телу мы должны постоянно

доставлять ему пищу — и постоянно доставляем, и этот долг простирается на всю нашу жизнь, так он учит поступать и в отношении к любви, или, лучше сказать, — еще больше, потому что она приводит к жизни вечной и постоянно остается с теми, которые имеют ее. *А теперь,* — говорит апостол, — *пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 13). Впрочем, не только словами, но и самими делами мы научаемся этой добродетели. И, во-первых, способом нашего рождения; создав одного человека, Бог повелел от него произойти всем, чтоб мы все считали друг друга как бы одним человеком и старались жить в любви друг к другу. Затем и посредством взаимных отношений Он премудро устроил необходимость для нас взаимной любви, а как — послушай. Наполнив вселенную множеством благ, Он даровал каждой стране особенные, ей свойственные роды плодов, чтобы мы, вынуждаемые необходимостью, путешествуя друг к другу, сообщая другим излишнее и получая от них недостающее нам, любили однородных с нами. То же Он сделал и с каждым человеком. Он не дал всем знать все, но одному сообщил способность к врачебной науке, другому — к строительной, иному к иной, чтобы, нуждаясь друг в друге, мы любили друг друга. Также и в предметах духовных, в свою очередь, можно видеть то же самое, как говорит Павел: *одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков* (1 Кор. 12, 8–10). Но нет ничего выше любви; поэтому Он и поставил ее выше всего, сказав так: *если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто* (1 Кор. 13, 1, 2). И даже на этом он не остановился, но возвестил, что и сама смерть за благочестие не приносит никакой пользы, если не будет при этом любви. Не без причины Он сказал это о любви; он знал, хорошо знал как исполнитель заповедей Божиих, что когда твердо вкоренится любовь, тогда произрастают

плоды всяких благ. Заповеди: *не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего,* и всякая другая заповедь заключаются в этой одной, как главной: *весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя* (Исх. 20, 13–16; Лев. 19, 18; Гал. 5, 14). Впрочем, для чего говорить о малом, умалчивая о великом? Из любви сошел к нам возлюбленный Сын Божий, стал обращаться и жить вместе с людьми, чтобы, рассеяв многобожное заблуждение и возвестив истинное познание, научить людей любви друг к другу, как свидетельствует Иоанн, когда говорит: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). Ею пламенея, Павел произнес небесные слова: *кто отлучит нас от любви* Христовой: *скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч* (Рим. 8, 35)? Презрев же это как ничтожное, Он присовокупил к этому еще гораздо большее. *Ни смерть,* — говорит он, — *ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39). Поэтому ничто не могло отлучить [от любви Божией] этого блаженного, горевшего любовью, ни небо, ни земля, ни море, ни Царство Небесное, ни адские муки; все презирал он ради Христа. Если же мы посмотрим и на остальных святых, то увидим, что все они угодили Богу любовью (5).

***

Ничто не может сравниться с любовью... Ныне же любовь оскудевает; осталось только имя ее, а на деле ее нет, но разделились мы между собою.

Что делать, чтобы соединиться. Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно еще показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к Единой Церкви или [содержать] один и тот же догмат; но не хорошо то, что, имея общение друг с другом во всем прочем, мы не имеем его в необходимом, и [по-видимому], находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день,

но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны обвязание и елей (см. Лк. 10, 34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (см. Ин. 13, 35), что без нее все прочее не значит ничего, что она есть дело не трудное, если захотим [иметь ее]. Да, скажут, мы знаем это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга? Наперед устраним то, что противно любви; тогда приобретем и ее. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно уничтожить препятствия; нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидающие, исчисляет Сирах, именно: *поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство* (Сир. 22, 25). Для тех [иудеев], как людей плотских, этого было достаточно; для нас же нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас — без любви все бесполезно. Пусть будут у тебя бесчисленные блага — какая в том польза? Пусть будет богатство, роскошь, но без любящих тебя — какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и, напротив, нет ничего хуже вражды. *Любовь покрывает множество грехов* (1 Петр. 4, 8); а вражда, напротив, подозревает и то, чего нет. Недостаточно только не быть врагом, нужно еще питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Сама скорбь содействует любви и укрепляет ее. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби. Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаетесь ими? По крайней мере, пусть никто не враждует против другого; и это немаловажно; пусть никто не завидует; не завидующий не может быть и клеветником. Все мы живем в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало: мы сподобляемся одних и тех же Таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Сделаем же и души наши прекрасными и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, т.е. чтобы нас любили; тогда легко будет и то. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем

добрыми — и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. *Доброе имя лучше большого богатства* (Притч. 22, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобресть, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него; а бедный с именем добрым скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи талантов, а другой сто друзей: последний богаче первого. Будем же делать это не просто, но как бы совершал куплю. Как же это? *Сладкие уста умножат друзей, и доброречивый язык умножит приязнь* (Сир. 6, 5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

Посмотри, какие узы любви придумали внешние [язычники]: кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это — священнейшая трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знаем друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих было [в начале], и все они имели *душу одну* (Деян. 4, 32); а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имеет много любящих его, тот непреоборим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого — любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях, хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант, играющий на гуслях, так и здесь: гусли, это — любовь; звуки, это — происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант, это — сила любви; она издает сладостное пение. Я хотел бы — если это возможно — ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость Ангелам и самому Господу Ангелов,

служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти усмиряются и успокаиваются, как звери обузданные и укрощенные; а где вражда, там все напротив. Но не станем говорить теперь о вражде; будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь ли что-нибудь, никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине, любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружен множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселие; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные, и житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он — как бы город, отвсюду огражденный стенами; а тот [не имеющий любви] — как бы город, ничем не огражденный. Быть виновником любви, это — великая мудрость. Уничтожь любовь — и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная [любовь]? Итак, увещеваю вас, будем стараться, чтоб были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединятся и вы приметесь за это дело, подобно тому, как апостолы за дело проповеди или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, то получится великая награда. Устроим себе изображения царя; это — признать учеников. И не делаем ли мы более, чем если бы вложили в них силу воскрешать мертвых? Диадема и порфира — отличия царя: без них, хотя бы на нем были золотые одежды, он еще не является царем. Так и ты усвой себе этот признак — и

приобретешь любящих и для себя, и для других. Никто, будучи любим, не станет ненавидеть. Изучим же эти краски, какими пишется, из каких составляется это изображение. Будем приветливы, не станем ожидать этого со стороны ближних. Не говори: если я вижу, что другой выжидает, то [сделав это] я унижаюсь пред ним; напротив, если видишь его в таком состоянии, то сам предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного — для чего же усиливаешь болезнь его? О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы честью быть *братолюбивы друг к другу* (Рим. 12, 10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но — только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям (10).

***

Любовь заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется маловажным радоваться с радующимися, однако же это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому немалая заслуга — радоваться тогда, когда брат радуется, напротив — важнее как той, чтобы плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах (11).

***

В любви вот что удивительно: к другим добродетелям примешивается зло, например, нестяжательный часто тем самым надмевается, красноречивый впадает в болезнь честолюбия, смиренномудрый часто тем самым превозносится в своей совести, а любовь свободна

от всякой подобной заразы: никто никогда не станет превозноситься пред любимым. Представь человека не такого, который любил бы одного, но — всех равно, и тогда увидишь достоинство любви; или, лучше, если хочешь, представь наперед одного любимого и одного любящего, любящего так, как должно любить. Он живет как бы на небе, наслаждаясь всегда спокойствием и сплетая себе тысячи венцов. Такой [человек] сохраняет душу свою чистой от ненависти и гнева, от зависти и гордости, от тщеславия и порочного пожелания, от всякой постыдной любви и всякого порока. Как никто не станет делать зла себе самому, так и он — ближнему. Такой [человек], еще находясь на земле, будет стоять наравне с [Архангелом] Гавриилом. Таков тот, кто имеет любовь! А кто творит чудеса и обладает совершенным знанием, но не имеет ее [любви], тот, хотя бы воскресил тысячи мертвых, не получит большой пользы, будучи сам далек от всех и чужд союза с подобными себе рабами. Потому и Христос знаком искренней любви к Нему поставил любовь к ближнему. Если любишь меня, Петр, говорил Он, больше, нежели они, паси овец моих (см. Ин. 21, 15–16). Видишь ли, как Он и здесь опять выразил, что это выше мученичества? Если бы кто имел любимого сына, за которого готов был бы отдать душу, и если бы кто-нибудь, любя отца, на сына совершенно не обращал внимания, то этим он сильно огорчил бы отца, который не стал бы и смотреть на любовь к себе за презрение к сыну. Если же так бывает по отношению к отцу и сыну, то тем более по отношению к Богу и людям, потому что Бог любвеобильнее всех отцов. Потому Он, сказав: *первая и большая заповедь: возлюби Господа Бога твоего*, — продолжал: *вторая же*, — и не остановился на этом, но присовокупил: *подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39). И заметь, как Он требует и последней [любви] почти в столь же высокой степени [как первой]. О Боге сказал: всем сердцем твоим; а о ближнем: *как самого себя*, что равносильно выражению: всем сердцем твоим. Подлинно, если бы это было исполняемо с точностью, то не было бы ни раба, ни свободного, ни начальника, ни подчиненного, ни богатого, ни бедного, ни малого, ни великого, и сам диавол не был бы известен, и не только один, но и другой, и хотя бы было их сто и даже тысячи,

сим не могли бы сделать ничего, если бы была любовь. Скорее трава может перенести силу огня, нежели диавол — пламень любви. Она крепче стены, она тверже адаманта, и, если бы ты указал на другое еще более крепкое вещество, твердость любви превзойдет все. Ее не побеждает ни богатство, ни бедность, или, лучше, не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее из того и другого. От богатства мы имели бы довольство, от бедности беззаботность, не терпели бы ни беспокойств, неразлучных с богатством, ни опасений от бедности. Но что я говорю о пользе от любви? Представь, как прекрасна любовь сама по себе, сколько она приносит радостей, сколько доставляет душе удовольствий; это по преимуществу ей свойственно. Другие дела добродетели, например, пост, целомудрие, бдительность, сопряжены с трудом, сопровождаются недовольством, порочным пожеланием, высокомерием; любовь же, кроме пользы, доставляет еще великое удовольствие, а труда никакого, и, как добрая пчела, собирая добро отовсюду, слагает его в душе любящего. Раб ли кто, она делает рабство приятнее свободы, потому что, кто любит, тот не столько радуется тогда, когда повелевает, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелевать и приятно. Любовь изменяет самое существо вещей и неразлучно приносит с собой все блага; она нежнее всякой матери, щедрее всякой царицы; трудное она делает легким и удобным, добродетель представляет привлекательной, а порок отвратительным. Посмотри: раздавать свое, по-видимому, прискорбно, но любовь делает это приятным; брать чужое, по-видимому, приятно, но любовь не позволяет считать это приятным, а заставляет убегать, как преступного; худо говорить о других для всех кажется приятным, но любовь представляет это низким, а хорошо говорить — приятным; ничто так не приятно нам, как хвалить того, кого мы любим. Еще: гнев имеет в себе некоторую приятность, но при любви его не может быть; она совершенно уничтожает его; если любимый и оскорбит любящего, то гнева не будет, а будут слезы, увещания, просьбы: так далека [любовь] от раздражения! Когда она видит согрешающего, то плачет и скорбит, — и эта скорбь приносит ей удовольствие. Слезы и скорбь любви приятнее всякого смеха и

всякой радости; не столько чувствуют наслаждения смеющиеся, сколько плачущие о любимых. Если не веришь, то удержи их слезы, и они огорчатся, как потерпевшие что-нибудь крайне неприятное. Но, скажешь, в любви есть нечистое удовольствие. Нет, человек, оставь злоречие; ничто не исполнено такого чистого удовольствия, как истинная любовь.

Не говори мне о любви вульгарной и низкой, которая скорее болезнь, нежели любовь, но разумей любовь, которой требует Павел, которая имеет целью пользу любимых, и ты увидишь, что такие люди нежнее в любви самих отцов. Как пристрастные к деньгам не решаются издерживать их, но согласны лучше оставаться в затруднительном положении, нежели видеть их уменьшение, так и тот, кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячи бедствий, нежели видеть, чтобы любимый им потерпел вред. Как же, скажешь, египтянка, любя Иосифа, решилась причинить ему вред? Она любила его любовью диавольской. Напротив, Иосиф имел не такую любовь, а какой требует Павел. Вспомни, какой любви исполнены были его слова и какие предложения делала она: осрами меня, говорила она, сделай блудницей, оскорби мужа, расстрой весь дом, лиши и себя дерзновения пред Богом. Такие слова показывают, что она не любила не только его, но и самой себя. Напротив, Иосиф любил истинно и потому отвергнул все это. Но чтобы тебе убедиться, что он заботился об ее благе, вникни в ответ его. Он не только отвергнул ее предложение, но и произнес увещание, которое могло погасить всякий пламень: *вот, господин мой*, — говорил он, — *не знает при мне ничего в доме* (Быт. 39, 8); тотчас же напомнил ей о муже, чтобы пристыдить ее; не сказал: муж твой, но: *господин мой*, что более могло удержать ее и заставить подумать о том, кто она и к кому питает страсть, — госпожа к рабу. Если он — господин, то ты — госпожа; стыдись же вступать в связь с рабом и подумай, чья ты жена, с кем хочешь совокупиться, к кому делаешься неблагодарной и вероломной; а я оказываю ему большее расположение. Смотри, как он превозносит его благодеяния. Она, женщина грубая и бесстыдная, не могла мыслить ни о чем высоком; потому он пристыжает ее мыслями общечеловеческими и говорит: *не знает при мне ничего*, то есть оказывает мне великие благодеяния, а потому я

не могу оскорбить своего благодетеля столь чувствительно; он сделал меня вторым господином дома, *и он не запретил мне ничего, кроме тебя* (Быт. 39, 9). Здесь он возвышает и понятия ее о себе самой, чтобы хотя таким образом привести ее в стыд и показать великое ее достоинство. Не останавливается и на этом, но присовокупляет ее название, которое могло удержать ее: *потому что,* — говорит, — *ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло?* (Быт. 39, 9). Здесь нет мужа, говоришь ты, и он не увидит наносимой ему обиды? Но увидит Бог. Однако увещание нисколько не подействовало, и она влекла Иосифа к себе. Она делала это не потому, чтобы любила его, но желая удовлетворить своей неистовой страсти, как видно из того, что она сделала после. Она требует суда, обвиняет, лжесвидетельствует, предает зверю невинного и ввергает его в темницу; или, лучше, она, сколько от нее зависело, уже убила его, вооружив против него таким образом судью. Что же Иосиф? Таков ли и он? Совершенно не таков. Он не противоречил и не обвинял жены. Потому, скажешь, что ему не поверили бы? Нет, он был весьма любим, как видно из того, что было не только сначала, но и после. Если бы варвар не очень любил его, то лишил бы жизни, несмотря на то, что он молчал и не противоречил; это был египтянин, начальник и притом думавший, что обесчещено брачное его ложе — и обесчещено рабом, который столько им облагодетельствован. Но все это превозмогла любовь и благоволение, которое Бог внушил ему к Иосифу. Кроме такой любви и благоволения, он имел пред собой немаловажные доказательства [невинности Иосифа], если бы хотел выслушать оправдание, — самую одежду. Если бы насилие потерпела жена, то надлежало бы быть ее одежде разорванной и ее лицу истерзанным, а не его одежде остаться у нее. *И он, услышав,* — говорит, — *что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал* (Быт. 39, 15). Для чего же ты совлекла с него одежду? Что скорее могла бы сделать подвергшаяся насилию? Освободиться от нападающего. И не только отсюда, но и из нижеледующего я могу доказать расположение и любовь Иосифа. Когда он поставлен был в необходимость объявить причину своего заключения и пребывания в темнице, то и тогда не открыл приключения, — но что? *Ибо я,* — говорит, —

ничего худого не сделал, но украден из земли Евреев (Быт. 40, 15) и вообще нигде не упоминает о блуднице, не хвалится своим поступком, как сделал бы всякий другой, если не из тщеславия, то по крайней мере для того, чтобы не подумали, будто он за худое дело ввергнут в такое жилище. И если даже люди, виновные во грехе, не воздерживаются от обвинения, хотя самое то подвергает их стыду, то как не удивляться Иосифу, который, будучи чистым, не говорил о страсти жены, не объявлял греха ее и даже, когда достиг власти и сделался правителем всего Египта, не помнил зла и не мстил?

Видишь ли, как он заботился о ней, а она не любила, но неистовствовала? Да, она не любила Иосифа, а хотела только удовлетворить своему сладострастию. Самые слова ее, если внимательно рассмотреть их, исполнены гнева и великой злобы. Что говорит она? *Он привел к нам Еврея ругаться над нами* (Быт. 39, 14). Укоряет мужа за его благодеяние и показывает одежду, сделавшись свирепее всякого зверя. А Иосиф не так. Но что я говорю об его расположении к ней, когда он был таков же к братьям, которые едва не убили его, и никогда не говорил о них ничего худого ни дома, ни на стороне? Потому-то Павел называет любовь матерью всех благ и предпочитает ее чудотворениям и прочим дарованиям. Как при золотой одежде и обуви нам нужно бывает и некоторое другое одеяние, чтобы узнать царя; а когда мы видим порфиру и диадему, то не требуем никакого другого знака царского достоинства — так точно и здесь. Когда есть диадема любви, то она достаточно отличает истинного ученика Христова не только для нас, но и для неверных. *По тому*, — говорит Господь, — *узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Этот знак важнее всех знамений, потому что по нему узнается ученик [Христов]. Пусть иные совершают тысячи знамений, но, если они питают вражду между собой, они будут осмеяны неверными; напротив, хотя бы они не произвели ни одного знамения, но только бы искренно любили друг друга, они будут всеми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что он воскрешал мертвых, очищал прокаженных, а потому, что говорил: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29).

Хотя бы ты сравнил с этим тысячи знамений, ничто не будет равно; и сам он ожидал себе великой награды не за то, что совершал знамения, но за то, что для немощных был, как немощный: *за что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно* (1 Кор. 9, 18); и тогда, когда говорил о своем преимуществе пред апостолами, не сказал: я больше их совершил знамений, но: *я более всех их потрудился* (1 Кор. 15, 10). Он даже готов был умереть с голода для спасения учеников: *ибо для меня,* — говорит, — *лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою* (1 Кор. 9, 15), — говорит не с тем, чтобы похвалить самого себя, но чтобы не подумали, что он укоряет их. Он никогда не хвалится своими совершенствами, если этого не требуют обстоятельства, и, когда бывает вынужден к тому, называет себя безумным (см. 1 Кор. 1, 25; 2 Кор. 11, 1).

Если он и хвалится когда-нибудь, то немощами, страданиями и великим участием к бедствиям других, как и здесь говорит: кто изнемогает, и не изнемогаю? Такие слова выше самых страданий; потому он и поставляет их после всего, усиливая речь свою. Чего же в сравнении с ним достойны мы, которые не хотим презирать денег для блага нас же самих и подавать даже избытков своего имущества? А он был не таков, но отдавал и душу, и тело свое, чтобы получили Царствие Небесное те самые, которые побивали его камнями и бичевали. Так любить, говорил он, научил меня Христос, преподавший прекрасную заповедь о любви и сам исполнивший ее на деле; Он, будучи Царем всего и существом блаженным, не отвратился от людей, которых сотворил из ничего и бесконечно облагодетельствовал, которые оскорбляли Его и плевали на Него, но сделался для них человеком, обращался с блудницами и мытарями, исцелял бесноватых и обетовал небо. После всего этого люди, взяв Его, ударяли по ланитам, связали, били, осмеяли и наконец распяли; но Он и тогда не отвратился от них и, будучи повешен на Кресте, говорил: *Отче! прости им* грех их (Лк. 23, 34). Разбойника, который вначале поносил Его, Он ввел в рай, Павла из гонителя сделал апостолом, а ближайших и преданных Ему учеников предал на смерть для спасения распявших Его иудеев. Итак, представляя себе все это, сделанное Богом и людьми, будем подражать делам добрым и питать

в себе любовь, превосходящую все дары (12).

***

Она [любовь] — великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей. Если ты хочешь знать силу ее, то представь человека робкого, боязливого и трепещущего пред тенью, или гневливого, грубого и похожего более на зверя, нежели на человека, или похотливого, сластолюбивого и преданного всем порокам, и отдай его в руки любви, введи его в это училище, и скоро увидишь, как этот боязливый и робкий сделается мужественным, великодушным и отважным на все; и, что всего удивительнее, это произойдет не потому, чтобы изменилось существо его, но потому, что любовь обнаруживает свою силу в самой робкой душе; здесь бывает то же, как если бы кто, сделав меч не из железа, а из свинца, и не изменяя существа свинца, довел его до возможности делать то же, что и железо. Смотри: Иаков был человек скромный, сидел дома, не знал трудов и опасностей, проводил жизнь спокойную и беззаботную и, как девица в тереме, так и он большей частью оставался хранить дом свой, а от торжища, от всякого шума и всего бывающего на торжище удалялся и постоянно жил вдали от хлопот и беспокойств. Что же? Когда огонь любви воспламенил его, этого скромного и не выходившего из своего дома человека, то, смотри, как он сделался смел и трудолюбив; послушай об этом не от меня, а от самого патриарха. Укоряя тестя, он говорит: *вот, двадцать лет я был у тебя* (Быт. 31, 38). И в каком положении был он двадцать лет? *Я томился*, — присовокупляет он, — *днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих* (Быт. 31, 40). Таков был муж скромный, не выходивший из своего дома и проводивший прежде спокойную жизнь. А что он был робок, видно из того, что он, ожидая свидания с Исавом, смертельно боялся. Потом, смотри, как тот же боязливый сделался от любви отважнее льва: став впереди всех, как бы какой-нибудь оплот, он готов был первый встретить жестокого и дышащего, как он думал, убийством человека, и собственным телом защитить жен своих; кого боялся и страшился, с тем первый хотел ратоборствовать, потому что любовь к женам была сильнее страха. Видишь ли,

как робкий вдруг сделался отважным не потому, чтобы переменил нрав свой, но потому, что был укреплен любовью? Он был робок и после, как видно из того, что он переходил с места на место. Впрочем, пусть никто не думает, что это сказано в укоризну праведнику; робость — не порок; она происходит от природы, предосудительно лишь делать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природе сделаться мужественным по благочестию. Каков был Моисей? Не убоялся ли он одного египтянина, не убежал ли и не удалился ли за пределы [Египта]? Между тем этот беглец, не перенесший угрозы одного человека, после того, как вкусил сладость любви, смело и без всякого принуждения готов был погибнуть с возлюбленными: *прости им*, — говорил он, — оставив *грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32, 32). С другой стороны, что любовь делает жестокого кротким и невоздержного целомудренным, на это нет нужды приводить и примеров; это всем известно. Хотя бы кто был свирепее всякого зверя, от любви он делается смиреннее всякого агнца. Кто, например, был свирепее и неистовее Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, он не сказал ей даже грубого слова; убивший за Давида почти всех священников, узнав, как дочь выпустила его из дома, не оскорбил ее даже словом, тогда как хитрость употреблена была против него самого; это потому, что он был удержан сильнейшей уздой — любовью (к дочери). Делая кроткими, любовь точно также делает людей и целомудренными; кто любит свою жену так, как должно любить, тот, хотя бы был крайне сластолюбив, из любви к ней не станет смотреть на другую: *крепка*, — говорит [Писание], — *как смерть, любовь* (Песн. 8, 6). Следовательно, распутство происходит не от чего иного, как от недостатка любви. Итак, если любовь есть виновница всякой добродетели, то будем насаждать ее со всем тщанием в душах своих, чтобы она принесла нам многие блага и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие (12).

ЛЮБОВЬ БОЖИЯ К ЛЮДЯМ

Представляя себе человеколюбие нашего Господа, не будем нерадимы, но прежде всего и более всего позаботимся о самих себе,

очистим скверну греховную и затем уже обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш, и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько, когда мы сами [молим о себе]. Обрати внимание на величие благости Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестью, не имеем никакого дерзновения [перед Ним]; но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и взывает: *разве, упав, не встают?* (Иер. 8, 4) (1).

***

Прошу заметить премудрость Божию: дабы показать праведнику, что Он, Творец природы, может и невозможное делать возможным, что и в начале Он повелением Своим возбудил землю к произращению плодов, [Бог] сделал то, что праведник получил сторичный плод от посеянного им на той земле, чем и его привел в большее благосостояние, так что он ни в чем уже не нуждался, да и тем (жителям Герар) показал самим делом, какою помощью свыше пользуется праведник. Благоискусный и премудрый [Господь] часто одними и теми же делами Своими и избранным Своим благодетельствует, и заблуждающимся еще дает средство познать силу Его Промысла. Это Он сделал впоследствии и в Египте, когда на жителей его наводил казни, а народ израильский сохранял невредимым. [Египтяне] не только в гневе Божием на них, но и в Промышлении Божием о тех [израильтянах], научались познавать силу Бога и Творца всяческих. Но и эти, в свою очередь, не только из промышления и попечения Божия о них, но и из самого зрелища казней, каждый день постигавших Египет, уразумевали дивную к ним любовь Божию. Так одними и теми же делами Он и Своим, и противникам являл величие Своей силы. И сами стихии оказывают с своей стороны служение и повиновение рабам [Божиим], когда Владыка благоволит к ним. Это можно видеть на опыте в жизни этого праведника [Исаака]: чего в другое время природа земли не проявляла, то теперь производит по воле Бога всяческих и такой приносит плод, что Исаак вдруг становится весьма богатым:

благословил его Господь. И стал великим человек сей и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим (Быт. 26, 13). Так как богатство у праведников состояло тогда в плодоносности земли и в многочисленности стад, то и сказано: *благословил его Господь. И стал великим человек*, т.е. сделался богат, и не просто богат, но и *больше и больше до того, что стал весьма великим.* Подумай, как много значило получить сторичный плод от посеянного. Если же это кажется тебе важным, то познай ту еще большую силу человеколюбия Божия, какую впоследствии времени он показал живущим добродетельно после Его Пришествия [на землю]. Он обещает им не только здесь воздать сторицею, но и дать наслаждаться вечною жизнью и Царством Небесным. Видишь ли щедрость Владыки? Видишь ли великость благодеяния? Видишь ли, сколько даровало нам Пришествие Единородного? Какую несказанную перемену в делах [жизни нашей] произвело оно? Поэтому каждый, рассуждая об этом сам с собою и видя различие между тем, что обещал [Бог] жившим прежде благодати, и тем, что — после благодати, да прославит хотя этим беспредельное человеколюбие Божие, и да не приписывает всего только перемене времен (1).

***

Корень всякого добра есть любовь; потому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви, и всеми способами старается соединить нас между собой. Подлинно, совершенно никто — ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. И это особенно видно как из Его ежедневных благодеяний, так и из повелений. Если же ты мне укажешь на болезни, печали и прочие бедствия жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день, — и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнут и еще большие бедствия; напротив, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебе случится наслаждаться каким-либо благом (6).

***

Бог не имеет в нас никакой нужды и, однако, не перестает любить нас, а мы крайне нуждаемся в Нем, однако любви Его не принимаем, предпочитая Ему деньги, человеческую дружбу, телесный покой, власть и славу, тогда как Он ничего нам не предпочитает.

Он одного имел Сына единородного и возлюбленного и Его не пощадил ради вас, а мы многое предпочитаем Ему. Итак, разве не по справедливости нам угрожают геенна и наказание, хотя бы они были вдвое, втрое, даже в тысячу раз ужаснее? Что мы можем сказать в ответ, когда повеления сатаны предпочитаем законам Христа и нерадим о своем спасении, предпочитая дела лукавства Тому, Кто все за нас претерпел? И какого извинения заслуживает все это? Какого оправдания? Никакого. Станем же, наконец, твердо, не увлекаясь по стремнинам, образумимся и, размыслив обо всем этом, воздадим Богу славу посредством дел, потому что одних слов недостаточно (11).

***

Исаия восхвалял Серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви. Итак, будем и мы подражать горним силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть обителью для Сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Ты же возлюби любящего, потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот любящий угрожал геенною, наказанием и мучением? Потому самому, что любит, так как, отсекая твое лукавство и страхом, как бы некоторою уздою, удерживая тебя от стремления к худшему, Он все делает и предпринимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны (11).

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ

Любить ближнего, как самого себя. Что может быть легче этого? Ненавидеть — тяжело и сопряжено с беспокойством, а любить — легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: вы, люди, любите зверей, — такая заповедь была бы трудна; но когда он заповедал людям любить людей же, к чему и однородность, и единство происхождения, и естественное влечение служат великим побуждением, то какая может быть здесь трудность? Это бывает и у львов, и у волков, и их сродство природы располагает к взаимной приязни.

Поэтому, какое мы можем иметь оправдание, если не станем привлекать к себе любовью однородных с нами, тогда как укрощаем львов и приучаем их к своему дому (2)?

***

Один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно — для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа; потому-то, хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдем, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многолюдном собрании учинить такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собою житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собою преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может ничто — ни клевета, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит ее. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою; а кто соединен тою любовью, никогда не оставит ее. Потому и Павел сказал: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или что облагодетельствованный тобою хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому,

что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Вот почему, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного. Но хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви — Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд и неизменен. И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, — любил их высочайшею любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Смотри, как он заботится и о тех, которые распяли Его и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он об них к Отцу: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34)! И впоследствии послал еще к ним учеников. Итак, поревнуем и мы этой любви, и будем взирать на нее, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удостоиться и здешних, и будущих благ (7).

***

Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны те, которые сподобились этого блаженного жребия, напротив, несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны те, которые сами себя лишают блаженства. Да что же, скажут, может доставить нам такую жизнь? Послушай, как сам Судия беседовал об этом с одним юношей. Когда юноша спросил: *что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную* (Мф. 19, 16)? — тогда Христос, напомнив о заповедях закона, остановился на любви к ближним. И, может быть, теперь кто-нибудь из слушателей, подобно тому богачу, скажет: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодействовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближнего возлюбил, как должно любить. Ты, например, или позавидовал кому-нибудь, или позлословил, или не помог обиженному, или не поделился собственностью, а следовательно, и не возлюбил ближнего. Но Христос заповедал не это только, а и еще нечто другое.

Что же такое? *Продай*, — говорит, — *имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Последованием называет Он подражание Ему в делах. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первых, тому, что не имеющему всего этого невозможно достигнуть преимуществ будущего жребия. Когда юноша сказал, что он сделал все, тогда Христос, как бы недоставало еще чего-то важного для полного совершенства, говорит ему: *если хочешь быть совершенным, продай имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною.* Итак, во-первых, этому мы должны научиться. Во-вторых, видим, что юноша сам себя обличил в пустом самодовольстве; ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же он мог сказать, что возлюбил ближнего? Значит и то [что исполнил заповеди] он говорил несправедливо. Итак, будем исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество так, чтобы приобрести небо. Если иной за житейское величие часто отдает все свое имущество, величие, которое останется здесь и даже не может продолжаться немного времени, так как многие еще задолго до смерти лишались власти, другие за нее платили иногда самою жизнью, и все же, несмотря на это, жертвуют за нее всем, — если, говорю, ради этого люди так много делают, то можно ли быть несчастнее нас, для славы нескончаемой и неотъемлемой не уделяющих даже малости, не желающих отдать и того, что через немного времени должны же будем здесь оставить? Какое безумие — не хотеть добровольно отдать и взять с собою то, чего можем лишиться против воли? Ведь если бы нас вели на смерть, а потом предложили избавиться от смерти ценою всего нашего имущества, мы, конечно, почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути в геенну и могли бы избавиться от нее, пожертвовав половину имения, мы соглашаемся лучше подвергнуться мучению и хотим удержать у себя то, что нам не принадлежит, и таким образом, теряем истинно нам принадлежащее. Какое же оправдание будем мы иметь, какое прощение, если нам проложен столь удобный путь к жизни, а мы носимся по стремнинам, идем путем бесплодным, лишая себя всего и здесь, и там, тогда как могли бы верно приобрести все и там, и здесь? (8)

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять и не станем делать ничего такого, что может раздражить Возлюбленного. Удостоиться любить Его искренно и как должно, это — Царство Небесное, это — вкушение блаженства, в этом — блага неисчислимые. А наша любовь к Нему будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем оказывать любовь и своим ближним, — *на сих двух заповедях*, — сказал Он, — *утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40), то есть в том, чтобы возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всею крепостью своею, всею мыслию своею, и своего ближнего, как самого себя. Это — главная из всех добродетелей, это основание всех заповедей Божиих. С любовью к Богу сама собою соединяется и любовь к ближнему, потому что, кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, воспоминая о Том, Кто сказал: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). Помышляя, что услуги, оказанные ближнему, сам Господь всяческих усвояет Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взирая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе самому. Не оставим же без внимания, прошу вас, этой пользы душ наших, этого врачевства для язв наших. Это врачевство окажет нам наиболее пользы: оно так закроет раны души нашей, что не останется никакого следа, никакого знака их. По отношению к телесным ранам это невозможно, потому что хотя бы тысячи лекарств, составленных врачами, приложит кто-либо к своей ране, непременно остается на теле рубец; и это так должно быть, поелику тут врачуется тело. Но здесь, когда врачуется душа, то всякий, если окажет собственное доброе расположение, испытывает большую перемену к лучшему, все струпья исчезают, как прах от сильного ветра. Священное Писание преисполнено такими примерами. Так, блаженный Павел из гонителя сделался апостолом и тот, кто сперва разрушал Церковь, потом стал ее невестоводителем (1).

***

Где представляется житейская выгода, там мы охотно решаемся терпеть все, будет ли то тяжкий труд или другое какое-либо затруднение, будет ли угрожать нам стыд или наказание, временное и даже вечное. А для своего спасения, для того, чтобы приобрести себе благоволение свыше, мы слабы, нерадивы, расслаблены. Какое будет нам снисхождение, какое для нас оправдание в такой совершенной беспечности, когда не хотим показать к Богу и такой любви, какую праведник имел к девице, и притом, когда видим столь великие благодеяния, нам оказанные и еще каждодневно ниспосылаемые? Мы так неблагодарны. Но не таков был Павел: он так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей души словами, сказал: *кто отлучит нас от любви Божией* (Рим. 8, 35)? Смотри, какая выразительность в этом изречении, какая сила господствующего чувства души, какая пламенная любовь! *Кто отлучит нас* — то есть может ли быть что-нибудь такое, что лишило бы нас любви к Богу, видимое ли что-нибудь или невидимое? (1)

***

Есть ли, скажи мне, в вещах человеческих что-нибудь такое, чем бы можно было хвалиться? Сила ли телесная? Но она не составляет достоинства, зависящего от нашего произволения, и потому хвалиться ею мы не можем; притом она скоро ослабевает и теряется, а нередко даже служит во вред имеющим ее и пользующимся ею не так, как должно. То же надобно сказать о красоте и благообразии, о богатстве и власти, о роскоши и о всех предметах житейских. Но похвала от Бога и любовь в Нему — вот украшение, которое лучше всего, — вот отличие, которое превосходит тысячи диадем, хотя бы удостоившийся этого находился в узах. Это украшение не уменьшается ни от болезни, ни от старости, ни от перемены обстоятельств, ни от неблагоприятных времен, ни от самой смерти, но делается тогда еще блистательнее (2).

***

Если пленяющиеся красотою телесною не чувствуют удовольствия ни от чего другого в жизни, но стремятся только к одному — к лицезрению любимого предмета, то любящий Бога, как должно

любить, может ли чувствовать что-нибудь приятное или прискорбное в настоящей жизни? Не может — ничего; он выше всего этого, наслаждаясь бессмертным удовольствием, потому что таков и предмет любви его. Любящие что-нибудь другое скоро и против воли забывают любимые предметы, так как они увядают и погибают; а эта любовь беспредельна, бессмертна, доставляет высшую радость и большую пользу и тем самым еще более воодушевляет любящего, что никогда не уничтожается (2).

***

Пусть никто не говорит мне: как могу я любить Бога, Которого не вижу? И многих мы любим, не видя их, как, например: отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, нисколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспламеняет любовь, усиливает привязанность. Потому и Павел, говоря о Моисее, что он, оставив сокровища, богатство, царскую славу и все прочие почести египетские, решился лучше страдать с иудеями, и затем, показывая нам причину этого в том, что все это он делал для Бога, присовокупляет: *как бы видя Невидимого* (Евр. 11, 27). Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его — небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспламеняется любовью. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, т.е. мужей святых и имеющих пред Ним дерзновение. Послужи же теперь им и будешь иметь не малое утешение для своей любви. И между людьми мы обыкновенно любим не только друзей своих, но и тех, кого они любят. Если кто из любимых нами скажет: я люблю такого-то и всякое благодеяние, оказанное ему, считаю оказанным мне самому, то мы делаем все и стараемся всячески угодить этому человеку, как будто видим в нем самого любимого. То же можно делать теперь и в отношении ко Христу. Он сказал: Я люблю бедных, и если они получат какое-нибудь благодеяние, Я воздам за то, как бы Сам получить его. Будем же делать все для облегчения их участи или, лучше, истощим на них все свое имущество, веруя, что в лице их мы питаем Бога. А что действительно, питая их, мы питаем Самого Бога, об этом,

послушай, что говорит Христос: *ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня* (Мф. 25, 35–36); и много доставляет Он нам случаев к удовлетворению нашей любви (2).

***

Как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, вверженные в пещь, и другие, находившиеся в узах и в бесчисленных иных бедствиях, не преставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не побудила любовь. А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни бедность, ни болезнь, ни смерть, ни все прочее не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмеиваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется нисколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремлен будет к одной только красоте небесной славы; как скорби настоящей жизни не смогут унизить его, так земные блага и удовольствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным. Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем Царства. Но и, кроме избавления от геенны и приобретения Царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога (11).

***

Хотя к нам ближе всего душа наша, однако же, Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором

месте, так как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры. И мы, когда не сильно к кому-нибудь расположены, от того и не требуем сильной привязанности, хотя бы он был велик и знаменит; когда же кого-нибудь любим горячо и искренно, то, хотя бы любимый человек был прост и незначителен, мы взаимную его любовь считаем для себя величайшею честью. Так и Христос вменил Себе в славу не только быть нами любимым, но и перенести за нас поношение. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносим ради Него, это поистине может быть названо и действительно есть слава не только по одной любви, но также по величию и достоинству Любимого нами (11).

***

Нужно только одно — любить Его искренно, а все остальное последует само собой. Как для любящих Бога и то, что, по-видимому, вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное. Иудеям все служило во вред — и явление чудес, и правота догматов, и любомудрие учения; за одно называли они Христа беснующимся, за другое богопротивным, а за чудеса покушались убить Его. Напротив, разбойник распятый, пригвожденный, поносимый, претерпевающий бесчисленные страдания, не только не понес никакого вреда, но еще получил от этого величайшую пользу (11).

ЛЮБОВЬ К ВРАГАМ

Оказывай услуги детям врагов своих и при жизни, и по смерти их, при жизни, чтобы таким образом примириться с их отцами, по смерти, чтобы привлечь на себя великую милость от Бога, получить бесчисленные венцы и заслужить также бесчисленные благожелания от всех, не только от облагодетельствованных тобой, но и от видевших это. Это защитит тебя в день Суда; облагодетельствованные [тобой] враги будут для тебя сильными ходатаями на Суде; ты загладишь множество грехов и получишь награду. Хотя бы ты и без числа согрешил, но, вознося молитву, гласящую: прощайте врагам вашим, и Отец ваш простит вам согрешения ваши, с великим дерзновением получишь прощение всех своих грехов, и будешь здесь жить в доброй надежде, и пользоваться всеобщим благорасположением. В самом

деле, всякий, кто видит, что ты любишь как врагов, так и их детей, не захочет ли сделаться твоим другом и приятелем, и все за тебя и сделать, и потерпеть? Когда же ты будешь пользоваться таким благоволением Божиим, и все будут молитвенно желать тебе всяких благ, какой неприятности можешь ты тогда подвергнуться и кого не будешь ты счастливее в жизни? Этому не будем дивиться только здесь, но и, вышедши отсюда, станем это соблюдать: обойдем везде и, узнав каждый врагов своих, примирим их с собой и сделаем искренними друзьями (1).

***

Тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Подлинно, злые люди, чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнее приготовляют нам награды и тем слабее делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне; а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие, потому что всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем и выше вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь — переноси мужественно; не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь — не поднимай десницы своей; он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукою, а себя гневом, и приобретши себе дурное мнение от всех. Если же это кажется тебе трудным, то представь, что кто-нибудь в бешенстве разорвал твою одежду, и скажи: кто потерпел зло — ты ли, подвергшийся этому, или он, сделавший это? Очевидно он. Хотя тут у тебя разорвана одежда, но сделавший это потерпел большее зло, чем пострадавший, потому что у кого разорвано сердце, — что производит гнев, — тот потерпел не гораздо ли больший вред, чем ты, не испытавший ничего такого? Не говори, что одежда — твоя; он еще прежде разорвал свое собственное

сердце. Как болезнь — желтуха — не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не сделается неумеренным, если не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухою, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалей того, кто не обуздывает в себе этого зверя и прежде всех вредит и губит самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба: она вредит только тому, кто питает ее и извращает все. Итак, желая отмстить другим, не будем лишать сами себя тихой пристани. Если бы кто-нибудь, претерпевая кораблекрушение и утопая, стал поносить тебя, стоящего на земле, то, конечно, ты не оскорбился бы и не сошел бы с земли, чтобы утонуть вместе с ним. Так рассуждай и здесь: кто оскорбляет и поносит тебя, тот подвергается кораблекрушению или буре и утопает, попав в водоворот гнева; а ты, перенося это мужественно, остаешься спокойным в пристани, на берегу. Если же ты увлечешься подражать ему, то потопишь не его, а себя самого (2).

***

Будем оказывать всякую любовь ко врагам. Отвергнем то смешное обыкновение, которым страдают многие неразумные люди, дожидающиеся, чтобы встречные предупреждали их своим приветствием, и таким образом не ревнуют о том, что заключает великое блаженство, но гоняются за тем, что достойно смеха. Почему же ты не приветствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что он ожидает этого. Но потому-то самому и надлежало поспешить тебе, чтобы венец достался тебе. Нет, — скажешь, — я потому именно и не приветствую его, что ему сильно этого хочется. Что может быть хуже такого безумия? Так как, говоришь ты, он сильно желает доставить мне случай к награде, по тому самому я не хочу этим случаем воспользоваться. Если он тебя предупреждает своим приветствием, то ты не получишь никакой пользы, хотя после и ответишь ему тем же; если же ты поспешишь прежде выразить ему приветствие, то ты, как бы торгуясь с его гордостью,

получишь себе большую выгоду и соберешь обильный плод с его надменности. Итак, не крайне ли мы будем безумны, когда, имея случай двумя словами приобрести столь великую пользу, выпустим ее из рук и сами впадем в то же безрассудство, за которое осуждаем другого? Если ты обвиняешь его в том, что он прежде ожидает приветствия от другого, то зачем подражаешь тому, что осуждаешь сам и стараешься как доброе перенимать то, что сам называешь злом? Видишь ли, что нет ничего безумнее человека, живущего в злобе? Поэтому умоляю вас, будем избегать этой злой и достойной посмеяния привычки. Болезнь эта расторгнула бесчисленное множество дружеских союзов и произвела многие раздоры. Будем же, поэтому, приветствиями предупреждать других. Если нам заповедано терпеть и тогда, когда враги нас заушают, насильно заставляют провожать себя и обнажают, то заслужим ли мы какого-нибудь прощения, если с таким упорством будем отказываться от простого приветствия? Ты скажешь: я подвергнусь презрению и буду как оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итак, чтобы не презирал тебя человек, ты оскорбляешь Бога? Чтобы не презирал тебя беснующийся равный тебе раб, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя облагодетельствовал? Ежели неразумно, что презирает тебя человек равный тебе, то еще более неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворил тебя. Сверх того, заметь и то, что презирающий тебя тем самым доставляет тебе случай к получению большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинуясь Его законам. А с этою наградою какая честь, какие венцы сравниться могут? Я готов лучше терпеть всякие обиды и презрение — для Бога, нежели у всех царей быть в почтении, так как ничто, ничто не может сравниться с этою славою. Будем же искать этой славы так, как повелел сам Спаситель, и нимало не заботясь о суждениях человеческих, но во всем показывая истинное любомудрие, по нему будем устроять жизнь свою (6).

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

Не слышишь ли, что говорит Христос: *забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно* (Мф. 13, 22), — что и назвал Он тернием? Сказав, что одно семя пало

в терние, и, изъясняя ученикам, что такое терние, Господь говорит: *забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно.* И хорошо заботы века сего уподобил Он тернию: как терние не позволяет всходить семени, — но своей густотой заглушает посев, так и житейские заботы не позволяют приносить плод духовному семени, когда оно положено в душу, а, подобно тернию, заглушают и истребляют его, не позволяя прозябать духовному сеянию. *И обольщение богатства*, говорит: хорошо приписывает Он и богатству обольщение, потому что оно, в самом деле, обман. Что пользы в таком множестве талантов, в таком избытке денег? «Да приобретение их, говорят, доставляет много удовольствия!» Какое же удовольствие? Что говорит об удовольствии? Не производит ли это особенно безвременные скорби и разнообразные неприятности? Не говорю уже об угрожающем за это наказании; и в настоящей жизни это дело [т.е. любостяжание] не может доставить никакого удовольствия, а сопровождается ежедневными тревогами и неприятностями. Не так море воздымается волнами, как такая душа обуревается помыслами и страстями, и ко всем, своим и чужим, питает неприязнь. А если кто лишится хотя некоторой части своего богатства (а много бывает разных случаев, много коварства рабов и притеснения людей властных), вот тогда-то именно увидишь, что жизнь для них становится невыносимой. Каких же слез достойны такие люди, которые стараются все делать вопреки своей пользе и хотят собирать это к вреду своей души! (1).

***

Как любостяжательным мы называем того, кто хочет присвоить чужое и не довольствуется своим, так и надменным называем того, кто требует себе от ближнего больше, чем сколько ему следует, кто себя считает достойным всякой чести, а другого бесчестит. А это бывает не от чего другого, как от неправды. Что это действительно от неправды, видно из следующего. Бог создал как тебя, так и его, и все даровал тебе и ему равно и одинаково. Почему же ты отвергаешь его, лишаешь чести, которую даровал ему Бог, не допускаешь его к участию в благах, но все присвояешь себе: и не только в имуществе, но и в чести делаешь его бедным? Бог даровал обоим вам одинаковую природу,

удостоил одинаковых преимуществ, одинаково создал, — потому что слова: *сотворим человека* (Быт. 1, 26), относятся вообще ко всему роду человеческому. Почему же ты лишаешь его отцовского имущества, приводишь в крайнюю бедность и присвояешь себе принадлежащее всем?.. Так и Павел часто ставит себя на вид, не превозносясь и не надмеваясь, но, представляя себя примером для других, например, когда он говорит: *желаю, чтобы все люди были, как и я*, по воздержанию (1 Кор. 7, 7) (2).

***

Человек в своем беспокойстве о деньгах никогда не находит покоя. Взял это — и уже смотрит на то; овладел тем — и разевает пасть на другое. Он старается удвоить сто, к этому опять спешит скопить столько же, и никогда не перестает собирать, пока не приготовит себе конца. Одержимый жаждой любостяжания, он делается желтее самого золота, [и все] — из-за многожеланного богатства, этого неверного и непостоянного друга, коварной любви, обманщика многих господ, насмешливого любителя многих, крылатого узника, неприязненного трупа, свирепствующего в мире ветра; из-за богатства, родоначальника всякой нелепости, изобретателя всякого зла, сотрудника душепагубного наслаждения, противника воздержания, врага целомудрия и тайного похитителя всякой добродетели. Но что я обвиняю богатство, оставив в стороне стяжателей? Оно само терпит от них, связываемое ими и содержимое в узах. Мне кажется, оно могло бы обратиться к ним со следующими словами: что вы, любостяжатели, связываете меня, богатство? Что вы на меня как на беглеца налагаете тысячи уз? Что вы обнимаете меня как друга и связываете как злодея, прямо из недр земли захватывая меня в свои руки? Если желаете сделать меня легче самого сна, допустите меня и в руки бедных. Но скажет [обличаемый]: «я собираю богатство для детей, чтобы им не пришлось испытать бедности». Хорошо же, многомечтательный богач: настоящего ты не знаешь, а о будущем заботишься; не ведаешь того, что касается тебя самого, и заботишься о детях; не знаешь, не зароют ли тебя в землю, а совещаешься о наследниках? Безумный, скажи мне, какой конец тебя ожидает, и тогда старайся обеспечить детей; скажи мне о сегодняшнем дне, и тогда я поверю тебе насчет завтрашнего. Зачем обманываешь

себя и после смерти? Зачем хочешь быть и мертвым, и осмеиваемым? Зачем ты вторгаешься в то, что свойственно делать Богу? Зачем учишь Божественный Промысел, как распорядиться данным тебе? Тебе нет никакого дела до того, что будет после тебя. Ты не можешь быть мертвым и распоряжаться живыми и судить мертвых, взвешивая права каждого. Итак, зачем ты, богатый, напрасно трудишься, собирая к себе то, что принадлежит бедным, а сам не знаешь, для кого ты собираешь это? Зачем удерживаешь то, что принадлежит сиротам, почему негодуешь на их просьбы, как будто теряешь что-нибудь из своего собственного? Они ищут своего, а не твоего; порученного тебе от них, а не рожденного с тобой. Отдай, что ты взял, и получи пользу, так как тебе поручено дать, а не взять. Будь удовлетворен тем, что в лице нищего сам Бог протягивает тебе руку. Посылающий дождь с неба просит у тебя медную полушку; производящий гром и молнию говорит тебе: «помилуй меня»; облагающий небо облаками просит у тебя рубища. Будь доволен тем, что бедные умоляют тебя, как Бога. Подай, сжалься, помилуй, чтобы тебе быть помилованным. А ты и бровью своей не хочешь повести, и упрашиваемый остаешься непреклонен. Дай им то, что им же принадлежит, прежде чем получишь вразумление; подай им то, что принадлежит им и что немного спустя ты оставишь. Их отец — Царь: подай им то, что принадлежит им же, и получи от отца их беспечальную жизнь (3).

***

Страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию не только в геенне, но еще и прежде ее, в настоящей жизни. Страсть эта разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий, она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем и вообще имеющим в себе все низкие качества. Но, может быть, ты, смотря на блеск серебра, на множество слуг, на великолепие зданий и на уважение к богатству в собраниях, обольщаешься всем этим? Какое же средство против этой гибельной болезни? Собственное твое размышление о том, как это уязвляет твою душу, как помрачает ее и делает гнусной,

безобразной и порочной; собственное твое размышление, с какими бедствиями соединено собирание богатства, с какими трудами и опасностями должно его беречь, вернее же — что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить от всяких хищений, то приходит смерть и передает твое богатство часто в руки врагов, а тебя самого похищает ничего не имеющего, кроме ран и язв, полученных от богатства, с которыми душа твоя переселяется в тот мир. Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящей одеждой и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, — и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Иоанна и Илию, и в особенности самого Сына Божиего, Который не имел, *где голову приклонить* (Лк. 9, 58). Подражай Ему и его рабам и помышляй о неизреченном богатстве. Если же ты, несколько прозрев, опять помрачишься земными благами, подобно погибающим во время кораблекрушения, то припомни изречение Христа о том, что невозможно богатому войти в Царство Небесное. Вместе с этим изречением представь и то, что и горы, и земля, и море, словом, все, если хочешь, превратились в золото, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который отсюда для тебя проистек бы. Ты укажешь на множество десятин земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и более домов, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слуг, на посеребренные и позолоченные колесницы, а я скажу вот что. Если бы каждый из обогащающихся между вами, презрев эту нищету (ведь в сравнении с тем, о чем я намерен говорить, это есть нищета), приобрел весь мир, если бы каждый из них столько же имел у себя рабов, сколько теперь находится людей на земле, море и во всем мире, если бы каждый из них имел в своем владении и землю, и море, все здания, города и народы, и если бы для них из всех источников, вместо воды, текло золото, то и этих богачей я не счел бы стоящими даже трех оболов, — так как они лишаются Царства Небесного. Если они, желая тленных благ, мучатся, когда не получают их, то что может утешить их, когда они узнают цену будущих неизреченных благ? Совершенно ничто. Итак, помышляй не о множестве богатства, но о том вреде, которому подвергаются слишком пристрастившиеся к нему; они из-за

него теряют небесные блага и уподобляются тем, которые, лишившись великой чести при царском дворе, остаются с кучей навоза и даже еще гордятся этим. И подлинно, куча богатства ничем не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навоз годен и для земледелия, и для топления бань, и для других подобных нужд; золото же, закопанное в землю, совершенно бесполезно: да и дай Бог, чтобы оно было только бесполезно. Но оно в душе обладающего им воспламеняет как бы огненную печь, если не употребляется как должно. Каких зол оно не причиняет? Потому-то светские писатели и называли любостяжание верхом зла, а блаженный Павел гораздо лучше и с большей выразительностью назвал корнем всех зол. Итак, размышляя обо всем этом, поревнуем тому, что достойно ревности: не желая величественных зданий или дорогих поместий, поревнуем мужам, имеющим великое дерзновение к Богу, которые приготовили себе сокровище на небесах и наслаждаются им, мужам, которые поистине богаты, так как сделались бедными для Христа (7).

***

Будем избегать любостяжания. Оно именно тогда довело Иуду до неистовства; оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает. В самом деле, если оно заставляет отказываться от собственного спасения, то тем более располагает к пренебрежению спасением других. И страсть эта настолько сильна, что иногда превозмогает над самым сильнейшим плотским вожделением. Поэтому с большим стыдом упоминаю, что многие удерживались от распутства потому только, что жалели денег, а между тем не хотели жить целомудренно и честно по страху Христову. Будем же бегать любостяжания, — я не перестану никогда говорить об этом. Для чего ты, человек, собираешь золото? Зачем налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попечение, столь сильную заботу? Положим, что тебе принадлежало бы все золото, скрытое и в рудниках, и в царских чертогах. Обладая таким множеством золота, ты стал бы только беречь его, а не пользоваться им; если ты и теперь не пользуешься тем, что имеешь, но бережешь как чужое, то тем более стал бы поступать так, если бы имел больше. Обыкновенно сребролюбцы, чем более имеют, тем более берегут свое имение. Но, я знаю, — скажешь ты, — что это мое. Следовательно,

твое приобретание состоит только в одной мысли, а не в употреблении. Но при богатстве, — ты скажешь, — меня будут бояться другие. Напротив, чрез это ты станешь более доступным и для богатых, и для нищих, для разбойников, клеветников, рабов и вообще всех коварных людей. Если хочешь быть страшным, то уничтожай причины, по которым могут уловить и оскорблять тебя все, которые стремятся к этому. Ужели ты не слыхал пословицы: нищего и неимущего не могут ограбить и сто человек? Бедность служит ему сильным защитником, которого не может взять и покорить даже сам царь (7).

***

Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста ни почитает, никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же всех — к самому себе, не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя бесчисленными заботами, трудами, печалями. Он решается на путешествия, подвергается неприятностям, опасностям, козням и всему подобному, лишь бы только иметь у себя корень зол и насчитать много золота. Что может быть ужаснее такой болезни! Человек, одержимый ею, отказывается и от роскоши, и от всякого удовольствия, из-за которых так много грешат люди, и лишает себя славы и чести. Любящий богатство всех подозревает и имеет множество обвинителей, завистников, клеветников и злоумышленников. Те, которые обижены им, ненавидят его, потому что потерпели от него зло; те, которые еще ничего не потерпели, вооружаются против него из опасения потерпеть и из соболезнования к потерпевшим; а наконец, и люди великие и могущественные, частью по негодованию на него из сострадания к низшим, а частью и по зависти, также становятся его врагами и ненавидят его. Но что я говорю о людях? Против кого сам Бог вооружен, — какая остается тому надежда, какое утешение, какая отрада? Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином. Стараясь всегда увеличить, он никогда не захочет тратить его, но будет изнурять себя. будет беднее всех нищих, потому

что никогда не удовлетворит своей страсти. А ведь деньги существуют не для того, чтобы беречь их, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станем зарывать их от других, то может ли быть что жалче нас, когда мы всюду бегаем и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя в дому и изъять из общего употребления? (9)

***

Как при опухолях и язвах, сколько бы кто ни прилагал к ним лекарств, не остановив наперед притекающей и растравляющей рану материи, все бывает напрасно, потому что не остановлен источник зла — так бывает и с нами: если мы не удержим рук от любостяжания и не прорвем этого нечистого потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будет напрасно. Что уврачует милостыня, то затопит, испортит и сделает еще худшим любостяжание. Перестанем же сначала хищничать — и тогда уже станем подавать милостыню. Если же мы сами будем стремиться в пропасть, то где у нас будет возможность остановиться? Когда человека падающего один станет тянуть вверх (что делает милостыня), а другой будет увлекать вниз, то от такой борьбы не произойдет ничего более, кроме того, что этот человек будет разорван (9).

***

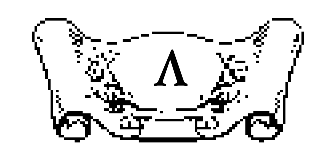
Скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя; Ведь не одно и то же — идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином. И как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о церкви. Как же может исправить других тот, кто не умеет управлять своей душой? Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что ты не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином маммону, другой признает богом чрево, а

третий — грубейшую страсть. Но ты [говоришь] не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда. За то ты — что гораздо хуже — закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь перед ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большой покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вожделение — Афродитой, ярость — Аресом, пьянство — Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, за то с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями. Потому прошу вас избегать идолопоклонства (так Павел называет любостяжание), поняв всю важность этого порока, — избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности, в платье, в трапезе и во всем прочем. Ведь мы за неповиновение законам Господним подвергнемся гораздо более жестокому наказанию, как и сказано: *раб же тот, который знал волю господина своего, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). Итак, чтобы нам избежать этого наказания и сделаться полезными для других и для самих себя, станем стремиться к добродетели, удалив из души всякий порок (11).

***

Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более, чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем — о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом — о том, что не многими народами; когда многими народами — о том, что не всеми; когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не

царь; если сделается царем — о том, что он не один; если будет один — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной — о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом, замыслы его, простираясь в бесконечность, никогда не дозволят ему быть довольным. Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостяжанию? (12)

МАТЬ

Чтобы ты знал, что не рождение делает матерью и не за это положена награда, Павел, обращая слово к вдове, сказал так: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 10); не сказал: если родила детей, но: *если воспитала*. Первое есть дело природы, последнее — дело свободного произволения. Потому и здесь, сказав: *спасется через чадородие,* не остановился на этом; но, желая показать, что не рождение, а хорошее воспитание детей доставляет нам награду, прибавил: *если пребудут в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). То есть ты получишь великую награду, если рожденные тобой дети пребудут в вере и в любви и в святости. Итак, если ты расположишь их к этому, если будешь увещевать, учить, советовать, то за такое попечение назначена тебе от Бога великая награда. Так, жены да не считают чуждым для себя делом попечение о детях как женского, так и мужского пола: [апостол] не различил здесь пола, но как там сказал просто: *если она воспитала детей*, так и здесь: *если пребудут в вере и любви и в святости*. Следовательно, нам нужно заботиться о детях того и другого пола, и особенно женам, потому что они больше сидят дома. Мужей часто отвлекают и путешествия, и судебные занятия, и гражданские дела; а жена, будучи свободна от всех таких забот, удобнее может воспитывать детей, так как имеет много досуга. Так поступали жены в древности. Действительно, эта обязанность — разумею попечение о своих детях и руководство их к любомудрию, — лежит не на мужьях только, но и на женах (1).

МЕСТЬ

Никогда не будем злоумышлять против других, памятуя, что мы изощряем чрез это меч против себя самих и наносим себе глубочайшую рану. Но тебя оскорбил кто-нибудь, и ты хочешь

ему отомстить? Не мсти. Таким только образом ты действительно будешь в состоянии отомстить. Если же будешь сам мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова — загадка; нет, это — истина. Как и каким образом? Так, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагом ему (обидчику); а когда сам мстишь, тогда этого уже не бывает. *Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь* (Рим. 12, 19). Если мы имеем рабов и они, рассорившись между собою, не нам предоставят расправу и наказание, а присвоят их себе самим, то хотя бы они после тысячу раз приступали к нам, мы не только не отмщаем за них, а напротив, еще гневаемся на них, называя их бродягами и забияками. Все, говорим мы им, следовало предоставить нам; но так как ты прежде отомстил сам за себя, то уже не докучай нам. Тем более скажет это Бог, Который повелел все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы от своих рабов требуем такого любомудрия и послушания, а Господу не предоставляем того, чего требуем себе от рабов? Это я говорю потому, что вы склонны мстить друг другу; между тем, кто истинно любомудрствует, тот не должен этого делать, а напротив, должен прощать и оставлять грехи, хотя бы за это и не было той великой награды — отпущения собственных грехом. Если ты осуждаешь согрешившего, то зачем же, скажи мне, сам грешишь и впадаешь в то же самое? Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно — иначе сам себя оскорбишь. Ударил ли кто тебя? Не плати ему тем же, иначе между вами не будет различия. Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его с своей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты опять сделаешься подобным ему. Только тогда ты в состоянии будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и с кротостью; только чрез это ты устыдишь его и укротишь его гнев. Никто не исцеляет зла злом, но зло добром. Так любомудрствуют и некоторые из язычников. Если же у несмысленных язычников такое любомудрие, то постыдимся быть хуже их. Многие из них были обижены и переносили обиды. Многие были оклеветаны и не мстили, подвергались наветам и благодетельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы некоторые из них не оказались выше нас по жизни и чрез то не увеличили нашего наказания. В самом деле, если мы, которые получили Духа, ожидаем Царствия,

любомудрствуем о небесах, не боимся геенны, имеем повеление быть Ангелами, пользуемся Таинствами, — если мы не достигнем даже до их добродетели, то какое будем иметь извинение? Если нам должно превосходить иудеев, так как сказано: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20), то тем более язычников. Если [должны мы превосходить] фарисеев, то тем более — неверных. Если же и в том случае. Когда мы не превзойдем по жизни иудеев, для нас заключено Царство Небесное, то как сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычников? Удалим же от себя всякую раздражительность, и гнев, и ярость (8).

***

Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенный душою, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно свирепея и содержа ум свой в тревоге и смятении.

Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожать; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь? Для чего продолжаешь гнев свой, когда он готов прекратиться? Да не продолжится [гнев ваш] даже до вечера, говорит Павел (см. Еф. 4, 26); он, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змея или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно,

вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы. Я делаю это, скажешь, для того, чтобы тот не стал смеяться надо мною, не стал презирать меня? Жалкий и безрассудный человек! Ты не хочешь быть посмешищем для подобного тебе раба, а подвергаешься неблаговолению своего Владыки? Не хочешь быть в презрении у равного тебе раба, а сам презираешь Владыку? Не можешь снести презрения [от человека], а не подумаешь, что ты прогневляешь Бога, посмеваешься над Ним, пренебрегаешь Им, не оказывая Ему повиновения? А то, что он не будет смеяться над тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это — дело малодушия; если же простишь, то — великое удивление, так как это — дело великодушия. Но тот, скажешь, не узнает этого? Пусть узнает Бог, чтобы ты имел за то большую награду. *Взаймы давайте*, — говорит Он, — *не ожидая ничего* (Лк. 6, 35).

Будем благодетельствовать тем, которые не чувствуют, что им благодетельствуют, чтобы они, воздавая нам похвалы или что другое, тем не уменьшили нашей награды. Если ничего не получим от людей, то тем больше получим от Бога. Что смешнее, что грубее души, непрестанно гневающейся и желающей мщения? Это — женское и детское желание. Как та [гневливая жена] гневается и на бездушные вещи и, пока хотя не топнет об пол, не оставляет своего гнева, так и эти [злопамятные] желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его — возмужалому. Итак, не мы будем в посмеянии, когда окажем любомудрие, а они [оскорбители]. Не покоряться страсти — дело людей не презренных, а презренным свойственно бояться смеха других до такой степени, чтобы из-за этого решиться — покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это поистине достойно смеха. Будем же избегать этого. Пусть тот говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел [от нас], пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унизить нас. О, если бы все говорили обо

мне, что «это — человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит; все нападают на него, а он не мстит за себя»! О, если бы прибавили еще, что «он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел», — мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать. Некоторые говорят: пусть не смеется надо мною, пусть не издевается. О, безумие! Никто оскорбивший меня, говоришь ты, не смеялся надо мною, т.е. я отомстил. Но потому ты и достоин посмеяния, что отомстил. Откуда явились эти слова — постыдные и гибельные, извращающие нашу жизнь и общество? Не отголосок ли сопротивления Богу. Что делает равным Богу, т.е. немстительность, то почитаешь ты смешным. Не в праве ли смеяться над нами и мы сами, и эллины, когда так говорим мы вопреки Богу?.. Мы должны стараться не мстить, а оскорбившие — признавать себя виновными. Но, может быть, это кажется смешным. Когда слишком усиливается это безумие, то люди благоразумные смеются, и среди множества неистовствующих непричастный их неистовству также кажется неистовствующим. Потому, увещеваю вас, будем терпеливы и не станем выходить из себя, чтобы, очистившись от этой гибельной страсти, мы могли сподобиться Царствия Небесного (10).

МИЛОСЕРДИЕ

Там, где милость и человеколюбие, не требуется строгого отчета в грехах, так как Судия по великой милости Своей и по расположению к человеколюбию многое прощает. Такой судия — Бог, готовый и расположенный постоянно миловать и давать прощение. Если Бог таков, если везде источается великое человеколюбие Его, то несомненно, что Он спасет и народ Свой, и избавит его не только от наказания, но и от грехов. Зная это, будем и мы призывать и просить Его, и никогда не отступать, получим ли мы или не получим. Если в Его власти дать, то в Его власти и то, когда дать; Он Сам точно знает для этого время. Итак, будем просить, молить, уповать на Его милость и человеколюбие и никогда

не отчаиваться в своем спасении, но будем делать должное с нашей стороны, и тогда несомненно последует нужное с Его стороны, так как у Него неизреченная благость и беспредельное милосердие (2).

***

Вместе с наказанием Бог обещает и милосердие. *Милости же Моей не отниму от них и не изменю истины Моей* (Пс. 88, 34) Бог обещает показать нам великую любовь: сначала Он наказывает нас за грехи, *ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6), но потом отнюдь не признает согрешивших достойными отвержения, почему и не лишает нас милости. Как? Так, что после наказания всех милует. Но, говорит, Он не нарушит истины своей. Но чего желает истина Его? Того, чтобы верующий в Него, хотя бы и умер, жил, то есть хотя бы и согрешил, спасся покаянием (3).

***

Нам известно, что часто обретавшие помилование так именно обретали его: *пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе* (Мф. 18, 29); и тот, кто, придя в самую ночь, просил друга своего: *если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит* (Лк. 11, 8); а пропавшая овца между девяносто девятью была разыскиваема, и найдена, и была дорога для пастыря. Однако должно исследовать. Если Бог милует, то почему же он не милует всех. Там, где милосердие, там не спрашивают о чести, доблести и нравственности. Если дело обстоит таким образом, должно было миловать всех, и если все исходит из милосердия Божия, то не говори: этот достоин, а тот — весьма мало. Когда допрашивает Бог, эти слова должны быть устранены; когда милосердие на лицо, оно приносит спасение, не взирая на достоинство или недостоинство. Итак, каким образом Бог говорит: *и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалею* (Исх. 33, 19)? Это чтобы сделать явным, что Он никого не милует напрасно, потому что есть достойные и недостойные. Все достойны спасения, которые желают его, но не все достойны милосердия, потому что не желают его. Чрез это познаются достойные и недостойные. Как, скажет иной, это сообразно?

Я говорю от Писания, а не от своего разума: один был должен десять тысяч талантов, другой — сто динариев, но тот и другой был должник. Для обоих ли их должно было найтись милосердие или нет? Конечно, скажу, и там не спрашивалось о достоинстве, потому что тот и другой были должники, но один из двух, как знаем, лишился милости даже после прощения. Сын же Божий пришел, некоторым оказывая милость, а иных призывая к ней; некоторые приблизились, иные же нет. Таким образом ясно, что Он помиловал тех не насильно или по необходимости и никого, не желающего взывать о милосердии, не принуждал к этому. У просящего о милосердии должно обнаружиться желание и охота следовать ему, чтобы таким образом он мог сознавать действия милосердия; но если он пренебрегает этим, то как он может получить спасение, превосходство воды и благодати? Но кто, скажут, до того жалок, негоден и безумен, чтобы, совершив бесчисленные беззакония, не пожелать милосердия Божия и не восхотеть спасения? Таких бесчисленное множество. Когда пришел Христос, намереваясь дать отпущение грехов, то почему не пожелали следовать спасению иудеи, которым Он даже говорил: *сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья* (Мф. 23, 37)? Видишь ли, что они также не желали? Что легче молитвы? Но когда ты не пожелал молиться, то каким образом желаешь обрести милосердие? Итак, не пожелавший просить милости каким образом будет желать ее? Разве требуются добродетели или трудна тебе молитва, требует ли она труда, пота или бдения? Только, говорит, проси; но ты не желаешь и этого и следуешь уму Симона, который говорит: *помолитесь вы за меня Господу* (Деян. 8, 24). Сверх того, ты не знаешь, что никто, хотя бы превосходнейший тебя и более благочестивый, не может молиться за тебя лучше, чем мог бы сделать это ты сам. Даже когда ты нечист и лишен уверенности в Боге, Ему твои молитвы угодны более, чем молитвы за тебя какого-либо святого и верующего, — потому что Бог не о Своей чести заботится, отталкивая тебя и принимая молитвы того, а только того желает Бог, чтобы ты был с Ним в дружественных сношениях. Так почему Он отверг молитвы пророка Иеремии, часто молившегося за иудеев? Разве не потому, что

пророк увещевал их, чтобы они сами изливали молитвы к Богу? *Ты же не возноси за них молитвы,* — говорит, — за этот народ, а потом прибавляет: *не видишь ли, что они делают?* (Иер. 7, 16–17). Они, говорит, ни о чем не заботятся, а ты желаешь, плачешь, вопишь и взываешь. Мы также молимся вместе со святыми, но наша надежда да будет великой и в наших молитвах. Мытарь просил Бога не чрез кого-либо превосходнейшего, но сам мог столько, сколько тысяча праведных созерцателей, если бы они молились за него Богу. Не говори: я не умею молиться, я недостоин, у меня нет веры; выставляя причины недостоинства и молчания, ты показываешь большую необходимость молиться. Ты недостоин, не имеешь веры? Когда ты таков, то употребляй, как лекарство против зла, молитвы. Слушай, что говорили три отрока: *и ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя* (Дан. 3, 33). Каким образом они не отверзали уст? Однако уста были отверсты, они молились и получили. И мы, подобно им, будем приступать к молитвам. То, что ты говоришь мне, что ты недостоин и не имеешь веры, скажи Господу всяческих и скоро приобретешь веру. Совесть твоя не позволяет смотреть с уверенностью на небо? Но это послужило мытарю даже на пользу. То, что ты считаешь препятствием для твоих молитв, это освящает твои молитвы. Эти слова и такой смысл приличествуют не только преступным, но и почитающим добродетели. Авраам, когда намерен был нечто просить у Бога, говорил: *я, прах и пепел* (Быт. 18, 27); признавая свое недостоинстоинство, он сошел до такого несовершенства природы, что мог отложить гордость ума. И Давид говорил: *я же червь, а не человек* (Пс. 21, 7).Ты часто уклонялся от Бога. Ужели по этой причине ты будешь оставаться в грехе? Не приближаясь к Богу и не моля Его, ты прибавляешь ко грехам [другие] грехи... Ужели мало милосердие Божие? Ужели твои грехи могут превзойти меру Его благости? Как малая искра в обширнейшем море, так или даже меньше — вины и грехи человека пред милосердием Божиим. Желаешь ли ты знать могущество Его? Только по Своей воле Он сделал сынами и сонаследниками Единородного Своего отверженных мира сего, осужденных, недругов, отчужденных, лишенных надежды, безбожных (см. Еф. 2, 12).

Хочешь ли знать силу Его для искоренения грехов? *Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18). В другом же месте говорится яснее: *окропи меня иссопом, и буду чист* (Пс. 50, 9): этот [иссоп] есть цветок, который погружали в кровь, и им кропили грешников в народе. *Омой меня, и буду белее снега* (Пс. 50, 9). Если от благости Его исходит существование душ, то тем более их чистота и освящение. Итак, никто пусть не отчаивается, считая перемену невозможной, потому что, когда ты — грешник, то это нечто неестественное. Грех есть не иное что, как только действие против воли Божией, и невозвращение к покаянию также противно Его воле. Он есть Господь всего — и свободных тварей. Он пожелал, и совершились небеса. Если Он только пожелает, то ты тотчас выйдешь святым. *Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их* (Рим. 8, 33)? Не помышляй о множестве твоих грехов, но смотри на бесконечную благость Божию. Болезни — велики, но Врач — больше; буря сильна, но кормчий — мудр; души доведены до отчаяния, но лекарства находятся наготове и после отчаяния. Нет ничего, что могло бы победить и превозмочь Его милосердие. Он говорит: *ныне, если голос Его услышите* (Пс. 94, 7; Евр. 3, 7). Что хуже разбойника? Однако чрез одно слово в мгновение ока он вошел в рай прежде множества святых. Помышление о грехах и страх свойственны приходящему и прибегающему к милосердию Божию. Если мы находимся с Ним в дружественных отношениях, то, хотя бы весьма много согрешили против Него, однако мы ничего не боимся по любви к верному Другу. Если же мы сомневаемся полагаться на Его любовь, то это отсутствие веры будет зависеть от нас самих (4).

***

Не требуя помощи от других искусств, оно [милосердие] созидает дома, приготовляет одежды, доставляет неиждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает дьявола, уподобляет Богу... Спросите кого угодно из людей — чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него

долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так, отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник — родственнику, ближний — ближнему, человек — человеку. Мы по самой природе имеем некоторую наклонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдем сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. Великое — человек и драгоценное — человек милосердный. Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак божества. *Будьте милосерды,* — говорится, — *как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостяжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более — отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому.

Так поступать несправедливо. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их или, лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам понес, а не те, которые другими причинены; или лучше, не поражай и не низлагай другого — это значило бы издеваться над другими, — но восставляй пораженных. Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостяжанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостяжанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей и сказал: *если кого чем обидел, воздам вчетверо, и: половину имения моего я отдам нищим* (Лк. 19, 8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что, хотя бы ты дал во сто крат больше — и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты поступишь наоборот, т.е., похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим — какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: *что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имения* нищих (Сир. 34, 20). Итак, прежде, нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы,

по крайней мере, страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем и сами с собою, и с другими. Таким образом, мы и к милосердию будем более склонны и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ (7).

***

Будем воздавать своим врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол. Всем, что есть у нас доброго, воздадим им; не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше — благодетельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно — благодетельствовать врагу и пожелать или быть готовым претерпеть [от него] большее зло. От последнего перейдем и к первому, что [и составляет] преимущество учеников Христовых. Они [иудеи] распяли Его, пришедшего благотворить им, подвергли бичеванию учеников Его, и после всего этого Он удостаивает их такой же чести, как и учеников Своих, сообщая и тем Свои блага наравне с этими. Будем, увещеваю вас, подражать Христу; в этом должно подражать Ему; это делает [человека] равным Богу; это есть дело вышечеловеческое. Возлюбим милосердие: оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердым к несчастному, научится и не злопамятствовать; а, научившись этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам. Научимся сострадать несчастьям ближних — тогда научимся переносить от них и зло (10).

МИЛОСТЫНЯ

Имущество наше тогда особенно бывает нашим, когда мы им пользуемся не для самих себя, но исключительно для бедных. Как же это, сейчас скажу. Если я отдам деньги в руки бедного, то ни обманщик не нападает, ни завистливый глаз не засматривается, ни разбойник, ни тать, разломав стену, не похищает их, ни слуга, украв, не убегает, потому что эта кладовая безопасна. А если закопаешь золото дома, то ты подвергаешь его опасности и от разбойника, и от стенокопателя, и от завистника, и от обманщика, и от слуги, и от всякого вреда. Часто

бывало, что, благодаря множеству дверей и запоров уцелев от внешних нападений, [золото] не избегало рук стражей, что те, которым вверено его охранение, похищали его и убегали. Видишь, что мы тогда-то особенно бываем господами своего имущества, когда вверяем его бедным. И не ради только целости это безопаснейшее место, но и потому, что приносит большую пользу и прибыль. Если дашь взаймы человеку, то получишь сотую часть [разумеется, вероятно, сотая часть роста или один процент в месяц, то есть 12 процентов в год], а если через бедных дашь взаймы Богу, то получишь не сотую часть, а во сто раз большую. Если ты сеешь на плодородной земле, то и тогда, когда она принесет обильную жатву, получишь в десять раз более против посеянного. Но если посеешь для неба, то прибыль возрастет во сто раз и ты получишь жизнь вечную, не стареющую и бессмертную (1).

***

Будем творить щедрую милостыню; она — царица добродетелей; она будет с дерзновением ходатайствовать там и избавит от наказания и мучения, так что никто не остановит того, кто с нею восходит на небо. Легки ее крылья, велика сила ее ходатайства; она достигает до самого царского престола и безопасно возносит туда своих питомцев. *Молитвы твои*, — сказал [Ангел Корнилию], — *и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Почему и нам не взойти на эту высоту, отказавшись от неуместного любостяжания, от бесполезной роскоши и тщеславия? Сделаем же излишние вещи полезными для нас, раздав свое великое богатство и вручив его деснице Судии, Который может сохранить его в безопасности, и за это в день Суда будет кроток и милостив к нам, и хотя бы мы совершили тысячи грехов, подаст нам прощение и оправдание (3).

***

Когда рука выдает милостыню бедным, то уста да молчат, так чтобы мы не упускали плода и сладкое не становилось бы горьким. Зачем ты, человек, ропщешь по поводу просьб бедного? Если бы он не был бедным, то он и не просил бы, а потому тебе нужно пожалеть его, что он у тебя просит куска хлеба и одежды, побуждаемый к тому необходимостью. Но, говорят, он всегда надоедает мне: я много раз бранился и никоим образом не мог освободиться от

такой тягости. Но разве тебе неизвестно, что бедность и наглое требование желудка не избавляют от необходимости просить? Ругань не побеждает необходимости и страх не побеждает нужды, которая гложет желудок. Когда мы требуем чего-либо у Бога, то Он не гневается на нас, но гневается тогда, когда не просим. Твой Господь пылает гневом ради того, что ты ничего не просишь у Него, а ты гневаешься, когда у тебя просят (4).

***

Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив, не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению (7).

***

Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостяжании заботится, а о милостыне нерадит (7).

***

Благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ... Искусства оканчиваются вместе с настоящею жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей

мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят пред судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит пред Судом Христа, и не только защищает, но и самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях — она венчает его и провозглашает победителем; *подавайте лучше милостыню...* — сказано, *— тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41) (7).

***

Не видишь ли ты, как наделяют распутных женщин тщеславные люди в театре? А ты и половины этого, а часто и десятой доли не подаешь. Когда дьявол повелевает давать кому попало и за это между тем готовит геенну, ты даешь; а когда Христос повелевает давать нищим, обещая за это Царствие, ты не только не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше слушать дьявола, чтобы подвергнуться мучению, нежели повиноваться Христу, чтобы получить спасение? Что может быть хуже такого безумия? Один готовит геенну, другой — Царствие: и вы, оставив этого, бежите к тому. Когда Христос приходит к вам, вы Его отсылаете, а дьявола сами приглашаете издалека. Это похоже на то, как если бы царь, предлагая порфиру и диадему, не склонил бы нас на свою сторону; а разбойник, потрясая мечом и угрожая смертью, успел бы то сделать. Итак, размышляя об этом, возлюбленные, откроем глаза свои хотя теперь и начнем бодрствовать. Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако же, сколько бы желал (7).

***

Ты не для того получил имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имение твое ли собственное? Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы было приобретено честными трудами. Неужели Бог не мог его отнять у тебя? Но Он не делает этого, доставляя тебе возможность быть щедрым по отношению к бедным. И заметь, как Христос во

всех притчах обличает тех, которые не употребили богатств своих на пропитание бедных. Так и девы не за то осуждаются, что они похищали чужое, но за то, что не уделяли от своего; и зарывший талант свой не был также лихоимцем, но только не удвоил его; и те, которые презрели алчущих, не за то наказываются, что они завладели чужим, но за то, что не расточили своего, подобно как и упомянутый раб. Пусть же заметят это те из нас, которые угождают чреву и расточают на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее им, но бедным. Не думай, чтобы то, что по человеколюбию Божиему велено тебе раздавать как бы свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал заимообразно для того, чтобы ты мог употреблять с пользой. Итак, не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит. Ты когда кому-нибудь даешь заимообразно денег с тем, чтобы он воспользовался ими для приобретения какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Так и Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты им купил небо. Не делай поэтому Его бесконечного человеколюбия основанием к проявлению твоей неблагодарности. Размысли о том, как желательно иметь средство, которое бы после Крещения разрешило грехи наши. Если бы Господь не сказал: сотвори милостыню, то сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованием имения можно было избавиться от угрожающих нам бедствий! Когда же это сделалось возможным, то, наоборот, остаются в нерадении. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не дал и столько, сколько та жена, которая подала только две лепты; не дал и половины того, даже и малейшей части в сравнении с ней; ты больше расточаешь на бесполезные вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь к себе других, то тебя приглашают, то сам проживаешь, то других заставляешь проживать; и, таким образом, готовишь себе сугубое наказание: во-первых, за то, что сам делаешь, во-вторых, за то, что других заставляешь делать (7).

***

Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалят Ангелы, тогда тебя прославит Бог. А теперь вся слава достается на долю золотых дел мастеров и ткачей; ты же остаешься без венца и нередко видишь себя обременяемою проклятиями.

Не обвешивай ты всем этим своего тела, а издержи все это на пропитание нищих, и со всех сторон будут рукоплескания, отовсюду — великая похвала. Тогда именно ты будешь этим обладать, когда будешь раздавать другим; а покуда ты пользуешься одна, ты не владеешь. Дом — не надежное хранилище; верное хранилище — это руки нищих (8).

***

Немаловажно лекарство милостыни: его можно прилагать ко всем ранам. *Подавайте*, — сказал [Господь], — *милостыню, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41), — милостыню, но не то, что приобретено любостяжанием потому что уделяемое от приобретенного любостяжанием не имеет значения, хотя бы ты подавал и нуждающимся. Так, истинная милостыня свободна от всякой неправды, и она-то все делает чистым. Такая милостыня лучше и поста, и лежанья на земле. Хотя эти подвиги тяжелее и труднее, но она — плодотворнее. Она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразною и прекрасною. Не столько плод маслины оживляет силы борцов, сколько этот елей укрепляет подвижников благочестия. Будем же умащать им свои руки, чтобы успешно поднимать их на противника. Кто старается быть милосердым к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостяжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе. Как врач, постоянно пользующий раненых, легко смиряется, вглядываясь в человеческую природу при несчастных случаях с другими, так и мы, если решимся помогать бедным, удобно научимся любомудрствовать, не будем дивиться богатству и не станем считать настоящего чем-нибудь великим; но будем пренебрегать всем (9).

***

Благотворящий бедному дает взаймы Господу (Притч. 19, 17). То, что теперь ты бросаешь в руку нищего, потом найдешь в руке Судии. Если хотите избежать суда, постарайтесь теперь же расположить к себе Судию при помощи бедных. Когда ты делаешь последние распоряжения, не забудь наряду с друзьями и родными и твою расстающуюся с жизнью душу; дай ей хотя немного необходимых на дорогу средств. Пусть в твоем завещании будет упомянуто имя Судии, пусть на бумаге запечатлеется твое памятование о

бедном. Виновницей радости, а не слез достойной сделай свою кончину; без заступников не являйся к Страшному Судилищу. Насыть утробы тех, языки которых должны будут держать за тебя речь пред Господом. Через их посредство сделаем своим должником Создателя, чтобы в тот день не понести осуждения; при помощи денег приобретем себе надежных защитников. Ты в лице бедного имеешь, скажет Господь, свидетеля твоей любви ко Мне; ты знаешь, что Я усвояю Себе то, что делается бедным. Я посылаю траву скотам и всем даю пищу, но когда ты даешь милостыню, Я вместе с бедным протягиваю руку и принимаю подаяние. Я одеваюсь *светом, как ризою* (Пс. 103, 2), но как только ты оденешь нищего, Я почувствую тепло. Ты знаешь, что Я восседаю на небе с Отцом, но всякий раз когда ты отправляешься в темницу навестить заключенных, ты находишь Меня там заключенным в узы; как только ты пойдешь к больному, Я не оставляю одра. Я везде, но в особенности заступаюсь за того, кто в нужде. Что ты дашь бедному, то у Меня найдешь умноженным. Если введешь в дом твой бесприютного, вместе с ним и Меня примешь в дом твой, и за это троякую награду получишь от Меня: и богатство твое Я умножу, и дом твой сохраню, и на небесах приготовлю для тебя обитель (9).

***

Христос не запрещает тебе подавать милостыню, но научает, как должно ее делать: *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3). Здесь, конечно, не руки Он имел в виду, но образно выразил то, что твой дурной рассудок не должен знать, что делает твоя добрая воля, чтобы он не мог бы отвратить тебя от добра. Помышления человеческие, по Божественному свидетельству, направлены ко злу. Поэтому Спаситель и говорит: пусть это желание будет у тебя настолько сильным, чтобы и сам ты не знал. Для чего? Чтобы Отец твой, видящий в тайне твою добрую, усердную готовность подавать бедным, возлюбил тебя и воздал тебе явно. Для тех, которые делают милостыню, Он учредил великое и блестящее зрелище, и чего могут желать милостивые, это им даровано в наивысшей степени. Пусть хоть тысячи людей видят вас подающими милостыню, только сами вы не обращайте внимания на них и не желайте от них временной славы; а если хотите, говорит, иметь

зрителей того, что вы делаете, на то есть Ангелы и Архангелы, и сам Создатель и Владыка всяческих. Если хотите людей иметь свидетелями ваших поступков и напоказ перед ними творить милостыню, тогда вы будете иметь сто или тысячу зрителей, одобряющих вас. Если же будете стараться делать ее тайно от тех, которые хвалят в настоящей жизни, и притом так тайно, что хотя бы некоторые и прославляли вас, не принимать этих похвал с удовольствием и не возноситься ими, но устраняться от них и отклонять их, тогда в тот страшный день перед лицом всей вселенной вы примете венец славы. Если ты творишь милостыню для Бога и ради того богатства, которое там у Него собирается для тебя, а не ради временной славы, тогда Бог, принимая как бы в собственные недра ваши подвиги милосердия, в присутствии всех людей, от Адама до конца века, в присутствии всех Ангелов (так как тогда будут предстоять тысячи и мириады Ангелов), своими пречистыми руками призовет вас со словами: *придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Придите сюда, Я принял ваши труды, Я был на вашем иждивении. Когда ты простирал руки к бедному, Я открыл Мои недра; когда ты давал хлеб твой бедняку, Я через его чрево насыщался. *Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня* (Мф. 25, 35). За это вот какой радости будете удостоены вы, милостивые! Если же напоказ перед людьми подавали вы милостыню, тогда от них получите и награду. Ведь, кажется, это так понятно: если именно напоказ хочешь ты делать, так старайся делать напоказ перед Богом: Он и увенчать имеет больше власти, и на зрелище приведет Ангелов. А кто же настолько несчастен, чтобы зная, что царь хочет прийти посмотреть его подвиги, вместо того предпочтет раскинуть свое зрелище перед толпою оборванцев и от них ожидать себе награды? Среди христиан таких не найдется: да не будет! Все, что мы, христиане, делаем, все мы делаем, имея перед глазами Христа и призывая Его имя. Ведь Он в Своем Евангелии указал нам путь спасения, чтобы мы, совершая всякую милостыню и упражняясь во всякой добродетели, все это делали во имя Его и при Его помощи (9).

***

Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а вну-

тренность ваша исполнена хищения и лукавства (Лк. 11, 39). Как бы так говорил Он: зачем вы омываете тело водою, а недостатков души не исправляете? Осмелюсь и я сказать, возлюбленные, что никакой пользы не будет человеку от телесного омовения, если чистоте тела не отвечает чистота его души, если она не сопровождается милостыней. В самом деле, как сосуд, вымытый и изнутри, и снаружи, но не наполненный питьем, не может утолить жажды жаждущего, равно как и блюдо, — так точно и человек, хотя бы он был совершенно чист и внутри, и снаружи, не будет приятен Господу, если не напитает подобного себе. Поэтому Господь и прибавил: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). *Что у вас есть*, потому что не столь приятны Ему богатые приношения, сколько нелицемерная и искренняя жертва. Не печалься же, бедняк, что нет у тебя ни золота, ни груд серебра; бросай в сокровищницу то, что имеешь: и две лепты оправдывают. Вспомни жертву той вдовицы, которая была оправдана больше, чем богатые жертвователи. Ведь Бог, конечно, не за весом денег следит, но совесть испытывает. Милостыня очищает нечистоты души и уготовляет блага в награду; милостыня — насущная необходимость души, милостыня убеляет души, милостыня — ободрение души, лучшее вооружение для нее. Бросьте золото — и получите Господа; дайте серебро — и получите освящение; расточите мед — и вместе с нею утратите яд греха (9).

***

Для того отцы наши и поставили бедных перед дверями молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне. Когда здесь стоит сонм стариков, согбенных, одетых в рубища, иссохших, загрязненных, с палками, с трудом могущих держаться, часто слепых и изувеченных всем телом, то кто будет таким каменным, чтобы устоять против этой старости, немощи, увечья, бедности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющего его к состраданию, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоят перед нашими дверями, видом своим сильнее всякого слова склоняя и призывая входящих к человеколюбию. Как в преддвериях молитвенных домов обыкновенно устрояются умывальницы, чтобы

идущие молиться Богу сначала омыли руки и тогда уже простирали их на молитву, так и бедных отцы поставили перед дверями, подобно источникам и умывальницам, чтобы мы, как умываем руки водою, так, очистив наперед душу человеколюбием, потом приступали к молитве. Подлинно, не так вода по природе своей омывает нечистоты тела, как милостыня силою своею стирает нечистоту души. Поэтому, как не осмеливаешься ты войти на молитву с неумытыми руками, хотя и меньшая то вина, — так не входи никогда на молитву без милостыни. Притом часто, имея и чистые руки, мы не простираем их на молитву, не омыв их наперед водою: такова привычка. То же будем делать и с милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого значительного греха, однако будем очищать свою совесть милостынею. Ты на торжище приобрел себе много дурного: враг огорчил тебя; судья принудил тебя сделать что-нибудь ненадлежащее; ты извергал неуместные слова; друг склонил тебя сделать что-нибудь греховное, и ты во многом другом провинился, в чем легко провиниться человеку, вращающемуся на торжище, заседающему в судилищах, участвующему в городских делах; во всем этом ты приходишь просить у Бога прощения и защиты. Брось же серебро в руки бедных и оботри эти нечистоты, чтобы с дерзновением ты воззвал к Тому, кто может отпустить тебе грехи. Если ты поставишь себе в обычай никогда не приступать к этому священному преддверию без милостыни, то волею или неволею никогда не опустишь этого доброго дела: такова привычка. И как ты никогда — допустим это — не позволяешь себе молиться с немытыми руками, потому что однажды навсегда поставил это себе в привычку, так и в отношении к милостыне, если ты точно так же поставишь ее себе законом, то волею или неволею будешь исполнять его ежедневно, побуждаясь привычкою. Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душою; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов, а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня. Подливай же этот елей щедро, чтобы, ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением и большим усердием. Как не знающие за собою ничего доброго не могут и молиться с дерзновением, так

сделавшие что-нибудь правое и после праведного дела приступающие к молитве, ободряясь воспоминанием о сделанном добре, возносят молитву с большим усердием. Поэтому, чтобы наша молитва сделалась сильнее, благодаря тому, что наша душа во время молитвы будет ободряться воспоминанием о добрых делах, будем приходить на молитву с милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте в памяти то мое сравнение, по которому я сказал, что бедные, стоя перед дверями молитвенных домов, выполняют такое же назначение в отношении к душе, какое умывальница в отношении к телу (9).

***

Нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных [стяжаний] подобно источнику, изливающему нечистоты, так [происходящее] от праведных стяжаний есть как бы прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут не тополи, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих великие произрастения: любовь Божия, похвала от людей, слава пред Богом, благорасположенность от всех, изглаждение грехов, великое дерзновение, презрение богатства, милосердие, которым питается древо любви. Обыкновенно ничто так не питает любви, как милостыня. Она простирает в высоту свои ветви. Она — источник лучше райского, не разделяющийся на четыре *реки* (Быт. 2, 10), но достигающей до самого неба. Она источает ту *воду, текущую в жизнь вечную* (Ин. 4, 14); смерть, коснувшись ее, исчезает, как искра в источнике: так она, где бы ни источалась, производит великие блага! Она угашает ту реку огненную, как искру; она истребляет того червя, как ничто; кто имеет ее, тот не узнает скрежета зубов (см. Мф. 25, 30). От воды ее, если и капля упадает на узы, расторгает их; а если упадает в печи, всецело погашает их.

Как райский источник не таков, чтобы то изливать потоки, то иссыхать — тогда он не был бы и источником, — но течет постоянно, так и наш [источник] пусть всегда изливает очень обильные потоки, особенно для нуждающихся в милостыне, чтобы он

оставался источником. Это доставляет радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается поток не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божия дождила на тебя как бы из источника, то имей и ты у себя источник. Ничто не может сравниться с ним. Если ты откроешь этот источник, то источник Божий откроется так, что превзойдет всякую бездну. Бог ожидает от нас только повода, чтобы излить блага из Своих сокровищниц. Когда [кто] тратит, когда издерживает, тогда богатеет, тогда изобилует. Велик исток этого источника; чист и прозрачен поток его. Если ты не заградишь его, то не [заградишь] и того [источника Божия]. Никакого бесплодного дерева не насаждай при нем, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имение? Не насаждай там тополей; такова роскошь: она многое истребляет, но ничего собою не доставляет, а [только] губит плод. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни других подобных, требующих многого, но ни к чему не полезных: такова роскошь в одеждах, только приятная на вид, но не полезная ни к чему. Вырасти виноградные лозы, насади всякие деревья плодовитые, какие хочешь, в руках бедных. Нет ничего плодоноснее этой земли. Хотя не велика вместимость руки, однако насаждаемое здесь дерево достигает до самого неба и стоит твердо. Это и значит — насаждать. А насаждаемое на земле, если не теперь, то чрез сто лет погибнет. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придет и похитит тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесет тебе плод. Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон; но насади в чреве алчущем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая. Не видишь ли, как деревья, напояемые чрез меру, загнивают с корня, а напояемые умеренно возрастают? Так и ты не напояй чрезмерно своего чрева, чтобы не загнил корень этого дерева; напой [чрево] жаждущее, чтобы оно принесло плод. Напояемое в меру не загнивает от солнца, а неумеренно [напояемое] загнивает: таково естественное действие солнца. Неумеренность везде зло. Поэтому будем воздерживаться от нее, чтобы и нам получить то, о чем просим. Источники, говорят, получают свое начало в местах

весьма возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душою, и тотчас потечет [от нас] милостыня. Невозможно возвышенной душе не быть милостивою, и милостивой — не быть возвышенною. Итак, кто презирает имущество, тот выше *корня всех зол* (1 Тим. 6, 10). Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем душу из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня. Источники чем более очищаются, тем более обильными становятся; так и мы чем более будем раздавать, тем более произрастет благ. Кто имеет источник, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник — милостыню, не будем страшиться. И для питья, и для орошения, и для постройки зданий — для всего полезен нам этот источник. Нет ничего лучше такого питья: оно не производит опьянения. Лучше иметь такой источник, нежели источники, доставляющие золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотоносной. Оно сопутствует нам не в это царство, но в горнее. Это золото служит украшением Церкви Божией. Из этого золота приготовляется меч духовный (см. Еф. 6, 17), меч, которым посекается змий. Из этого источника происходят драгоценные камни, украшающие голову Царя (см. Откр. 4, 3). Не будем же пренебрегать таким богатством, но будем творить милостыню щедро, чтобы нам удостоиться милости Божией (10).

***

Нет греха, которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже ее; она есть врачество, пригодное ко всякой ране. Что хуже мытаря? Он способен на всякое нечестие; но и это все нечестие Закхей очистил (см. Лк. 19, 8, 9). Смотри, как и Христос внушает это тем, что установил: *имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали* (Ин. 12, 6). И Павел говорит: *только чтобы мы помнили нищих* (Гал. 2, 10). И везде в Писаниях много говорится об этом предмете. Так, [Премудрый] говорит: *богатством своим человек выкупает жизнь свою* (Притч. 13, 8). И Христос: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). В этом, подлинно, состоит совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто

в делах ходатайство помогало даже больше денег.

Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег; это ничего; и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугою? Сделай и это. Например: ты врач по званию? Позаботься о больных; и это много значит. Можешь советом? Это — гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову (см. Деян. 6, 1–4). Или, думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем [страсти], можешь освободить от этой болезни? Например, ты видишь друга, одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его, связанного узами (сребролюбие ведь — поистине узы)? Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват (10).

МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ (ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА)

Да не будет у нас ничего неразумного, ничего суетного. А таковы мирские дела, таковы житейские заботы. Потому-то и девы названы юродивыми, что они заботились о пустых мирских делах, собирали здесь, а не отлагали туда, куда следовало. Но я боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же. Боюсь, чтобы и нам не прийти одетыми в нечистые одежды туда, где все имеют одеяния светлые и блистательные. Нет ничего грязнее. Ничего сквернее греха. Потому-то и пророк, изображая природу греха, взывал: *смердят, гноятся раны мои* (Пс. 37, 6). И если хочешь узнать зловоние греха, то представь его себе по совершении, в то время, когда освободишься от пожелания, когда уже не будет беспокоить тебя огонь [страсти]: тогда ты увидишь, каков грех. Представь себе гнев, когда находишься в спокойном состоянии. Представь любостяжание, когда бываешь чужд этой страсти. Нет ничего гнуснее, ничего отвратительнее хищения и любостяжания.

Мы часто говорим об этом не потому, будто хотим тревожить вас, но для того, чтобы доставить вам великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышав однажды, может быть, исправится, услышав в другой раз, а кто пропустил в другой раз, исправится в третий (8).

***

Если бы кто, сев как бы на вершине зрелища, взглянул на весь мир — или, лучше, ограничимся пока, если хотите, одним нашим городом, — так, если бы кто, сев на высоком месте, мог разглядеть все человеческое, — подумай, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой — ослов и волов, чтобы возить камни, а презирает людей, истаивающих от голода, тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а людей настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с большим трудом убирает ими стены, а видя нагие члены нищих, нисколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а между тем другие не имеют, чем покрыть и нагого тела. В судах, опять, один пожирает другого. Иной расточает все на блудниц и тунеядцев; другой — на комедиантов и плясунов; иной — на пышные постройки, на покупку сел и домов. Опять, один вычисляет проценты, другой — проценты на проценты; иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами, и даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другим. Едва настал день, один бежит на прибыль неправедную, другой — на трату беспутную, а иные — на казнокрадство. Вообще об излишнем и запрещенном много заботы, а о необходимом нет и мысли. Судящие носят, действительно, имя судей, а поступают, как разбойники и человекоубийцы. Если кто рассмотрит тяжбы или завещания, тот опять и здесь найдет множество зла, — коварство, воровство, злые умыслы. И об этом все попечение, а о духовном нет и мысли. В церковь все приходят только для того, чтобы поглазеть; но от нас требуется не это — нам нужны дела и чистая душа. Если же ты весь день

истратишь на любостяжание и потом, придя [в церковь], скажешь несколько слов, то не только не умилостивишь Бога, но еще более раздражишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дела: познай множество всякого рода бедствий, призри нагих, алчущих, обижаемых. Бог открыл тебе тысячи путей к человеколюбию. Итак, не будем обманывать самих себя, живя напрасно и даром, и не будем небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не раз подвергались болезни и, дойдя до крайней степени изнеможения, умирали от страха и ожидания будущего. Помышляя об этом, будем думать, что опять можем подвергнуться тому же; приобретем тот же самый страх и сделаемся лучшими — так как настоящие наши дела достойны тысячи осуждений. Заседающие в судах подобны львам и псам, а торгующие на рынках — лисицам. Да и те, которые живут, на занимаясь никакими делами, — и те пользуются свободою от дел не как должно, но губят весь досуг на театры и происходящие оттуда дурные дела. И нет никого, кто обличал бы за все это; а соревнующих и сокрушающихся, что сами не могут делать наравне с другими, — много. Но и эти последние также подвергнутся наказанию, хотя они и не сделают худого, потому что *не только [их] делают, но и делающих одобряют* (Рим. 1, 32). Наклонности их одинаково растленны, а из слов апостола видно, что будет наказание и за сердечное расположение (9).

***

Когда бежит стремительный поток житейских дел, он все потопляет и гудит всякую пользу, какая и была, может быть, приобретена. Ведь если бы кто, имея рану, приложил к ней лекарство, но не привязал бы его тщательно, а позволил ему отпасть и допустил в свою язву попасть воде, и пыли, и жару, и бесчисленному множеству других вещей, которые могут растравлять его рану, — в таком случае, конечно, он не получил бы никакой пользы, но не от слабости врачебных средств, а от собственной беспечности. Так обыкновенно случается и с нами, когда мы божественным словам внимаем мало, а житейским заботам предаемся всецело и непрерывно. В этом случае всякое семя подавляется, и все делается бесплодным. Итак, чтобы этого не было, откроем, хотя немного, глаза, воззрим на небо,

посмотрим на гробницы и могилы отошедших людей. И нас ожидает тот же конец, и эта необходимость переселения часто настает для нас прежде наступления вечера. Станем же готовиться к этому отшествию. Нам нужно многое запасти на этот путь, потому что там великий жар, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже там остановиться в гостинице; нельзя ничего купить, но все надобно взять с собою отсюда. Послушай, что говорят девы: *пойдите к продающим* (Мф. 25, 9); но те, которые пошли, ничего не приобрели. Послушай, что говорит Авраам: *между нами и вами утверждена великая пропасть* (Лк. 16, 26). Послушай, что говорит Иезекииль о том дне: *Ной, Даниил и Иов не спасли бы сыновей* (Иез. 14, 14, 18). Но не дай Бог нам услышать эти слова! Дай Бог, напротив, чтобы мы запаслись здесь всем нужным для вечной жизни и с дерзновением узрели Господа нашего Иисуса Христа (9).

***

Изнуряя и изможная свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит брань, как склонен человек ко злу, как окружает грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о желудке, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о [вещах] необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти [заботы]: *не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6, 25). Если же не должно пещись о необходимой пище, и одежде, и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: *никакой воин не связывает себя делами житейскими* (2 Тим. 2, 4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве

не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах! *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением,* — говорит [Господь], — *уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28); а люди, которые должны отдать отчет даже за нескромный взгляд, не стесняются сгнивать в самом этом грехе. *Кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (см. Мф. 5, 46), а мы ненавидим и любящих. Какое же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто: но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в [место] неотвратимых мучений и невыносимых казней. Потому увещеваю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока остается еще краткий срок жизни, примите с сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы там по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение перед Богом, никто тогда не избавит тебя от [мучений], заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по делам только, и иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Если мы будем беспечны, то нас не защитит никто — ни праведник, ни пророк, ни апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то с дерзновением удостоимся и благ, уготованных любящим Бога (12).

МОЛИТВА

И чтобы ты знал, что, когда мы сами нерадимы, то, хотя бы праведники или пророки были нашими заступниками, нам от того не бывает никакой пользы (их добродетель обнаруживается, конечно, и в этом случае, но нам от того не

будет никакой пользы по причине собственной нашей худой жизни), вот — послушай, как Бог всяческих говорит к освященному от чрева [матери] пророку Иеремии: *ты не молись за этот народ, ибо Я не услышу тебя* (Иер. 7, 16). Заметь человеколюбие Господа: Он предупреждает об этом пророка, чтобы тот, не будучи услышан в своих молитвах, не подумал, будто это произошло от собственной его вины. Потому-то и раскрывает ему заранее нечестие народа и запрещает молиться [за него], чтобы и сам пророк знал крайнее их [иудеев] нечестие, да и они научились бы, что пророк нисколько не поможет им, если сами они не хотят делать своего дела. Зная это, возлюбленные, будем, конечно, прибегать к ходатайству святых и просить, чтобы они молились о нас, но не будем надеяться только на их ходатайство, а и сами будем надлежащим образом исполнять наши обязанности и позаботимся о своем исправлении, чтобы ходатайства [святых] за нас не лишались своей силы. (1)

***

Писание будет повествовать вам о неплодии Ревекки и о том, что только по молитве праведника она начала рождать детей, то вот оно и хочет изобразить вам всю силу терпения Исаака и с точностью обозначить время, в продолжение которого он был бездетен, чтобы и мы, подражая праведнику, так же неотступны были в молитвах к Богу, когда чего-нибудь у него просим. Этот праведник, столь добродетельный и пользовавшийся таким благоволением от Бога, проявлял столь великое усердие и твердость духа, непрестанно умоляя Бога разрешить бесплодие Ревекки. Что же скажем мы, обремененные множеством грехов и не обнаруживающие в себе ни малейшей доли (добродетелей) праведника? А когда явится у нас ненадолго некоторое усердие, то мы смущаемся и отступаем от подвига, если не будем услышаны тотчас. Поэтому убеждаю вас: поучаясь событиями в жизни этого праведника, никогда не перестанем умолять Бога о снисхождении к нашим прегрешениям; покажем пламенную ревность и не будем нетерпеливы, не обленимся, если не тотчас будем услышаны. Может быть, Господь медлит, научая тем нас неослабному прилежанию [в молитве], и хочет, чтобы мы и за терпение получили награду. Он знает и время, в которое полезно нам получить желаемое. А сами мы не так знаем,

что полезно для нас, как знает это Он, ведущий самые тайные помышления каждого. Поэтому не должны мы и много испытывать, много рассуждать о том, что бывает от Бога, а за все выражать Ему нашу признательность и удивляться добродетелям праведников (1).

***

Научимся тому, чтобы, когда предпринимаем ли что-нибудь, беремся ли за какое-либо дело или отправляемся в путешествие, — прежде всего возносить молитвенную жертву Господу и не иначе, как испросив Его помощь, начинать предпринимаемое дело и, таким образом, подражать благочестию древних праведников. Принес, сказано, жертвы Богу отца своего Исаака, — чтобы видно было, что он шел по следам отца своего, и это обнаруживал в служении Богу, подобно Исааку. И как он сам предварительно благодарственной молитвой показал свою признательность к Богу, то тотчас же последовали и знамения Вышнего благоволения. Предусматривая дальность пути и смотря на свою старость, он боялся, чтобы внезапная смерть не лишила его радости видеть сына, и поэтому молил Господа продолжить его жизнь, чтобы он мог насладиться совершенной радостью. И смотри, как благой Бог, обнадеживает праведника. Сказал Бог Израилю в видении ночном: Иаков! Иаков! Он сказал: вот я. Бог сказал: Я Бог, Бог отца твоего; не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет, Я и выведу тебя обратно. Иосиф своей рукой закроет глаза твои. Вот как Господь обещает праведнику то, чего он желал, и даже еще больше. Щедрость Его часто превышает наши желания по свойственному Ему человеколюбию. Не бойся, говорит, идти в Египет. Так как [Израиля] устрашала дальность пути, то и говорит ему Бог: ты не смотри на немощь старости: там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет. Я сам буду сопутствовать тебе и все благоустрою для тебя. Заметь [Божественное] снисхождение в словах: Я пойду с тобой в Египет. Что может быть блаженнее того, чтобы иметь самого Бога спутником? А затем последовало и утешение, в котором особенно имел нужду старец: Иосиф своей рукой закроет глаза твои. Он, возлюбленный твой, он сам приготовит тело твое к погребению и возложит руки свои на очи твои. Итак, с радостью и без всякого опасения

предпринимай путь. Теперь представь себе, с каким благодушием праведник совершал путешествие, получив из Божественного обетования такое удостоверение. *Отправился*, — сказано, — *Иаков и весь род его с ним, и взяли все имущество свое, и пришли в Египет* (Быт. 46, 5–6). В шестидесяти шести душах сошел Иаков в Египет; и Иосиф с сыновьями своими, бывшими у него, был девятым, так что вместе с Иосифом всех душ было семьдесят пять (см. Быт. 46, 26–27). Для чего Божественное Писание с такой точностью показало нам число лиц? Для того чтобы мы могли видеть, как исполнилось пророчество Божие Иакову: там произведу от тебя народ великий. От этих семидесяти пяти душ потомство Израиля распространилось до шести тысяч. Видишь, как не напрасно и не без цели Писание показало нам число переселившихся в Египет, но чтобы мы видели, от какого малого числа какое великое число [душ] произошло, и чтобы, смотря на это, всегда веровали обетованиям божественным. Когда подумаешь, как после смерти Иакова и Иосифа царь египетский употреблял все усилия, чтобы уменьшить их потомство и не дать ему размножиться, однако же не успел в этом, а [род Иакова] более и более прибавлялся и увеличивался, то удивись и изумись Промышлению Божиему и [знай], что не может не исполниться определенное Им, хотя бы кто придумывал тысячи препятствий (1).

***

Так молиться повелел Христос в Евангелии: сказав ученикам своим, чтобы они не молились подобно язычникам и не говорили лишнего (см. Мф. 6, 7), Он дал нам и образец молитвы, научая, что быть услышанным [Богом] зависит не от множества слов, а от бдительности души. Но, скажет кто-нибудь, если нужно молиться немногими словами, то, как Он в доказательство того, что нужно непрестанно молиться, сказал притчу о том, что была одна вдова, которая неотступностью просьбы и частым приходом своим смягчила жестокого и бесчеловечного судью, не имевшего ни страха Божиего, ни стыда перед людьми? (см. Лк. 18, 3 и сл.). Как и Павел увещает, говоря: *в молитве постоянны* (Рим. 12, 12) и опять: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Произносить ведь немного слов и непрестанно молиться — это противоречит одно другому. Нисколько не противоречит — да не будет — напротив,

одно с другим весьма согласуется. И Христос, и Павел заповедали творить краткие и частые молитвы с небольшими промежутками. Если долго будешь произносить слова, нередко делая это без внимания, то дашь дьяволу большую свободу подойти к тебе, устроить ковы и отвлечь мысль твою от произносимых слов. А если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимая все время частым повторением [их], то легко можешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большой бдительностью. Так поступила и она, произнося немного слов, но постоянно и многократно припадая к Богу. А когда священник заградил ей уста (таков смысл слов: *уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее* (1 Цар. 1, 13)), то она принуждена была покориться священнику и прекратить молитву. Так загражден был у нее голос, но не заграждено стремление, напротив, тем сильнее взывало внутри сердце. Это есть в особенности молитва, когда вопли раздаются изнутри; это особенно свойственно душе страждущей — произносить молитву не напряжением голоса, а устремлением ума. Так молился и Моисей. Когда он ничего не говорил, Бог сказал ему: *что ты вопиешь ко Мне*? (Исх. 14, 15). Люди слышат только звук голоса, а Бог прежде этого слышит внутренний вопль. Так можно быть услышанным, не произнося слов; и ходя по площади, можно молиться мысленно с великим усердием; и сидя с друзьями, и делая что бы то ни было, призывать Бога с великим воплем — разумею внутренний вопль, — не делая его известным ни для кого из присутствующих (1).

***

Невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-либо в грех. А почему это так, я скажу. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо и таким образом Господа назвал своим; кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким, тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей человеческих. Врага ли увидит он после молитвы — уже не будет смотреть на него, как на врага; красивую ли женщину — не соблазнится при виде ее, потому что пламень, возженный молитвою, еще остается внутри его и отго-

няет всякую негодную мысль. Но так как нам как людям свойственно и впасть в беспечность, то когда пройдет час, другой, третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, спеши тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня, частым повторением молитв согревая самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Когда, приступая к обеду, мы видим, что нагретая для питья вода остыла, то опять ставим ее на очаг, чтобы она поскорее нагрелась; так будем поступать и здесь: на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. Они, когда строят [здание] из кирпича, не полагаясь на прочность этого материала, связывают постройку длинными бревнами, причем кладут их не на большом, а на малом друга от друга расстоянии, чтобы частой кладкой этих бревен сделать крепче связь между кирпичами. Так сделай и ты: перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то, хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли или какое бы то ни было несчастие, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами. Но, скажешь, возможно ли человеку светскому, занятому службой, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. А когда нельзя придти в церковь, тогда можно помолиться и не оставляя своей службы, стоя там, пред дверьми. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа (1).

***

Восстенай горько, вспомни о грехах своих, воззри на небо, скажи умом: помилуй меня, Боже, — и твоя молитва кончена. Кто сказал: помилуй, тот исповедался, сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал: помилуй меня, тот получил отпущение грехов, потому что помилованный не наказывается. Кто сказал: помилуй меня, тот получил

Царствие Небесное, потому что Бог, кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостаивает будущих благ. Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть [молиться] для нас везде весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежнее — у иудеев, имевшее в себе много чувственного и обставленное множеством обрядов. Там молящемуся нужно было: и прийти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать пред жертвенником, и исполнить множество других постановлений. Здесь же [не нужно] ничего такого, но где бы ты ни был, везде с тобою и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только бодрую волю, и не помешает тебе ни место, ни время; нет, хоть ты и не преклонишь колена, не станешь бить себя в грудь, и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, ты этим исполнишь все [нужное для] молитвы. Можно и жене, сидя за прялкою или занимаясь тканьем, обращать ум к небу и призывать Бога пламенно. Можно и мужу, выходя на площадь, или, идучи по своим делам, совершать усердные молитвы. Другому, и сидя в мастерской и сшивая кожи, [можно] вознести душу к Господу. Слуге можно, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, Он требует только пламенного сердца и смиренной души. А чтобы увериться тебе, что [для молитвы] требуется не [известное] положение тела, место или время, но мысль добрая и бодрая, [послушай, как] Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо, как он, помолившись с усердием, лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устрашил темничного стража и затем привел его к святому Таинству. Также Езекия, не стоя прямо и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни и обратившись к стене, с жаром и смиренной душой призвал Бога и тем отменил произнесенный уже приговор и привлек к себе великое благоволение [Божие], и возвратил себе прежнее здоровье. И это случалось не только с святыми и великими мужами, но и с порочными. Так, разбойник,

и не стоя в доме молитвы, не преклонив колена, но, будучи распростерт на кресте, немногими словами приобрел Царствие Небесное. Один в тине и во рве, другой во рве и со зверями, третий даже в чреве китовом, призвав Бога, прекращали все бедственные обстоятельства и привлекли к себе вышнее благоволение. Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь, и дома молиться в тишине в свободное время, и, преклоняя колена и воздевая руки, если же в какое-либо время или в каком-либо месте вы будете находиться среди множества других людей, — и тогда не нужно оставлять обычных молитв, но таким же образом, как я сказал любви вашей, молитесь и призывайте Бога, в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы (1).

***

Как дерево крепкое, весьма глубоко пустившее корни в землю и обхватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, колеблется при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает на землю, так точно и молитвы, исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее, остаются крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище диавола; а молитвы, исходящие из рта и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу по беспечности молящегося, потому что малейший стук возмущает его и всякий шум отвлекает его от молитвы, уста его издают звук, но сердце пусто и ум не занят. Не так молились святые, но с такою ревностью, что преклонялось и все тело. Блаженный Илия, готовясь молиться, во-первых, искал уединения; потом, положив голову между коленами и воспламенив в себе великую горячность, таким образом совершал молитвы (см. 3 Цар. 18, 42). Если хочешь видеть и прямо стоящего на молитве, то посмотри опять на него же, когда он обратился к небу и молился с таким напряжением, что низвел огонь свыше (см. 3 Цар. 18, 36). Также, когда он хотел воскресить сына вдовы, то простерся весь и совершил это воскрешение, не рассеиваясь и не зевая, подобно нам, но воспламеняясь ревностною молитвою (2).

***

Сила молитвы всегда велика; но если молитва соединяется с

постом, то делает душу еще более сильною. Ныне у нас особенная чистота помыслов; ныне возбуждается ум и душа созерцает все горнее. Потому Писание и соединяет всегда молитву с постом. Как и когда? *Не уклоняйтесь,* — говорит оно, — *друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5); и в другом месте: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21); и еще в другом месте: *совершив пост и молитву и возложив на них руки* (Деян. 13, 3) (3).

***

Большую силу имеет, возлюбленные, молитва, делающая невозможное для людей возможным. Помолился Моисей — и иссушил море, и провел евреев как бы по цветущему лугу. Помолился Иисус Навин — и обратил вспять струи Иорданские, и исполнилось написанное: *что с тобою, море, что ты побежало? и что с тобою, Иордан, что ты возвратился вспять?* (Пс. 113, 5). Помолился Илия, вознесшийся на колеснице, и заключил облака, приносящие дождь, и опять разрешил их потом своей молитвою. Помолился тот же Илия — и бедной вдовице давал каждый день муку и елей в меру ее веры. Помолился ученик его Елисей — и соманитянка, будучи прежде бесплодной, вопреки надеждам, родила сына. Помолился Даниил — и ниспроверг Вила, убил змея и львов научил смотреть на небо. Помолились три отрока в печи — и пышущий пламень печи был погашаем. Помолился Езекия — и, исцелив свою болезнь, отвратил смерть и на пятнадцать лет увеличил срок своей жизни. Помолился Иона — и кит сделался кротким и на три дня принял его в своем чреве, чтобы показать, что для святых и в морских безднах найдется убежище. Помолился благочестивый Товит — и от руки Ангела получил свет. Помолилась Сарра, дочь Рагуилова, в Экбатанах — и обратила в бегство демона, губителя мужей. Помолились Сила и Павел, находясь в темнице, — и земля потряслась, двери темницы раскрылись и железные цепи оков распались, и все содержимые в узах оказались свободными. Помолился Петр — и Тавифу воскресил из мертвых. Помолился тот же Петр в Риме — и низринул Симона, летавшего по воздуху, и в то же время не допустил римлян бить его. Молитва восставляет мертвых, прогоняет демонов, исцеляет болезни, разрешает смерть. О, молитва, подательница

жизни, сокровищница здоровья, цвет надежды (3).

***

Не откладывай молитву на воскресенье или на праздник, не выбирай для нее места. Божество не ограничивается местом: *в Его руке глубины земли* (Пс. 94, 4). Поэтому и пророк Давид, молясь каждый день и каждую ночь, не разбирал ни дня, ни места, но со слезами говорил и побуждал сам себя: *во всех местах владычества Его. Благослови, душа моя, Господа!* (Пс. 102, 22). Так и вы, возлюбленные, не ждите известного часа или дня, не стесняйтесь местом, но, как было уже сказано, на всяком месте — и дома молитесь, и в церковь придя молитесь, и где бы не пришлось молитесь, на всяком месте владычества Его. *Внимайте сему, все живущие во вселенной* (Пс. 48, 2), *богатый, равно как бедный* (Пс. 48, 2), мужчины и женщины, толпы народа, юноши и девицы, старые и молодые, цари земные и все судии земли, послушайте написанное: *время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как неимеющие* (1 Кор. 7, 29). *Отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жить в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа* (Тит. 2, 12–13) (9).

***

Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется [на милость] ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорил: *утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою* (Пс. 6, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: *в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 62). Тогда не беспокоит тщеславие; да и как (может беспокоить), когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность; да и как [могут напасть], когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный, и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом сделается Церковью, составленною из мужей и жен. Не считай препятствием

этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и Ангелы, и Архангелы, и прочие силы. Поэтому вы — не одни, когда с вами Владыка всех. И еще послушай, что говорит пророк: *лучше один праведник, нежели тысяча грешников* (Сир. 16, 3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью; если же они малолетни и не могут переносить бодрствования, то [пусть выслушают] по крайней мере, одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себе это в навык. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: *вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе* (Пс. 62, 7). Но, скажешь, я очень утомился в продолжение дня и не могу. Это — отговорка и предлог; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты, брызжет искрами, по всему телу пропитывается дымом и, однако, проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле или прийти в ночное собрание, — что там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная кузница, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, уставшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнее всякого золота, подобно тому, как ковач меди свое изделие. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобою светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, когда он говорит: *светильник ногам моим — закон Твой* (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имеет довольно [огня], то вынь ее [из этого горнила] и устрой ее, как хочешь. Поверь мне, не столько огонь

истребляет ржавчину [металла], сколько ночная молитва ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они, повинуясь человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и цепенея [от холода], для тебя, для твоей безопасности и для охранения твоего имущества. Тот о твоем имуществе оказывает такое попечение, а ты не [оказываешь] даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но, находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвою к Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (см. Лк. 16, 12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Тогда растения восстановляют свои силы, т.е. во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем попаляется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания, и на всякое пламенное разжжение, и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этою росою, то будет сжигаться во время дня (10).

МОНАХИ

Смотри, самые убежища монахов уже дают начало их благоденствию. Избегая рынков и городов, и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящею жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горести, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а наиболее всего — с Богом. Жилища их чужды всякого шума, а душа, свободная от всех страстей и болезней, тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были вначале и до падения Адама, когда он, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в преисполненном блаженства рае. И в самом деле: жизнь монахов чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот: нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом: так

и монахи; более того, они имеют гораздо больше дерзновения, нежели Адам, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого. Надлежало бы вам собственными глазами видеть это; но так как вы не хотите и проводите жизнь в шуме и на торжищах, то по крайней мере, на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, всей же их жизни описать невозможно. Эти светильники мира едва начинает восходить солнце или еще до рассвета встают с ложа здоровые, бодрые и свежие (потому что их не возмущает никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живут, как Ангелы на небе). Итак, поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе с светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Поэтому, если угодно, оставив Адама, спрошу вас: чем отличается от Ангелов этот лик поющих и восклицающих на земле: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14)? И одежда у них соответственна их мужеству. Они облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены, как у тех блаженных Ангелов: Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то совсем обветшавшей. Потом, пропев свои песни, с коленопреклонением призывают прославленного ими Бога на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем, у них не бывает об этом слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, — чтобы никому из них не услышать того страшного голоса: *не знаю вас!* (Мф. 25, 12) и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как, встав, окончат эти священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным каждый идет к своему делу и трудами многое приобретают для бедных (7).

МУДРОСТЬ

Поистине, добродетель есть источник и корень мудрости: как всякий порок берет начало от неразумия. И надменный, и гневливый человек увлекается этими страстями по недостатку благоразумия. Поэтому и пророк говорил: *смердят, гноятся раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6), показывая, что всякий грех получает свое начало от неразумия. Напротив, человек добродетельный, имеющий в себе страх Божий, мудрее всех; потому и некий мудрец говорит: *начало мудрости — страх Господень* (Притч. 1, 7). Если же бояться Бога значит иметь мудрость, а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости, а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех. Хотя многие удивляются людям порочным потому, что они могут делать другим обиды и вред, но они не понимают, что таких людей должно считать несчастнейшими из всех, потому что, думая вредить другим, они вонзают меч в себя самих; а это и есть признак крайнего безумия, когда кто, поражая самого себя, не сознает того, но думает, что он вредит другому, между тем как закалает сам себя. Потому и Павел, зная, что, поражая других, мы убиваем себя самих, говорит: *для чего бы вам лучше не терпеть лишения?* (1 Кор. 6, 7). Чтобы не быть обидимым, не надобно обижать; чтобы не терпеть зла, не надобно делать зла — хотя это может показаться загадкой людям обыкновенным и не желающим любомудрствовать. Итак, зная это, будем считать несчастными и оплакивать не обижаемых и оскорбляемых, а делающих другим обиды и оскорбления. Эти-то люди наиболее страдают, потому что они вооружат против себя Бога, отверзают уста тысяче обвинителей, приобретают худую славу в этой жизни и навлекают на себя великую казнь в будущем веке. Напротив, обижаемые и все великодушно переносящие преклоняют и Бога к милосердию, и всех людей к состраданию им, к похвалам и благорасположению. Такие люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрия, и в этой жизни приобретают великую славу, и в будущей получат вечные блага (8).

***

Не то должен давать дающий, что Он может дать, но то, что может воспринять получающий.

Как мать может дать простого хлеба ребенку, питающемуся молоком, но ребенок не может воспользоваться им, так и для Бога не было бы невозможным предложить высшую и сверхъестественную мудрость, но мы ею не можем воспользоваться. Пока мы живем в смертном теле, мы воспринимаем знание, соответствующее смертной природе. Поэтому Бог ничего не говорил нам соответственно Своему совершенству, но соразмерял то, что говорил, с нашей слабостью. Поэтому Спаситель говорил: *еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* (Ин. 16, 12); и в другом месте говорит Спаситель Никодиму: *если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?* (Ин. 3, 12) (9).

***

Кто имеет дар мудрости, тот, передавая другому, умножает это богатство, делая мудрыми многих; а кто скрывает ее в себе, тот лишает себя богатства, не принося пользы другим. Также, кто имеет другие дары, тот, врачуя многих, умножает свой дар; сам не теряет от передачи и многих других исполняет духовных дарований. Это правило остается неизменным во всех духовных [благах]. Так бывает и с Царством [Небесным]: кто делает многих своими соучастниками в Царстве, тот тем более будет пользоваться им; а кто не желает иметь участником никого, тот и сам лишится многих благ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многие приобретают ее, и художник не теряет своего искусства, когда делает художниками многих, то тем более приобретающий Царство не уменьшает его, а напротив, тогда и будет у нас богатство больше, когда мы многих призовем к нему.

Будем же приобретать то, что не истощается, но от раздаяния умножается; будем приобретать то, против чего никто не клевещет, чему никто не завидует. Если бы было такое место, откуда бы, как из источника, непрестанно истекало золото, и тем более истекало, чем более было бы почерпаемо, а другое место было бы такое, в котором закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотел бы получать богатство? Не из первого ли?

Конечно, оттуда. Но чтобы нам не описывать этого только словами, примените сказанное к воздуху и солнцу: они поглощаются всеми и наполняют все: и, однако, остаются одинаковыми и не

уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чем я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковой, хотя бы она была раздаваема или же не раздаваема, но более умножается именно тогда, когда бывает раздаваема (12).

МУЖ

Постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещеваю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона, даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты: если будешь сносить жестокого мужа, то получишь светлый венец; а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жену сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во всем будет у них мир и пристань, не возмущаемая волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри: Авраам взял с собой племянника, и жена не укоряла его за это. Он велел ей идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают менее других, особенно низших себя, порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и трусами, и беспечными, и ленивыми. Она

же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал. И еще более: когда его [Лота] постигла великая опасность после того, как он сам сделал выбор и предоставил дяде худшую часть, и когда патриарх, услышав об этом, вооружил всех своих домочадцев и с ними одними пошел против целого персидского войска, она не удерживала его и не сказала, например, так: куда идешь ты, человек, ввергая сам себя в пропасть, подвергаясь таким опасностям, готовясь пролить кровь за мужа, который обидел тебя и похитил твою собственность? Если ты не думаешь о себе, то пожалей меня, оставившую дом, отечество, друзей и родных, и последовавшую за тобой в такой путь, не подвергай меня вдовству и соединенным с вдовством бедствиям. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он — впрочем не пред женой, а пред Богом. И, заметь, как каждый соблюдает должное: он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее за это, и она с своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии посредством рабыни. Тогда не запрещалось это, как запрещается ныне; ныне же непозволительно ни женам делать такое угождение мужьям, ни мужьям с ведома ли или без ведома жен вступать в такие связи, хотя бы они в тысячу раз более чувствовали бесчадие; иначе им будет сказано: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44); ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому и жена предложила это, и он послушался, и поступил так не ради удовольствия. А посмотри, скажешь, как он потом по ее же требованию изгнал [служанку]. Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его.

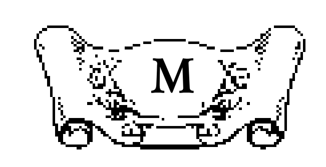
Притом не ограничивайся этим, но, когда говоришь так, обрати внимание и на предыдущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться пред госпожой; а что может быть прискорбнее этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, в этом не будет ничего важного; и ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым — это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои

обязанности. Если и посторонним, ударяющим по правой щеке, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю — жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние [языческие] законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем как с недостойным ее сожительства. Подлинно, крайне беззаконно — сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены отца и мать не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это настолько вожделенно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестие, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это [бесчестие], когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего, подобно какому-то зверю, все находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она — жена, слабый сосуд, а ты — муж. Ты для того и поставлен над ней начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь [подвластного себе] начальника, а когда унижает и бесчестит его

достоинство, тогда немало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, немало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в который отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего, от матери, от себя самого и от дома, вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней (12).

МУЧЕНИЧЕСТВО

Многие из людей бедных, видя бедствия других и сравнивая с своими, считают свои бедствия сравнительно тягчайшими, то сравнивая себя не с другими, а с самими собою, они чувствуют скорбь, конечно, тем тягчайшую, чем более прежний опыт дает чувствовать потерю. Так и бесчадие, испытываемое с самого начала, легче бесчадия, следующего за многочадием. Не одно и то же — не получить чего-нибудь или после получения лишиться. Итак, мужественно переноси все случающееся; это для тебя — мученический подвиг. В самом деле, не только то составляет, мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это; но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так, Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби. И Павел прославлен за то, что с благодарностью переносил бичевания, скорби и все прочее (2).

НАГРАДА

Господь знает сокровеннейшие наши помышления, и когда видит, что мы желаем должного и показываем в себе здравомыслие, то простирает к нам Свою руку и награждает нас прежде трудов наших, возбуждая нас этим к большей ревности. И это можно видеть в жизни всех праведников. Зная слабость человеческой природы, Он, чтобы мы не падали духом в тяжких трудах, часто среди трудов подает нам и помощь, и награды, — и труд наш облегчая, и ревность усиливая.(1)

***

Будем же мы, мужи, подражать, по крайней мере, женам и не покажем себя хуже их; будем заботиться не о том только, чтобы все свое достояние тратить на собственные удовольствия, но позаботимся и о призрении нуждающихся, и это будем делать с усердием и удовольствием. Земледелец, бросая в землю семена, делает это не со скорбью, а с радостью и весельем, и с такой уверенностью оставляет в земле свои семена, как будто видит уже самые снопы. Так и ты, возлюбленный, не смотри на то, что получает от тебя бедняга и в какие издержки тебя вводит, но представляй себе, что Иной принимает из твоих рук то, что ты делаешь для бедного, стоящего перед тобой, и этот Иной не простой какой-нибудь человек, но Владыка всяческих, Господь всех, Творец неба и земли. И твои издержки становятся приобретением и не только не уменьшают твоего имения, но еще более умножают, если только делаешь ты это с верой и радостным усердием. Скажу о самом высшем благе: кроме других приобретений от таких издержек, подается тебе и отпущение грехов: а что может сравниться с этим благом? Итак, если мы желаем обогатиться истинным богатством, а вместе с богатством получить и прощение грехов, то передадим имущество свое в руки

нуждающихся, перешлем его на небо, где ни вор, ни разбойник, ни злодейство раба, ни другое что не в состоянии повредить нашему богатству. Страна та выше всякого подобного зла. Только будем делать это не из тщеславия, но по заповедям Божиим, стараясь не от людей приобретать похвалу, а от общего всех Господа: иначе и издержки понесем, и приобретения лишимся, потому что богатство, переносимое на небо руками бедных, делаясь недоступным для всех других наветов, может быть погублено одним тщеславием. Как здесь моль и червь вредят одежде, так богатству, собранному на небе милостыней, вредит тщеславие. Потому и умоляю: не только будем творить милостыню, но и с осторожностью будем творить ее, чтобы за малое получить великие блага, за тленное — нетленное, за временное — вечное и чтобы, кроме всего этого, возмогли мы получить и отпущение грехов, и вечные неизреченные блага (1).

***

Мы, которые всегда живем во грехах и пороках, если когда-нибудь сделаем какое-либо и малое добро, то по примеру безрассудных рабов с большою мелочностью высчитываем и со строгой точностью определяем вознаграждение, если только дело заслуживает какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не в надежде на награду. Ведь говорить об этом и точно высчитывать — это занятия, свойственные больше наемнику, нежели благоразумному слуге. Должно все делать для Христа, а не для награды. Потому Он и угрожал геенною, и обещал Царство, чтобы мы возлюбили Его. Итак, возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом Царство и радость, наслаждение и слава и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть (11).

НАДЕЖДА

Когда мы сами заслуживаем, тогда и предстательство праведных приносит нам большую пользу. Напротив, если сами мы нерадивы, а всю надежду спасения нашего возлагаем на них одних [праведных], тогда нам не будет от этого лучше, не потому, чтобы праведники были бессильны, а потому, что мы собственным нерадением губим себя (1).

***

Только убеждаю любовь вашу подражать древним в добродетелях — в бракосочетании сыновей, в выдаче дочерей в замужество, и своими добродетелями преклонять к себе благоволение Божие. Если Бог будет благоволить нам, то, хотя бы мы были на чужой стороне, хотя бы лишены были всего и никому не были известны — будем славнее всех. Нет блаженнее человека, вспомоществуемого вышнею рукою. Блаженный Иаков, пользуясь ее содействием, мало-помалу возвеличился до такой славы, что те самые, которые принимали его к себе как странника, стали ему завидовать. Позаботимся же и мы о том, чтобы удостоиться помощи свыше, и не будем прибегать к человеческому могуществу, искать защиты у него. Ничто так мало ненадежно, как эта защита, — что довольно показывают нам опыты дел человеческих. Каждый день мы видим быстрые перемены; видим, как все превращается и тот, кто недавно был наверху благоденствия, внезапно ниспадает в крайние бедствия и часто терпит участь осужденных. Каким же безумием было бы искать покровительства людей, которые сами находятся в такой неизвестности о своей судьбе и не могут располагать с уверенностью даже своими собственными делами! Поэтому устраним себя от всякого человеческого покровительства, вспомнив и слова пророка: *Проклят человек, который надеется на человека* (Иер. 17, 5). Видишь, что не только безрассуден такой человек, но проклят за то, что, оставив Господа всяческих, обратился к подобному себе рабу, который и сам для себя не довольно силен. Будем избегать этого проклятия, умоляю вас, и всю надежду возложим на Бога. Это — надежда твердая, непоколебимая, неподвергающаяся изменению, как надежда на людей. Здесь или смерть пресекает покровительство и прибегающих к нему оставляет нагими и лишенными всего, или и прежде смерти происшедшая в обстоятельствах перемена делает все безуспешным и с той, и с другой стороны. Такими примерами наполнена вся настоящая жизнь. Поэтому и недостойны прощения люди, которые после стольких опытов все еще полагаются на человеческое покровительство, а часто и от своих мнимых покровителей терпят тысячи скорбей. До такой степени возросла злоба, что часто и за услуги платят не тем, чем следует. Только у Бога всяческих все

вопреки этому: Он постоянно благотворит нам, даже когда мы бываем неблагодарными; Он не лишает Своего покрова, несмотря на неблагодарность нашу, и всегда действует только по собственному человеколюбию (1).

***

Лучше надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели уповать на князей (Пс. 117, 8, 9). Здесь не делается сравнения (между Богом и людьми), но в Писании часто употребляется такой оборот речи и о предметах несравнимых, по немощи тогдашних слушателей. Итак, он [Давид] говорит это не для сравнения, а по снисхождению к слушателям. Поэтому другой пророк говорит: *проклят человек, который надеется на человека* (Иер. 17, 5). Нет ничего слабее такой надежды: она слабее паутины; и не только она слаба, но и опасна — это знают все те, которые надеялись на людей и погибли вместе с ними. Напротив, надежда на Бога не только тверда, но и безопасна, неподвержена никакой перемене. Поэтому Павел и сказал: *надежда не постыжает* (Рим. 5, 5), и другой Премудрый: *взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен?* (Сир. 2, 10)? Но я, скажешь, надеялся и посрамился. Не клевещи, человек, не противоречь Божественному Писанию; если ты посрамился, то, конечно, потому, что не надеялся, как должно, ослабел, не дождался конца, стал малодушествовать. Не делай же этого, но, когда видишь наступающие бедствия, не падай духом; это собственно и есть надежда — стоять твердо среди опасностей (2).

***

Ни один человек из живущих честно не теряет уверенности относительно будущего, а с другой стороны многие из нерадивых, угнетаемые лукавою совестью, не желают ни суда, ни воздаяния. Итак, что же, неужели наши блага состоят в одних надеждах? Конечно, в надеждах, но не человеческих, которые часто разрушаются и посрамляют надеявшегося, когда обещавший покровительство умирает или хотя и жив, но переменяет расположение. Но не таковы наши надежды: они тверды и непоколебимы. Тот, Кто дал нам обетование, всегда жив, а мы, имеющие воспользоваться ими, хотя умрем, но опять воскреснем, так что нет ничего, что бы могло

нас посрамить, как напрасно и безрассудно утешавших себя пустыми надеждами (11).

НАКАЗАНИЕ

Мы должны оплакивать не тех, которые наказываются и страдают, а тех, которые грешат безнаказанно. Первое зло — грешить, а второе — согрешающим не получать никакого врачевания, или, справедливее сказать, это и есть первое и тягчайшее зло. Подобно тому как тяжело не болезни подвергаться, а заболев, не получать врачевания, и как мы жалеем не столько того, кто имеет гнилостную рану, сколько того, кто имея ее лежит и не получает помощи от врача, а кому делают отсечения и прижигания, того мы считаем возвращающимся к здоровью, обращая внимание не на боль, происходящую от резания, а на выздоровление, так должно думать и о душе: печалиться и скорбеть следует не о тех, которые наказываются — их возвращают к здоровью, — но о тех, которые грешат безнаказанно. Но, скажешь, если наказания удерживают от пороков, то почему мы не каждый день наказываемся за грехи? Потому что если бы так было, то род человеческий давно уничтожился бы и не было бы времени для покаяния. Вспомни Павла. Если бы он был наказан за гонение и умерщвлен, то как он имел бы время покаяться, после покаяния совершить множество добрых дел и, так сказать, всю вселенную привести от заблуждения к истине? Не видишь ли, что и врачи, когда кто имеет много ран, употребляют лекарство не настолько сильное, какого требует свойство ран, но какое могут перенести силы больного, чтобы, врачуя раны, не погубить больного? Поэтому и Бог наказывает не всех вдруг и не всех по заслугам, но слегка и постепенно; и часто, наказывая одного, вразумляет чрез него многих других (2).

***

Оставляют закон Божий те, которые нарушают и малейшую часть из написанного в нем и хотят исполнять его предписания по своему, а не по воле и намерению Законодателя. Не ходят в судьбах Божиих те, которые во время суда боятся богатого или милуют бедного, тогда как Бог хочет, чтобы суд был равен для всех. Оскверняют заповеди Его те, которые притворяются добродетельными, но на самом деле оскорбляют заповеди, поскольку исполняют их не от чистого сердца. Так как они

нарушают волю Заповедавшего, то и говорится, что они не хранят их. Беззакония таких людей Бог наказует жезлом и неправды их — ранами. Поэтому, когда мы подвергаемся наказаниям, не будем обвинять Бога, не будем порицать, хотя бы мы подвизались в посте или какой другой добродетели, потому что и добрые дела мы совершаем не так, как должно, почему и нуждаемся в наказаниях (3).

***

Как же было бы сообразно с разумом, чтобы Судья праведный и воздающий всем равно меньше согрешивших наказывал, а тяжелее согрешивших оставлял без наказания? Не очевидно ли, что, предопределив день, в который будет судить вселенную, Он потому откладывает наказание, чтобы люди или от долготерпения его исправились или подверглись тягчайшему наказанию, если останутся в тех же грехах? Итак, когда мы, согрешая так же, как уже грешили другие, потерпевшие наказание, не терпим того же, то не будем самонадеянны, но еще более будем страшиться. Наказанием тех[1] Бог как бы изрек закон, внушая и убеждая всех: Я для того наказал согрешившего вначале, чтобы и ты, согрешающий после них, ожидал себе того же, чтобы ты исправился и сделался лучшим. За одинаковые грехи назначены одинаковые наказания, хотя они не тотчас исполняются (4).

***

Кто даже от наказания не делается лучшим, тот, как бесчувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказание само по себе достаточно должно быть для удержания и вразумления падшего однажды; но если он, не вразумившись от понесенного наказания, снова дерзает на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанию, которое сам на себя навлекает. Если же мы, и здесь после наказания за грехи впадая снова в те же грехи, подвергаемся уже тягчайшему наказанию, то не должны ли мы тем более страшиться и трепетать в ожидании будущих нестерпимых мук, когда, и согрешая, мы здесь не терпим никакого наказания? Почему же, ты скажешь, не все таким образом наказываются? Ведь мы видим многих порочных людей, которые хорошее имеют здоровье и в крепости сил наслаждаются

[1] Здесь имеются в виду жители Содома. — *Прим. ред.*

благоденствием. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать таких людей. Что они здесь ничего не терпят, это и есть залог тягчайшего там наказания. Изъясняя это, Павел говорит: *будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 32). Здесь — только вразумление, там — наказание (8).

***

Почему же, скажут, Бог не наказывает всех здесь? Чтобы иным дать предопределенное от Него время на покаяние. А почему не ограничивается по отношению ко всем только тамошними наказаниями? Чтобы не умножилось число неверующих Божию Промыслу. Почему из разбойников одни пойманы, а другие ушли от наказания? Где тут Божие человеколюбие и правосудие? Если бы вовсе никто не был наказываем, тогда можно бы было прибегнуть к этому доводу. Но когда одни наказаны, другие нет, хотя бы и больше грешили, то как это понять, что за одни и те же преступления не одинаковы наказания? Не придется ли признать, что наказание в этом случае является несправедливым? Итак, почему же не все наказываются здесь? Послушай, как отвечает тебе на это сам Христос. Когда некоторые погибли от падения башни, то Христос на возникшее по поводу их смерти недоумение говорил: *думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 2–5). Этим Он научает нас не полагаться на то, что при множестве наших преступлений остаемся без наказания, когда другие терпят его, потому что, если не покаемся, непременно будем наказаны. За что же, спросишь, терпеть вечное наказание нам, которые здесь грешили недолгое время? А за что здесь человек, в одну минуту сделавший одно смертоубийство, осуждается на всю жизнь на работу в рудниках? Скажешь: Бог так не должен поступать? А как же Он расслабленного тридцать восемь лет держал в столь тяжком недуге? А что за грехи наказан был тот болезнью, послушай, что говорит ему [Христос]: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14). Впрочем, расслабленный, говоришь ты, получил все-таки освобождение от наказания, а там этого не будет. Действительно, тамошним наказаниям

конца не будет; послушай, как говорит об этом сам Христос: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 46). Так и должно быть: если жизнь вечная, то и наказание вечное. Или не знаешь, как Он угрожал иудеям? Исполнились ли эти угрозы или остались только на словах? Сказано: *не останется камня на камне* (Лк. 21, 6); и действительно, остался ли камень на камне? Христос сказал: *будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне* (Мф. 24, 21). Разве не сбылось и это? Прочитай историю Иосифа: у тебя займется дух при одном рассказе о бедствиях, какие претерпели иудеи на самом деле. Говорят, что эти ужасы не имеют себе примера в истории, что никогда не разражалось над народом такой войны. Напоминаю об них не с тем, чтобы огорчить вас, но чтобы обеспечить вам безопасность в будущем; ведь, утешая вас напрасными надеждами, я мог бы подвергнуть вас тягостнейшим наказаниям. И скажи мне: почему бы ты не заслуживал быть наказанным за грехи твои? Не предупредил ли тебя Бог обо всем? Не угрожал ли Он тебе? Не устрашал ли? Не употреблял ли тысячи средств для твоего спасения? Не даровал ли тебе баню возрождения и не простил ли всех прежних грехов твоих? И после этого возрождения, после отпущения грехов не дал ли тебе, когда ты опять стал грешить, нового пособия — в покаянии? Не облегчил ли тебе способов получить прощение во грехах, сделанных и после этого? Итак, выслушай, что заповедал Бог. Если будешь прощать грехи ближнему, то и Я, говорит Он, прощу тебе. Разве это неудобно? *Спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 17, 18). Разве это трудно? *Говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Какая в этом тягость? *Искупи грехи твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Какой в том труд? Мытарь сказал: *будь милостив ко мне грешнику*, и *пошел оправданным* (Лк. 18, 13–14). Трудно ли подражать мытарю? Но и после всего этого ты не хочешь убедиться, что есть и казнь, и мучение. Может быть ты скажешь, что и дьявол не наказывается? Сказано: *идите в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). Но если нет геенны, то и он не наказывается. Если же дьявол наказывается, очевидно, что будем наказаны и мы,

которые делаем дела его. И мы преступаем волю Божию, хотя не в том самом, с чем он. Как же не боишься ты говорить дерзко о Боге, утверждая, что Бог человеколюбив, а потому не накажет? А если накажет, то — по твоему — выйдет, что Он уже не человеколюбив? Видишь, какие речи внушает вам дьявол (9)?

***

Много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать еще более. Скажи мне: если бы ты имел какого-либо раба и только угрожал бы ему, а не бил его, то когда он больше боялся бы, когда убегал бы, когда решился бы на бегство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожал? Потому-то и мы внушаем не угрожать постоянно друг другу, чтобы страхом не смутить слишком душу, чтобы этим не мучить ее больше, чем ранами. В одном случае наказание бывает временное, а в другом — постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Чермном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их ожидает червь нескончаемый. Многие дерзнули делать то же, что Гиезий, но не были поражены проказою, потому что вместо проказы им предстоит быть рассеченными пополам и подвергнуться одной участи с лицемерами (см. Мф. 24, 51). Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали [наказания], не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь,

может быть, они испытают и не избегнут [наказания], если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким. И мы ведь часто по поводу малых (проступков) воздаем вполне и за великие. Итак, когда заметишь, что с тобой случилось что-нибудь, вспомни этот грех свой. Так именно было с сыновьями Иакова. Помните братьев Иосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это от них зависело; обманули и опечалили старца — и ничего не потерпели. Но, спустя много лет, они подверглись крайней опасности и вспомнили об этом грехе. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорят: *мы наказываемся за грех против брата нашего* (Быт. 42, 21). Так точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грехе, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частые клятвы и клятвопреступления пали на мою голову. Таким образом, исповедуйся, потому что и они исповедались и спаслись. Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал. Для чего же это бывает? Бог дает тебе время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает, наконец, наказание (10).

***

Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не восхотел бы сделать их еще худшими. Ведь тот, кто делает все, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его. Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло — не быть наказанным, подобно как зло для больного — не лечиться (11).

***

Если бы Бог не наблюдал за тем, грешим ли мы или делаем добро, то, может быть, было бы некоторое основание сказать, что нет наказания, а если Он так много печется о том, чтобы мы не грешили, и употребляет такие большие меры, чтобы исправить нас, то очевидно, что Он наказывает и согрешающих и венчает делающих добро. Обрати опять внимание на непостоянство [в суждениях] большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там

опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя, конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали более сомневаться (11).

НАСМЕШКИ

Если кто станет осмеивать тебя — ты вспомни о твоем Владыке: Ему поклонялись с насмешкой, Его бесчестили и словами и делами, над Ним много смеялись, а Он не только не мстил тем же, но за все воздавал противным — кротостью и терпением. Ему-то станем и мы подражать (9).

***

Будут ли нас осмеивать или будем мы терпеть что-либо несправедливо — постоянно станем говорить: *раб не больше господина своего* (Ин. 15, 20), и будем представлять себе слова иудеев, которые они в неистовстве говорили Христу: *ты Самарянин и бес в Тебе* (Ин. 8, 48); *изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула* (Мф. 12, 24). Для того Христос и потерпел все это, чтобы мы шли по стопам Его и терпеливо переносили насмешки. Насмешки раздражают несравненно более, чем ругательства, и однако же Он не только перенес их, но и все сделал для того, чтобы издевавшихся над Ним избавить и освободить от предстоящего им наказания. Так и апостолов Он послал для их спасения, и потому-то ты слышишь, как они говорят: [знаем], *что вы сделали это по неведению* (Деян. 3, 17), и такими словами привлекают их к покаянию (9).

НАЧАЛЬНИК

Кто не может защитить самого себя, тот как может спасать других? Нет ничего слабее и ненадежнее такой надежды. Это показывают сами дела. Павел, беседуя о надежде на Бога, сказал: *а надежда не постыжает* (Рим. 5, 5). Не таковы дела человеческие, они слабее тени. Не говори мне, что такой-то человек — начальник. И начальник в этом отношении не имеет никакого преимущества пред обыкновенным человеком; он подлежит такой же неизвестности.

Даже, если можно сказать нечто удивительное, потому особенно и не должно надеяться на него, что он — начальник. Такая власть весьма непрочна. Если он не падает, то бывает склонен к гневу и пользуется своею властью неблагонамеренно, как будто он не должен будет отдать отчет тому, кто принимал от него обет; если же он будет благонамеренный, то тем скорее в сравнении с частными людьми может подвергаться падениям, чем большими и многочисленнейшими бывает окружен кознями и тем легче он может быть уловлен, чем больше людей, строящих ему козни. Что значат телохранители? Что значат многочисленные стражи? Итак, кто в благоустроенном городе не может поручиться даже за собственное тело, но находится в таком тревожном состоянии, как будто находится среди неприятелей, тот как может спасать других? Кто во время мира боится больше находящихся на войне, тот как может других утверждать в безопасности и избавлять от опасностей? Многие сами по себе могли бы жить в безопасности, но погибли именно оттого, что надеялись на таких людей; когда эти последние падали, то они низвергались вместе с ними; для других самые стражи делались предателями. Впрочем, пророк [Давид], оставив все это — потому что многие избегали подобных случаев, — указывает на то, что не подлежит сомнению, на смерть. Если даже, говорит, все будет у тебя идти благополучно, если он будет доброжелателен к тебе, благосклонен и готов на воздаяния, то, окончив жизнь среди обещаний, он оставляет тебя с пустыми надеждами, потому что ему не достало жизни для исполнения обещания. Если же он даже не имеет достаточно жизни для исполнения обещания, но жизнь его прерывается прежде исполнения, то ты прибегаешь к ненадежной помощи. Или вы не знаете, что так случилось со многими, и когда падал покровитель их, они, лишившись помощника, терпели от этого большее падение (3)?

***

Князи твои не покоряются (Ис. 1, 23). Это — знак величайшей болезни и развращения, когда сами врачи усиливают болезни. Начальники должны удерживать беспорядочные действия народа, располагать его к исполнению долга, делать покорным закону; если же они сами первые нарушают законы, то как они могут быть

учителями других? Выражение: *не покоряются* — значит не повинуются закону, не соблюдают заповедей, — как и Павел, обличая говорить: *как же ты, уча другого, не учишь себя самого?* (Рим. 2, 21). Когда испорчен корень, тогда чего доброго можно ожидать от ветвей (4)?

***

Человек, ты превозносишься властью? Но какая власть, скажи мне, дана тебе? От людей ты получил власть; доставь же себе власть внутренне, в самом себе. Начальник не тот, кто так называется, а кто таков на самом деле. Как врачом или ритором не может сделать и царь, так и начальником, потому что не грамота и не название делают человека начальником. Пусть, если угодно, кто-нибудь построит лечебницу, соберет учеников, приобретет и инструменты, и лекарства, и будет посещать больных: достаточно ли этого, чтоб быть врачом? Нет, нужно еще искусство, а без него все это не только не приносит никакой пользы, но приносит даже вред. Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться ими, тот может повредить. Лечение зависит не только от свойства лекарств, но и от искусства, предписывающего их: когда нет его, тогда все извращено. Так и начальник: положим, что он имеет инструменты, т.е. голос, гнев, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имеет лекарства — законы, имеет больных — людей (слуг), имеет мастерскую — судилище, имеет учеников — воинов; но если он не знает науки врачевания, то все это не принесет никакой пользы. Судья есть врач душ, а не тел; если же врачевание тела требует такого попечения, то тем более врачевание души, потому что душа важнее тела. Таким образом, носить имя начальника еще не значит быть начальником. Некоторые называются великими именами, как-то: Павлом, Петром, Иаковом, Иоанном; но от этих имен они не делаются тем, чем называются; например, я сам: я ношу одно имя с тем блаженным [апостолом], но я не тоже, что он; я не Иоанн, а только называюсь так. Так и те — не начальники, а только называются так. Бывают начальники и без этого названия, подобно как врач, хотя бы и не прилагал к делу своего искусства, а имел его в душе, есть врач. Начальники — те, которые умеют управлять

сами собою. К душе имеют отношение следующие три предмета: дом, город и вселенная; во всем есть постепенность. Кто хочет быть начальником дома и хорошо управлять им, тот прежде всего должен устроить свою собственную душу, потому что она — ближайший его дом. Если же он не в состоянии управлять самим собою, там, где одна душа, где сам он господин, где он всегда сам у себя, то как он будет управлять другими? Кто мог устроить свою душу и одно в ней сделать господствующим, а другое подчиненным, тот будет в состоянии управлять и домом; кто домом, тот и городом, а кто городом, тот и вселенной. Если же кто не в состоянии управлять своею душою, то как он может править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властью, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмешище, рабство, и тысячами других подобных наименований можно бы назвать это. Скажи мне, в самом деле, что свойственно начальнику? Не приносит ли пользу и благодетельствовать подчиненным? Что же, если этого не будет? Как может принести другим пользу тот, кто не сделал добра самому себе? У кого в душе господствуют бесчисленные страсти, тот как обуздает их в других? (10)

НЕВИННЫЕ

Что может быть несправедливее того, чтобы наказывались те, которые не властны в делах своих, и чтобы подвергались осуждению люди, которых путь и жизнь находятся не в их власти? Таким образом, когда он является молящим Бога о том, чтобы наказание их не было слишком жестоким, то выражает не что иное, как то, что они достойны осуждения и наказания; а это показывает не что иное, как свободу их воли. Если бы они не были властны в делах своих, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись более легкому наказанию, и даже совершенно наказывать их; или, лучше, не нужна была бы и просьба, потому что Бог не имеет нужды в чьей-нибудь просьбе о том, чтобы Он не наказывал невинных. Но что я говорю: Бог — когда не делает этого и человек благоразумный? (4)

НЕНАВИСТЬ

Кто любит, тот никогда не может ненавидеть, что бы ни случилось: в этом величайшее благо

любви. Таков был Павел; потому он и говорил: *не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти* (Рим. 11, 14), и не переставал надеяться; и Тимофея увещевал так: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины* (2 Тим. 2, 24–25). Как, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а их учение, не человека, а порочную жизнь и развращенную волю. Человек есть дело Божие, а заблуждение — дело диавола. Потому не смешивай Божиего с диавольским. Иудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Нем много злого, но ненавидел ли их Павел, который любил Христа более всех? Нет, напротив, он любил их и делал все для них; то он говорил: *желание моего сердца и молитва к Богу* о них *во спасение* (Рим. 10, 1); то: *я желал бы сам быть отлученным от Христа* за них (Рим. 9, 3). Так и Иезекииль, видя погибель их, говорил: *о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?* (Иез. 9, 8). И Моисей также говорил: *прости им грех их* (Исх. 32, 32). Почему же Давид говорит: *Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138, 21–22). Не все в псалмах Давидовых сказано самим Давидом; так, в них говорится: *живу у шатров Кидарских* (Пс. 119, 5); и еще: *При реках Вавилона, там сидели мы и плакали* (Пс. 136, 1), — между тем он сам не видал ни Вавилона, ни селений Кидарских. С другой стороны, от нас [христиан] требуется ныне высшее любомудрие; так, когда ученики просили, чтобы сошел огонь, как во время Илии, то Христос сказал: *не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55).

Тогда иудеям заповедано было ненавидеть не только нечестие, но и самих нечестивых, чтобы дружба с ними не послужила им поводом к беззаконию; потому им запрещено было вступать в родственные связи с язычниками и смешиваться с ними, и со всех сторон поставлены были между ними преграды; но теперь, когда [Бог] привел нас к высшему любомудрию и поставил выше подобной опасности, то заповедует входить в общение и беседовать с ними, потому что нам от них нет вреда, а им от нас бывает польза. Что же, скажешь, делать? Должно

не ненавидеть, а оказывать милость; ведь, если ты будешь ненавидеть, то как можешь обратить заблуждающегося, как будешь молиться за неверного? А что надобно молиться за него, о том, послушай, как говорит Павел: *итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков* (1 Тим. 2, 1); но тогда не все были верующими, как всякому известно. И далее: *за царей и за всех начальствующих* (1 Тим. 2, 2); но они были нечестивые и беззаконные, как тоже известно. Потом, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляет: *ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 3–4). Потому же, когда случится язычнице-жене быть в супружестве с верующим, он не расторгал брака; между тем, что ближе мужа к жене? *Будут*, — говорит [Писание], — *одна плоть* (Быт. 2, 24), и оттого бывает между ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станем ненавидеть нечестивых и беззаконных, то, простираясь далее, будем ненавидеть и грешников; а идя таким путем, мало-помалу отделимся от большей части братий, или, лучше, от всех, потому что нет никого без греха. Если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но Павел заповедал не так, — а как? *Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем* (1 Фес. 5, 14). Как же, скажешь, он говорит: *если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним* (2 Фес. 3, 14)? Правда, это сказано о братиях; но не просто, а тоже с кротостью; не оставляй без внимания и последующего, прибавь и то, что сказано далее. А именно, сказав: *не сообщайтесь*, он присовокупил: *но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата* (2 Фес. 3, 15).

Видишь ли, как он повелевает ненавидеть худое [дело], а не человека? Дело диавола — отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению и удержать его в заблуждении, а тебя во вражде и таким образом заградить ему путь к спасению. Если врач будет ненавидеть и

убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача и врач не будет приходить к нему? Почему же, скажи мне, ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцельной болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцельной болезнью, но Бог не переставал врачевать его; потому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог (12).

НЕСЧАСТЬЯ

Чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче; чем более станешь держаться любомудрия, тем менее будешь иметь нужды, а чем менее будешь иметь нужды, тем более укрепляешься и всех превосходишь. Таков был Иоанн, почему его никто не мог опечалить; напротив, он опечалил Ирода. Тот, не имея ничего, восстал против властелина; а этот, облеченный в диадему и багряницу и другие бесчисленные украшения, трепещет и страшится лишенного всего, и даже не мог взирать без ужаса на отсеченную голову его. А что Ирод и по смерти Иоанна имел сильный страх, то послушай, что он говорит: это есть Иоанн, которого я убил (см. Лк. 9, 9). Слово «убил» показывает, что Ирод не превозносился этим, но укрощал свой страх и побуждал свою мятущуюся душу припомнить, что он убил Иоанна. Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых. Потому же и при жизни Иоанна приходили к нему обладавшие великим богатством и вопрошали его: *Что же нам делать* (Лк. 3, 10)? Столько вы имеете и хотите узнать путь к вашему счастью от того, который ничего не имеет? Богатые — от нищего? Воители — от не имеющего даже и дома? Таков был и Илия, почему с таким же дерзновением говорил к народу. Иоанн говорил: *порождения ехиднины* (Мф. 3, 7); а этот: *долго ли вам хромать на оба колена* (3 Цар. 18, 21)? Этот говорил: *убил, и еще вступаешь в наследство?* (3 Цар. 21, 19); а тот: *не должно тебе иметь ее* (Мф. 14, 4). Видишь ли камень, видишь ли, как легко

храмина, построенная на песке, распадается? Как легко она уступает напастям? Как легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порок последователей своих делает безрассуднейшими; и храмина, построенная на песке, распадается не просто, но с великим бедствием... И в самом деле, здесь опасность угрожает не маловажным вещам, но душе, и притом лишением неба и нетленных тех благ. Но и прежде того порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печалями, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, Премудрый говорит: *нечестивый бежит, когда никто не гонится [за ним]* (Притч. 28, 1). Действительно, таковые люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, рабов, знаемых и незнаемых, и таким образом прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение (6).

***

Как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь; и если станешь переносить с благодарением, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастия своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имея такие мысли, мы все, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию. Положим, например, что один потерял любимого сына, а другой — все имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты вместо хулы воздашь хвалу Господу, то несчастия, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу, как бы происшедшие по твоему желанию. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременною смертью, — скажи: *Господь дал, Господь и взял* (Иов 1, 21). Увидишь ли, что оскудело твое имущество, — скажи: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов 1, 21). Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: *как скот был я пред Тобою.*

Но я всегда с Тобою (Пс. 72, 22–23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день, в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христово. И ты, если страдаешь какимлибо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога — и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы (11).

НИЩИЕ

Мы слишком пренебрегаем нищими. [Вот теперь] время поста, такие наставления и поучения о спасительных догматах, непрерывные молитвы, ежедневные собрания, а какая польза от всего этого назидания? Никакой. Выходя отсюда, мы видим ряды нищих, чинно стоящих по ту и другую сторону, и так безжалостно проходим мимо, как будто пред нами столбы, а не человеческие существа. Мы так спешим домой, как будто видим бездушные статуи, а не живых людей. К этому побуждает голод, скажут. Но голод-то пусть заставит остановиться: ведь сытые желудки, по пословице, не разумеют голодного, а голодные по собственной потребности способны понимать и чужую нужду; лучше же [сказать] — и при этом не могут вполне понять всю эту нужду? Ты бежишь к готовому столу и не можешь потерпеть и немного. А бедный стоит до самого вечера, спеша и стараясь собрать насущный хлеб и видя, что день окончился, а денег еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлеб, скорбит, волнуется и вынуждается делать то, что выше его сил. Вот почему вечером [нищие] налегают на нас сильнее, клянутся, божатся, плачут, рыдают, протягивают руки и по неволе делают без стыда весьма многое другое. Они боятся того, чтобы по удалении всех в дома не пришлось блуждать им в городе, как в пустыне. Как потерпевшие во время дня кораблекрушение, ухватившись за доску, стараются до вечера приплыть в пристань, чтобы с наступлением ночи, оставшись вне пристани, не потерпеть окончательного крушения, — так и бедные, боясь голода, как кораблекрушения, спешат до вечера собрать столько денег, сколько нужно им на хлеб,

чтобы по удалении всех по домам не остаться им вне пристани. А пристань для них — руки помогающих. Но мы не трогаемся их несчастьями ни на площади, ни возвратившись домой. Напротив, и тогда, как приготовлен для нас столь, часто наполненный бесчисленными благами (если можно назвать благом то, что мы съедаем в осуждение своего бесчеловечия), когда [говорю] приготовлен для нас стол, мы остаемся бесчувственными, несмотря на то, что слышим, как они ходят внизу по узким переулкам, громко кричат на перекрестках, страдают в глубочайшей тьме и совершенной пустоте. Да и насытившись, и отходя ко сну, и в это время слыша опять, что они громко стонут, оставляем без внимания, как будто слышим лай собаки, а не человеческий голос. И не обращаем внимания ни на время — как в позднюю ночь, когда все уже спят, один он скорбит, ни на маловажность просьбы — как он просит у нас хлеба или несколько денег, и ничего больше, ни на тяжесть его несчастья — как он борется с непрерывным голодом, ни на скромность просителя — как он, будучи угнетаем такой нуждой, не осмеливается подойти к дверям и стать близко, а выражает свою просьбу внизу, на большом расстоянии. Если получит, то воссылает бесчисленные молитвы; а если не получит, то и при этом не произносит жесткого слова, не бранит и не ругает тех, которые могли бы подать и не подают. Напротив, как ведомый палачом на жестокую казнь, хотя просит и умоляет всех проходящих, не получает однако никакой помощи и без пощады приводится на казнь, так и этот, выводимый голодом, как палачом, на ночь к тяжкому бодрствованию, протягивает руки и громкими криками упрашивает сидящих на верху, в домах, но, не встречая никакого человеколюбия, отвергается безжалостно и с большою жестокостью. Но ничто это не трогает нас. И после такого бесчеловечия мы осмеливаемся простирать руки к небу, просить Бога о милости и молить о прощении наших грехов! И не боимся того, что после такой молитвы упадет на нас молния, после такой жестокости и бесчеловечия! Как, скажи мне, мы идем ко сну и на покой и не боимся того, что этот самый нищий приснится нам худой, грязный, одетый в рубище, печальный, плачущий и обвиняющий нас в жестокости? От многих часто слыхал я, что, отказав во время дня в помощи бедным,

ночью видели себя связанными веревками, влекомыми руками нищих, терзаемыми и терпящими многие страдания. Но это только сон, призрак, временное мучение. А мы не боимся, скажи мне, того, что этого печального, вопиющего, плачущего нищего придется увидеть нам на лоне Авраама, как видел Лазаря тот богач? (см. Лк. 16, 23). Что следует отсюда, предоставляю [почувствовать] вашей совести, — те горькие и неумолимые наказания, то, как [богатый] просил воды, как не получил и капли, как горел язык его, как, несмотря на великую просьбу, не получил помилования и как мучился бесконечно. Дай нам Бог не испытать этого, услышав угрозу на словах, избегнуть ее на деле, и, явив себя достойными любви праотца Авраама, достигнуть одного с ним места (1).

***

Подумай, как ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшего к тебе нищего. *Какою,* — сказано, — *мерою мерите, [такою] и вам будут мерить* (Мф. 7, 2). Подумай, с каким сокрушением он отходит: голова его склонилась долу, он плачет, при нищете он получил еще новую рану от презрительного с ним обращения. Если и просить милостыню вы считаете крайним несчастьем, то подумай, какую бурю испытывает тот, кто просит, но не получает и еще отходит поруганным. Доколе мы будем уподобляться диким зверям и забывать самую природу из любостяжания? Многие вздыхают при этом, но я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имели такое сострадание. Подумай о том дне, когда мы предстанем на Суд Христов, когда будем просить о помиловании себя и Христос, поставив нищих пред лице всех, скажет нам, что из-за одного хлеба и одного овола вы возбудили такую бурю в этих душах. Что мы ответим? Чем оправдаемся? А что Он поставит их пред лице всех, это ты можешь узнать из Его слов: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Не они уже будут обращаться к нам с речью, а Бог будет обличать нас за них. Когда и богач увидел Лазаря — Лазарь ничего не сказал ему, но говорил за него Авраам. Так будет и с нищими, которых мы презираем. Мы увидим их не в жалком виде, не с простертыми руками, но в состоянии покоя; а между тем сами явимся в их виде. И, о, если бы мы явились только в их виде, а

не подверглись гораздо тягчайшему наказанию! Ведь богач не от крупиц только желал там насытиться, а томился в пламени, жестоко мучился и слышал: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое* (Лк. 16, 25) (9).

***

Мы лишаемся всех благ, делаемся беднее всякого нищего, потому что украшаем те дома, которых, переселясь отсюда, мы не можем взять с собою, и не радеем о тех, которые можно перенести вместе с собою и туда. Ведь истлевшие тела нищих, без сомнения, воскреснут. И тогда Бог, заповедавший любить нищих, собрав их, похвалит тех, которые заботились о них, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать их жизнь, которая готова была угаснуть то от голода, то от наготы и холода (11).

ОДЕЖДА

Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, — каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всей строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? *Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою* (1 Тим. 2, 9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего не значащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть

беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес у того, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе, а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинуешься дьяволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекая тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается дьявол, показывающий кожи или даже и не кожи (потому что и они — произведение Божие), а напыщенность и ухищрение. Поникнув к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном, тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, — боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг в прах и, беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое о них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею или положи на голову. Вы смеетесь, слушая это, а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди, насколько бывают мелочны, настолько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек

более и более предается этому пороку и дает усиливаться безрассудной прихоти, а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, тающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако же из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и поневоле обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом, они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако же начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам, и тем более что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со

мной, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего — Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попалим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству (7).

***

Послушайте жены, послушайте мужья! Нам нужна не эта златотканая одежда, украшающая наше тело, но одежда, которая бы украшала душу. Но нам трудно облечься в эту одежду, пока мы будем носить первую. Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать маммоне и служить, как должно Христу. Итак, оставим эту худую привычку, которая господствует над нами. Ты, конечно, не снес бы великодушно, если бы кто украсил дом золотыми занавесами, а тебя заставил сидеть в рубище, почти нагим. Но вот ты теперь сам это делаешь с собой, украшая жилище души твоей, т.е. тело, бесчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя в рубище. Неужели ты не знаешь, что царю надобно более украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготавливают одежду изо льна, а для царя — порфиру и диадему. Так и ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом и сажать на высоком и блистательном троне. А теперь делаешь совсем наоборот: разнообразно украшаешь свой город, а царя — ум оставляешь влачиться в узах за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты зван на брак и на брак Божий? Неужели не представляешь,

что званную в этот торжественный чертог душу твою надобно будет ввести облеченной и украшенной золотыми одеждами? Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни тех святых, о которых я недавно говорил вам, — святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то особенно носят эти брачные одежды. А отсюда очевидно, что какие бы ты ни давал им порфирные одежды, они не согласятся взять их; но как царь, если бы кто велел ему надеть худую одежду бедняка, отвергнул бы ее с презрением, так отвергнут и они его багряницу. И это они делают не по чему-либо другому, а потому, что знают красоту своей одежды. Потому же презирают они и пышное одеяние, как паутину. Вретище научило их этому. Действительно, они гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, — ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести (7).

***

Твой брат по рождению — разумею рождение духовное — погибает от голода, а ты изнемогаешь от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранить их от червей чрез такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от всякой заботы, и это приобрело бы тебе будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать эти одежды. Притом тело Христово и почетнее, и безопаснее шкафа. Оно не только сберегает одежды, не только сохраняет невредимыми, но и делает их блистательнее. Шкаф часто похищают вместе с платьем, и чрез то подвергают тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не может повредить самая смерть. Тут не нужно нам ни дверей, ни запоров, ни бодрствующих слуг, ни других каких подобных предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамеренности, и что сохраняется в нем, так же безопасно, как если бы было на небесах; туда не может проникнуть никакое зло (8).

***

Если ты хочешь оказать соболезнование умершему — я укажу

тебе способ погребения и научу тебя облекать его в такие одежды, которые восстанут с ним и представят его в блистательном виде. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временем не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какие же это одежды? Это — одеяние милостыни. Эта одежда восстает вместе с умершим, потому что печать милостыни навсегда остается с ним. Этими-то одеждами будут блистать те, которые тогда услышат: вы напитали Меня, когда Я алкал. Эти одежды делают умерших славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынешние — не что иное, как пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещал иметь попечение об умерших; но для того, чтобы вы делали это с умеренностью, прикрывали лишь тело и не предавали его земле нагим. Если и живым не следует иметь ничего больше, как только покров тела, то тем более — умершим, потому что мертвое тело не столько нуждается в одеждах, сколько живое и дышащее. Пока мы живем, нам нужно одеяние и по причине холода, и для благоприличия; а коль скоро мы умерли — у нас нет этих нужд, и только для того, чтобы тело не лежало нагим, нам нужны погребальные пелены. Самые же лучшие у нас погребальные пелены, это — земля, покрывало прекраснейшее и самое приличное нашему земному телу. Итак, если теперь, когда у нас столько нужд, не надобно искать ничего излишнего, то тем более неуместна пышность тогда, когда нет таких нужд.

Но люди, скажешь, которые увидят это, станут смеяться. Если бы и стал кто смеяться, на того, очевидно, не следует обращать большого внимания, как на человека совершенно глупого. Многие, напротив, скорее будут удивляться нам и восхвалять наше любомудрие. Не это достойно смеха, но то, что мы теперь делаем, когда плачем, рыдаем и как бы погребаем себя с умершими. Вот что достойно и смеха, и наказания; а любомудрие во всем этом, равно как и соблюдение умеренности в одеждах, доставляет нам венцы и похвалы. В этом случае все нас восхвалят, подивятся силе Христовой и скажут: о, как велика сила Распятого! Он убедил смертных и тленных, что смерть не есть смерть, и вот они поступают так, как будто они не умирают, но переселяются в лучшую страну. Он убедил их, что это тленное и земное тело облечется в одежду гораздо блистательнейшую

шелковых и златотканых одежд, облечется в нетление — и потому они не много заботятся о похоронах, но считают самым лучшим погребальным украшением добродетельную жизнь (9).

***

Видишь нагого и странника (поистине наг и странник, для небес не пекущийся о добродетельной жизни)? Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одеяние. Как многие женщины носят шелковые одежды и поистине обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем Суде, скажи, что там нужны будут нам другие [одежды], а не те [шелковые]. Если позволите мне, то и я покажу эту наготу. Нагой во время стужи цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджавши руки, а во время жара не делает этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются, то не гневайтесь. Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те — нагие? Не вздыхают ли они тяжко и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будет видна вполне; она будет видна там. Как и каким образом? Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все; когда бедные будут облечены великою славою, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения. Кто был изнеженнее того богача, облекавшегося в порфиру? Кто беднее Лазаря? А кто из них говорил, подобно нищим? И кто наслаждался блаженством (см. Лк. 16, 19–25)? Скажи мне: если бы кто украсил дом свой множеством покрывал, а сам сидел внутри его нагим, какая была бы польза? Так бывает и с женами. Дом души, т.е. тело, одевают множеством украшений, а госпожа дома сидит внутри

нагая. Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что — добродетель. А что нагота? Порок. Как если обнажить кого-нибудь из свободных, то он стыдится, стесняется и убегает, так точно и душа, не имеющая этой одежды, когда мы хотим взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многие не стыдятся ли и не удаляются ли в самую глубину, как бы ища какого покрывала и занавеса, чтобы не слышать этих слов? А другие, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утешаются и восхищаются сказанным. Послушай о блаженной Фекле. Она для того, чтобы увидеть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидеть Христа; удивляешься поступкам ее, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, как слово [Божие] ублажает милостивых? *Блаженны милостивые*, — говорит, — *ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7). Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славою Христовою, будем облекаться тою красотою, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ (10).

ОСУЖДЕНИЕ

Будь судьей над самим собой и над своими прегрешениями. В этом тебе никто не препятствует, — а между тем ты и грехи свои таким образом исправишь, и не потерпишь от этого никакого вреда. Если же, забывая о себе, ты восседаешь как судья над другими, то нечувствительно собираешь сам себе только большие бремена грехов. Так и мы, умоляю вас, будем всячески избегать осуждения ближних. Хотя ты и не имеешь судебной власти, а осуждаешь только мыслью, тем не менее делаешься виновным в грехе, когда, не имея никаких доказательств, осуждаешь, как часто случается, по одному подозрению и пустой клевете. Потому-то и блаженный Давид восклицал: *Тайно клевещущего на ближнего своего изгонно* (Пс. 100, 5) (1).

***

Не осуждай строго других и не будь жестоким судьею, но кротким и человеколюбивым. Ведь и мы, если не виновны ни в прелюбодеянии, ни в расхищении могил, ни в воровстве, зато имеем другие согрешения, достойные многих наказаний. И брата часто называли

глупцом, а это подвергает нас геенне, и на женщин смотрели невоздержными очами, а это равняется совершенному любодеянию; но что всего хуже — не участвуем достойным образом в Таинствах, что делает нас повинными Телу и Крови Христовой. Не будем же строгими исследователями чужих дел, но станем помышлять о своих собственных, и тогда мы не будем так бесчеловечны и жестоки. Кроме того, нужно и то сказать, что там мы найдем много и добрых людей, стоящих часто целого города. И в той темнице, где был Иосиф, находилось много порочных, однако обо всех заботился этот праведник; да и сам содержался [там] вместе с другими. Он стоил всего Египта и, однако, жил в темнице, и никто из бывших там не знал его. Так и теперь, быть может, там много есть честных и добрых людей, только они не всем известны, и попечение о таких людях вознаграждает тебя за заботы о всех. А если бы не было и ни одного такого, то и в этом случае будет великое воздаяние. И сам Господь твой не с праведными только беседовал: Он не убегал и нечистых, а напротив, и хананеянку принял с великою благосклонностью, и грешную и нечистую самарянку. Принял также и уврачевал и другую блудницу, из-за которой и порицали Его иудеи, и позволил омочить ноги Свои слезами грешницы, научая нас быть снисходительными к грешникам. Вот в чем состоит по преимуществу человеколюбие. Что ты говоришь? В темнице живут разбойники и грабители могил? А разве в городе, скажи мне, все живут праведники? Нет ли, напротив, многих таких, которые хуже и тех и предаются разбою с большим бесстыдством? Те, если не другим чем, прикрываются, по крайней мере, пустынею и тьмою и делают это в тайне; эти, напротив, отбросив личину, совершают зло с открытым лицом, предаваясь насилию, хищничеству и любостяжанию. Да и трудно найти человека, чистого от неправды (8).

***

Ничто так не делает презренными, как нанесение обид; и ничто так не делает почтенными, как перенесете обид. Первый (причиняющий обиды) есть злодей, а последний (переносящий обиды) есть человек любомудрый; тот ниже человека, а этот равен Ангелам. Хотя бы (оскорбляемый) был и меньше оскорбителя, однако и он,

если бы захотел, мог бы мстить; а как он не делает этого, то все и сострадают ему, а того ненавидят. Чтож? Не гораздо ли поэтому он лучше первого? На того все будут смотреть как на безумного, а на него — как на благоразумного. Поэтому, если кто станет побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что он, быть может, не таков. Никогда не говори [худого о другом] даже и в уме, тем более пред другими. Не ропщи на него и перед Богом. Если узнаешь, что о нем отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человека, гнева, а не друга, исступления, а не души (10).

ОТЕЦ

Поспешим же, возлюбленные, как показать ревностное усердие, так и с надлежащим благочинием и с должным расположением исполнять его... Так поступают и чадолюбивые отцы: они предлагают детям не только то, что доставляет радость на краткое время, но и то, что причиняет скорбь, и внушают им не только то, что тотчас оказывает пользу, но и то, что кажется тяжким, но бывает спасительным по исполнении, и этому последнему научают с особенным усердием и настойчиво требуют от них соблюдения (4).

***

Отче наш, сущий на небесах (Мф. 6, 9). Отцом называешь, человек, Бога? Справедливо: конечно, Он — всем Отец. Но в таком случае старайся, чтобы дела твои были угодны Отцу твоему. Если же дела твои злы, тогда, конечно, отцом твоим является дьявол: он источник всякого зла. Поэтому старайся удалиться от него и угодить благому Отцу и Создателю твоему (9).

***

Бывает тоже, как если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: «Что же делать? Я не могу видеть плачущего сына». Несчастный, жалкий, предатель! — ведь я не назову такого отцом — не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиною всегдашней скорби? То же бывает

и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы (10).

***

Таков [греховен] был тот юноша, который, расточив все свое имущество, дошел до последней порочности, сделавшись расслабленнее всякого больного и помешанного в уме. Но как только он пожелал, вдруг сделался молодым от одного лишь расположения и перемены мыслей. Как только он сказал: возвращусь к отцу моему (см. Лк. 15, 18), одно это слово или, правильнее сказать, не только слово, но и дело, последовавшее за словами, доставили ему все блага. Он не сказал: пойду и — остался, но сказал: пойду и — пошел и совершил весь путь свой. Станем так поступать и мы; если мы будем увлечены на чужую сторону, то возвратимся в отеческий дом и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаем, наше возвращение будет удобно и весьма скоро, оставим только чужую и неродную нам сторону, то есть грех, который далеко отводит нас от родительского дома. Итак, оставим грех, чтобы скорее возвратиться под отеческий кров. Отец любвеобилен и не меньше, а еще больше полюбит нас кающихся, чем угождавших Ему, так как и блудного сына отец удостоил тогда большой чести и сам, нашедши сына, обрадовался в большей мере. Но как мне возвратиться? — говоришь ты. Положи только начало дела, и все уже сделано; остановись в порочной жизни и не иди далее — и ты уже все получил. Как и с больными и то уже составляет начало улучшения, если не делается им хуже, то же бывает и в отношении ко злу: не иди далее — и порочные дела придут у тебя к концу. Если ты будешь так поступать в продолжение двух дней, то на третий тебе будет легче воздержаться, а к трем дням ты потом приложишь десять, после — двадцать, потом — сто, потом — и целую жизнь. Чем далее станешь подвигаться вперед, тем легче будет казаться твой путь; наконец, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Ведь и тогда, когда возвратился блудный сын, явились свирели, гусли, лики, пиршества и празднества; тот, кто должен был потребовать у сына

отчета в безвременной расточительности и в таком продолжительном бегстве, не сделал ничего подобного, но встретил его, как заслужившего похвалу, не сказал ему ни одного укоризненного слова, даже не показал вида, что вспомнил о прежней его жизни, но обнял его, поцеловал, заколол теленка, облек в одежду и много украсил его. И мы, имея такие примеры, сделаемся смелыми и не будем отчаиваться. Ведь Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкою, сколько тогда, когда Его называют Отцом, не столько тогда, когда Он приобретает раба, сколько тогда, когда приобретает сына, и Ему более угодно иметь сына, чем раба. Все, что Он ни делал, Он делал для этого именно и не пощадил Единородного Своего, чтобы мы получили усыновление, чтобы мы любили Его не только как Владыку, но и как Отца. И если Он достигает этого от нас, то превозносится, как и тот, кто прославляет Его; всем об этом объявляет, хотя не имеет нужды ни в чем нашем. Это Он делал и с Авраамом, непрестанно повторяя: Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Хотя следовало бы слугам хвалиться этим, но теперь Господин открыто делает это. Потому и Петра спрашивает: *любишь ли ты Меня больше, нежели они?* (Ин. 21, 15), — показывая, что прежде любви ничего от нас не требует. Потому и Аврааму велел принести сына в жертву, чтобы показать всем, как сильно любит Его патриарх. А желание быть сильно любимым происходит от сильной любви. Потому и апостолам Христос говорил: *кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37) (11).

***

Христос одних называет чадами Божиими, а других сынами диавола, сынами противления, сынами геенны, сынами погибели. Так, Тимофей по добродетели сделался сыном Павла и наименован *истинным сыном* (1 Тим. 1, 2); а сына сестры Павла мы не знаем и по имени, хотя по плотскому рождению он был близок Павлу, но никакой пользы не получил от этого, а Тимофей далек был и по плотскому рождению, и по месту жительства, как гражданин города Листры, однако же стал всех ближе. Потому и мы постараемся сделаться сынами святых или, лучше, сделаемся сынами Божиими. А что нам можно сделаться сынами Божиими, послушай, что сказано: *будьте совершенны, как*

совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48). Потому и в молитве мы называем Бога Отцом и тем напоминаем себе не только о благодати, но и о добродетели, чтобы нам не делать ничего недостойного такого родства. Но спросишь: как можно сделаться сыном Божиим? Если ты свободен будешь от всех страстей, а по отношению к оскорбителям и обидчикам будешь вести себя кротко. Так и Отец твой поступает с теми, которые хулят Его. И Христос, хотя и часто говорил о многих предметах, но нигде не говорил: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказал: *благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас* (Мф. 5, 44), тогда упомянул и об этой награде за подвиг. Ничто так нас не приближает к Богу и не делает подобными Ему, как это совершенство. Потому и Павел, когда говорит: *подражайте Богу* (Еф. 5, 1), — разумеет именно это (11).

ОТЧАЯНИЕ

Тот поистине достоин отчаяния, кто сам отчаивается; он уже не имеет надежд спасения. Не столько страшно — впасть в глубину зол, сколько — впавши оставаться в ней; не столько нечестиво — впасть в глубину зол, сколько — впав, оставаться беспечным. Почему же, скажи мне, ты не заботишься о том, о чем особенно должен стараться? Ты пал, получив столько ран? Но нет никакой душевной раны неисцельной; на теле много таких ран, а в душе ни одной; и о тех мы непрестанно заботимся, а об этих нисколько не беспокоимся (10).

***

Не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души. Поэтому, хотя бы ты впал во все роды пороков, скажи самому себе: Бог человеколюбив и желает нашего спасения: *если*, говорит Он, *будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18), т.е. изменю в противное состояние. Не будем же отчаиваться; не столь опасно пасть, как, упав, лежать; не столь страшно быть раненным, как, будучи раненным, не желать исцеления, потому что *кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего»?* (Притч. 20, 9). Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, но чтобы удержать вас от отчаяния (12).

ПАДЕНИЕ

Он [Павел], будучи под законом Христовым и соблюдая высочайший закон, был для не имеющих закона как без закона, для иудеев — как иудей, являясь в том и другом отношении совершеннее и выше всех. Так поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высоким, делаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значит падать, а снисходить; кто падает, тот лежит и сам едва ли может встать; а кто снисходит, тот и встанет с великим приобретением, подобно как Павел снисходил один, а восстал со всей вселенной. Он не лицемерил; если бы лицемерил, то не искал бы пользы спасаемых. Лицемер ищет погибели других и лицемерит для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А он — не так, но как врач, как учитель, как отец снисходят первый к больному, второй к ученику и третий к сыну для пользы их, а не для вреда, — так и он (12).

ПАМЯТЬ

Вот род безумия: давать свои названия зданиям, полям, баням и считать это величайшим для себя утешением, гоняться за тенью вместо истины. Если ты, человек, хочешь приобрести себе вечную память, то не названия свои давай зданиям, а воздвигай трофеи добрых дел, которые и в настоящей жизни сохранят твое имя, и в будущей доставят тебе вечный покой. Если ты желаешь и домогаешься оставить по себе память, то я укажу тебе путь к ней, истинный и несомненный: старайся быть добродетельным. Ничто так не делает имени человека бессмертным, как добродетель. Это доказывают мученики, доказывают останки апостолов, доказывает память живших добродетельно. Сколько царей воздвигали города, строили пристани, давали им имена свои и по смерти не получили себе никакой пользы, преданы молчанию и забвению? А рыбарь Петр, не сделавший ничего

такого, но преданный добродетели, занял царственный город и после смерти сияет светлее солнца. Но то, что ты делаешь, смешно и постыдно. Эти самые памятники не только не делают тебя славным, но делают даже смешным, раскрывая против тебя уста всех. Тогда как твое любостяжание могло бы со временем быть предано забвению, эти здания стоят везде, как столбы и трофеи, свидетельствующие о твоем любостяжании (2).

***

Скажи мне, что может быть безумнее людей, занимающихся гробницами и памятниками и удивляющихся надписаниям чужих имен? Ничто не оставляет о нас памяти, кроме одной добродетели, ни дом, ни статуя, ни дети, и ничто другое подобное. Дом есть дело строителя, статуя — дело художника, дети — дело природы, а к твоей славе это нисколько не относится (2).

***

Желательны дела, что они сохраняют нашу память бессмертною, не дозволяют ей быть преданною забвению... Имя добродетели лучше, чем имя сынов и дочерей, не только потому, что сохраняется память о нас, но и потому, что мы славимся добрыми делами и не подвергаемся наказаниям по причине ложного мнения. Если кто приобретает имя чрез дурные дела, то память о таковом погибнет вследствие забвения о злых делах. Иуда известен во вселенной, но на зло и на гибель ему самому; славен также и Павел, но к добру и пользе вспоминающих. Не напрасно я сказал об этом — я вижу многих созидателей величественных дворцов, поставляющих себе прекрасные погребальные памятники не ради чего иного, как только затем, чтобы посредством сооружений оставить себе имя и память в этом мире после смерти. Но таковыми делами они приобретают себе бесполезное и ложное утешение. Какую пользу принесут умершему украшенные здания? Хотя бы многие говорили: этот дворец или эта гробница принадлежит такому-то, однако в этом нет никакой пользы, а даже великий вред. Таковой [человек] подвергается обвинению, как скупой, неимущий, малодушный, хищник, грабивший сирот и вдов, чтобы соорудить себе гробницу или поставить памятник. А этот памятник стоит как бесполезное изображение, являясь обвинителем зла его самого, памятником о его

преступлениях. Даже те, которые охотно пожалели бы умершего, теперь не пожалеют; он сделал не иное что, как оставил для живых бессмертное обвинение, оставив памятник, бесполезный для имени и славы. Позаботься, человек, оставить себе имя и память в лице помнящих людей, которые бы иногда возвещали о твоих добродетелях, которые бы говорили: мы жили чрез тебя, чрез тебя мы освободились от бедствий, чрез тебя мы приняли утешения и избавились от несчастий. Вот это память, это имя — когда пользуются благами люди, помнящие и мудрые, а не камень, не известь, не земля, то есть люди, которые ради тебя воздают благодарность Богу (4).

ПЕЧАЛЬ

Господь сохранит тебя от всякого зла, сохранит душу твою Господь (Пс. 120, 7). Тот, Кто не попускает тебе подвергаться даже малым неприятностям и до такой степени простирает Свое попечение и промышление, конечно, еще более защитит тебя от всего другого. Великая печаль отступает и проходит от мановения Божия, чего у людей не может быть. Человек часто от одного зла избавил, а от другого — не мог или и мог, но не хотел; а всемогущая и всесильная десница Божия, какое бы ни случилось бедствие, может прекратить его, может избавить и освободить тебя от всего. *Господь будет охранять выхождение твое и вхождение твое отныне и вовек* (Пс. 120, 8) (2).

***

Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа [человеческая]. Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печалях. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали (7).

***

Велика сила печали, и много нам нужно мужества, чтобы с твердостью противостоять этой душевной болезни и, извлекая из ней пользу — так как и в ней есть нечто полезное, — избегать всего излишнего. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы или другие грешим; а когда мы впадаем в обыкновенные человеческие несчастья, тогда печаль бесполезна (9).

ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ

С благоговением и с большим страхом, возлюбленные, будем внимать сказаниям Божественного Писания. В нем ничего не написано без цели и напрасно, но все с пользой и к нашему благу, хотя мы иного и не разумеем, потому что мы не можем знать всего в точности, и хотя пытаемся, сколько можем, излагать причины некоторых [сказаний Писания], однако и затем много еще остается в нем сокровенного, сокровищ, скрытых от нас и неисследимых (1).

***

В море Писания нет борьбы волн; напротив, это море спокойнее всякой пристани. Здесь нет нужды спускаться в мрачные недра бездны, вверять свою безопасность течению неразумных волн; напротив, здесь великий свет, который ярче самых солнечных лучей, полная тишина, никакой тревоги, а польза от находимого такова, что невозможно и выразить словом (1).

***

Будем же внимать Писаниям, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только что откроешь эту книгу, тотчас увидишь пред глазами имя Христово и тотчас услышишь слова: *Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго* (Мф. 1, 18). А кто услышит это, тотчас пожелает девства, подивится рождению, отрешится от земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Деву, сподобившуюся Духа, и Ангела, беседующего с нею. Между тем это еще в начале. Если же ты будешь продолжать чтение до конца, то тотчас отвергнешь все житейское и будешь смеяться над всем земным. Если ты богат — за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая из смиренного дома, сделалась Матерью твоего Владыки. Если ты беден — не будешь стыдиться своей бедности, когда узнаешь, что Творец мира не устыдился беднейшего дома. Помышляя об этом, ты не станешь брать того, что принадлежит другим; напротив, скорее сам сделаешься любителем бедности и будешь презирать богатство. А достигнув этого, ты

избежишь всякого зла. Далее, когда увидишь Его лежащим в яслях, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотом или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь об этом, ты не станешь из-за этого лихоимствовать и похищать. Много и других выгод можно получить, которых нельзя теперь пересказать в подробности; но их узнают те, которые сделают опыт. Потому умоляю вас и приобретать книги [Священного Писания], и усвоить себе мысли их, и начертывать их в душах. Иудеям, так как они не были внимательны, повелено было привешивать книги к рукам; а мы даже и не на руках, а в доме полагаем их, тогда как надлежит отпечатывать их в сердце (8).

***

Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, заключает в себе глубокий сокровенный смысл (8).

***

Многие невежды и неутвержденные извращают Божественное Писание; смотрите, не верьте им. Зло и пороки мощной волной разливаются по земле, соблазны обильны. Но смотрите, не обольщайтесь: не уклоняйтесь ни направо, ни налево, шествуйте царским путем. Оставаясь твердыми в вере, вы, возлюбленные, никогда не будете одиноки: если не на земле, то на небе много верных, к постоянному общению с которыми вы должны стремиться. Там лики Ангелов, там патриархи, пророки, апостолы, евангелисты, там мученики, святые исповедники, там преподобные, просиявшие отшельнической жизнью, одним словом — великое множество тех, имена коих в книге жизни. Их возлюбите, им поревнуйте, от них не отлучайтесь, память о них имейте в сердцах своих днем и ночью, их книги постоянно держите в руках и читайте, чтобы получить от них великую пользу. Обогащайтесь словом правды, чтобы иметь возможность и противников обличать, и суесловящих посрамлять, и еретикам заграждать уста, и падающих вразумлять и обращать. Вникайте в Божественные Писания, чтобы в случаях смущения и замешательства вам не теряться, но в Божественном Писании находить твердую опору (9).

***

При взгляде на луг уже издали бросается в глаза прелестное разнообразие цветов, красоту которых, впрочем, возможно рассмотреть лишь тогда, когда подойдешь к ним настолько, что можно брать руками. То же самое можно наблюдать, возлюбленный, и в отношении Церкви, только здесь в качестве цветов предлагаются желающим чтения из боговдохновенных Писаний. Удивительные явления можно бы наблюдать в этих духовных садах; здесь можно видеть ликующих пророков, начальствующих апостолов, торжествующих мучеников, Ангелов, содействующих людям, учителей, подвизающихся в борьбе за благочестие; здесь можно видеть изобильную благодать Духа, словесные стада, запечатленные Владычною кровью, и наконец, то, что выше всего сказанного, вершину благ, утверждение надежд, главу наслаждения, совершенство радости, — я разумею Евангелия Христовы, в которых предлагается совершенствование нашей жизни. Итак, обратим взоры свои сюда — к Владыке Христу, дарующему всякое наслаждение рабам Своим. Здесь мы увидим, как от них отгоняются недуги, море утишается, ветры прекращаются, смерть запрещается, ад лишается добычи, демоны изгоняются, грешники обращаются к своему Владыке. Эти дары предложил Христос в Божественных Евангелиях, в которых нам возвещено и то, как праведники сияют больше солнца, и то, как члены больных укрепляются, расслабленные, носимые на постелях, начинают ходить, мытари становятся евангелистами, проказа отряхивается по воле Его как пыль, горячка изгоняется словом Владыки, мертвые оживают, гробы возвращают к жизни заключенных; в них гордость фарисея смиряется, смирение мытаря возвышается. При обилии таких благ не трудно напитаться и крошками (9).

ПИЩА

Посмотри, бедный человек, как мало нужно пищи для желудка, и постыдись неумеренности твоих забот о его насыщении! Ничего подобного нет у тех Ангелов, у них мертвы как эти, так и все другие вожделения. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водой. Смятение, шум и

беспокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина; напротив, у сластолюбцев во всем беспорядок. Представь себе внутренность желудка их, и ты увидишь множество сору, поток нечистот, гроб повапленный[1]; а что бывает после, о том стыжусь и говорить, — отвратительная отрыжка, блевание, извержения низом и верхом!.. Но не одни эти вожделения ты усмотришь там умерщвленными, а и другие, еще сильнейшие, происходящие от них, то есть сладострастные. Ты увидишь, что все они повержены вместе с конями и со всем обозом. А обоз, оружие и кони срамных дел — это срамные слова. Но вот и конь, и этот всадник, и оружия лежат в прахе. Напротив, у рабов сладострастия ты усмотришь совсем иное, а души их — мертвыми и поверженными. И не только над чревоугодием одержали блистательную победу те святые мужи, но и над другими страстями: любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнее воинов царя земного и что трапеза их — лучше трапезы тех? Кто станет противоречить этому? Никто, даже и из самих чревоугодников, как бы кто из них ни был безумен. Подлинно, трапеза мужей святых возводит на небо, а трапеза сластолюбцев влечет в геенну. Эту приготовляет дьявол, а ту — Христос. Для этой дает правила сластолюбие и необузданная роскошь, а для той — любомудрие и целомудрие. Здесь пребывает Христос, а там — дьявол. Где пьянство, там и дьявол; где срамословие и пресыщение, там ликуют демоны. Такую трапезу имел богач, упоминаемый в Евангелии; но за то [по смерти] ему не было дано и одной капли воды (7).

***

Воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам нужна, а не растление; пища нам нужна, а не причина болезней, болезней и душевных, и телесных; пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно. Скажи мне: если бы кто-нибудь дал тебе напиться яду, не было ли бы это противоестественно? Если бы кто [подал] дрова и камни, разве не отвра-

[1] Окрашенный. — *Прим. ред.*

тился бы ты? Конечно, — потому что это противоестественно. Таково и сластолюбие (10).

ПЛАЧ

Господь говорит: *блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4), — разумея плачущих о грехах, и между тем никто не плачет этим плачем и не заботится о погибающей душе. Это [плакать об умерших] нам, напротив, не заповедано делать, и однако же мы делаем. Что же, скажешь, разве человеку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумеренно. Я не зверь и не бесчеловечен. Знаю, что в этом обнаруживается природа и что она ищет содружества и ежедневного общения. Невозможно не печалиться. Это сам Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. Так и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим. Если так будешь плакать, то это будет знаком не того, будто ты не веруешь воскресению, но того, что для тебя тяжела разлука.

Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и разлучаются с нами; но — не так, как отчаивающиеся. Так и ты, плачь. Как бы провожал отходящего в чужую сторону. Это говорю я не с тем, чтобы поставить вам в закон, но по снисхождению. В самом деле, если умерший был грешник и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать или, лучше, — не плакать только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение, милостыню и приношения. А впрочем, и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же — праведник, то еще более должно радоваться, потому что он находится в безопасности и уже избавился от неизвестности будущего. Если это юноша [должно радоваться] — что он скоро освободился от окружающих нас зол. Если старец — что он отошел, до сытости насладившись тем, что считается вожделенным. Но ты, забыв думать об этом, заставляешь рыдать служанок, как будто делаешь этим честь отошедшему. Это же — крайнее бесчестие! Честь для умершего составляют не плач и рыдания, но священные песни, и псалмопения, и добрая жизнь. Такой человек, отойдя отсюда, отойдет с Ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы

целый город провожал его, не получит из того никакого плода.

Хочешь почтить умершего? Почти его иным образом — милостынями, благотворениями, литургиями. Какая польза от многих рыданий? А я слышал еще и о другом тяжком зле; говорят, будто многие через плач привлекают к себе даже любовников, чрезмерностью своих воплей составляя себе славу жен, любящих своих мужей. Какое диавольское изобретение! Какая сатанинская выдумка (8)!

***

Горе мне! ибо не стало милосердых на земле (Мих. 7, 1–2). И нам теперь время плакать или, лучше, следует каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаем мы мольбами, ничего — советами и увещаниями: поэтому остается только плакать. Так и Христос поступил: когда иерусалимляне после многих Его увещаний нисколько не воспользовались ими, — Он плакал о их ослеплении. Так поступают и пророки, так следует и нам ныне поступить. Теперь время плача, слез и сетования. Благовременно и нам теперь сказать: *позовите плакальщиц, пошлите за искусницами [в этом деле], чтобы они пришли* (Иер. 9, 17). Может быть через это мы в состоянии будем исцелить от болезни тех, которые хищением строят светлые дома и приобретают поля.

Благовременно плакать, но и вы, ограбленные и обиженные, примите участие в моем плаче; присоедините к своему плачу и мои слезы. Но будем плакать не о себе самих, а об них: не вас они обидели, а себя погубили. Вы за обиду получите Царство Небесное; а они, за неправильное приобретение, — геенну. Поэтому лучше быть обиженным, нежели обижать. Будем плакать об них, но не человеческим плачем, а Священного Писания, которым плакали и пророки. Восплачем горько с Исаиею и скажем: *горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что [другим] не остается места, как будто вы одни поселены на земле. Многочисленные домы эти будут пусты, большие и красивые — без жителей* (Ис. 5, 8–9). Восплачем вместе с Наумом и скажем с ним: горе созидающему дом свой в высоту! Или, лучше, будем плакать об них так, как сам Христос о живших в то время, говоря: *горе вам, богатые! ибо вы*

уже получили мзду вашу и *свое утешение* (Лк. 6, 24)! Так, умоляю, станем непрестанно плакать и мы; а если не будет неприлично, то станем даже ударять себя в грудь при виде беспечности братий. Не станем оплакивать того, кто уже умер, но будем оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытного. Зачем плакать об умерших, которым нельзя уже принести никакой пользы? Будем плакать о тех, для которых еще возможна перемена. Но в то время, как мы плачем, они, может быть, смеются? И это достойно слез, что они смеются над тем, о чем следовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданиями, то следовало бы перестать рыдать в надежде на их исправление. Но так как они остаются бесчувственными, то и мы будем продолжать плакать: не просто о богатых, но о сребролюбцах, лихоимцах и хищниках. Богатство не есть зло: его можно употреблять и с пользой, если, например, мы тратим его на нуждающихся. Но зло — любостяжание; оно приготовляет нескончаемые казни. Итак, станем плакать. Может быть, [от этого] и будет какое-нибудь исправление. Если же впавшие [в этот грех] и не освободятся [от него], то, может быть, другие не подвергнутся этому злу, но остерегутся от него. Но дай Бог, чтобы и те освободились от этой болезни, и никто из нас не подвергся ей (8).

***

Глаза — не только слуги зрения, но и соучастники покаяния. Счастлив ты, если соблюл купель Крещения; если же ты, как человек, уже успел растратить ее дары, приведи в движение источники слез. У тебя есть целый колодезь: из глубины сердца почерпай скорбь, тронь оба близнеца — глаза, пролей потоки слез, затопи слезами свои прегрешения. Незначительные ручейки от дождя уносят легкие стебельки; значительной же глубины реки и речки, бурные горные потоки бывают в состоянии увлекать с собой глубокосидящие в воде пни и тяжелые камни. Взвесь свои грехи. Если прегрешение твое незначительно, достаточно и немногих слез; если грех велик, то больше должен быть и поток слез. Если же у тебя есть и уверенность в жизни, и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не все слезы ты выплакал о себе самом, то удели

и мне часть слез: плачь о грехах брата. *И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать* (1 Кор. 5, 2). Не согрешил Самуил, но он плачет за согрешившего Саула. Павел — сосуд избранный, но скорбит о нас. *Кто соблазняется*, говорит, *за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29). Видишь, что мои соблазны сокрушают сердце Павла? Однако нужно, чтобы у каждого из нас доставало слез для своих согрешений (9).

ПОКАЯНИЕ

Только те грешники преимуществуют пред праведниками, которые после греха возвращаются к покаянию; в этом случае делается явным, что может случиться то, что иной грешник и падший выходит лучше, чем прежде (4).

***

Подобно тому, как опытный врач, знающий время сечения раны, выжидает терпеливо удобного момента сечения, чтобы посредством подходящих лекарств поправить больного, таким же образом и Бог, хотя знает, что мы достойны многих наказаний, однако желает освободить нас чрез покаяние, хотя бы грехи наши были бесчисленны (4).

***

Покаяние — корень благочестия. Покаемся же и своим покаянием склоним Бога к тому, чтобы Он и положил конец войнам, и укротил варваров, и прекратил вражеские мятежи, и дал нам наслаждение всеми благами. Сильно умилостивляет Бога покаяние, если кто, искренно раскаиваясь, обращается к Нему (5).

***

Не расслабляй себя избытком долготерпения и не имей намерения навсегда отдаться удовольствиям. Не говори: пока еще понаслаждаюсь любовью, пока попользуюсь молодостью, немного спустя придет время покаяния, завтра покаюсь, во время старости буду беречь жизнь. Тщетны подобного рода рассуждения, дурны решения твоей воли, плохим советником служит для тебя твоя похоть. Ты говоришь: сегодня согрешу, а завтра покаюсь. Хозяин ли ты завтрашнего дня? Кто тебе поручится за завтрашний день? Если ты вникнешь, как следует, то окажется, что и сегодняшним днем ты вполне располагать не можешь: одна часть сегодняшнего дня прошла, а другая ведь еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: сегодня

я воспользуюсь удовольствием, а завтра покаюсь. То, что в твоих руках, ты отдаешь удовольствию, а то, что не твое, покаянию? Воспользуйся лучше моим советом: сегодняшний день отдай покаянию, а греху не оставляй даже и завтрашнего (9).

ПОКОЙ

Нам нужно наперед трудиться и изнуряться и потом уже искать покоя. Это всякий часто может видеть и в делах житейских. ... Как сеющий должен работать, трудиться, проливать пот и переносить холод, так и упражняющийся в добродетели. Ничему так не несвойствен покой, как человеку. Потому Бог и сделал путь его узким и тесным; даже не только дела добродетели, но и дела житейские Он соединил с трудом, и последние гораздо более. И сеятель, и строитель, и путник, и дровосек, и ремесленник, и всякий человек, если хочет приобрести что-нибудь полезное, должен работать и трудиться. И как семена имеют нужду в дожде, так мы в слезах. Как землю нужно пахать и копать, так и для души вместо заступа нужны искушения и скорби, чтобы она не произрастила худых трав, чтобы смягчилась ее жестокость, чтобы она не возгордилась. И земля без тщательного возделывания не приносит ничего здорового. Итак, смысл слов пророка следующий: нужно радоваться не только возвращению, но и плену, и за то, и другое исповедовать благодарность Богу. Это — сеяние, а то — жатва. Как сеющие после трудов пользуются плодами, так и вы, говорит, когда отошли в плен, были подобны сеющим, испытывали скорби, труды, изнурение, бедствия, переносили ненастье, войну, дожди, холод, и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, говорит, за эти труды получили воздаяние. Таким образом, когда он [пророк Давид] говорит: *уходящие уходили и плакали, бросая семена свои, а приходящие придут с радостью, собирая снопы свои* (Пс. 125, 6), то говорит не о хлебе, а о делах, научая слушателя не унывать в страданиях. Как сеятель не унывает, хотя ему предстоит много трудностей, представляя обильную жатву, так и страждущему не должно унывать, хотя бы много встретилось ему прискорбного, ожидая жатвы, представляя плоды, происходящие от страдания. Зная это, будем и мы благодарить Господа и за страдания, и за покой (2).

ПОМОЩЬ БОЖИЯ

Размышляя об этом, возлюбленные, и представляя себе человеколюбие нашего Господа, не будем нерадимы, но прежде всего и более всего позаботимся о самих себе, очистим скверну греховную, и затем уже обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько, когда мы сами [молим о себе]. Обрати внимание на величие благости Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестью, не имеем никакого дерзновения (перед Ним); но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и взывает: *разве, упав, не встают* (Иер. 8, 4)? (1)

***

Когда мы делаем все, что зависит от нас, тогда в обилии получаем и Божию помощь. Для того именно, чтобы мы не ленились и не оставались в бездействии, (Бог) хочет, чтобы и мы привносили что-нибудь от себя, а затем и Он являет Свое содействие. Не все бывает от помощи свыше, а нужно привнести что-нибудь и нам; и не требует от нас всего (Бог), зная крайнюю немощь нашу, а следуя Своему человеколюбию и желая иметь какой-либо повод к тому, чтобы показать Свою щедрость, Он ожидает посильных трудов и с нашей стороны (1).

***

Когда мы пользуемся попечением свыше, то не только можем избегать наветов злых людей, но если и лютые звери нападут на нас, мы не подвергнемся никакой беде. Владыка всяческих по преизбыточеству силы Своей изменяет и естество зверей и влагает в них кротость овечью, не отнимая у них природной лютости, но, оставляя при той же природе, заставляет проявлять свойства овец. И это можно видеть не на одних только зверях, но даже и на стихиях. Когда Он хочет, то и самые стихии забывают свойственную им силу, и огонь не обнаруживает свойств огня. Всякий может убедиться в этом из примера трех отроков и Даниила. Даниил, окруженный львами, не потерпел никакого вреда, находясь как бы

среди овец, потому что вышняя сила удерживала свирепость первых. А что они действительно остались зверями, не проявляя только своих зверских свойств, это на самом деле узнали те, которые были свирепее бессловесных зверей. И это было для большего обличения последних, потому что они, будучи почтены разумом, превзошли, однако, жестокостью и неразумных зверей. И они узнали на деле, что по действию Промысла Божиего и лютые звери убоялись праведника и не дерзнули коснуться тела его, а сами они хотели поступить с ним хуже, чем звери. А чтобы они не сочли такого явления только каким-либо призраком, пример вслед затем брошенных в ров уверил их, что только в отношении к праведнику они обнаружили кротость овец и забыли свою природу, а над брошенными после того показали свойства лютости. Подобное же произошло и в печи огненной. Стихия эта устрашилась тех, которые были в печи, среди огня, и не оказала над ними обыкновенных действий огня: сила ее, будучи как бы связана, невредимыми сохранила тела этих отроков, не коснулась даже волос их, как будто чье-либо повеление воспрепятствовало стихии обнаружить свойственное действие, а между тем находившихся вне печи она истребила, в том и другом проявляя величие силы Божией: как в том, что бывшие внутри печи остались невредимыми, так и в том, что находившиеся вне ее погибли. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то не только избавляемся от наветов людей, враждующих против нас, но если подвергнемся нападению и самых зверей — и тогда не потерпим никакого вреда, потому что рука Божия могущественнее всего, она отовсюду ограждает нашу безопасность и делает нас необоримыми (1).

***

Для избавления от окружающих меня зол для меня достаточно призвать Бога. Почему же мы часто призываем и не избавляемся от бедствий? Потому, что не призываем так, как должно призывать. А что Бог всегда готов подавать, об этом послушай, как Он сам говорит в Евангелии: *есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага*

просящим у Него (Мф. 7, 9–11). Видишь ли, какова Его благость, когда наша в сравнении с нею оказывается лукавством? Если же таков наш Господь, то будем всегда прибегать к Нему, и Его одного призывать в помощники, и найдем Его готовым спасать нас. Если потерпевшие кораблекрушение и несущиеся на досках, призывая людей, находящихся вдали, немедленно располагают их к человеколюбию, хотя не имеют с ними ничего общего, но стали известны им только по случившемуся несчастью, то тем более Бог человеколюбивый и по существу своему благий избавит находящихся в несчастии, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренно призвать Его, оставив надежды человеческие. Поэтому, когда ты подвергнешься какому-нибудь неожиданному бедствию, не падай духом, но тотчас восстань и прибегни к безмятежной пристани, несокрушимой защите, к помощи Божией. Он для того попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают и теряют бывшее у них благочестие, между тем как следовало бы поступать напротив. Он весьма любит нас, потому и попускает нам подвергаться скорбям, чтобы мы искреннее прилеплялись к Нему. Как матери, устрашая непослушных детей различными страшилищами, заставляют их прибегать к своим недрам и делают это не с тем, чтобы огорчать их, но чтобы привязать их к себе, так и Бог, всегда желая привязать нас к Себе, как сильно любящий или больше всякого любящего, попускает тебе впадать в такие нужды, чтобы ты постоянно упражнялся в молитве, постоянно призывал Его и, оставив все прочее, помышлял об Нем (2).

***

Бог может и из безвыходных обстоятельств доставить выход. Потому и говорит Премудрый: *от утра до вечера изменяется время, и все скоротечно пред Господом* (Сир. 18, 26). Не видишь ли, как вельможа остался голодным при изобилии (см. 4 Цар. 7)? Не видишь ли, как вдова имела довольство во время голода (см. 3 Цар. 17)? Когда обстоятельства твои делаются затруднительными, тогда особенно и надейся. Тогда особенно Бог являет силу Свою; не вначале, но когда человеческие средства окажутся безнадежными. Тогда — время божественной помощи. Потому и отроков Он избавил не вначале, но после их пребывания

в пещи; и Даниила избавил не прежде, чем он был ввержен, но по истечении семи дней. Итак, смотри не на свойство обстоятельств, приводящих в отчаяние, а на силу Божию, которая и безнадежному сообщает благие надежды (2).

ПОМЫСЛЫ

Будем заботиться, чтобы всегда иметь с собою Господа и чтобы Он всегда благопоспешал делам нашим. Кто удостоился этой помощи, тот и среди бед посмеется им и не поставит их ни во что, потому что Господь все творит для него и благоустрояет, во всем споспешествует ему и тяжкое делает легким. Как же можем мы всегда иметь с собою Господа и получать от Него благопоспешение во всем? Если мы будем всегда трезвиться и бодрствовать, будем помнить, что все должно делать с таким тщанием, чтобы никогда не подвергнуться осуждению от Господа, что никому невозможно укрыться от Его неусыпного Ока и что грешник непременно должен подвергнуться наказаниям. Не будем страха человеческого предпочитать гневу Божию, но будем всегда памятовать слова Иосифа: как сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом? Если какой-нибудь помысел смущает нас, то приведем себе на мысль это изречение — и всякое непозволительное пожелание тотчас исчезнет. Если бы кто-нибудь увлекался пожеланием плотским, или страстью к деньгам, или другим каким-либо безрассудным удовольствием, то пусть тотчас представит себе, что есть у нас Судия, от Которого не могут укрыться и тайные пожелания. [Поступая таким образом], мы совершенно избегнем козней диавола и получим свыше великую помощь (1).

***

Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов, пусть они лежат внизу и скоро заглохнут. Мы — люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов; но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавливаемые внизу, они ослабевали и погибали. Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хотя некоторый выход и хотя малую возможность дышать, то даст им большое послабление и не только не задушит их, но сделает еще более

свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их; а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел (4).

***

Как тот, кто допустил вражду в своем доме и живет не в согласии с своею женою, не будет иметь доверия, когда станет примирять других, но услышит слова: *врач! исцели Самого Себя* (Лк. 4, 23), так точно и мы услышим здесь. Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездравое учение, никакое плотское мудрование. Не видим ли мы, что если кто-нибудь из неприятелей будет пойман в городе, то судится, как соглядатай? Изгоним же пришельцев или, лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысел, враждебный нам, но прикрывающийся одеждой гражданина, предадим его начальнику — уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Как персы, сняв свою тиару, шаровары и обувь и надев другую одежду, употребляемую у нас, остригшись догола и говоря на здешнем языке, под этим внешним видом скрывают свою вражду, а если подвергнешь их пытке, то откроешь скрываемое, так и здесь: подвергни тысяче пыток этот помысел — и тотчас увидишь враждебное мудрование (10).

ПОРИЦАНИЕ

Будем избегать порицания. Нет греха тяжелее и вместе легче этого греха. Почему? Потому, что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает

человека невнимательного. Остальные грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто продолжительностью времени пресекаются. Например, решился ли кто убить, решился ли похитить или обратить в свою пользу чужое — ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет гибельную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое, но довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело — потому что здесь требуется к услугам только язык. Потому, если это зло быстро, если этот грех легко приражается, если тяжко за него наказание и мучение, а пользы никакой, ни великой, ни малой, то будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещевать согрешающих, как и Господь говорит: *если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним* (Мф. 18, 15). Негласность обличений сделает более легким и врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран; не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их, а пчелы летают по цветам. Поэтому последние делают соты, а первые причиняют боль телам, на которые садятся; эти отвратительны, а те вожделенны и достолюбезны. Будем же, поэтому, заставлять свою душу летать по лугу добродетели святых и непрестанно распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. Но, если и увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братиями. Когда же они ничего такого не послушаются, то назовем их мухами, чтобы хотя унизительность этого названия удержала их от дурного занятия, чтобы, оставив это дурное занятие, они употребляли весь свой досуг на рассматривание собственных пороков. Таким образом, и падшие восстанут, припоминая свои грехи не разглашенные, и, непрестанно помышляя о собственных пороках, легко отстанут от них, чрез воспоминание о прежних грехах сделавшись более медленными к совершению

остальных, и постоянно представляющие добродетель святых получат величайшую ревность подражать им. А когда чрез все это будет исправлено целое тело нашей Церкви, то мы будем в состоянии всею полнотою ее войти в Царство Небесное (4).

ПОРОК

Порок доставляет кратковременное удовольствие и продолжительную скорбь, а добродетель — кратковременный труд и продолжительную пользу, а вместе удовольствие. Например, помолился ты Богу, поплакал и поскорбел несколько времени на молитве или даже забавлялся целый день, но потом подал милостыню, попостился, сделал какое-либо другое доброе дело или, будучи обруган, не отплатил ругательством; сдержав себя таким образом и обуздав свою страсть на одно мгновение времени, ты затем веселишься и радуешься непрестанно, вспоминая о своих добрых делах. А с пороком — совсем иначе: выбранил кто [другого], отплатил [другому] бранью? Пришедши домой, он снедает сам себя, размышляя о словах своих, которые не раз причиняли великий вред. Итак, если ищешь удовольствия, то похотей юных бегай (см. 2 Тим. 2, 22), сохраняй целомудрие и слушай внимательно Слово Божие (1).

***

Если человек, причиняющий нам вред, будет даже облечен в диадему, не станем дорожить и дружбою, потому что нет ничего хуже человека, преданного порокам, хотя бы он был царем; и напротив, нет ничего выше человека, стяжавшего добродетель, хотя бы он был узником... Кто предается покаянию и бывает услышан Богом, тот легко может достигнуть и этого блага — избегать общения с людьми порочными. *Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно* (Пс. 6, 11). Это желание заключает в себе великую пользу т.е. чтобы они устыдились и возвратились назад, потому что если идущие худо устыдятся и возвратятся назад, то отстанут от пороков. Как мы, видя человека, стремящегося к пропасти, удерживаем его от дальнейшего стремления и говорим: «человек, куда ты стремишься? — пред тобою пропасть», так точно и пророк желает, чтобы злые возвратились назад. Так и взбесившаяся лошадь,

если кто-нибудь скоро не удержит ее, скоро погибает. Так и врачи с великой поспешностью стараются остановить дальнейшее распространение яда какого-нибудь ядовитого животного, часто заражающего все тело, пресекая происходящий от него вред. Так точно будем поступать и мы, будем с великой поспешностью истреблять в себе порок, чтобы эта болезнь, развиваясь, не усилилась. Греховные раны, будучи оставляемы в пренебрежении, делаются больше и не ранами только ограничиваются эти болезни и немощи, а рождают бессмертную смерть, тогда как, будучи исторгаемы вначале и когда еще малы, они не сделаются и великими. Смотри: кто старается не обижать, тот не будет ссориться; кто не знает ссор, тот будет сохранять дружбу; кто сохраняет дружбу, тот не будет иметь врагов; кто не имеет врагов и питает любовь, тот исполнит всякую добродетель. Не будем же пренебрегать началом зол, чтобы они не возросли больше. Иуда, если бы остановил свое сребролюбие, не дошел бы до святотатства; а если бы удержался от этого, то не достиг бы величайшего зла. Потому и Христос запрещает не только блуд или прелюбодеяние, но и нескромный взгляд, истребляя порок в самом корне, чтобы легче можно было преодолеть его (см. Мф. 5, 28). Так Бог поступал и с иудеями, хотя более чувственно и прообразовательно, — потому что говорил к людям плотским, — однако поступал. Как и каким образом? Он не дозволял делать между рабочими животными какого-нибудь смешения различных родов (см. Втор. 22, 10); не дозволял есть кровь бессловесных животных (см. Лев. 17, 10); не дозволял удерживать залогов после вечера (см. Втор. 14, 12), предотвращая таким образом важные преступления, именно: первым — мужеложство, вторым — убийство, третьим — жестокость и бесчеловечие. А ныне все делается открыто и с великим бесстыдством — потому и извратилось все. Итак, когда в тебе зародится малая страсть, не смотри на то, что она мала, но представь, что она, будучи питаема, производит величайшие бедствия. В доме, когда мы видим загоревшимся малый клочок льна, то смущаемся и поднимаем шум, потому что смотрим не на начало, а от начала заключая к концу, беспокоимся и бегаем, чтобы погасить пожар. Но сильнее огня распространяется в душе порок; поэтому нужно предупреждать его. Если мы останемся беспечными, то труднее

будет исправление. То же можно видеть и на корабле: плывущие не тогда начинают беспокоиться, когда море уже чрезмерно взволновалось, но когда видят, что оно готово взволноваться. Не будем же оставаться беспечными при малых грехах, но станем истреблять их с великой силою, чтобы избегнуть больших, и сподобиться будущих благ (2).

***

Самое ужасное действие порока состоит в том, что впавшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели, напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями, потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желают истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние — приспешники будущих, а лучше — не только приспешники, но родоначальники тех, никогда не умирающих червей, по сказанному: *червь их не умирает* (Мк. 9, 44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасающую. Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол, угасим пещь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски (11).

***

Если мы изгоним из себя порок и поселим в себе добродетель, этим ясно научим, что порок не есть природное зло, а спрашивающим, откуда зло, мы легко сможем заградить уста не словами только, но и делами, когда явимся пред ними свободными от их пороков, хотя имеем одинаковую с ними природу. Не на то станем смотреть, что добродетель трудна, а на то, что возможно в ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будет и легко нам, и удобно. Если ты говоришь мне о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни. Но лучше, если угодно, рассмотрим порок и добродетель без отношения к их концу; мы увидим, что порок сам в себе заключает большую печаль, а добродетель заключает удовольствие. Скажи мне, в самом деле, что тяжелее худой совести? Что прекраснее доброй надежды? Ведь

ничто, ничто обыкновенно так не мучит и не угнетает нас, как ожидание худого; ничто столько не поддерживает и едва не окрыляет, как добрая совесть. Это можно узнать и на основании событий, происходящих пред нами. Так, обитающие в заключении и ожидающие осуждения, хотя бы наслаждавшись бесчисленными удовольствиями, живут беспокойнее тех нищих, которые ходят по улице, но не сознают за собою ничего худого, потому что ожидание бедствий не позволяет испытывать настоящих удовольствий. И что говорить о заключенных? Трудолюбивые ремесленники, занимающиеся работами в течение целого дня, находятся в гораздо лучшем настроении, чем люди свободные и богатые, но сознающие за собою что-либо худое. Потому мы считаем жалкими и гладиаторов; хотя мы и видим, что они упиваются, веселятся и едят в корчемницах, однако называем их несчастнее всех, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходит эти удовольствия. Если же такая жизнь им и кажется приятною, то припомните то, о чем я неоднократно говорил вам, — что нет ничего удивительного, когда живущий в пороке не избегает неприятности и муки порока. И вот дело, достойное только проклятия, представляется любезным для тех, кто участвует в нем. Но мы не ублажаем их за это, а напротив, вследствие именно этого считаем несчастными, потому что они и сами не сознают, в каких бедствиях находятся. Что, например, сказать о прелюбодеях, которые для ничтожного удовольствия подвергаются позорному рабству, трате имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведут жизнь Каина и даже еще более тяжелую, потому что боятся настоящего, трепещут будущего, подозревают друзей и врагов, знающих и ничего не знающих. Даже и во время сна они не освобождаются от этого мучения, так как нечистая совесть создает у них страшные сновидения и этим пугает их. Но не таков человек целомудренный: он проводит настоящую жизнь в радости и совершенной свободе. Итак, сравни ничтожное удовольствие с бесчисленными волнениями этих ужасов, а кратковременный труд воздержания с спокойствием целой жизни — и ты увидишь, что последний приятнее первого. А желающий похитить и присвоить себе чужое имение, тот, скажи мне, разве не переносит бесчисленные

труды, непрестанно бегая, обманывая лестью рабов, свободных, придверников, устрашая, грозя, поступая бесстыдно, проводя без сна ночи, дрожа, мучаясь и всех подозревая? Но не таков тот, кто пренебрегает деньгами. Он опять наслаждается полным удовольствием, живя без страха и в совершенной безопасности. А если кому угодно рассмотреть и прочие виды порока, то везде увидит большое смятение, множество подводных камней. Всего же важнее то, что в добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается; в пороке же все бывает наоборот — за удовольствием следуют болезни и мучения, так что от этого и самое удовольствие пропадает. Как ожидающий венцов нисколько не чувствует настоящей тяжести, так и ожидающий наказаний после удовольствия не может пользоваться чистой радостью, потому что страх все приводит в смятение. А вернее, если внимательнее исследовать, то можно найти, что у порочных еще прежде наказания, определенного за худые дела, возникает большое мученье в тот момент, когда они отваживаются на худое (11).

ПОСТ

Когда мы расстаемся с гостем, который провел с нами несколько дней и с которым мы радушно делили беседу и стол, то на другой день после его ухода при виде накрытого стола тотчас вспоминаем о нем и о взаимной беседе, и обращаемся к нему с горячей любовью. Так же точно поступим и по отношению к посту. Он пробыл с нами сорок дней; мы приняли его радушно и затем проводили. Намереваясь теперь предложить духовную трапезу, вспомним о нем и обо всех благах, принесенных им нам. Ведь не только самый пост, но и воспоминание о нем может принести нам весьма большую пользу. Как те, кого мы любим, доставляют нам большое удовольствие не только тогда, когда бывают у нас, но и тогда, когда мы вспоминаем о них, так и дни поста с их собраниями, общими собеседованиями и другими добрыми плодами, какие мы получали от него, радуют нас и при воспоминании; если мы вспомним обо всем этом, то получим и в настоящее время большую пользу. Говорю это не с тем, чтобы принудить вас к посту, но чтобы убедить вас не увлекаться развлечениями и

не вести себя как большая часть людей, если только следует назвать людьми этих малодушных, которые, как бы освободившись от уз и вырвавшись из какого-нибудь тяжкого заключения, говорят друг другу: «наконец-то мы переплыли это скучное море поста». А другие, более слабые, боятся уже и за будущую Четыредесятницу. Это происходит оттого, что во все остальное время они без меры предаются забавам, роскоши и пьянству. Если бы мы все прочие дни постарались проводить честно и скромно, то и прошедший пост вспоминали бы с любовью, и предстоящий приняли бы с большим удовольствием. В самом деле, каких только благ не доставляет нам пост? Везде тишина и светлое спокойствие. Дома разве не свободны от шума, беготни и всякой тревоги? А еще прежде домов спокойствие наполняет самые души постящихся; да и во всем городе водворяется такое же благоустройство, какое бывает в душах и в домах: вечером не слышно поющих, днем не заметно шумящих и пьянствующих; нет ни крика, ни драки, но везде полное спокойствие. А теперь не так, но с самого раннего утра — крик, шум, беганье поваров, большой чад как в домах, так и в мыслях, оттого, что развлечениями внутри нас разжигаются страсти и раздувается пламя порочных пожеланий. Поэтому мы должны жалеть о прошедшем посте, так как он все это сдерживал. Пусть мы сложили с себя самый труд поста, но не прекратим любви к нему и не изгладим памяти о нем. Когда ты, пообедав и отдохнув, выйдешь на площадь и увидишь, что день склоняется к вечеру, то, вошедши в эту церковь и приблизившись к амвону, вспомни о времени поста, когда церковь была полна народа и у всех было сильное желание слушать, была живая радость и возбужденная мысль; представив все это, вспомни о тех вожделенных днях. Когда велишь подавать на стол, принимайся за пищу с воспоминанием о посте — и никогда не впадешь в невоздержание. Как имеющий жену степенную, целомудренную, благородную и питающий к ней пламенную любовь, и в ее отсутствии не может полюбить женщину развратную и распутную, потому что любовь к первой заполняет его душу и не позволяет войти в нее другой страсти, так бывает с постом и с невоздержанием: если помним о первом — благородном

и целомудренном, то последнее — эту публичную блудницу и мать всякого бесстыдства, то есть невоздержание, отгоним от себя весьма легко, потому что любовь к посту сильнее всякой руки отталкивает бесстыдство невоздержания. По всему этому, прошу вас всегда помнить о тех днях (1).

***

Если не исполняется то, что соответствует посту, то пост не приносит никакой пользы. Точно также и девство без любви пренебрегается. Хотя оно и тяжко, хотя пост и велик, однако Бог не требует такого труда; но то и другое угодно Ему тогда, когда приносит плод. Некто когда-то говорил: *пощусь два раза в неделю* (Лк. 18, 12), и тем не менее не имел никакой пользы. Посты установлены ради того, чтобы мы воздерживались от изнеженности и обретались готовыми для милосердия; если кто не делает этого, то труды его тщетны (4).

***

Тело через пост освящается; душа, если ее не питать, гибнет. Пусть же тело постится постом воздержания от грехов, а душа насыщается божественным учением. Нельзя тебе есть хлеб Христов и хлеб слез, как и Павел говорит: *не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской* (1 Кор. 10, 21). Итак, постящемуся нужно воздерживаться от пищи, но прежде всего — от грехов. Подлинно, и Ангелы каждый день замечают, кто решил воздерживаться от корыстолюбия, или блуда, или неправды. Такие посты и Ангелы записывают, и Бог сокровиществует. Подобно тому, братие, как начальники, приняв просьбы на царское имя, все представляют царю, так и Ангелы обо всем происходящем сообщают Богу, не научая Его как бы неведущего, а исполняя служебный долг творения. Я назвал бы в тысячу раз блаженнейшим ядущего, чем постящегося и творящего неправду. Говорю это не для того, чтобы уничтожить пост, а чтобы призвать к благочестию. Не еда — зло, а грех — зло, почему Бог и говорит о некотором праведнике: *разве отец твой не ел, и сотворил волю Мою*, и в другом месте: *пост четвертого месяца и пост пятого, и пост седьмого, и пост десятого соделается для дома Иудина радостью и веселым торжеством; только любите истину и мир* (Зах. 8, 19) (5).

***

Не оказывается ли пост именно тем мечом посекающим, который охраняет доступ в Царство Небесное? Тех, которые не соблюдать его со скромностью и кротостью, он посекает, а пред теми, которые исполняют его по чистой совести, он не только отступает с готовностью, но и указывает им путь к беспечальной жизни, неомрачаемой радости и безболезненному наслаждению и доставляет в воздаяние бесчисленные блага (5).

***

Хотя и рассказывают про некоторых, что они и без поста изгоняли бесов, однако быть не может, чтобы человек, живущий среди утех, избавился от такого недуга: нет, страждущий таким недугом имеет особенную нужду в посте. Ты скажешь: если нужна вера, для чего же еще нужен пост? Для того, что, кроме веры, и пост много придает крепости; он научает великому любомудрию, человека делает Ангелом и укрепляет противу сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе — нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какие блага происходят от этих двух добродетелей. Тот, кто молится, как должно, и притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню. Кто постится, тот становится легким, и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, — то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехи. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то, по крайней мере, можешь не роскошествовать, а и это немаловажно и не далеко от

прощения и может укротить неистовство дьявола (7).

***

Пост не имеет понятия о долгах, трапеза постящегося не напоминает о лихве, дети того, кто соблюдает посты, не душат сирот и не сплетают им сетей как пауки. С другой стороны, пост является источником удовольствия. Ведь как томящийся жаждой находит всякое питье приятным, и с голоду кажется вкусным и самый простой обед, так и пост заставляет ценить последующее разрешение на пищу. Занимая средину и прерывая сплошное наслаждение пищей, он является для тебя приятной переменой, подобно тому, как для путешественника перерыв пути (9).

ПОХВАЛА

Скажи мне, в самом деле, какая может быть польза от народных похвал? Когда наступает вечер, тотчас прекращается весь этот шум и рукоплескания; когда пройдет праздник, остаются без всякого удовольствия; повеселившись, как будто во сне, и не находя, несмотря на свои поиски, радости, которую доставил им венок, или блестящая одежда, или какая-либо другая роскошная вещь: все это пробежало мимо них быстрее ветра. А жизнь небесная совсем не такова: не требуя издержек, она приносит нам великую и верную пользу. Ведущему такую жизнь рукоплещут постоянно — не люди нетрезвые, а сонм Ангелов. Что говорю: сонм Ангелов? Сам Владыка Ангелов похвалит и прославит его. А кого хвалит Бог, тот не один, не два и не три дня, но вечно торжествует с венцом на голове, и никогда не увидишь его голову лишенною этой славы. Время этого торжества не ограничено определенными днями, а продолжится в бесконечность будущего века. К тому, чтобы совершилось это служение, никогда не может служить препятствием бедность; напротив — и бедному можно совершить его, бедному даже всего удобнее, как свободному от всякого житейского блеска, потому что здесь нужны не денежные траты и не богатство, а чистая душа и умная мысль; ею изготовляются для души одежды, потребные для такой жизни, и сплетается венец, так что если она не будет украшена добродетелями, то множество золота не принесет ей никакой пользы, как не повредит нисколько и бедность, если она имеет внутреннее богатство. Это

служение пусть совершают и у нас не только дети мужеского пола, но и дочери. К нему призваны не одни мужчины, как это бывает в мирских делах; на это зрелище принимаются и жены, и старцы, и юноши, и рабы, и свободные (1).

***

Не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их, кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их дьявол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них, и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками (6).

***

С чем сообразно, что тогда как Христос претерпел за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже слов! Он подвергается

оплеванию, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не от всех слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не в жизнь. Он терпит поношение, переносит насмешки и позорные удары по ланитам, а ты хочешь, чтобы тебя все почитали, и не переносишь поношения Христова (9).

***

Приговор и суд народа ошибочны, к тому же и скоро исчезают. На час они удивляются, а как скоро миновало время, обо всем забыли; венец, дарованный тебе Богом, похитили, а своего сохранить для тебя не сумели. Даже если бы людской венец остался у тебя, то было бы весьма жаль променять его на венец Божий; а когда и его не останется, то какое оправдание мы будем иметь в том, что за преходящее отдаем непреходящее и за похвалы немногих теряем столь великие блага? И хотя бы многие воздавали тебе похвалы, все они достойны сожаления, и тем больше, чем больше число людей, делающих это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, как Сам Христос подтверждает это: *горе вам*, — говорит он, — *когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26). И совершенно справедливо. Если во всяком искусстве судьями следует избирать художников, то, как же ты оценку добродетели вверяешь толпе, а не тому, кто больше всех сведущ в этом, кто может и одобрить, и увенчать? Итак, напишем слово Христово на стенах, на дверях и в сердце, и постоянно будем говорить сами себе: *горе* нам, *когда будут говорить о вас хорошо* нам *все люди*, потому что и те самые, которые говорят о тебе хорошо, впоследствии осуждают тебя, называя тщеславным, честолюбивым, пристрастным к людским похвалам. Но не так делает Бог. Когда Он увидит, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалит тебя, удивится и возвестит о тебе. А человек не так, но, считая тебя не свободным, а рабом и часто угождая тебе ложной похвалой, состоящей в пустых словах, обыкновенно похищает у тебя истинную награду и подчиняет тебя себе больше, чем купленного раба. Ведь господа имеют рабов для того, чтобы они слушались их в том, что приказано, а ты служишь и без приказаний. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь от них, но как только узнаешь, чем можно угодить им, все делаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же ге-

енны достойны будем мы, которые услаждаем дурных людей и служим им прежде, нежели прикажут, а вовсе не слушаем Бога, несмотря на то, что Он ежедневно нам приказывает и увещевает? Если ты любишь славу и похвалы, то избегай похвалы человеческой и тогда приобретешь славу; уклоняйся от людских одобрений и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и у людей. Ведь и мы обыкновенно больше всего прославляем того, кто презирает славу, обыкновенно хвалим и удивляемся тому, кто ни во что ставит похвалы и удивление; если же мы так поступаем, то тем более Бог всяческих. А когда Бог восхвалит тебя и прославит, кто может быть счастливее тебя? В самом деле, каково различие между славой и бесчестием, таково же различие между славой небесной и человеческой, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности. Если же человеческая слава ни с чем не сравнима, постыдна и безобразна, то рассуди, какой окажется ее гнусность, когда сопоставим ее со славой небесной (11).

***

Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения, а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что когда воздает похвалу ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью (12).

***

Мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам, это значит оскорблять Его. Как борцы, действующие на малом зрелище, ищут большего, считая первое недостаточным для своего отличия, так и подвизающиеся в очах Божиих, а потом ищущие славы от людей, оставляя большее, домогаются меньшего и тем навлекают на себя великое наказание. Оттого и извратилось все, оттого и произошло смятение во всей вселенной, что мы все делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на суд и нисколько не помогут нам; а Бог, на которого мы теперь не обращаем внимания, произнесет Свой приговор

над нами. Мы знаем это и, однако, не перестаем искать внимания людей: вот наш главный грех! Пред очами человеческими никто не решится прелюбодействовать, но, как бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побеждается стыдом человеческим; а пред очами Божиими не только совершают блуд и прелюбодеяние, но дерзали и дерзают и на другие грехи, еще более тяжкие. Это уже одно разве не способно низвести на нас громы небесные? Но что я говорю о блуде и прелюбодеянии? Грехи гораздо более легкие делать пред людьми стыдимся, а пред Богом — нет. Оттого и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избегаем дел добрых, которые не кажутся таковыми людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других (12).

ПОХОТЬ

Ужели не боишься ты, человек, одними и теми же глазами смотреть и на сцену в театре, где представляются гнусные действия прелюбодеяния, и на эту священную трапезу, где совершаются страшные таинства? Одними и теми же ушами слушать и сквернословящую блудницу, и поучающего тебя пророка и апостола? Одним и тем же сердцем принимать и смертоносный яд, и страшную и святую жертву? Не отсюда ли развращение жизни, расстройство брачных союзов, распри и ссоры в семействах? В самом деле, когда ты, возбужденный тамошним зрелищем, сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь свою жену, тебе совершенно неприятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись на зрелищах похотью и пленяясь чужим обольстительным лицом, ты не ценишь целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков — не потому, чтобы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттуда домой; сплетаешь другие предлоги, отыскивая безумные поводы к ссоре; с отвращением смотришь на всех домашних, предавшись совершенно той гнусной и нечистой похоти, которой уязвлен, и, нося в душе запавший в нее звук голоса, поступь, взгляд, движения и все образы блудные, ни на что домашнее не

смотришь с удовольствием. И что говорю о жене и доме? На самую Церковь будешь смотреть с большим неудовольствием, а слова о целомудрии и чистоте слушать с досадой; они являются для тебя не поучением, а осуждением; впав мало-помалу в отрицание, наконец, ты совсем удалишься от этого общеполезного учения. Поэтому прошу всех вас о том, чтобы и сами вы избегали гибельного пребывания на зрелищах и посещающих отвлекали от них. Ведь все, что бывает там, доставляет не развлечение, а гибель, муку и осуждение. Что пользы в этом кратковременном удовольствии, когда от него происходит постоянная скорбь, и ты, днем и ночью уязвляемый похотью, для всех становишься тягостным и неприятным? Посмотри на самого себя, каков бываешь ты по возвращении из церкви и каков по выходе из театра; сравни оба эти дня — и тебе не будет нужды в наших словах (1).

***

Как томимый непрестанной жаждой, хотя бы перед ним были тысячи источников, не извлекает из того никакой пользы, не имея возможности угасить болезни, так бывает и с человеком, непрестанно живущим в похотях. Но если будешь ограничиваться потребным, то никогда не подвергнешься такой горячке, но освободишься от всего этого — и от пьянства, и от распутства. Потому, ешь столько, сколько нужно для утоления голода, одевайся так, чтобы быть только прикрытым, не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабой, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение. Итак, чтобы плоть твоя была прекрасной колесницей души, чтобы кормчий безопасно сидел у кормила, чтобы воин легко мог владеть оружием, наблюдай во всем благочиние. Не тот, кто много имеет, но тот, кто немногим удовлетворяется, бывает непобедимым. Первый, хотя бы и не потерпел обид, боится, а последний, хотя бы и был обижен, останется в лучшем расположении духа, чем не обиженный, и потому будет благодушнее. Потому не о том будем стараться, чтобы никто не обижал нас, но о том, чтобы не мог сделать нам обиды и тот, кто бы захотел. А этого не иначе возможно достигнуть, как ограничивая себя одним необходимым и не желая большего (11).

ПРАВЕДНИКИ

Посмотри, как прост и неизыскан был образ жизни праведников, с каким удобством они совершали свои переселения, устрояли свою жизнь, как странники и пришельцы, и то здесь, то там водружая свои палатки, как бы всю жизнь проводили в чужой стране. Не так делаем мы. Живя в чужой стране, как будто в отечестве, мы воздвигаем великолепные дома с портиками и галереями, приобретаем во владение поместья, строим роскошные бани и еще многое другое без числа. Посмотри же, как у праведника все имущество заключается в домочадцах и в стадах, и как нигде он не имеет постоянного жилища, но то в Вефиле ставит свою палатку, то под дубом мамврийским, то переходит в Египет, а теперь переселяется в Герары, и все это переносит с благодушием и за все воздает искреннее благодарение своему Господу. После столь великих обетований и благовестий, данных ему от Бога, видя себя окруженным такими [тяжкими] обстоятельствами, подвергаясь многим и разнообразным искушениям, он оставался непоколебим, как адамант, постоянно показывал в себе дух благочестивый и среди всех препятствий нисколько не ослабевал в деятельности. Посмотри и теперь, возлюбленный, какое искушение постигает его в Герарах, и подивись твердости праведника в добродетели. Это искушение ни для кого не выносимое, так что иной не мог бы и слышать о нем, он перенес без огорчения, не требуя от Господа отчета в случившемся, как делают многие люди, будучи притом сами обременены бесчисленным множеством прегрешений. Они, когда подвергаются каким-нибудь скорбям, тотчас предаются беспокойству и пытливости и спрашивают: для чего случилось то и то? Для чего это попустил Бог? Но не таков был праведник: за то тем большую и получал он помощь свыше. Именно таково свойство истинно благомыслящего раба — не испытывать того, что от Господа бывает, а принимать от Него все в безмолвии и с благодарением (1).

***

Убеждаем любовь вашу тщательно внимать тому, что говорится, постоянно сохранять это в памяти и непрестанно содержать в уме, размышляя о подвигах терпения праведников, о великодушии, о вере их в божественные обетования, когда они не

колебались умом вследствие того, что происходило после обетований, но, твердо уповая на всемогущество Обетовавшего им, кротко переносили все и через это возвеличивались. Вот и праведник, столько лет оплакивавший Иосифа, как умершего, наконец, увидел его управляющим египетским царством; и досточудный Иосиф после рабства, после заключения в темнице, после всех других страданий, им претерпленных, получил начальство над целой страной. И, если мы проследим все заключающиеся в Писании повествования, то найдем, что все добродетельные мужи шествовали путем искушений и только таким образом получали свыше великую помощь. Поэтому если и мы хотим удостоиться благоволения Божия, не будем нетерпеливы в искушениях, не будем унывать, когда они постигают нас; но лучше будем радоваться и веселиться, укрепляя себя верой и зная, что тем большим будем наслаждаться Промышлением Божиим, если решимся все переносить с благодарением (1).

***

Добродетель и сама по себе трудна и неудобоисполнима, но особенно тогда, когда исполняющий ее находится среди малого числа людей добрых. Как путешествие бывает трудно особенно тогда, когда путешественник один и не имеет никого своим спутником, так точно и здесь. Действительно, немаловажное дело — участие и утешение братий. Потому и Павел говорит: *будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам* (Евр. 10, 24). Потому и древних праведников особенно нужно ублажать не только за то, что они совершали добродетели, но и за то, что совершали их при великом оскудении добродетелей, когда нигде не видно было добродетельных. Это выражает и Писание, когда говорит: *Ной был человек праведный и непорочный в роде своем* (Быт. 6, 9). Мы удивляемся Аврааму, Лоту, Моисею потому, что они были как бы звездами среди глубокой ночи, розами среди терний, овцами среди множества волков, шли по пути, противоположному всем, и не останавливались. Если в толпе это бывает трудно, и когда многие идут в противоположную сторону, то один, идущий вопреки толпе, встречает многочисленные затруднения; если во время мореплавания, когда волны несутся в противоположную сторону, бывает трудно направлять корабль

им на встречу, — то тем более в добродетелях (2).

***

Многие радуются, когда другие падают, и завидуют, когда они восстают, предаваясь той и другой страсти от жестокости и бесчеловечия. Но не таковы праведники; свободные от той и другой страсти, милостивые и человеколюбивые, они приобретают противоположные тому добродетели; как первые от жестокости своей впадают в ту и другую страсть, так последние по человеколюбию сострадают страждущим и сорадуются радующимся (3).

ПРАЗДНИКИ

Где поучение и молитвы, где благословения отцов и слушание божественных заповедей, где собрание братий и союз искренней любви, где беседа с Богом и беседа Бога с человеками, — там как не быть празднику и торжеству? Праздник делает обыкновенно не многочисленность, а добродетель собирающихся, не драгоценность одежд, а красота благочестия, не обилие трапезы, а душевное усердие. Величайший праздник — добрая совесть. Как во время мирских праздников: кто не может ни одеться в светлую одежду, ни устроить более обильную трапезу, но живет в бедности, в голоде и в крайних бедствиях, — для того и праздник не в праздник, хотя бы весь город он видел ликующим, и даже тем более скорбит и сокрушается, чем более видит других в удовольствии, а себя в бедности; и как, напротив, для богача, живущего в веселии, могущего каждый день переменять одежды и наслаждающегося великим благоденствием, праздник и тогда, когда нет праздника, — так и в делах духовных: кто живет в правде и добродетели, тот и без праздника празднует, получая чистую радость от своей совести; а кто живет в грехах и в пороке и сознает за собою много злого, тот и в праздник менее всех празднует. Таким образом, можно и нам, если захотим, праздновать каждый день, если будем заботиться о добродетели и хранить в чистоте свою совесть (1).

***

Для христиан всякое время есть время праздника по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын Божий сделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в Царствие. Получив

и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: *радуйтесь всегда в Господе*; радуйтесь, *и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4, 4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. *Царство Небесное*, — говорит [Господь], — *подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего* (Мф. 22, 2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестием, то подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак (12).

ПРАЗДНОСТЬ

Говорю о тех, которые утучняют тело свое роскошью, будучи по природе не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду светлые лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берет молот, каждый ремесленник — свойственное ему орудие, и все принимаются за свое дело; жена берет пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему негодны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимаются за дело. А он, восстав с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается потягиваясь, поистине как откормленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке [сна]. Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть [утра]. Затем украшает себя и выходит — воплощенное безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни

от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дошедши до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же приятное, то легкомысленнее всякого дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотою. Он готов подчиниться всем желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и все. Все ему льстят, все услуживают, еще более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шелковые одежды не приносят ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь не годны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека: и домашним, и друзьям, и родным. Не справедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир, или, лучше — не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в [такой жизни], где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз — постоянно звать, сидя на площади и взирая на проходящих? Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным, и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие противно ее природе. Не будем указывать на больных, но возьмем в доказательство сам опыт. Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и не надлежащая деятельность. Подобно тому, как если бы кто не стал есть ничего, то повредил бы свои зубы, и если бы стал есть не надлежащее, то произвел бы в них оскомину, —

так точно и здесь: если не делает ничего или делает, чего не должно, то теряет свою силу. Потому постараемся избегать того и другого, и праздности, и такой деятельности, которая хуже праздности. Какая же это деятельность? Любостяжание, гнев, зависть и прочие страсти (10).

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ

Павел в своем Послании к Евреям, так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Святостью он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своею женою и не падать с другою. А кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в Царство Небесное; а тут уже не блуд, но гораздо более — прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женою, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой не наследует Царства, но будет ввержен в геенну. Послушай, что о таких людях говорит Христос: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44). Подлинно, для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует с другою, потому что это уже невоздержанность. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своею [женою], но имеет еще связь и с другой? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволяется сопрягаться с другою, потому что это — прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто, имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. [Прелюбодей] не столько вредит жене, сколько самому себе. Этот грех столько тяжек и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает; а когда она оставит прелюбодея — не наказывает. Видишь ли, какое это зло? Если какая-нибудь верная *жена*, говорится, *имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его* (1 Кор. 7, 13). Но о блуднице не так сказано, а что?

Кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать (Мф. 5, 32). Если чрез сожитие [муж и жена] составляют одно тело, то и живущий с блудницей необходимо становится одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого [мужа]? Или каким образом она соединит с собою член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистою: *ибо неверующий муж,* — сказано, — *освящается женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Но о блуднице не то сказано, но что? *Отниму ли члены у Христа, чтобы сделать [их] членами блудницы* (1 Кор. 6, 15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на сожительство с неверным, а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех — прелюбодеяние, и тяжкий, и готовящий нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и великим трепетом и всех равно опасается — и рабов и свободных. Поэтому, умоляю вас, потщитесь освободиться от этой болезни. Если не послушаетесь, то не входите в эти священные преддверия. Овцам, покрытым язвами и зараженным болезнью, не следует пастись вместе с овцами здоровыми; их должно отгонять от стада, пока не освободятся от своей болезни. Мы сделались членами Христовыми — не будем же членами блудницы! Здесь не распутный дом, но Церковь; и если у тебя члены блудодейцы, то не стой в церкви, чтобы не бесчестить этого места. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказания — и в этом случает, как ты после тех договоров и брачных светильников, после того законного ложа, после чадородия, после такого общения — как ты можешь дозволить себе прилепляться к другой? Как не стыдишься и не краснеешь? Разве не знаешь, что многие осуждают даже и тех, которые вводят к себе другую жену по смерти своей [первой] жены, хотя это дело и не заслуживает наказания? А ты еще при жизни своей жены берешь себе другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о таких людях: *червь их*, говорит, *не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44). Устрашись этой угрозы! Убойся

такого наказания! Не так велико здесь удовольствие, как велико там наказание (8).

ПРИМИРЕНИЕ

Павел, побуждая нас к примирению, сказал: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Как Христос побуждает нас к примирению, указывая время жертвы, так и Павел увещевает нас к тому же самому, указывая на время дня. Он страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигнув в уединении человека, терзаемого гневом, еще более не растравила его раны. В продолжение дня многие могут и отвлекать, и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и вдается в думы, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большей яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы, примирившись, встречали ночь, чтобы дьявол не воспользовался нашим уединением и не разжег сильнее пещь гнева. Подобным образом и Христос не терпит ни малейшего отлагательства, чтобы по совершении жертвы принесший ее не сделался беспечнее и не стал бы отлагать примирения со дня на день. Он знал, что эту страсть надобно погашать как можно скорее. Как мудрый врач предлагает не только предохраняющие от болезни средства, но и служащие к ее изменению, так поступает и Христос. Запрещение называть другого безумным есть врачевство, предохраняющее от вражды, а повеление примириться с ближним служит к удалению болезней, возникающих после вражды. Смотри, с какою строгостью Он предписывает исполнять то и другое. Там угрожает геенною, а здесь прежде примирения не хочет принять и дара и тем показывает, как велик гнев Его против враждующих. Таким образом Он исторгает и корень, и плод его. Сперва говорит: не гневайся; а потом — не произноси ругательных слов, поскольку одно усиливается другим — от вражды возрастает ругательство, от ругательства вражда. Потому-то Он сперва истребляет корень, а потом и плод, не дает возникнуть злу в самом начале; если оно уже возрастает и приносит пагубный плод, то сжигает его совершенно. С тою же целью вслед за упоминанием о суде, сонмище, геенне и наставлением касательно принесения жертвы, Христос присовокупляет еще следующее: *мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним* (Мф. 5, 25). Не говори:

что же мне делать, если меня обижают, если отнимают от меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он меня сильнее и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не примиришься с ним и принужден будешь идти в темницу? Примирившись, ты уступишь имение, но зато тело твое будет свободно; а когда подвергнешь себя приговору судии, то будешь связан и понесешь жесточайшее наказание. Если же ты избежишь этой расприи, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности; во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения. Если же ты не хочешь внять моим увещаниям, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себе. Смотри, как Христос и здесь убеждает тебя скорее примириться. Сказав: *мирись с соперником твоим*, — присовокупляет: *скорее.* Но не довольствуясь и этим, Он предлагает новое побуждение искать скорейшего примирения, говоря: *пока ты еще на пути с ним*, чтобы через все это сильнее склонить тебя и понудить к прекращению ссоры. В самом деле, ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлительность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиною того, что мы всего лишаемся. Потому-то, как Павел говорит: прежде нежели зайдет солнце, прекрати вражду, и выше сам Христос увещевает: прежде нежели принесешь дар, примирись, — так и здесь он побуждает к тому же, говоря: *скорее, пока ты еще на пути с ним*, — пока еще не дошел ты до дверей судилища, пока не предстал пред судию и не оказался в конце концов в его власти. До тех пор пока ты не взошел в суд, ты полный господин над собою; но как скоро переступишь за его порог, ты уже подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собою, как хочешь. Что же значит: *мирись*? Это значит или то, чтобы ты согласился лучше потерпеть обиду, или то, чтобы ты смотрел на дело, поставив себя на месте твоего соперника,

чтобы по самолюбию не нарушить справедливости, но, рассуждая о своем деле, как о чужом, произнести беспристрастный приговор. Если тебе кажется это слишком великим, то не удивляйся. Христос для того ведь и предвозвестил все известные уже блаженства, чтобы, угладив путь и предуготовив душу слушателя, сделать ее способнейшею к принятию всех этих законов (6).

ПРИЧАСТИЕ

Чтобы не любовью только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем причащаться этой плоти. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для того Он смешал самого Себя с нами и растворил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотью: кто бы дал нам насытиться плотью его? (см. Иов 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целью так поступил и Христос: чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание. Будем же отходить от этой трапезы, как львы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, какую Он показал к нам. Часто родители отдают детей своих на вскормление другим; а Я, говорит [Спаситель], не так, но питаю вас Своею плотью, самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Кто отдал вам самого себя здесь, то тем более [сделает для вас] там. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, чрез которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам.

Эта кровь придает нам вид цветущий и царский; рождает красоту неизобразимую; не дает увядать благородству души, непрестанно напояя ее и питая. Наша кровь, образующаяся из пищи, не вдруг становится кровью, но [сначала] бывает чем-то другим; а эта кровь не так, но тотчас же напаяет душу и сообщает ей некую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая,

отстраняет и далеко прогоняет от нас демонов, призывает же к нам Ангелов и Владыку Ангелов. Демоны бегут оттуда, где видят Владычную Кровь, а Ангелы туда стекаются. Пролитая [на Кресте], эта Кровь омыла всю вселенную. Много об этой Крови любомудрствовал и блаженный Павел в Послании к Евреям. Эта Кровь очистила место недоступное и святое святых. Если же ее образ имел такую силу и в храме еврейском, и в Египте, когда кровью были помазаны дверные косяки, то гораздо более — сама истина. Эта Кровь освятила золотой жертвенник. Без нее архиерей не дерзал входить в место недоступное. Эта Кровь поставляла во священника. Она в образах омывала грехи. Если же в образах она имела такую силу, если смерть так страшилась тени, то может ли, скажи мне, не убояться самой истины? Эта Кровь — спасение душ наших. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она делает нашу душу чище золота. Эта Кровь излилась и сделала небо для нас доступным.

Страшны поистине Таинства Церкви, страшен поистине жертвенник. Из рая выходил источник, изливавший чувственные реки; от этой же трапезы происходит источник, изводящий реки духовные. При этом источнике насаждены не ивы бесплодные, но дерева, досягающие до самого неба и приносящие плод всегда спелый и никогда не увядающий. Если кто томится от зноя, пусть идет к этому источнику и прохладит свой жар, потому что этот источник уничтожает засуху и освежает все попаленное — попаленное не солнцем, а раскаленными стрелами [диавола]. Его начало — свыше, и исток его там же, и оттуда он напаивается. У этого источника много потоков, которые изводит Утешитель, а посредником при этом бывает Сын, не заступом пролагая им дорогу, но отверзая в нас расположение. Этот источник есть источник света, изливающий лучи истины. К нему стекаются и горние силы, чтобы созерцать красоту его потоков, потому что они яснее видят и силу предлежащих даров, и неприступное их сияние. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложил свою руку или язык в расплавленное золото — они тотчас озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее действие производят и здесь на душу предлежащие тайны. Сильнее огня кипит и стремится эта река, но не сжигает, а только очищает все, чего касается. Эта кровь

древле была прообразована на жертвенниках, в закланиях, определенных законом. Она есть цена вселенной; ею Христос купил Церковь; ею Он всю ее украсил. Как тот, кто покупает слуг, дает за них золото и потому, желая их украсить, украшает золотом, так и Христос и купил нас Кровью и украсил Кровью. Приобщающиеся этой Крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал ничего великого: они бывают облечены в самого Царя. Но насколько велико и чудно это Таинство, настолько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение; если же с совестью лукавою — в наказание и мучение. *Ибо*, сказано, *кто ест и пьет* Господа *недостойно, тот ест и пьет осуждение себе* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие тело с нечистою мыслью подвергнутся такому же наказанию, как и те, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *[Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен?* (Евр. 10, 28–29). Будем же, возлюбленные, внимательны к самим себе, наслаждаясь такими благами. И если родится в нас желание сказать что-нибудь срамное или заметим, что нами овладевает гнев или другая какая страсть, — подумаем, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздает наши безумные страсти. Да и доколе мы будем привязаны к настоящему? Доколе не восстанем? Доколе будем нерадеть о своем спасении (8)?

ПРИШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Не думай, что Второе пришествие будет подобно первому: тогда Он приходил тихо и молчаливо, для подъятия грехов, а теперь придет для праведного возмездия; тогда Он был как бы врачом, а теперь — в образе судии; тогда Он насаждал виноградную лозу, а теперь собирает плод; потому Он придет для низвращения всего, чтобы ты уразумел величие Его и

чтобы знал, что Он мог и тогда прийти таким же образом (4).

***

Перенесись мыслью на небо и представь тот страшный день, в который придет Христос. Тогда ты увидишь не упряжку лошаков, не золотые колесницы, не драконов и аспидов, а то, что внушает великий страх и производит такое изумление, что и сами силы небесные ужасаются. *И силы небесные,* — говорится в Писании, — *поколеблются* (Мф. 24, 29). Тогда отверзется все небо и сойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати и не ста, но тысячи и десятков тысяч Ангелов и Архангелов, и все будет исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и все люди, когда-либо существовавшие, начиная от Адама и до того дня, восстанут из земли и будут восхищены, а Он сам будет блистать такою славою, что солнце и луна скроют весь свет свой, который помрачится тем сиянием (5).

***

Явится в образе древа Крестного, но будет сиять лучами света. Когда явится Крест, солнце померкнет и скроется — не исчезнет, но потонет в сиянии Его славы; луна помрачится и звезды погаснут или, лучше сказать — ниспадут, как написано: *солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба* (Мф. 24, 29), и тогда явится это страшное и славное знамение. При виде Его иудеи будут ругаться, а верные прославлять. Тогда каждый из верных в отдельности будет отвечать неверным. Тогда скажет нам Исаия: *вот Он, Бог наш! на Него мы уповали... возрадуемся и возвеселимся* (Ис. 25, 9); тогда явление Креста обличит дерзкое неверие и укрепит Церковь; тогда посрамлены будут противники и прославлены последователи; тогда вся тварь поклонится Сыну Божию — и уверовавшие, и не уверовавшие, но первые с торжеством, вторые со стыдом. Так, на царских картинах изображаются царские телохранители во славе и рядом с ними пленные варвары, поверженные у ног царя; простирается перед царем ниц варвар, простирается и подданный, но затем один смело стоит перед царем, прославляя своего владыку, а другой, силою повергнутый под ноги, преклоняется перед царем, но награды за свое поклонение не получает, потому что не по доброй воле пришел сюда, а по принуждению;

и получается, таким образом, что верхний ряд кланяется царю, а нижний падает перед ним, — а это две вещи различные: одно дело кланяться, другое — падать перед кем-либо. То же самое будет происходить и в пришествие великого Царя: на картине славы Его явится лик верующих, торжествуя вместе с ликом ангельским, с пением и славословием; а тут же неверующие будут распростерты у ног великого Царя; те будут свободны и смелы, а эти связаны и удручены. Для верных не нужны узы, потому что они и без того уже привязаны любовью: любовь для них и заменяет узы; а кого не связала любовь, на того наложило оковы принуждение. И верные смело приближаются к Царю славы, а неверные и противники слова истины будут привлечены к Его престолу в железных оковах; те будут в лике поклоняющихся — вверху, а эти в лике повергнутых — во прахе. Именно как на картине: сверху изображены поклоняющиеся, а в нижней части пленные, падающие ниц; так точно и в Царстве Христовом верные встретят Его на облаках, а неверные будут перед Ним повергнуты во прах. Так и в псалме поклоняющиеся различаются от припадающих. *Вспомнят, и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников, ибо Господне есть царство, и Он — Владыка над народами* (Пс. 21, 28–29), говорит псалмопевец, когда речь идет о тех, кто кланяется Богу; а о повергаемых перед Ним прибавил: *преклонятся пред Ним все нисходящие в персть* (Пс. 21, 30). Но почему же лик верных оказывается наверху? Потому, очевидно, что верные не будут стоять на земле, но в воздухе будут окружать великого Судию, как Его приближенные. Ведь и престол Божий не на земле утвердится: земля будет только подножием ног Его, так что все подсудимые будут внизу, а наверху только Судия и вместе с Ним Его друзья. Именно это желая показать — что верные будут стоять не на земле, а в высоте, — апостол говорит: *мы восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес. 4, 17) (9).

***

Вознесись умом и, став выше видимого неба, воззри на то небо, которое выше этого, на бесконечную высоту — на свет, вселяющий ужас, на сонмы Ангелов, на бесчисленные лики Архангелов

и на прочие бестелесные Силы. И потом, спустившись с этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокруг нашего царя, как то: мужей в одеждах, вышитых золотом, пары белых мулов с золотыми украшениями, колесницы с дорогими камнями, белоснежные ковры, бляхи, зыблющиеся на колесницах, драконов, изображенных на шелковых одеждах, щиты с золотыми выпуклостями на средине, ремни от них, испещренные по направлению к окружности множеством камней, коней, убранных в золото и золотые узды. Но как только мы увидим самого царя, то перестанем смотреть на все это. Он один обращает на себя наше внимание, его порфира, диадема, седалище, пояс, обувь и необыкновенный блеск внешнего вида. В точности объединив все это, опять возведи от этого свой ум горе, к тому страшному дню, в который явится Христос. Тогда увидишь не пары мулов, не золотые колесницы, не драконов и щиты, но то, что полно великого ужаса и производит такое поражающее впечатление, что и сами бесплотные Силы приходят в изумление, как сказано: *силы небесные поколеблются* (Мф. 24, 29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небесного свода, снизойдет единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати или ста человек, но в сопровождении тысяч Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов и прочих Сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядется, и сколько ни было на свете людей — от Адама и до того дня, все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явится в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу? Бедная душа моя! Мне и теперь приходится плакать и тяжело воздыхать при мысли, каких мы лишились благ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себе говорю тоже), если не совершим чего-либо великого и удивительного. Пусть никто не говорит мне здесь о геенне, так как лишиться столь великой славы — мучительнее всякой геенны, а быть отчужденным от этого жребия — хуже бесчисленных наказаний. Но однако, мы еще стремимся к настоящему и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото или, правильнее сказать, небо; показывает тень, чтобы отогнать нас от истины и

обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы при наступлении того дня мы оказались беднее всех (11).

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Когда увидишь мужа и жену, живущих добродетельно, а между тем бездетных, когда увидишь, что они богобоязненны и заботятся о жизни благочестивой, но не имеют детей, не думай, что это есть следствие грехов. Многие намерения божественного домостроительства неведомы нам, но за все надобно благодарить [Бога], несчастными же считать только тех, которые проводят жизнь в пороках, а не тех, которые не нажили детей. Бог часто многое устраивает в нашу пользу, но мы не знаем причины событий. Поэтому во всяком случае должно удивляться Его премудрости и прославлять Его неизреченное человеколюбие. Говорится же вам все это для вашей пользы, чтобы вы оказывали всегда признательность к Промыслу Божиему, а не испытывали Его судеб (1).

***

Вы все, конечно, знаете, что бесплодие невыносимо для жен — особенно из-за мужей. Есть много таких безрассудных мужей, которые винят жен, когда они не рождают, но, зная то, что способность рождать имеет начало свое свыше — от Божиего Промысла и что для этого ни природа женщины, ни сожитие [с мужем] и ничто другое само по себе недостаточно; но хотя бы и знали, что это обвинение не справедливо, тем не менее упрекают, часто даже отдаляются и неохотно живут с ними (1).

***

Людей, думающих, что все существует без причины и случайно, он научает, что над делами нашими есть Промысел, требующий отчета в совершаемом. А суд он разумеет здесь как будущий, так и настоящий. Там будет Суд всеобщий и открытый, а здесь Бог требует отчета частным образом, пробуждая беспечных и располагая неверующих к мысли о Промысле над всем (2).

***

Не смущайся и не падай духом, когда взираешь на Его неизреченный Промысел, который ясно можно усматривать как в Его действии, так и в попущении. Это самое и Христос дал разуметь

ученикам, когда однажды в беседе с ними, предвозвестив им о судилищах, узах, о вражде всей вселенной и о непримиримой брани, сказал для их воодушевления и утешения: *не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего* (Мф. 10, 29). Этими словами Он хотел показать, что без Его ведома ничего не бывает, но что Он знает все, хотя и не делает всего. Поэтому, говорит, не смущайтесь и не бойтесь (6).

ПРОРОЧЕСТВА

Нужно сказать, для чего пророчества введены в человеческую жизнь. Итак, нужно сказать: для чего введены они? Бог обыкновенно отсрочивает и медлит наказывать грешников, между тем как бывает скор и быстр на благодеяния добродетельным. Это, т.е. то, что наказание следует не непосредственно за преступлениями, людей более беспечных располагает к падению. Потому Бог, чтобы показать Свое долготерпение и чтобы люди не сделались от этого более беспечными, употребляет врачество пророчества, научая грешников не самыми наказаниями, но до времени только предсказанием о них, чтобы они в случае, если, выслушав угрозы, сделаются лучшими, — отклонили от себя действительное наказание; а если останутся бесчувственными, то Он подвергнет их наказанию. Дьявол же, видя это и понимая, сколь великая происходит отсюда польза, посылал лжепророков, которые говорили против пророков, угрожавших голодом, язвами, войнами, нашествием иноплеменников, и возвещали благоприятное. Как Бог страшными словами хотел отклонить наказание на самом деле, так дьявол производил противное: благоприятными словами расслабляя и делая людей беспечными, он делал необходимым наказание на самом деле. Потом, когда веровавшие лжепророкам и нисколько не радевшие о добродетели, но оставшиеся при своих грехах, навлекали на себя наказание и конец дела показывал истинность пророков и обличал лживость лжепророков, дьявол опять употреблял другое средство для погибели предающихся ему. Он убеждал людей легко обольщаемых, что случившиеся бедствия произошли от гнева бесов, которых они пренебрегали и презирали. Потому и Бог для уничтожения такого обмана предвозвещает людям за много лет

прежде то, что случится впоследствии, особенно же имеющие быть бедствия, чтобы обольщающие их не могли приписать случившегося гневу бесов (4).

***

Пророчество тогда познается лучше, когда оно открывает не только то, что сам Бог намерен делать, но и то, что желаешь ты сам (4).

***

Не ищи ясности в пророчествах, где тени и гадания, подобно тому, как в молнии ты не ищешь постоянного света, но довольствуешься тем, что она только блеснет (5).

ПРОСЬБЫ

Не проси ничего мирского, но всего духовного — и непременно получишь. Так, Соломон, когда просил должного, смотри, как скоро получил. Итак, молящемуся надлежит соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усильно; второе то, чтобы просить должного. И вы ведь, говорит Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы от своих детей; и если они у вас станут просить бесполезного, то отказываете; когда же будут просить полезного, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тех пор, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщания, пока не будет отверста дверь. Если ты приступишь с такою мыслию и скажешь: не отступлю до тех пор, пока не получу, — то непременно получишь, если только того просишь, что и Тому, от Кого просишь, прилично дать, и тебе, просящему, полезно. Что ж бы это такое было? То, чтобы просить всего духовного, приступать к испрашиванию оставления своих грехов, по оставлении согрешений другим, без гнева и сомнения воздевать чистые руки (см. 1 Тим. 2, 8). Если мы так будем просить, то получим. Но ныне наши прошения достойны смеха и свойственны более людям пьяным, нежели трезвым. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно, от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить (6).

***

Ты часто просишь того, что считаешь полезным, между тем как это не полезно. Бог обращает

внимание не на твои слезы, но на несчастье. Так и дитя часто просит от матери хлеба, но если [оно просит] чего-нибудь вредного, чего не должно просить, то мать не дает ему, не обращая внимания на его печаль, а только на пользу. Так и страдающий лихорадкой постоянно досаждает врачу, чтобы дал ему холодного, но врач не дает ему, потому что не обращает внимания на его желание, вредное в его настоящем положении, но на пользу для его здоровья в будущем (9).

***

Будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну со вниманием — и этого довольно, ничего более не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или, лучше, оно опять к тебе же возвратится. Скажи мне: когда мы впадаем в затруднительное положение, то кого тогда не просим? И если скоро получаем просимое, то чувствуем облегчение. Где ты найдешь, чтобы тот, кого ты просишь, готов был благодарить тебя за то, что ты просишь? Где ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но иметь его всегда в готовности? Или не нуждаться в других, чтобы просить чрез них? Что может быть больше этого? Он тогда особенно и исполняет [наши просьбы], когда мы не прибегаем к другим, подобно тому, как искренний друг тогда особенно упрекает нас в недоверчивости к его дружбе, когда просим его чрез других. Так поступаем и мы с просящими нас; тогда особенно бываем к ним благосклонны, когда они сами обращаются к нам, а не чрез других. Но что, скажешь, если я оскорбил Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему — и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца — и во всем получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? Не будем же нерадивы и не станем

откладывать это дело. Он человеколюбив и благ; подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Он помиловал бы нас и без этого. Подобно тому, как мы для блага рабов своих изобретаем и употребляем тысячи средств, так и Он печется о нашем спасении. *Предстанем лицу Его со славословием*, что Он благ и милосерд (Пс. 94, 2). Если ты не будешь призывать Его во истине и не станешь взывать от сердца: прости мне, а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать во истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Подобно тому, как о мире говорят, что оно истинное, когда к нему ничего не примешано, так точно и здесь. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотоле, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его во истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва — великое оружие. *Если вы*, — говорит [Христос], — *умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный* (Лк. 11, 13). Почему же ты не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя, может сделать больше всех и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто. Итак, будем приступать к Нему с верою, приступать, принося угодные Ему дары: непамятозлобие, снисходительность, кротость (10).

ПРОЩЕНИЕ

Какой, в самом деле, труд — простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и весьма легко тому, кто захочет, и это же доставляет спокойствие (6).

***

Требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных

грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь — не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя, и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиною очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее дьявола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же дьявол доставляет случай получать венцы, то для чего бояться врага — человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов; вторая — терпение и великодушие; третья — кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева, без сомнения, свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим

заслужить любовь от Бога, — и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на Крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил тебя. Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единородный Сын Его, Который потому и сказал: *если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его* (Мф. 10, 25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину — и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же

облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который после бесчисленных против него злоумышлений иудеев молился за них; посмотри на блаженного Павла, который не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои (7).

***

Подумай, как много ты виновен, и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд. Язычники, не ожидая никаких великих благ, часто поступали в таких случаях благоразумно; а ты, имея в виду такие надежды, отказываешь в прощении, и медлишь, и не решаешься заблаговременно из повиновения закону Божию совершить того, что со временем само собою сделается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла в тебе без всякой для тебя награды, чем с наградою? Если страсть твоя от времени и погаснет, то тебе никакой не будет из того пользы; напротив, тебя ожидает великое наказание, потому что ты не сделал по внушению закона Божия того, что сделало время. Если ты скажешь, что воспоминание об оскорблении воспламеняет тебя гневом, то вспомни, не сделал ли тебе какого-нибудь добра оскорбивший тебя; а вместе подумай, сколько зла замышлял ты сам против других? Он тебя злословил и бесчестил? Представь, что и ты иных злословил. Как же получишь ты прощение, когда сам другим в нем отказываешь? Но ты никого не злословил? Зато ты слушал, как другого злословили, и соглашался. А и это не безгрешно. Хочешь ли знать, как хорошо прощать обиды и как много это приятно Богу? Он наказывает тех, которые радуются, когда видят справедливо наказываемых Им, — потому что хотя они и праведно наказываются, но тебе не должно радоваться. И пророк, обличив многие неправды, присовокупил: *не болезнуете о бедствии Иосифа* (Ам. 6, 6); и еще: *не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем* (Мих. 1, 11). Хотя Иосиф, то есть колена, от него происшедшие, и другие, соседние с ними,

были наказаны по определению Божию, но Он хочет, чтобы мы сострадали и им. Если мы, будучи злы, когда наказываем раба и видим, что кто-либо из товарищей его смеется, еще более раздражаемся и обращаем гнев свой против последнего, то тем более Бог накажет тех, которые радуются, видя наказываемых Им. А если должно жалеть, а не нападать на тех, которые наказываются от Бога, то тем более должно жалеть тех, которые согрешают против нас. Это — знак любви, а любовь Бог всему предпочитает. Как в царской багрянице почитаются драгоценными те цвета и краски, которые украшают хламиду, так точно и здесь драгоценны те добродетели, в которых содержится любовь. А ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами. Разве Бог не имеет попечения и об обиженных? Не посылает ли Он обидевшего к обиженному? Не отсылает ли его к нему от самого алтаря и не призывает ли его к трапезе после примирения (см. Мф. 5, 23)? Впрочем, поэтому тебе еще не надобно дожидаться, пока он к тебе придет; иначе ты все потерял. Для того особенно Бог и назначает тебе великую награду, чтобы ты предварил его; так что если ты примиришься по его прошению, то любовь будет плодом уже не повеления Божия, но усердия обидевшего, — почему ты и остаешься неувенчанным, тогда как тот получает награду. Что ты говоришь? Ты имеешь врага и не стыдишься? Не довольно ли нам и дьявола, чтобы еще приобретать себе врагов из среды подобных нам? О, если бы и он перестал враждовать против нас! О, если бы и он Не был дьяволом! Ты не знаешь, как велико удовольствие после примирения? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно во время самой вражды? Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбившего, чем ненавидеть (7).

***

Если увидишь, что сердце твое возгорается [от обиды], огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, — и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты — раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто за

обиженных тобой; Он — в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты — в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убежали от Него; а враги и противники — иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, — окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (см. Лк. 23, 40), что один из разбойников поносил Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию или что разбойник не был разбойником, — евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, обо всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конечно, не по всему телу, и не столько обнажен и замучен. Если и заушали тебя, то опять не так. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего тяжелее — на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив, все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его, как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам неоцененное врачевание — долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и перед рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые облагодетельствованы, плевали на Него; слуга архиереев заушал; воины били по ланитам; мимо проходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобой и всех заставишь

удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей. Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек недостоин называться и свободным; хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздразнит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка, и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенести это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив, обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собой; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность и делают душу изнеженной и слабой. Это доказывают те отцы, которые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учители. Поэтому, если кого следует отвращаться, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и

от нее труднее предостеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют — и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают — и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на Кресте, — и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх Божий — и вскоре сделаешься умерен и покоен (7).

***

Прости нам, — говорим мы, — *долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Знаю, что оскорбленная душа нелегко переносит оскорбления; но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева. И тот, кто не простил должнику своему ста динариев, обидел не собрата своего, но себя самого сделал должником тысячи талантов, которые прежде были прощены ему. Таким образом, когда мы не прощаем другим, то не прощаем самим себе. Будем же не Богу только говорить: не помяни согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений собратий наших против нас. Ты сам первый судия твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или другого; таким образом, от тебя зависит — помянет ли или не помянет Бог грехи твои. Потому и Павел заповедует прощать *если кто на кого имеет жалобу* (Кол. 3, 13), да и не просто прощать, а так, чтобы и следов (гнева) не оставалось. И Христос не только не поставил на вид грехи наши, но и не вспомянул о том, что мы согрешили, и не сказал: ты согрешил в том и в том, а простил и уничтожил рукописание, не вменив нам преступлений, как изъяснил это Павел (см. Кол. 2, 14). Так будем поступать и мы и изгладим все из нашей памяти; разве что-либо доброе сделано оскорбившим нас — это одно и будем помнить. А если он сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же от него не было

нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем. Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом — непамятованием зла (8).

***

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий делающий какое-либо другое зло вредят гораздо больше самим себе, а нам приносят величайшую пользу, если мы не мстим за себя. Положим, например, такой-то ограбил, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Чрез это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что же, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? — то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, так как, очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием — мстит обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. *Молитесь,* — сказано, — *за обижающих вас, да будете* подобны *Отцу вашему Небесному* (Мф. 5, 44, 45). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным — благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал хотевшему предать Его благодеяниями, именно: умыл ноги, обличал тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, и хотя [Иуда] и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать Свое (9).

***

Ты хочешь, чтобы тебе отпущены были твои грехи? Прости и ты ближнему своему его грехи против тебя. Если не отпустишь

грехов брата твоего, и твоих не отпустит Господь, потому что Он сказал: *если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15) (9).

ПУТИ К БОГУ

Во всем, как хотите, — говорит Он, — *чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Видишь ли, что Он не предписал ничего странного, но то же, чего и прежде требовала природа? Как ты хочешь, говорит Он, чтобы поступали с тобою ближние, так и сам поступай. Хочешь, чтобы хвалили тебя? Хвали сам. Хочешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай сам. Хочешь быть в чести? Почитай других сам. Хочешь получить милость? Оказывай милосердие сам. Хочешь быть любимым? Люби сам. Хочешь не слышать о себе худого? Не говори ничего такого сам. И заметь, какая точность в выражениях. Он не сказал: *во всем, как не хотите, чтобы с вами поступали,* но: *во всем, как хотите.* Так как к добродетели ведут два пути, из которых один состоит в удалении от пороков, а другой в совершении добродетелей, то Он предлагает последний, ясно указывая чрез него и на первый. Первый путь Бог открыл, когда сказал: что ненавидишь, не делай другому (см. Тов. 4, 15), а последний Он ясно указал, сказав: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (2).

***

Пророк [Давид] говорит: *блаженны все боящиеся Господа, ходящие путями Его* (Пс. 127, 1). Дабы ты не подумал, что для тебя достаточно страха, он присовокупил: *ходящие путями Его,* указывая на то и другое: *боящиеся* и *ходящие.* Многие, имея правую веру, но проводя развратную жизнь, стали несчастнее всех. Поэтому, чтобы слова его не показались в этом отношении несправедливыми, он прибавил: *ходящие путями Его.* А какие это пути Божии, как не добродетельная жизнь? Чрез нее можно взойти на небо, достигнуть отечества и узреть самого Бога, сколько возможно человеку зреть Его. *Путями Его* называются потому, что чрез них можно взойти к Богу. Пророк не сказал: путь, но: *путями,* выражая, что они многочисленны и различны. Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхож-

дение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачною жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие — половину; те восходят праведною жизнью, эти — покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани Крещения сохранить тело свое чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь — богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими; и это — милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего — тем, что, видя жестокого и бесчеловечного в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Потому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого, бездейственно лежа тогда пред вратами богача; увенчан вместе с патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело — благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это — высшая добродетель. За то и Иов был увенчан. Поэтому и диавол говорил: *кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него* (Иов 2, 4). Немалое дело — обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству; это — верх добра (2).

***

Если некоторые почитают ведущий в жизнь путь трудным, то мнение это происходит только от собственной их лености. Смотри, как Спаситель делает этот путь

удобным, когда запрещает вмешиваться между псами, предавать себя свиньям и повелевает остерегаться лжепророков, — всячески внушает быть осторожными. Самое даже наименование тесным путем весьма много способствует к тому, чтобы сделать его удобным, — потому что заставляет нас бодрствовать. Как Павел не с тем говорит: *Наша брань не против крови и плоти* (Еф. 6, 12), чтобы привести в уныние, но чтобы возбудить сердца воинов, — так точно и Господь путь жизни назвал трудным для того, чтобы, так сказать, пробудить от сна путников. Мало того: Он побуждает к бодрствованию еще и дальнейшим указанием на то, что на пути этом есть много препинающих и — что еще опаснее — последние нападают не явно, но скрытно. Таков именно род лжепророков. Но не на то смотри, говорит Христос, что этот путь труден и тесен, а на то, где он оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широк и пространен, а на то, куда он ведет. Все же это Он говорит для того, чтобы возбудить в нас бодрость. С тою же целью Он и в другом месте сказал, что *употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Подвижник бывает ревностнее, когда ясно видит, что подвигоположник чтит трудные его подвиги. Итак, не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастья. Пусть путь прискорбен, и врата тесны, но не таков тот град, к которому ведут они. Потому-то ни здесь не должно ожидать покоя, ни там не должно предполагать ничего печального (6).

***

[Ты] скажешь, добродетель трудна и тяжела, а порок сопровождается многими удовольствиями; последний путь широк и пространен, а первый тесен и прискорбен. А всегда ли, скажи мне, это было так? Было ли так в начале? И ты сам против воли говоришь о добродетели то, что говоришь: так убедительна истина! Если бы пред тобой были два пути, один — ведущий в пещь, а другой — в рай, и ведущий в пещь был широк, а ведущий в рай — тесен, который путь скорее избрал бы ты? Сколько бы ты ни старался возражать, но несомненной истине не можешь противоречить, как бы ни был бесстыден. Впрочем, постараюсь из предметов, находящихся у нас под руками, доказать, что скорее тот путь достоин избрания, который имеет трудное начало, а не конец. Возьмем для

примера, если хотите, искусства; в них начало исполнено труда, а конец — пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство без принуждения; молодой человек, сделавшийся господином себя самого, скорее изберет в начале предаваться удовольствиям, а в конце терпеть бесчисленные бедствия, нежели трудиться в начале, а потом собирать плоды трудов. Значит, такой выбор есть дело сиротливого мышления и детской беззаботности, а выбор противоположный — благоразумия и мужеской зрелости. Так и мы, если бы по уму не были детьми, то уподоблялись бы не безрассудному сироте, но сыну, руководимому отцом. Потому мы должны оставить детское суждение, а не слагать вину на самые предметы и приставить к своей совести возницу, который бы не дозволял нам предаваться чревоугодию, а заставлял бы простираться вперед и подвизаться. Не нелепо ли — детей насильно принуждать заниматься предметами, имеющими трудное начало и полезный конец, а самим нам вести себя противно тому в отношении к предметам духовным? Между тем в житейских делах совершенно неизвестно, будут ли они еще иметь хороший конец. Преждевременная смерть, бедность, клевета, перемена обстоятельств и многое другое подобное часто после многих трудов оставляют без плодов; а если трудящиеся и не лишаются всего, то собирают не большие плоды, потому что в настоящей жизни все подвержено разрушению. А мы и здесь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами и не боимся конца, но еще большая и несомненнейшая надежда остается нам по отшествии из настоящей жизни. Потому какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не хотят трудиться для добродетели? Но, спросишь еще, для чего путь добродетели тесен? Как? В земные царские чертоги ты не позволяешь входить никому из прелюбодеев, пьяниц и развратников, а на небо хочешь открыть путь людям, преданным распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбию и всем порокам? Достойно ли это какого-нибудь прощения?

Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широк путь добродетели? Нет, если захотим, то и очень удобен. Что в самом деле удобнее, скажи мне, подкопать ли стену и, похитив чужую собственность, сидеть потом в темнице или, довольствуясь своей собственностью, быть свободным от

всякого страха? Но еще не все я сказал. Что удобнее, скажи мне, отнять ли у всех собственность и, насладившись этой малостью в течение краткого времени, страдать и мучиться вечно или, пожив краткое время в праведной бедности, блаженствовать потом непрестанно (12)?

ПЬЯНСТВО

Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют (Ис. 5, 11, 12). Обличив великое их[1] любостяжание, он [Исаия] полагает и корень зла. Этим корнем было пьянство, которое бывает причиной бесчисленного множества зол, особенно когда предаются ему с такой безмерностью. Посмотри, как метко он осмеивает их. Весь день, говорит, они употребляют на это. Не тогда, когда нужно обедать, они поступают так, говорит он, но всякое время делают временем пьянства, и с самого начала дня, когда особенно нужно было бы им быть внимательными, они предаются великому опьянению, и потом уже невольно до вечера остаются в этой болезни. Если же они однажды поспешат погрузиться в бездну невоздержания, лишатся естественного смысла и отдадут свою душу в плен гибельной власти пьянства, то, подобно тому, как корабль, не снабженный балластом и не имеющий кормчего и корабельщиков, носится туда и сюда, увлекаемый повсюду беспорядочным стремлением вод, так точно и они носятся, увлекаясь в глубину опьянением. Потому пророк и говорит: *горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры.* Они не нужду удовлетворяли и не ожидали пробуждения потребности, чтобы удовлетворить ее, но тем и занимались и о том заботились, чтобы постоянно пьянствовать. Потому он говорит: *которые ... ищут сикеры.* Сикером здесь называется сок пальм, который они приготовляли, перетирая и выжимая пальмовые плоды, чтобы обратить его в вино. Он имеет одуряющее свойство и производит опьянение, но они не обращали на это внимания, ища во всем удовольствия. *До позднего вечера разгорячают себя вином.* Таково свойство пьянства: с течением времени оно усиливается и возбуждает мучительную жажду.

[1] Здесь говорится об иудеях. — *Прим. ред.*

Далее пророк указывает и на другую вину, не меньшую первой: *и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их*. ...Действительно, это знак крайнего нечестия и душевного развращения — обращать свой дом в зрелище и предаваться таким песням. Что производит помрачающее пьянство, то производит и музыка, ослабляя крепость ума, сокрушая бодрость души и располагая к большему сладострастию. *А на дела Божии они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют*; он говорит или о чудесах Его, или о созерцании природы. Как они могут созерцать ее, когда обращают день в ночь, а ночью бывают нисколько не лучше мертвых? Как они могут видеть восходящее солнце, блистательную красоту неба, разнообразный вечерний хор звезд и порядок, и деятельность всех прочих тварей, когда они лишены и внешних, и внутренних очей? Таким образом они немалый вред причиняли сами себе, если отходили из настоящей жизни без созерцания чудес Божиих, будучи погружены все время во мрак пьянства (4).

***

Как на причину всех пороков мы укажем на пьянство, на которое многие смотрят совершенно как на ничто. Оно прежде всего повреждает ум, потом приводит к скупости, так как тому, кто не имеет ничего, чтобы уплатить, нужно предаваться скупости. А узы скупости железны — подобно тому, как если ты свяжешь какой-либо член узами, то вместе с ним влачится и все тело, куда бы ни влачились узы. Недостаточно и этого: пьяница теряет силу, становится скупым, грабителем, гневливым, ревнивцем, жестоким и безумным (4).

***

Что отвратительнее пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чем немощнее сосуд, тем жесточе крушение. Свободная ли то будет жена или раба — свободная бесчестит себя среди рабов, а раба то же делает среди рабов, и таким образом делают то, что Дары Божии хулятся несмысленными. Я слышу, как многие, когда встречаются такие случаи, говорят: будь проклято вино! О, глупость; о, безумие! Другие грешат, а ты порицаешь дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, о, человек, причиною такого зла? Нет, не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни

пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади, вино, то можешь вслед затем сказать: пропади, железо — потому что есть человекоубийцы; пропади, ночь — потому что есть воры; пропади, свет — потому что есть клеветники; да погибнут жены — потому что есть блудницы. Таким образом ты все, наконец, захочешь истребить. Но ты не поступай так — это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром: для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если этот святой, даже одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель, то какого же достойны будем осуждения мы, когда и здоровые упиваемся? Ему сказано: *употребляй немного вина, ради желудка твоего*; а из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождаются блудодеяние, сквернословие и прочие дурные похоти. Если же не хотите воздерживаться от пьянства по этой причине, то воздерживайтесь хоть потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, — сказано: *вино, которое веселит сердце человека* (Пс. 103, 15); а вы и это доброе его свойство порочите. В самом деле, что за радость — быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, все во мраке и, подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, вернее, впрочем, о всех; не потому, что все пьют; нет, но потому, что не пьющие не заботятся о пьющих. Потому я и к вам особенно обращаюсь — к вам, находящимся в здоровом состоянии. Так и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я обращаю слово: умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью; а тех, которые заразились, исхищайте из беды, что-

бы они не оказались хуже бессловесных. В самом деле, скоты не требуют ничего более того, что им нужно; а предающиеся пьянству становятся бессмысленнее и их, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных, как и все вообще животные, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее потребного. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении и не только в глазах здоровых людей, но и в собственных ваших глазах. И что вы сами о себе думаете хуже, чем о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных вы не заставляете есть сверх меры. Почему ж это так, спросят? Ты скажешь: чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Следовательно, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах, и, всегда обуреваемый, нерадишь о себе. Ты страдаешь от пьянства, не только в тот день, когда пьян, но и после того дня. Подобно как и по прошествии горячки остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя и по прошествии хмеля и в душе, и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслаблено, как корабль, разбитый бурею, а того беднее душа, потому что и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как при укрощении волнения после бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли — все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Там по выгружении корабль делается легче; а здесь, напротив, новое отягощение: вместо богатства корабль нагружается песком, соленою водою и всякою дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, чтобы не потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного. *Не обманывайтесь*, — говорит апостол, — *... ни пьяницы, ни злоречивые, ни*

хищники — Царства Божия не наследуют (1 Кор. 6, 9–10). И что я говорю: Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и потом пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, которые убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого (7).

***

Как упивающийся вином — чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большею томится жаждою. В этом они имеют сходство между собою, а в другом сребролюбец, в свою очередь, имеет преимущество. В чем же именно? В том, что один переносит нечто сообразное с природою, потому что вино имеет горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, таким образом производит у пьяных жажду. А лихоимец вследствие чего постоянно желает большого? Отчего происходит, что когда он больше обогащается, тогда живет в большей нищете? Страсть эта неудобопонятна и походит больше на загадку. Но посмотрим на них, если угодно, когда опьянение их прошло; впрочем, сребролюбца никогда и нельзя увидеть по окончании пьянства, он всегда находится в состоянии опьянения. Итак, посмотрим на них обоих в состоянии опьянения, разберем, кто из них смешнее, и изобразим их самыми точными чертами. Представим себе человека, потерявшего рассудок от вина, как он при наступлении вечера смотрит во все глаза и никого не видит, как бесцельно и без причины блуждает кругом, натыкается на встречающихся, изрыгает, как он растрепан и обнажен до бесстыдства, как жена, дочь, служанка и все много смеются над ним. Выведем также на средину и сребролюбца. Здесь поступки достойны не только смеха, но и проклятия, сильного гнева и бесчисленных громов. Впрочем, рассмотрим пока одно смешное. И сребролюбец, подобно пьяному, никого не узнает, ни друзей, ни недругов, так же слеп, хотя смотрит во все глаза, и как тот везде видит вино, так этот вез-

де видит деньги. Изрыгаемое им гораздо гнуснее, потому что он извергает из себя не пищу, но слова хулы, оскорблений, вражды и смерти, привлекая тем на свою голову тысячи небесных молний. Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно: и днем, и ночью, и в бодрственном состоянии, и во сне подвергаясь наказанию больше всякого узника и работающих в рудниках или даже другому более тяжелому мучению. Скажи же теперь — жизнь ли это, а не смерть ли или — не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляет покой телу, избавляет от насмешек, стыда и грехов, а эти два рода пьянства ввергают во все это, заграждают слух, ослепляют глаза и держат рассудок в большом мраке (11).

***

Не предавайся пьянству — этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои или, лучше, Его же [блага]: вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится нисколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся (12).

РАДОСТЬ

Таковы души святых! Они более, нежели о дарах, радуются о Боге, давшем их, — потому что любят Его не ради Его даров, но дары ради Его. Так, слугам признательным и рабам благодарным свойственно всему своему предпочитать их господина. Того же будем, убеждаю вас, держаться и мы: согрешим ли — станем скорбеть не о том, что наказываемся, а о том, что прогневили Господа; сделаем ли доброе дело — станем радоваться не ради Царствия Небесного, а о том, что угодили Царю Небесному. У кого есть ум, для того прогневать Бога ужаснее всякой геенны, равно как и угодить Богу — дороже всякого Царствия. И не удивляйся, что должно иметь такие чувствования по отношению к Богу, когда многие так же поступают и по отношению к людям. Так часто поступаем мы с своими детьми: если невольно сделаем им какое-либо зло, то мучим себя и наказываем; то же и относительно друзей. Если же оскорбить друзей или детей для нас гораздо тяжелее, чем вытерпеть наказание, то тем более нужно питать такие чувствования по отношению к Богу, неугодное Ему дело считать ужаснее всякой геенны. Таков был блаженный Павел: он говорил: *Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39). И мы, когда ублажаем святых мучеников, то ублажаем их прежде за раны, а потом — за награды, прежде — за страдания, а потом — за уготованные им венцы, потому что награды от ран, а не раны от наград получают свое начало и основание. Так и блаженный Павел радовался прежде не о благах, уготованных (ему), но о скорбях, постигших его ради Христа, и восклицал: *Радуюсь в страданиях моих за вас* (Кол. 1, 24); и в другом месте: *Не сим только,*

но хвалимся и скорбями (Рим. 5, 3); и еще: *Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29). И подлинно, удостоиться претерпеть что-либо ради Христа — величайшая благодать, венец совершенный и награда, не меньшая будущего воздаяния! Это знают те, которые умеют искренно и пламенно любить Христа (1).

***

Подобно тому как для зрелых мужей кажется смешною радость детей, потому что они радуются и восхищаются ничего не стоящими вещами, так и радость грешников представляется достойной порицания для праведников, потому что они радуются нахищенному и награбленному богатству и другим подобного рода вещам, которым нельзя будет радоваться, когда мы должны будем предстать пред страшным Судиею; напротив, мы должны радоваться, когда подвергаемся ограблению, подвергаемся клеветам, потому что с такою радостью можем явиться пред лицо Божие, как об этом свидетельствуют слова Господа: *блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11–12). *Знайте, что Господь — Он есть Бог Наш, Он сотворил нас, а не мы, мы же народ Его и овцы пажити Его* (Пс. 99, 3) (3).

***

Всякий, кто радуется о своих благах и детях, хотя бы потом подвергался печали, однако, видя приятную жену или любимых сынов, затем не считает бедствий более бедствиями. Равным образом это случается и с тем, кто радуется о Господе, — особенно, когда он наверное знает, что Бог не прогневался на него; тогда он более не скорбит и не печалится, подобно тому, как апостолы всегда радовались о Боге и других увещевали к тому же, говоря: *радуйтесь всегда в Господе* (Флп. 4, 4). Эта радость непреходяща и бессмертна. Если кто радуется о благах, то радость его бывает временна: когда богатство его истощится, то вместе с ним исчезнет и радость. Подобно тому как свежие весенние цветы бывают приятны для глаз, а поблекшие неприятны, таким же образом и богатство отнимает радость от ума и, может быть, само первое отойдет от нас или мы от него. Иной, может быть, будет радоваться из-за прекрасной жены, но и она — владение непрочное,

радость временная, веселие преходящее, соединенное со многими огорчениями и подозрениями: потому-то эта радость временна. Но если ты полюбишь Господа, то милосердие Его будет вечным; любовь постоянно обновляется, желание возжигается, никогда не дряхлеет и не стареет. Тот, кто любим тобою, всегда нов, желателен и достоин любви. Если же ты скажешь, что ты не видишь Его, то посмотри на небеса: как они прекрасны, как величественны! Как небо приятно, усладительно для зрения и полезно для всего! А это небо есть дело Того, Которого ты любишь, тонкое и нежное дело, перст Его. Отсюда ты уразумеешь красоту Его Самого, насколько это возможно. Разве ты не видишь Его? Если желаешь, то ты Его узришь, — очисти только ум, очисти сердце, потому что говорится: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8) (4).

***

Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище и готовясь произнести речь, он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния, или опять предается безмерной радости — что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видеть и на примере древних мужей. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ, когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и покланялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира* (Еккл. 7, 2). Потому и Христос ублажает скорбящих, говоря: *блаженны плачущие* (Мф. 5, 4); а радующихся почитает несчастными: *горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее, а во время скорби укрепляется, делается целомудренною, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее (6).

***

Пусть кто-нибудь из вельмож обладает большим богатством,

живет в столице, никаких не имеет хлопот, только веселится, только в этом проводит время и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставим ему Петра в узах и, если угодно, среди бесчисленных бедствий: и тогда мы найдем, что [Петр] имеет больше радости — потому что если от избытка радости он и в узах радуется, то представь, как велика радость! Как облеченные великою властью не чувствуют бедствий, сколько бы их ни случилось, но продолжают радоваться, — так и апостолы по причине самих бедствий еще более радовались. Нельзя, поистине нельзя выразить словом того удовольствия, какое случается испытывать страждущим за Христа. Они радуются более среди бедствий, нежели во время благоденствия. Если кто возлюбил Христа — тот понимает, что я говорю (10).

РАЗВОД

Разводиться — дело противное как природе, так и закону: природе — поскольку рассекается одна и та же плоть; закону — поскольку вы покушаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять (7).

РАЙ

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке (Быт. 2, 8). Что такое Едем? Едем значит: сладость (роскошь). Можно бы сказать: насадил рай в роскоши, то есть в роскошном, прекрасном месте. Потому под конец и говорится: *и изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского* (Быт. 3, 24). Почему рай не в другой стране, а на востоке? Откуда начало течения светил, оттуда и начало жизни людей. Бог предзнаменует будущее. На востоке в раю поселяет Он человека для того, чтобы показать, что как восходящие светила текут на запад и заходят, так и человеку должно по образу светил идти от жизни к смерти, погрузиться в смерть и достичь опять иного востока в воскресении мертвых. Адам устремился к западу, погрузился в гроб; за ним последовали и дела земли и спогреблись с умершим. Пришел Христос и дал восстание умершему. Потому пророк и говорит о Нем: *вот Муж, — имя Ему ОТРАСЛЬ, Он произрастет из Своего корня* (Зах. 6, 12), то есть из мертвых. В Адаме человек умер, во Христе восстал. *Как в Адаме все умирают,* — свидетельствует Павел, — *так во Христе все оживут* (1 Кор. 15, 22). *И взял Господь Бог*

человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском (Быт. 2, 15). Ввел его в готовый дом. Подобно тому как зовущий кого-нибудь на пир сначала приготовляет дом и затем уже вводит званого, так точно и здесь: Бог приготовил человеку великолепную храмину — рай — и затем уже ввел званного. Где создан был человек? На земле, вне рая. Подобно тому как светила созданы были в другом месте и помещены на небе, так и Адам создан был вне рая, на другой земле, и потом уже был введен в рай. Откуда это видно? Писание, под конец [повествования о творении], когда Адам был изгнан из рая, говорит: *и выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят* (Быт. 3, 23). Поселил его в раю *Едемском, чтобы возделывать его и хранить его* (Быт. 2, 15). *Возделывать.* Чего же недоставало в раю? Но если даже делатель и нужен был, то откуда плуг? Откуда другие орудия земледелия? Дело Божие состояло в том, чтобы делать и хранить заповедь Бога, оставаться верным заповеди. *Вот дело Божие,* — говорит Спаситель, — *чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал* (Ин. 6, 29). Следовательно, как веровать во Христа есть дело Божие, так делом было и верить заповеди, что, если коснется [запрещенного дерева], умрет, а если не коснется, будет жить. Делом было соблюдение духовных слов. Какое дело было у Павла? Был ли Павел земледельцем? Имел ли он другое какое занятие? Не все ли его дело заключалось в слове, в проповеди? *Не мое ли дело,* —говорит он ученикам, — *вы в Господе?* (1 Кор. 9, 1). *Возделывать,* — говорится, — *его и хранить его.* От кого хранить? Разбойника не было, прохожего не было, злоумышленника не было. От кого хранить? Хранить его для себя самого; не потерять его преступлением заповеди; хранить для себя рай, соблюдая заповедь. Вместе с голосом утомляется и мой ум, но изъясним мысль. *И поселил его в саду Едемском.* Событиями предшествовавшими Писание прикровенно указывает уже на будущее. *Из Едема выходила река для орошения рая* (Быт. 2, 10). Отсюда узнай, что рай был не маленьким садом, имевшим незначительное пространство. Его орошает такая река, что от полноты ее выходят четыре реки. *Из Едема выходила река для орошения рая.* Оросив рай, она разделяется затем на четыре реки: Тигр, Нил, Евфрат и реку, называемую в Писании Фисон, которую теперь называют Данувий (Дунай).

Заметь величину реки, если она разделяется на четыре реки. И эта река одна только орошает рай. Для чего такая река? Был один только Адам. Что за нужда была в такой большой реке? Она была не для него одного только, а назначалась для всей вселенной. Она уготована была патриархам, пророкам, апостолам, евангелистам, мученикам, исповедникам, святым, верным православным, благочестиво живущим, всем праведникам. Спаситель разбойнику, во едином часе исповедавшему Его, обещал рай, говоря: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43); подвизавшиеся от юности Авраам, Исаак, Иаков, происшедшие от него патриархи [последовали за ним]. Прежде всех их делается наследником рая разбойник. Итак, Бог творит Свои дела не ради настоящего, а ради ожидаемого. Ради чего Он сотворил такое пространство земли? Ради Адама или ради обитающих на ней теперь? *Потом разделялась на четыре реки* (Быт. 2, 10). Не сказано: «на четыре потока», а: *начала,* т.е. источника. Имя одному — Фисон, о котором мы уже сказали. Далее — Гион, это — Нил; Гион — древнее его название. Об этом свидетельствует Иеремия, говоря: *и ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила* (Иер. 2, 18)? Слушай здесь внимательно. Представь, что вот это — рай. Наглядно можно это разъяснить лучше, чем словом. Проходит большая река, изобилующая водою, и орошает рай. Отсюда она несется в подземную бездну и проходит под землею беспредельный путь, который знает только положивший его Господь, долгое время поток скрывается, расходится по разным местам, и наконец, одною частью является в Ефиопии, другою — на западе, третьей — на востоке. Так направляет Бог поток под землею и творит источники, чуждые первой реке. Для чего это? Для того, чтобы, идя по следам рек, люди не нашли рая, чтобы последний оставался для них недоступным. Если бы до рая можно было дойти, то никто не нашел бы его раньше богатых; теперь же Бог заключил его как для богатых, так и для бедных, чтобы все находили к нему путь только чрез одну добродетель. Сколько трудов подъяли патриархи, пророки, святые, ища рай, и не нашли его? Разбойник, который этим путем не шел, чрез веру воистину нашел путь, — Того, Кто говорит: *Я есмь путь* (Ин. 14, 6). Он нашел рай, который заключен был преслушанием для первого человека. Но почему,

спросим, бытописатель, упомянув о первой реке, сказал: *ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс* (Быт. 2, 11–12). Если уж он описывал страны вселенной, то должен был бы указать богатства, находящиеся в каждой стране, — указать, где находятся смарагды, гиацинты, где топаз, где другие различные драгоценности. Он упомянул о золоте и двух камнях как о начатках священства, так как первосвященник носил золотой плат, на котором было написано имя Божие. Двенадцать камней было на груди первосвященника: сардий, топаз, смарагд, анфракс, сапфир, иаспис, лигирий, агат, аметист, хризолит, берилл, оникс (см. Исх. 28, 17–20). Из этих двенадцати камней зеленый (смарагд) был усвоен колену священников, анфракс — царскому. Почему? Потому, что как огню свойственно жечь и светить, так и царю свойственно благодетельствовать и наказывать. Рувиму, первому колену, усвояется сардий Симеону — топаз, Левию — зеленый камень, Иуде, от которого Христос, — огненный анфракс. Спустя долгое время Исаия говорит Иерусалиму: *вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною. Я положу камни твои на рубине и сделаю основание твое из сапфиров* (Ис. 49, 16; 54, 11), — разумея, несомненно, Спасителя. *Вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, — камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится* (Ис. 28, 16). Итак, анфракс усвоен царскому колену, зеленый (смарагд) — священному. От названной реки отделяются четыре источника рек. Почему же вода их не одинакова? Если они от одной реки, спрашивают любопытные, если из одного источника, то почему не одно у всех качество? Что за причина этого? Они изменяются от земли, от свойства тех мест, чрез которые проходят. Одна и та же вода, имеющая одну природу и качество, если насыщается полынью, получает одно качество, если анисом — другое, если рутой — третье; природа одна, но ее изменяют другие вещества. Так точно и реки. Так как они проходят по новым местам, одна чрез землю, имеющую одно свойство, другая чрез иную почву, то и получают новые свойства от местностей.

Итак, Бог сообщил качества рекам по положению местностей. Наконец, Он творит в раю *всякое дерево, приятное на вид и хорошее*

для пищи (Быт. 2, 9). Он заранее лишил преступника возможности оправдываться. Когда бытописатель сказал о жене: *и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно* (Быт. 3, 6), то дабы кто-нибудь не подумал, что оно одно только было красиво по сравнению с другими деревьями, он сказал, что этим свойством отличались все деревья, что все были красивы на вид и прекрасны, дабы ты знал, что человек преступил заповедь не по причине недостатка, а пал при полном изобилии. *И дерево,* — говорится, — *жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла* (Быт. 2, 9). Троякого рода были деревья. Одни даны были человеку, чтобы он жил; другие — чтобы хорошо жил; третьи — чтобы всегда жил. Он мог жить от деревьев, от которых было позволено есть; мог жить хорошо, не касаясь деревьев запрещенных; мог жить хорошо, касаясь того, что было не запрещено ему, и не касаясь того, что запрещено. Жить хорошо — значило повиноваться Богу. Древо жизни находилось среди рая — как награда; древо познания — как предмет состязания, подвига. Сохранив заповедь относительно этого дерева, ты получаешь награду. И посмотри на дивное дело. Повсюду в раю цветут всякие деревья, повсюду изобилуют плодами; только в середине два дерева как предмет борьбы и упражнения (5).

***

Сам по себе рай ничего удивительного не представлял бы, если бы не было там соблюдения заповеди Божией; наоборот, самые низкие места ничуть не были бы низкими, если бы в них царствовал закон Божий. Что лучше, что выше — рай или навозная куча? И однако для Адама рай оказался бесполезным вследствие его грехопадения, а Иову и навозная куча не повредила благодаря его терпению. Адам в раю посрамляется за преслушание, а Иов на куче увенчивается за терпение. Никакого значения не имеет достоинство места, если ему не соответствует доброе расположение. Небо и рая выше, но оттуда падает дьявол. Земля внизу, а небо над нею возвышается (Притч. 25, 3), но с неба падает впадший в грех, как видно из слов: *Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию* (Лк. 10, 18), а от земли возвышаются нищие, по изречению: *из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего* (Пс. 112, 7) (9).

РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

Одни зарывают деньги в землю, а другие расточают для чрева, на роскошь и пьянство, и таким образом вместе с наказанием за неправду навлекают на себя наказание за сластолюбие. Одни употребляют их на тунеядцев и льстецов, другие — на игру и блудниц, а третьи — на другие подобные надобности и таким образом прокладывают себе бесчисленные пути, ведущие в геенну, и оставляют прямой и законный путь, ведущий к небу, между тем как этот путь не только доставляет выгоду, но и приятнее тех путей (9).

РЕВНОСТЬ

Человек благомыслящий должен печалиться о всяких чужих грехах, в особенности же когда видит душу, погрязающую в нечестии язычества. О таковой душе должно не только печалиться, но гореть и пламенеть ревностью всякому, кто считает себя учеником Павла. Когда Павел пребывал в Афинах, дух его, по словам деепасателя, пламенел при виде города, наполненного идолами. Но что побуждает святых мужей питать такую ревность? Что и нашего дивного отца побуждает быть таким блюстителем благочестия? Как царь земной, имея под своею властью вселенную, в каждом судилище имеет вершителей правосудия, так и Бог имеет верных пастырей — блюстителей благочестия. Многие из язычников часто бранью отвечают на замечания христиан; им говорят, например: зачем богохульствуете? Зачем упорствуете в нечестии? А они тотчас с бранью возражают: вот заступники Бога! Разве не может Бог заступиться сам за Себя? Но ведь действительно Он сам за Себя не заступается (потому что Божество не терпит обиды), а наказывает неблагодарных работ через верных слуг. Имеет ли Бог нужду в заступниках? Да, не потому, конечно, чтобы Он не в силах был защитить Себя, но чтобы ты мог обнаружить свою ревность. Ведь если бы все Он делал сам Собой, тогда закрылся бы путь жизни для ревнителя. Не богоборствовал ли некогда фараон, погрязая в нечестии? И не было на него никакого бича, пока не явился верный Моисей. Не процветала ли ложь многобожия с его ложными священниками и лжепророками, не поражаемая Богом, пока не выступил ревнителем благочестия Илия? Без сомнения, заступниками за Бога являются мужи святые.

Потому и Павел говорит: *и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится* (2 Кор. 10, 6) (9).

***

От усердия, как говорят, родится усердие, а от лености — леность. Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда — идти и гораздо далее. И как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей. Скажу пример. Есть в нас, подобно терниям, клятвопреступление, ложь, лицемерие, коварство, обман, злословие, насмешки, смехотворство, срамословие, кощунство; с другой стороны — любостяжание, грабительство, несправедливость, клевета, наветы; далее — похоть злая, нечистота, сладострастие, блуд, прелюбодеяние; а также — зависть, ревность, гнев, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобных пороков. Если мы исправимся от первых, то мы уже исправимся не только от них, но чрез них — и от следующих за ними, потому что наша душа приобретает от того большие силы к уничтожению их (10).

РОДИТЕЛИ

Для того Бог и вложил в родителей любовь к нам, чтобы в них мы имели наставников в добродетели. Не одно рождение делает отцом, но хорошее образование; и не ношение в чреве делает матерью, но доброе воспитание. Что это справедливо, что не природа, а добродетель делает отцами, это могут подтвердить нам сами родители. Они часто, когда увидят, что сыновья их сделались негодными и развратными, отсекают их от своего родства, отказываются от них и усыновляют себе других, часто ни с какой стороны не близких к ним. Что же может быть страннее этого, когда (родители) отвергают тех, кого родили, и принимают, кого не родили? Это сказано нами не без цели, но чтобы ты знал, что свободная воля сильнее природы и что она-то преимущественно перед последней делает и сыновьями, и отцами. И это было делом Промысла Божия, что Он и не попустил, чтобы дети лишены были естественного расположения (к ним родителей) и в то же время

не все предоставил этому расположению. Если бы родители любили своих детей отнюдь не по естественной необходимости, а только за их нравы и добрые поступки, тогда ты увидел бы многих детей изгнанными из родительских домов за свою небрежность и род наш расстроенным. С другой стороны, если бы [Бог] все отдал во власть природы и не попустил родителям ненавидеть даже и злых детей, напротив, будучи оскорбляемы детьми и терпя от них тысячи неприятностей, отцы по естественной необходимости должны бы были оставаться ласковыми к дерзким и оскорбляющим их детям, тогда род наш дошел бы до крайнего нечестия. Если и ныне дети в надежде на любовь родителей часто оскорбляют их, хотя не могут вполне положится на природу, зная, что многие, сделавшись негодными, лишились и дома, и наследия отцовского, то до какого нечестия не дошли бы они, если бы Бог не оставил родителям и возможности гневаться на детей, наказывать и прогонять от себя, когда они делаются злыми? Потому-то Бог и поставил любовь родителей в зависимость и от потребности природы, и от нравов детей, чтобы они, с одной стороны, были снисходительны к погрешностям детей, будучи побуждаемы к этому природой, а с другой — злых и неисцелимо больных не укоренили бы во зле преступным потворством, что было бы неизбежно, если бы природа принуждала их ласкать и негодных детей. Подумай, сколько попечительности в том, что [Бог] и повелел любить [детей], и положил меру этой любви, и в то же время определил награду за доброе воспитание детей? А что награда за это назначена не только мужьям, но и женам, послушай, как Писание во многих местах говорит и этим, и тем, и женам не меньше, чем и мужьям. Павел, сказав: *жена, прельстившись, впала в преступление,* прибавил: *спасется через чадородие* (1 Тим. 2, 14–15). То есть ты скорбишь, говорит, о том, что первая жена подвергла тебя болезням, трудам и продолжительному чревоношению? Не скорби; не столько вреда терпишь ты от болезней и трудов, сколько получаешь, если хочешь, пользы от воспитания детей, находя в нем повод к добрым делам. Действительно, если рождаемые тобой дети получат надлежащее воспитание и твоим попечением наставлены будут в добродетели, то это будет началом и основанием

твоему спасению, и, кроме награды за собственные добрые дела, ты получишь великую награду и за их воспитание (1).

РОСКОШЬ

Не удивляйся тому, что Христос назвал роскошь терлием. Ты, упоенный страстью, не знаешь этого; но не зараженные этой страстью знают, что роскошь уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Когда бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний несноснее это! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавливает руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, — словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна как терние, и гораздо больше его вредна — и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет множество болезней и производит большую тяжесть и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения. Для чего, скажи мне, утучняешь ты тело? Разве мы собираемся принести тебя в жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птиц — или, лучше сказать, и их не хорошо, потому что, когда они утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так-то велико зло — пресыщение: оно вредно и бессловесным. Откармливая, делаем их бесполезными и для них самих, и для нас, потому что от этой тучности и пища неудобно варится, и соки гниют. Но те животные, которых не много кормят и которые, так сказать, постятся, употребляют пищу в умеренном количестве и находятся в трудных работах, бывают весьма полезны и для себя, и для других, годны для пищи и для всего прочего. Те, которые питаются ими, бывают более здоровы; те же, которые употребляют в пищу жирных животных, уподобляются им, становятся ленивыми, больными и сами на себя налагают тягчайшие узы. Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его,

как неумеренное употребление пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотят даже и настолько поберечь себя самих, сколько другие берегут мехи. Продавцы вин не наполняют и мехи более надлежащего, чтобы не прорвать их; а они и такой заботы не хотят иметь о бедном своем чреве, но до чрезмерности обременяют его пищей, наполняют себя вином до ушей, ноздрей и самого горла, и таким образом сугубо стесняют дух и ту силу, которая устраивает животную жизнь. Для того ли дана тебе гортань, чтоб ты до самых уст наполнял ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтоб, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему священные молитвы, читать божественные законы; во-вторых, подавать советы полезные ближним. А ты как будто для обжорства только получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую струны золотые и хорошо настроенную, вместо того, чтоб ударять в нее и извлекать гармоничные звуки, завалит ее навозом, всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и всякую неумеренность, так как то, что сверх меры, не питает уже, а только вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий; или, лучше, и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной. Оно само показывает нам это, так как всегда вопиет против нас, когда мы повредим ему таким излишеством; и не только вопиет, но в отмщение за несправедливость, налагает на нас и величайшее наказание. И, во-первых, оно наказывает ноги, которые носят нас и водят на роскошные пиршества; потом связывает служащие ему руки за то, что они доставляли ему столь многие и столь хорошие яства. А многим оно повредило и самые уста, глаза и голову. Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие, часто губит и портит вместе с прочими членами и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные след-

ствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности. Итак, зная это, будем убегать от роскоши, будем заботиться об умеренности, чтобы и здоровьем телесным наслаждаться, и, избавив душу от всякой болезни, сподобиться будущих благ (6).

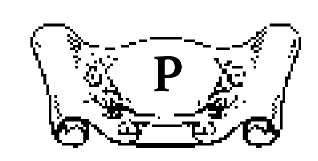
***

Человек, живущий в роскоши, имеет множество богатства, и приобретения текут к нему легко, как бы из источника; но он страшится бедствий [происходящих] от роскоши и неизвестности будущего; а тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего. Всякому известно, сколько бедствий происходит от роскоши, но необходимо сказать об этом и теперь. От нее сугубая брань, т.е. и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастьями. Но не таковы плоды умеренности; [от нее] сугубое здоровье, сугубые блага. *Здоровый сон*, — говорит Премудрый, — *бывает при умеренности желудка* (Сир. 31, 22). Умеренность всюду вожделенна, а неумеренность напротив. Например: положи на малую искру большую связку дров — и ты увидишь уже не светлый огонь, а только дым весьма неприятный.

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, — и увидишь его вместе с ношею поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль — и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши. Как на кораблях, слишком нагруженных, происходит большое смятение пассажиров, когда и кормчий, и сидящий на корме, и прочие плывущие на нем начнут бросать в море все и сверху, и снизу, так и здесь: извергают и вверх, и вниз, и среди терзаний погибают. А что всего постыднее, сами уста исполняют дело задних частей и даже делаются срамнее их. Если же в таком срамном состоянии уста, то представь, каково на душе. Там все — мрак, все — буря, все — тьма, большая смутность в мыслях, мятущихся беспокойно и тяжко, и сама душа вопиет от стеснения (10).

***

Не будем искать жизни роскошной и изнеженной. Как там бывает двоякое благо: делаются крепкими и удостаиваются великих наград — так здесь двоякое зло: делаются слабыми и негодными ни на что, разве только на зло. Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши. Муж неиспытанный, говорит [Писание], неискусен (ср. Сир. 37, 30); неискусен не только в этих подвигах, но и во всем прочем. Бездействие бесполезно, и в самих удовольствиях всего труднее получать удовольствие, так как они производят пресыщение. Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково [как кажется], но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, самое тело последнего изнежено и расслаблено; потом, телесные чувства его не в здравом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии или употребляемый на работу? Какой корабль — плавающий или стоящий без движения? Какая вода — текучая или стоячая? Какое железо — употребляемое в дело или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезною и способною на все. Скажи мне, может ли она посекать страсти, когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся наподобие тюленя? (10)

САМОУБИЙСТВО

Не будем трепетать смерти. Правда, душа по самой природе имеет любовь к жизни; однако же от нас зависит или разрешить эти узы души и ослабить это стремление к жизни, или скрепить и усилить. Как мы, хотя имеем вожделение к плотскому совокуплению, тем не менее, когда любомудрствуем, ослабляем силу похоти, так точно бывает и с любовью к жизни. Как вожделение плотское Бог вложил в нас для деторождения с тем, чтобы сохранить преемство в нашем роде, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованию высшим путем воздержания, так и любовь к жизни Он всеял в нас для того, чтобы отвратить нас от самоубийства, а не для того, чтобы воспретить нам презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать меру и, с одной стороны, никогда не должны сами собой идти на смерть, хотя бы нас угнетали бесчисленные бедствия, а с другой — не должны уклоняться и отказываться от нее, когда нас влекут на смерть за богоугодные дела, но смело идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей (9).

***

Душа неохотно разрешается от тела, так что, хотя бы намерение было и твердое, но и при этом природа обнаруживает себя. Никто без страдания не расстается с телом, и это Бог устроил для пользы, чтобы немного было насильственных смертей. Ведь если и при этом дьявол успевает побуждать к самоубийству и весьма многих доводит до стремнин и пропастей, то, если бы не такова была любовь души к телу, многие тотчас бы устремлялись бы к этому даже от самой ничтожной печали (9).

СВОБОДА ВОЛИ

Не будем отчаиваться; но хотя бы ты был злоречив, хотя бы корыстолюбив и каков бы ни

был, вспомни, что и Павел был хулителем, гонителем, притеснителем и первым из грешников, но вдруг достиг высочайшей степени добродетели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствием. Никто с таким неистовством не предается пороку, с каким он враждовал против Церкви; он отдал тогда свою душу и жалел, что не имел тысячи рук, чтобы всеми ими поразить Стефана; впрочем, и без того нашел способ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидетелей, одежды которых он стерег. Потом входил в дома, вторгался в них, как дикий зверь, влачил и терзал мужей и жен, наполняя все ужасом, смятением и тысячью браней. Он был так страшен, что даже после чудного обращения его апостолы не смели войти с ним в сношение. Но, несмотря на все это, он сделался таким, каким сделался; не нужно прибавлять ничего более. Где же те, которые подчиняют свободу воли неизбежной судьбе? Пусть услышат это и заградят уста свои! Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных (12).

СВОБОДА ОТ ЗАБОТ

Ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым. То же можно видеть и на бессловесных животных. Какая польза ослу быть обремененным тяжелою ношею, хотя бы он мог пользоваться ею бесчисленное множество раз? И какая потеря для другого осла, который свободен от всякой тяжести, если он имеет необходимую пищу? Поэтому Христос, желая сделать учеников Своих высокими, как готовившихся проповедовать по всей вселенной, освободил их от всех забот и таким образом окрылил их и сделал тверже адаманта. Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабою, как бремя забот. Как там не скоро можно встретить печаль, так здесь не скоро можно найти удовольствие. Один из них имеет множество жестоких и бесчеловечных господ и госпожей; а другой не служит никому, но сам господствует над всеми, с великой свободою наслаждаясь лучами солнца, пользуясь воздухом и не имея никого,

кто бы огорчал его. Не мучит его ни гнев, ни зависть, ни ненависть; не терзает его ни забота, ни ревность, ни тщеславие, ни гордость и ничто другое подобное, — но как тихая пристань, свободная от волнения, так и его душа находится в спокойном состоянии и легко стремится к небу, не задерживаясь ничем настоящим (2).

***

Не будем заботиться; от забот своих мы ничего не получим, кроме того только, что они развлекут нас. Если Бог подает нам все нужное, заботимся ли о том или не заботимся, и притом подает скорее тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляет тебе твоя суетливость, кроме того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пище тот, кто идет на пышный обед? Запасается ли питьем тот, кто идет к источнику? И мы, имея у себя блага лучше и обильнее, нежели сколько воды в потоках и брашен на вечерях, то есть Промысел Божий, — не должны заботиться и малодушествовать. Сверх вышесказанного, Спаситель для возбуждения в нас несомненного упования во всех вещах на Промысел Божий представляет еще доказательство, говоря: *ищите же прежде Царства Божия, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Удалив от нас всякую мысль об излишних заботах, Христос упомянул и о небесах; Он для того и пришел, чтобы разрушить древнее и призвать нас к лучшему отечеству; потому Он все делает, чтобы удалить нас от излишеств и от пристрастия к земным вещам (6).

***

Чем острее у нас зрение, тем более познаем, как далеко мы отстоим от неба. Подобным образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами. А немалая мудрость, когда можем сознавать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид, и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землею и пеплом (см. Быт. 18, 27), а Давид — червем (см. Пс. 21, 7). Подобно им, и все святые почитают себя ничтожными. Напротив, кто увлекается гордостью, тот всего менее знает себя. Потому и у нас вошло в

привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А незнающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает все, так незнающий себя не может узнать и ничего другого. Таков был тот, который говорит: *выше звезд Божиих вознесу престол* (Ис. 14, 13). Не познав самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл себя извергом и последним из людей и после столь многих и столь великих подвигов, совершенных им, не почитал себя даже достойным наименования апостольского. Ему-то будем ревновать и подражать. Подражать же ему мы будем в состоянии тогда только, когда освободимся от земли и от земных забот. Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя. Это неведение и привязанность к мирскому зависят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то само будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспламеняет нас, и познав свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие (6).

***

Чем больше ты окружишь себя нуждами, тем большему подвергнешься рабству, потому что, чем в большем будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею — нуждаться в немногом, и эту-то свободу имеют преимущественно Ангелы и их подражатели. А достигнуть этого, пребывая в смертном теле, — подумай, сколько в этом славы! Это выразил и Павел, написав Коринфянам: *мне вас жаль*, и: да не будут *иметь скорби по плоти* таковые (1 Кор. 7, 28). Деньги потому и называются деньгами, что их следует употреблять на нужды, а не хранить и не зарывать в землю; это значит уже не владеть, но быть во владении. Если мы станем только то иметь в виду, как бы их побольше приобрести, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то порядок уже

извращается, и они владеют нами, а не мы ими. Освободимся же от этого жестокого рабства и сделаемся, наконец, свободными. Зачем мы сами для себя выдумываем множество разнообразных уз? Не довольно ли для тебя уз естественных, житейских необходимостей и скопления бесчисленных дел? А ты сплетаешь для себя еще другие сети и связываешь себя ими по ногам! Когда ты достигнешь неба и будешь иметь силу стоять на такой высоте? Вожделенно, истинно вожделенно, чтобы ты, разорвав все эти связи, мог достигнуть высшего града (9).

СВЯТЫЕ

У людей рабы называются по господам, и все говорят обыкновенно так: такой-то поверенный того-то, такой-то домостроитель такого-то, военачальника или градоначальника; а никто не говорит: такой-то градоначальник такого-то поверенного; нет, низших мы обыкновенно называем всегда по высшим. Но у Бога оказывается напротив: не только Авраам называется Божиим, но и Бог — Авраамовым, Господь зовется по имени раба. Этому именно удивляясь, говорит Павел: *Посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом* (Евр. 11, 16). Не стыдится, говорит, Господь называться по имени своих рабов. Объясни, почему не стыдится? Для того, чтобы и мы подражали. Но они, говорит, *странники и пришельцы* (Евр. 11, 13). Этого-то, кажется, и нужно было стыдиться, потому что странник представляется человеком незначительным и презренным. Но святые были странниками не в том смысле, какой имеет это слово само по себе, а в другом, особенном. Мы называем странниками людей, оставивших свое отечество и пришедших в чужую землю. А святые были не такие странники; нет, презрев всю вселенную и признав землю ничтожною, они обращали взор к небесному граду, не по гордости, но по великодушию, не по надменности, но по любви к мудрости. Рассмотрев все земное, они увидели, что оно скоро проходит и гибнет и что здесь ничто не твердо и непостоянно, — ни богатство, ни власть, ни слава, ни самая жизнь, но все имеет конец и стремится к своему пределу, — небесное же, напротив, не таково, но нескончаемо и вечно. Тогда-то они пожелали быть странниками по отношению к скоротечному и преходящему, чтобы получить блага постоянные. Итак, они были

странниками не потому, что не имели отечества, но потому, что стремились к отечеству вечному. Объясняя это, Павел говорил: *Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества* (Евр. 11, 14). Какого, скажи, отечества? Не прежнего ли, которое они оставили? Нет, говорит: *Если бы они в мыслях имели то [отечество], из которого вышли, то имели бы время возвратиться; они стремились к лучшему, то есть к небесному. ...которого художник и строитель Бог. Посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом* (Евр. 11, 10, 15, 16) (1).

***

Хотя Бог находит великую радость в сонме святых и считает его своею славою, тем не менее Он и страшен им. Святые находятся вокруг Бога, приближаясь к Нему чрез святость жизни; но Бог страшен для них, когда они грешат, так как Он отнюдь не благоволит и к праведникам, если они согрешают (3).

***

Таковы души святых: любвеобильны, попечительны, превышают любовью отеческую расположенность, побеждают естественную любовь, превосходят и материнские болезни рождения, потому что они исполнены Духа и Божественной благодати (5).

***

Будем иметь общение со святыми и не потерпим бури, или, лучше, когда и случится буря, у нас будет ведро, тишина и безопасность. Та вдова была в дружбе со святым, и сын ее разрешен от смерти, и она опять получила сына своего живым (см. 4 Цар. 4). Где ступают ноги святых, там не будет ничего прискорбного; а если это и случится, то для испытания и к большей славе Божией. Пусть учащают попирать помост дома твоего ноги их, и диавол не войдет в него. Это верно. Как там, где благовоние, зловоние не имеет места, так и там, где миро святости, демон существовать не может; там веселие присутствующих, удовольствие и наслаждение душевное. Где терние, там дикие звери; а где страннопримство, там нет терний: оказанное милосердие острее всякого серпа, сильнее всякого огня уничтожает терние. Не бойся; диавол страшится следов святых, как лисицы — львов. *Праведник*, — говорит [Премудрый], — *смел, как лев* (Притч. 28, 1). Введем этих львов в дом свой, и все звери

обратятся в бегство, хотя они не будут взывать громко, но говорить просто. Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов: лишь только произнес он слово, они уже исчезли. Где же, скажешь, эти мужи? Везде, если будем верить, если будем искать, если будем домогаться. Где ты искал их, скажи мне? Когда ты занимался этим делом? Когда заботился об этом? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь, — потому что *ищущий находит* (Мф. 7, 8), а не тот, кто не ищет. Послушай о живущих в пустынях; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого в своем доме, поди сам к нему, побудь вместе с ним, посети его жилище, чтобы найти его и получить от него благословение. Великое дело благословение святых (10)!

СЕТИ ДИАВОЛЬСКИЕ

Перестань же изрекать эти сатанинские слова: если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его. Ничего нет постыднее такой речи, хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безумнее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть дьявола, когда порок облекается доброй славой, — потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплевывали Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он но перестает приходить к ним. Итак, не говори: я не могу подойти к людям, меня ненавидящим, но скажи: я не могу оплевать тех, которые оплевывают меня. Это будет речь ученика Христова, а первое — речь дьявольская. Это сделало многих знаменитыми и славными, а первое — презренными и смешными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда Сам Бог говорил: *оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их* (Исх. 32, 10), он не мог презреть тех, которые многократно отвращались от него, но сказал: *прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня* (Исх. 32, 32). Так Моисей был другом и подражателем Богу. Не будем

хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: «плевать мне на всех». А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как человека, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю — не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычным. Как же ты не думаешь о том, что произносишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него все, а ты смеешь говорить: плюю на него — и не на него одного, но на всех, ему подобных. Удержись, человек, отложи свое безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы он и тысячу раз на меня плюнул, я не отойду от него. Таким образом, ты и брата приобретешь, и будешь жить во славу Божию (11).

СКОРБИ

Скорби или искушения служат свидетельством великого Промышления и попечения о нас человеколюбца Бога. И потому мы не должны домогаться всеми мерами только жизни спокойной и беспечальной; но и в благополучии, и в скорбях равно должны воссылать благодарение Господу, чтобы Он, видя наше благомыслие, явил еще большее попечение о нас (1).

***

Никогда не будем унывать в скорбях и, увлекаясь своими помыслами, не будем предаваться отчаянию; но, имея большое терпение, будем питаться надеждой, зная благое о нас Промышление Господа, который не потому попускает нам испытывать скорби, что оставляет нас, но потому, что желает за подвиги увенчать нас светлым венцом. Так достигли славы все святые. Поэтому и апостолы говорили: многими *скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). И сам Христос сказал ученикам: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33).

Не будем же слишком сетовать о скорбях, но послушаем Павла, который говорит, что *желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). Не будем ни смущаться духом, ни унывать; но будем переносить с твердостью и терпением все напасти, обращая внимание не на скорби, а на пользу, отсюда происходящую, потому что тут есть духовное благоприобретение. Как желающие собрать богатство, занятые житейскими выгодами, не иначе могут умножить свое достояние, как испытывая множество опасностей на суше и на море, и, однако, охотно готовы бывают переносить все это, в ожидании прибыли, вовсе не чувствуя ничего тяжелого, так и мы должны радоваться и веселиться, помышляя о собираемом таким путем богатстве и духовном приобретении и — смотреть не на видимое, а на невидимое, как это внушает Павел, говоря: *мы смотрим не на видимое* (2 Кор. 4, 18). Вера в том и состоит, когда мы не довольствуемся только тем, что видим телесными глазами, но очами ума созерцаем невидимое. И это мы должны считать более достоверным, нежели то, что видим телесными глазами. Так благоугождал [Богу] патриарх, поверив обетованию Божиему и став выше естества и всех человеческих помыслов; и это — *вменилось ему в праведность* (Рим. 4, 3). Знай, что *правда* и состоит в веровании словам Божиим. Когда Он изрекает Свои обетования, то не испытывай их, прошу, по человеческим соображениям; но, становясь выше обыкновенных помыслов, твердо уповай на всемогущество Давшего обетование (1).

***

Подлинно, ничто не причиняет нам столько страданий, как усилившиеся в душе страсти. Все другие бедствия действуют отвне, а эти рождаются внутри: отсюда и происходит особенно великое мучение. Хотя бы весь мир огорчал нас, но если мы не огорчаем сами себя, то ничто не будет для нас тяжким. Следовательно, от нас зависит — испытывать скорби или не испытывать скорбей. А чтобы ты удостоверился и апостольским изречением, какое происходит *простор* от скорби, послушай самого Павла, который о плодах скорби говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). Видишь ли неизреченный *простор*? Видишь ли пристань

веселия? *От скорби происходит терпение.* Что может быть спокойнее человека терпеливейшего и могущего легко переносить все? Что может быть сильнее человека опытного? Что может сравниться с происходящею отсюда радостью? Три радостные последствия, говорит апостол, происходят для нас отсюда: терпение, опытность и надежда будущих благ. О них любомудрствует теперь и пророк, когда говорит: *В тесноте Ты давал мне простор.* Сказав: *услышь меня,* он говорит, в чем он услышан, именно: не касательно имущества — потому что ничего подобного он не просил, не в том, чтобы одолеть врагов — потому что он не просил и этого, — но касательно спокойствия, бывающего среди скорбей (2).

***

Немаловажное дело — переносить скорбь с благодарностью. Потому он [пророк Давид] и называет награду за это воздаянием. Так и мы не будем унывать во время скорбей, но молиться, чтобы не впасть в искушение; а когда оно постигло нас, то будем принимать его; чрез это мы избавляемся от присущих нам грехов, а если имеем какую-нибудь добродетель, то и ее делаем более светлою. Так показал на себе Иов, который тогда особенно и просиял. Это полезно и для тела, полезно не только людям, но и бессловесным животным, и не только животным, но и растениям. И земледельцы не позволяют винограднику и другим деревам чрезмерно разрастаться ветвями, но препятствуют дальнейшему их росту и, обрезывая ножом, обращают всю силу их к корню, чтобы они, истощив всю силу на листья, не производили негодных плодов. Так бывает и с людьми. Когда ревность тратится на дела излишние, тогда душа делается бессильною к произведению зрелого и совершенного плода благочестия. То же можно видеть и на воде. Стоячая и неподвижная вода бывает вредна; а движущаяся, вычерпываемая и проточная не только здорова, но ее приятно и видеть, и касаться, и пить. Стеснение нередко побеждает и природу. Так, вода, стремящаяся и текущая вниз, будучи стесняема, поднимается вверх. Так точно бывает и с людьми. Те, которые великодушно переносят скорби, становятся более высокими, хотя бы они были весьма низкими, самыми земными и уничиженными, и приобретают отсюда великую пользу (3).

***

Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью — есть дело уже нашей благопризнательности. Если будет так, то все будет у нас хорошо. А чтобы это действительно было, чтобы нам быть славнее здесь — на земле — и блистательнее на небесах, будем принимать все постигающее нас с благодарностью к Тому, Кто лучше нашего знает, что нам полезно, и Кто любит нас сильнее самих родителей. Эти две мысли припоминая себе при каждом постигающем нас бедствии, будем укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всех случаях все творит и устрояет в нашу пользу (6).

***

Когда мы предаемся излишней скорби обо умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив — и Богу благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем упадать духом, в таком случае [Бог] скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть печали. Если будем благодарить — не будем скорбеть. Но как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но — не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение. Скорбеть здесь — значит требовать чего-то вышеестественного. Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природой? Ты ведь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищей? Ведь не домогаешься того, чтобы жить без пищи? Так поступай и в отношении к смерти и не ищи до времени бессмертия, когда родился смертным. Это определено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всех вообще законоположено. Печалься лучше о грехах: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудрие (8).

***

Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). Итак, чтобы они, вместо великих страданий пользуясь

беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь — благо, послушай Давида, который говорит: *благо мне, что Ты смирил меня* (Пс. 118, 71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается [смехом]: что безобразнее, что безумнее этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любомудрее этого? Поэтому и Премудрый внушает: *сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья* (Еккл. 7, 3, 4). Может быть, вы смеетесь над этими словами? Но вспомним, каков был Адам в раю и каков после того; каков был Каин прежде [убийства] и каков после. Душа веселящегося не остается на своем месте; но как бы каким ветром увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твердого. Она бывает легка на вымыслы, скора на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда — неуместный смех, безотчетная веселость, излишний поток речей и большое пустословие. Но что я говорю о прочих? Представим кого-нибудь из святых и посмотрим, каков он был среди удовольствия и каков, в свою очередь, во время печали. Посмотрим, если хотите, на Давида. Когда он жил в удовольствии и радости по причине множества трофеев, побед, венцов, роскоши и самоуверенности, тогда, посмотри, что он сказал и сделал? *Я сказал в благоденствии моем: «не поколеблюсь вовек»* (Пс. 29, 7). Когда же находился в скорби, то послушай, что он говорит: *а если Он скажет так: «нет Моего благоволения к тебе», то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно* (2 Цар. 15, 26). Что любомудрее этих слов? Пусть будет так, говорит, как угодно Богу. Также и Саулу он говорил: *если Господь возбудил тебя против меня, то да будет это от тебя благовонною жертвою* (1 Цар. 26, 19). Когда был в скорби, тогда щадил даже врагов, а после того ни друзей, ни тех, которые ничем не оскорбили его. Иаков, когда был в скорби, говорил: *если Господь Бог даст мне хлеб есть и одежду одеться* (Быт. 28, 20). И сын Ноя прежде ничего такого не сделал, а когда уверился в безопасности

(от потопа), тогда, слышишь, как оказался дерзок (см. Быт. 9, 22). И Езекия, когда был в скорби, посмотри, что делал для своего спасения: облекся в рубище и сидел на земле; когда же стал жить в удовольствиях, тогда пал с высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увещевает: *будешь есть и насыщаться, берегись, чтобы не забыл ты Господа* (Втор. 6, 11–12), потому что путь удовольствий скользок и ведет к забвению Бога. Когда израильтяне были в скорби, тогда более и более умножались; а когда [Бог] избавил их, тогда все погибли. Но для чего я привожу примеры древних? Обратимся, если угодно, к себе самим. Из нас очень многие, когда благоденствуют, бывают надменными, врагами для всех, гневливыми, пока имеют власть; а когда она отнята от них, то делаются кроткими, смиренными, тихими и приходят в сознание собственной природы. А что это так, подтверждает и Давид, говоря: *овладела ими гордость их совершенно: происходит, как из тука, неправда их* (Пс. 72, 6–7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствий всеми средствами. Как же, скажут, Павел говорит: *радуйтесь всегда*? Он не просто сказал: *радуйтесь*, но прибавил: *в Господе* (Флп. 4, 4).

Это — самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это — радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный. Радость же мирская, напротив, начинается удовольствием, а оканчивается скорбью. Я не возбраняю радоваться о Господе, но даже особенно убеждаю к тому. Апостолы были бичуемы — и радовались; были связываемы — и благодарили; были побиваемы камнями — и проповедовали. Такой радости желаю и я; она берет свое начало не от чего-нибудь чувственного, а от предметов духовных. Невозможно, чтобы радующийся по мирскому радовался вместе и о Боге; всякий радующийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Его, бедности, нестяжательности, прощению, смиренномудрию. Видишь ли, как противоположны их предметы? Кто здесь не имеет радости, тот чужд и скорби [духовной]; а кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости [о Боге]. Несомненно, эти [предметы] доставляют истинную радость; а те носят только

одно имя радости, в сущности же составляют скорбь (10).

***

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь: ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам — учителям, чтобы слова наши выслушивались со вниманием. Слушатель благоденствующий бывает беспечен и нерадив и считает за беспокойство для себя слушать поучающего; а удрученный скорбью и страданием с великим усердием предается слушанию. У кого душа отягчена скорбью, тот везде ищет себе утешения от скорби, а слово доставляет не малое утешение. А что же, скажешь, иудеи? Почему они, претерпевая бедствия, малодушествовали и не слушали? Потому что они были иудеи, всегда слабые и жалкие; притом их скорбь была очень велика, а мы говорим об умеренной. Смотри, они надеялись освободиться от угнетавших их бедствий и впадали в бедствия еще более тяжкие и бесчисленные; а это немало поражает душу. Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным; а в том и состоит важнейшая часть любомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, удрученная скорбью, не заботится о многом; она желает только спокойствия и тишины; она хотела бы освободиться от настоящих [бедствий] — и более ничего. Как тело утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслаждениям, ни пресыщаться, но имеет нужду в отдохновении и спокойствии, так и душа, удрученная множеством бедствий, ищет отдохновения и спокойствия. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив, душа, чуждая удовольствий и ничем не расслабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественною, а та детски слабою, эта — основательною, а та — легкомысленною. Как что-нибудь легкое, упав в воду, колеблется волнами, так и душа, предавшаяся великой радости. От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов, что может видеть всякий (10).

***

В нас часто и здоровая кровь порождает болезни, если ее слишком много; а если ее будет немного, то, хотя бы она была не в здоровом состоянии, легко может

быть излечена. Так и с душою: если она предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невоздержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, — она далека от всего этого. Вот и наш город велик. Откуда же происходит зло? Не от богатых ли? Не от радующихся ли? Кто влечет [других] в судилища? Кто расхищает имущество? Те ли, которые живут в бедности и угнетении, или те, которые надмеваются и радуются? От души, угнетенной скорбью, не может произойти какое-либо зло. Павел знает пользу от нее, потому говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). Не будем же падать духом во время скорбей, но за все благодарить [Бога], чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволение от Бога, Который попускает скорби. Великое благо — скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби. Если они цветут тогда, когда их страсти бывают укрощаемы, то тем более [это нужно] нам, которые подвержены столь многим и столь великим [страстям]. Мы более, нежели они, имеем нужду в пестунах, так как проступки детей не могут быть велики, а наши бывают весьма велики. Наш пестун — скорбь. Итак, не навлекая ее сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его (10).

СЛАВА ИСТИННАЯ

Как и богатство земное сравнительно с небесным — убожество, и жизнь эта без той — смерть (*предоставь,* — говорит Христос, — *мертвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22)), так и слава здешняя в сравнении с тою — стыд и смех. Не будем же гоняться за нею. Если и те самые, которые воздают ее другим, ничтожнее тени и сновидений, то тем более самая слава. *Слава человеческая — как цвет на траве* (1 Пет. 1, 24). А что может быть ничтожнее цвета травного? Но если бы слава земная была и долговечна — какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже

причиняет величайший вред, делая людей рабами хуже невольников — рабами, которые повинуются не одному господину, а двум, трем и бесчисленным, дающим различные приказания. Во сколько раз лучше быть свободным, нежели рабом, — свободным от рабства людям, а рабом владычества Божия! Наконец, если хочешь любить славу, люби, но — славу бессмертную, потому что она и блистательнее, и пользы от нее больше. Люди велят тебе угождать им с ущербом для тебя самого; а Христос, напротив, за каждое твое даяние воздает тебе сторицею, и к тому прилагает еще жизнь вечную. Что лучше, на земле ли быть прославляемым или на небесах, от людей ли или от Бога, со вредом ли для себя или с пользою, увенчиваться ли на один день или на бесконечные веки? (8)

***

Павел говорит: *если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17). Бесчисленных слез достойны те, которые, несмотря на предстоящую им такую славу, леностью и сонливостью вредят самим себе. Если бы и геенны не было, и тогда несчастнее всех были бы те, которые, имея возможность царствовать и прославляться вместе с Сыном Божиим, сами себя лишают столь великих благ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанию, и умереть тысячью смертей, и отдать каждый день тысячу душ и столько же тел — не следовало ли бы перенести все это за столь великую славу (9)?

***

Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестие? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились какою-нибудь женою злою, безобразною и бесстыдною, пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы

можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые расточили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой — и она оказалась непрочною, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение. Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а порицание, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а удивляется тем, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые дарят свое имущество блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то скоро делали бы много доброго; но ныне ничего такого не делают. Кто ныне, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Противное тому [делается]. И что отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он делает то же, как если бы какой-нибудь отличный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. С другой стороны, кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам. Что же делать я советовал бы вам? Внимать Богу, довольствоваться похвалами от Него, делать все благоугодное Ему и совершать добрые дела, не прилепляться ни к чему человеческому. Это [пристрастие к земной славе] вредит и посту, и молитве, и милостыне и делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не потерпеть этого, будем убегать этой страсти; будем иметь в виду только одно — похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление от нашего общего Владыки (10).

***

Если хочешь знать, какие есть побуждения презирать людскую славу, то будь исполнен высоких мыслей, смейся над видимым, возрастай в любви к истинной славе, исполнись духовных помыслов, скажи душе своей, как говорил Павел: *разве не знаете, что мы будем судить ангелов* (1 Кор. 6, 3)? И, возбудив ее этим,

вразуми и скажи: неужели ты, судящая Ангелов, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, как хвалят плясунов, лицедеев, звероловов и наездников, которые стремятся к таким именно похвалам? А ты постарайся быть выше этих кликов, подражай пустынножителю Иоанну, узнай, как он презирал народную толпу и, видя льстецов, не обращал на них внимания. Когда же все жители Палестины собрались вокруг него, удивлялись ему и приходили в изумление, то он не хвалился и такой честью, но восставал против них и, обращаясь к многочисленному народу как к ребенку, поражал их такими укоризнами: змеи, *порождения ехиднины* (Мф. 3, 7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видеть эту священную главу, однако ничто не смягчило Иоанна — так он далек был от славы и свободен был от всякой гордости. И Стефан, видя, что опять тот же народ не чтит его, но неистовствует и скрежещет зубами, поставив себя выше их гнева, говорит: *жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем* (Деян. 7, 51). И Илия в присутствии войска, царя и всего народа сказал: *долго ли вам хромать на оба колена?* (3 Цар. 18, 21). Но мы всем льстим, угождаем, покупая себе этим раболепным служением их почтение. Вследствие этого все переменилось, мы лишились благодати первых веков, дела христианства пришли в упадок, и все пренебрежено для людской славы. Итак, искореним страсть — и тогда вполне узнаем свободу, найдем пристань и тишину. Ведь тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим пристани и наслаждающимся полной свободой. Но не таков тщеславный, который скольким бы ни был известен, столько же имеет и господ и всем вынужден служить. Как же нам освободиться от этого тяжкого рабства? Если возлюбим другую славу, славу истинную. Как влюбленных в красивое лицо обыкновенно отвлекает от этой любви другое лицо, которое красивее прежнего, так и пристрастных к людской славе может отвлечь от нее слава, воссиявшая с небес. Потому обратим взоры на эту последнюю, узнаем ее в точности, чтобы, удивившись красоте ее, избежать нам позора славы мирской и насладиться многим удовольствием, непрестанно утешаясь славой небесной (11).

СЛАВОЛЮБИЕ

Если желаешь ты славы и потому строишь козни ближнему, то тогда вполне приобретешь ее, когда, презрев эту славу, будешь удерживаться от коварства. Как для сребролюбивого приобретение богатства соединено с потерею, так и для славолюбивого домогательство славы соединено с бесславием. И если хотите, то и другое рассмотрим порознь. Так как мы нимало не страшимся геенны и нисколько не заботимся о Царствии Небесном, то, по крайней мере, посмотрим на следствия того и другого в настоящей жизни. Скажи мне, кто достоин посмеяния: не тот ли, кто слишком домогается славы у людей? Кто достоин похвалы: не тот ли, кто совершенно пренебрегает человеческой похвалой? Следовательно, если любовь к пустой славе соединена с поношением и если тщеславный, гоняющийся за славою, не может скрыться, то и будет он непременно подвергаться поношению, и домогательство славы сделается для него причиною бесславия (7).

***

Никак невозможно любящему славу не жить жизнью страдательной; а напротив, подавляющий в себе славолюбие не может не подавить вместе с тем и множество других страстей: побеждающий эту страсть преодолеет и зависть, и сребролюбие, и прочие тяжкие недуги. Но как, скажут, нам преодолеть эту страсть? Преодолеем, если будем иметь в виду иную славу, славу небесную, которую земная силится лишить нас. Та слава еще и здесь прославит нас, и будет сопутствовать нам в будущей жизни, и освободит нас от всякого рабства плоти, которой мы ныне так бедственно служим, всецело предавшись земле и делам ее. Пойдем ли на торжище, войдем ли в дом какой-нибудь, будем ли в дороге, или на пристани, в гостинице, или в странноприимном доме, на корабле, на острове, в царских чертогах, в судилищах, или в гражданских советах — везде увидишь заботы о делах временных и житейских; все и каждый об них только пекутся: и отходящие и приходящие, в путь отправляющиеся и дома остающиеся, плавающие и землю возделывающие, находящиеся на полях и в городах — все вообще. Какая же будет у нас надежда спасения, если, живя на земле Божией, мы не печемся о предметах божественных? Тогда как нам повелено быть здесь странниками, мы — скорее

странники для небес, а для здешних мест — жители. Что может быть хуже такой бесчувственности? Слыша каждый день о Суде и Царствии, мы подражаем современникам Ноя и жителям Содома и ожидаем, чтобы нас вразумили такие же опыты. А ведь о них все и написано для того, чтобы, кто не верует в будущее, тот из событий прошедших получил ясные доказательства относительно будущих (8).

***

Когда что-либо происходит для славы, тогда все бывает низко: пусть человек имеет все, но не владеет этим [презрением славы], — он совершенно чужд любомудрия и одержим сильнейшею и гнуснейшею страстью. Презрение славы может научить всему доброму и изгнать из души всякую губительную страсть. Поэтому убеждаю и вас — проявлять великую ревность о том, чтобы исторгнуть эту страсть с корнем; иначе и нет возможности благоугодить Богу и снискать благоволение перед этим неусыпным оком (10).

***

Гибельно и исполнено всякого бесчестия — любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть овладеет тобой и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господину, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, — а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратьев, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле. Борец, где подвизается, там ждет себе и одобрений, а ты, подвизаясь для горнего, заботишься получить награду долу. Что может быть хуже такого безумия? Посмотрим же, если угодно, и на самые венцы: иной состоит из высокомерия, иной из зависти к другому, один из насмешки и лести, другой из денег, иной из рабского служения. Как дети во время игры возлагают друг на друга венки из травы и часто, увенчав кого-нибудь так, чтоб он сам не заметил, смеются над ним сзади, так и теперь те, которые тебя хвалят, часто сами между собой смеются, возложив на тебя траву. И пусть бы еще

только траву, но их венец причиняет нам большой вред и губит все наши заслуги. Итак, рассудив о ничтожности его, избегай вреда. Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих, но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище Ангелов, то эти рукоплещущие окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения. Послушай, как Павел, в точности узнавший людскую славу, не только не домогается ее, но и отвращается, говоря: *я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14). Итак, и ты возревнуй об этой похвале, чтобы не разгневать Господа. А, ища похвалы людской, ты бесчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцем и имея у себя ученика, ты и сам не перенес бы равнодушно, если бы он не стал тебе показывать произведений своего искусства, а выставил бы картину напоказ простым зрителям. Если это обидно для собратьев, то гораздо более для Владыки (11).

СЛОВА

Блажен муж, любящий духовные изречения. Это отличает нас от бессловесных. Нас отличают от них не свойства телесные, не пища, ни питие, не жилище, не жизнь: все это у нас общее с бессловесными; но чем отличается человек от бессловесных? Словом. Потому человек и называется животным словесным. Как питается тело, так питается и душа: тело хлебом, а душа словом. Если бы увидел человека, вкушающего камень, то сказал ли бы ты, что это — человек? Так точно, если ты увидишь кого-нибудь питающегося не словом, а предметами чуждыми слова, то скажешь: он перестал даже быть человеком, потому что благородство человека доказывается тем, чем он выкармливается (4).

СЛОВО БОЖИЕ

Слово Божие возбуждает страстное желание души и дает ей радость как бы некий светильник, чтобы и помыслы просветить, и грехи очистить, и мысли осветить. Таково слово Божие. Что для железа оселок, то для души слово Божие. Оселок оказывает железу пользу не в одном только

отношении; во-первых, он служит для очищения с него ржавчины; затем, если оно толсто, делает тонким, если тупо, делает острым, если темно, делает блестящим, чистым, светлым, ярким. Так и слово Божие очищает душу от ржавчины греховной, делает ее энергичною, если она ослабела, делает нежною, если огрубела, делает светлою, если она омрачилась, и Слово Божие хочет, чтобы мы сияли согласно с апостольскою заповедью, гласящею: будьте *как светила в мире, содержа слово жизни* (Флп. 2, 15, 16). Вот сияние! Оно хочет, чтобы мы были не вялыми, а бодрыми. *Живо,* — говорится, — *слово Божие и действенно и острее всякого меча обоюдоострого* (Евр. 4, 12). Оно хочет, чтобы мы не были грубыми, а утончали ум помыслами, потому что, когда ум огрубевает, он чужд бывает слову Божию, а когда утончается, приложит закону Божию. Потому-то Писание и говорит об огрубевших: *и ел Иаков, и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его* (Втор. 32, 15). Пусть же слово Божие просветит и наш ум, и особенно в этот предлежащий святой пост, когда изнуряются тела и бодрствуют помыслы (5).

***

Когда беседуем о предметах духовных, ничто житейское да не будет в душах наших, ничто земное; но все это да будет удалено, все да будет устранено, чтобы мы могли всецело предаться одному слушанию божественных слов. Если при входе царя в город затихает весь шум, то гораздо более в то время, как Дух беседует с нами, мы должны вникать с глубоким безмолвием и с великим страхом (8).

***

Христос не столько обращает внимание на собственное достоинство, сколько на наше спасение, и не заботится о том, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что может привлечь нас. Поэтому высокого и великого в Его словах немного, да и то прикровенно, а уничиженного и обыкновенного — весьма много. Так как это последнее больше привлекало, то Он чаще об этом и говорит. Впрочем, Он и не всегда говорит уничиженное, чтобы не повредить будущим [слушателям Своего учения], и не умалчивает о нем, чтобы не соблазнить тогдашних. Люди, освободившиеся от низких понятий, могут и из одного высокого догмата уразуметь все; а те, которые всегда были с понятиями низкими,

и совсем не пришли бы, если бы не часто слушали уничиженное (8).

***

Источник света — слово Божие; будучи исполнено света и источая свет, оно просвещает и озаряет души верных. Само из себя и само по себе оно светит и пользующихся им просветляет; и не просто души верных просвещает, но и сообщает им имя света. В самом деле, Божественное Писание по справедливости именует тьмою людей, погруженных в неведение и упорствующих в неверии, не принимающих светильника истины, чтобы сделаться сынами света. Поэтому и божественный апостол Павел говорит: *ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не [сыны] ночи, ни тьмы* (1 Фес. 5, 5). И действительно, мы сыны света, т.е. слова евангельского, глаголанного устами Божиими: *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 8, 12). То слово есть слово света, которое, если мы уверуем в него, делает нас сынами света. Поэтому и Спаситель говорит: *доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света* (Ин. 12, 36). Ведь что для тела этот чувственный свет, то самое для души свет духовный — слово Божие; и что ночью — тьма, то самое для душ заблуждающихся неведение. Поэтому и блаженный Давид о таковых пишет: *Не знают, не разумеют, во тьме ходят* (Пс. 81, 5). Так и синагогу, погруженную в неведение и не желающую проникнуть к познанию духовного учения, Бог называет тьмою по причине обитающего в ней неведения. Когда Бог говорил иудеям через пророка, ночи уподобил *матерь* их и, поясняя, что разумеет ночь, подобную тьме, прибавил: *Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения* (Ос. 4, 5–6). Потому-то они и *не знают, не разумеют, во тьме ходят* (Пс. 81, 5). Но они так, а принявшие свет Христова учения — те совершенствуются во свете. В самом деле, Бог наш есть свет; и слово Его, из Себя самого рожденное Им прежде веков бесстрастно, называется светом; и святой, и единосущный, и живоначальный Дух — свет. Свет, и свет, и свет, но один свет. И душа, принявшая слово, называется светом (9).

СМЕРТЬ

Пусть [никто] не считает жалким окончившего жизнь свою на чужбине, преставившегося от

этого мира в пустыне. Не он достоин сожаления, а тот, кто умирает в грехах, хотя бы он кончил жизнь на своем ложе, в собственном доме, хотя бы в присутствии своих друзей. И никто не говорил мне этих пустых, достойных смеха и безрассудных речей: такой-то умер бесчестнее пса — при нем не было никого из знакомых; не сделано ему и приличного погребения, а на сложенное от разных лиц иждивение устроено то, что нужно для погребения. Не значит это, о, человек, умереть бесчестнее пса, потому что какой оттого вред потерпел такой человек? То только худо, если он не имел для своего прикрытия одежды добродетели. Что все другое не причиняет никакого вреда добродетельному, убедись из того, что большая часть праведников, разумею пророков и апостолов, за исключением немногих, неизвестно, где и погребены: одни были усечены в главу, другие, будучи побиты камнями, таким образом окончили жизнь, иные, предав себя самих бесчисленным и разнообразным наказаниям, все пострадали за Христа. Но никто не дерзнет сказать о них, что смерть их была бесчестна, а скажет вслед за Божественным Писанием: *честна пред Господом смерть преподобных его* (Пс. 115, 5). И как называет оно смерть преподобных *честной*, так, послушай, называет оно смерть грешников: смерть, — говорит, — грешников люта (см. Пс. 33, 22). Хотя бы кто расстался с жизнью в своем доме, в присутствии жены и детей, в собрании родственников и знакомых, но, если не имел добродетели, *люта* смерть его. Напротив, стяжавший добродетель, хотя бы умер на чужбине, поверженный на землю, — да и что я говорю: на чужбине или на земле? — хотя бы впал в руки разбойников, хотя бы сделался добычей зверей, *честна* будет смерть его. Скажи мне: сын Захарии не во главу ли был усечен? А Стефан, первый украсившийся венцем мученичества, не скончался ли, будучи побит камнями? А Павел и Петр не преставились ли от настоящей жизни, первый, будучи усечен, второй — противоположным Господу образом приняв крестное мучение? И не за то ли особенно они и прославляются и воспеваются по всей вселенной? Соображая все это, не будем считать жалкими умирающих на чужбине, ни ублажать разлучающихся с жизнью в собственном доме; но, последуя правилу Божественного Писания, поживших в добродетели и так

преставившихся будем ублажать, а умирающих в грехах признавать несчастными. Как добродетельный проставляется в лучшую жизнь, получая возмездие за свои труды, так не имеющий добродетели, умирая, уже испытывает начатки мучений, и, отдавая отчет в делах своих, подвергается невыносимым страданиям. При мысли об этом нужно поэтому заботиться о добродетели и в настоящей жизни, как на ристалище, подвизаться так, чтобы по окончании зрелища украситься светлым венцом и напрасно не раскаиваться. Пока еще продолжается время подвигов, можно, если захотим, отложить леность и преуспеть в добродетели, дабы получить предлежащие венцы (1).

***

Не знаешь ли ты, что часто смерть бывает гораздо лучше жизни, а у многих жизнь бывает весьма жалкою, не лучше, чем у иных смерть. Не всегда должно презирать жизнь и не всегда должно избегать конца жизни. Напротив — всегда должно избегать злого конца. То и другое [жизнь и смерть] само по себе не есть ни зло, ни добро, но быть ему тем или другим — будет зависеть от конца. Что блаженнее смерти Иоанна и что жалче Иродовой? Тот и по смерти возбуждал страх в живом: *в то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им* (Мф. 14, 1, 2) — Иоанн, которого я предал смерти (4).

***

Смерть будет драгоценной не оттого, что иной умрет в своем доме, на ложе или среди семейных, но оттого, что мы будем умирать храбро и мужественно за истину. Что такая смерть драгоценна, об этом свидетельствует вся вселенная. Хотя знаменита кончина царей и вождей, и она иногда почитается их семейными, однако она непохожа на кончину тех рыбарей, которые умерли не по естественному порядку, но с великой добродетелью и совершенной победой, и гробницы которых почитаются во всем мире. Одному была отрублена голова, другой был четвертован, иной — побит камнями. Тем более они почитаются, что почили такою смертью, так как умерли ради мира вселенной. Подобно тому, как даже мало предприимчивые вожди в высшей степени почитаются

после смерти за те труды, какие они подъяли ради мирских дел и пали в сражении, так и апостолы, умершие за Церкви, их мир, прияли венцы и после смерти более и более почитаются. Если их Царь смертью смерть попрал, то, конечно, и вождям надлежало подражать своему Царю. Итак, не будем горевать о тех, кому была отсечена голова, и не будем ублажать тех, которые умирают в своем доме: это не блаженство, а то не горе. Но блаженными должно считать тех, которые мужественно умирают за истину и в гробницу несут, как одежду, хорошую жизнь, которая гораздо драгоценнее золотых одеяний. Иной, оставляя умирающего за истину нагим и считая недостойным погребения, таким образом более украшает его, нанося ему тяжкий позор за понесенный ради истины труд. Он делает его не жалким, но блаженным, так как таковую одежду не ест моль, не точит червь, не крадут воры, не истребляет время, не гноит земля: она остается нетленной и украшает облеченного в нее более, чем солнце и корона из звезд украшает небо. Будем же желать такого рода смерти за благо общественное. Но почему не за нашу корысть и пользу? Это я говорю затем, чтобы мы приготовляли себя самих к трудам, привходящим со дня на день ради благочестия. И ныне, если желаем, мы умираем многократной смертью. Как может смертный человек умирать многократной смертью? Когда он смертен, то он умрет лишь однажды; а если он умирает часто, то ясно, что он — бессмертен: ведь умирает живой, а тот, кто умер, снова не умирает. Является новый вопрос: он не есть смертный. Если бы он был смертным, то каким образом он умер бы снова? Он — и не бессмертный: если бы он был бессмертным, то каким образом Павел говорил: *за Тебя умерщвляют нас всякий день* (Рим. 8, 36), и опять: истинно, истинно говорю вам: *я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею* (1 Кор. 15, 31). Он думал об унижении и вреде, а не о делании добродетели (так как однажды умереть положено всем людям), почему и сказал: *я каждый день умираю.* Сколько времени Бог дал для его жизни, столько Павел и оставался, всегда умирая; он не желал оставаться должником, но считал своим долгом умирать *каждый день.* Что же равное этому показываем мы? Смотри, кому дано покоиться таким образом: бедным, слабым, не велеречивым. Смерть их пророк

называет покоем, потому что нет ничего подобного тому покою, когда иной беспорочный стремится на тот путь, вне земного отечества. Как человек, близкий к смерти, дает правила и повеления относительно своего дома, жены и детей и располагает все, как желает, хотя это его не касается больше, а потом думает ни о чем больше, как о смерти, так — тем более тот, кто собрал столько сокровищ, с которыми он уверенно может предстать к Богу. Душа его станет пред Богом, после того как священная смерть снимет тягость грехов; легкий дух взойдет на небо и уверенно устремится к Богу, когда у него отнята будет злая совесть, — не боясь какого-либо наказания и не страшась, что для него должны заключиться врата небесные, оставляя тело охотно, без битвы и борьбы, не насильственно влекомый вожатаями и не внезапно уносимый, и ему не должно опасаться вследствие какого-либо греха, ни сомневаться вследствие зла. Весело и охотно он отдается им, как отрок, ищущий кормилицу, отца или матерь, — отлично зная, что он призывается не для мучения и вечной смерти, но для царской почести и трапезы, уготованной всем добрым, и понимая, что то тело, которое он на некоторое время оставляет, он примет вновь с великой славой и честью (4).

***

Смерть происходит от грехов, почему Писание говорит: *пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни* (Притч. 9, 18); *чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12); *не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время* (Еккл. 7, 17), и в ином месте: *число дней твоих сделаю полным* (Исх. 23, 26). Но мы прекрасно знаем, одни смерти бывают своевременно, а другие несвоевременно; одни по праведности, другие по грехам. Но разве могут быть несвоевременные смерти по добродетелям? *Восхищен,* — говорится, — *чтобы злоба не изменила разума его* (Прем. 4, 11). Отсюда ясно, что смерть может быть несвоевременной по определению мудрости и по милосердию Божию. Приими, говорит, Господи, Иосию, дабы он не узрел грядущих зол. Видишь ли, что [не только] вследствие бедствий, а также и по милосердию Божию бывают то несвоевременная смерть, то старость. Говорится: *чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Но иная бывает старость по грехам,

по сказанному о Каине: *за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро* (Быт. 4, 15), как это по иному случаю объяснили иные и как объяснили также мы в толковании на Захарию. А Павел говорит: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30). Ясно, что мы нашли две причины своевременной и несвоевременной смерти, противоположные между собою: праведность и грех. Посмотрим, не можем ли мы найти также иных причин. Да, находим, именно — хотя ты и не веришь этому — то, что Бог может возбудить болезнь или обиды людей. Умирают не только по причине козней человеческих, а и по допущению Божию, подобно тем, на которых упала башня (Силоамская), о которых Иисус говорил: *или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме?* (Лк. 13, 4). А бывает иная причина и своевременной смерти, как исполнилось это на Павле. Не напрасно и не неправедно был долговечен этот праведник: *а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1, 24), иначе он быстро отправился бы ко Христу: он желал оставаться во плоти ради проповеди. Таким образом и пророки по этим же причинам вели долгую жизнь для пользы многих. Вот мы показали уже три причины своевременной и несвоевременной смерти; желаете ли вы также знать и четвертую причину? Авраам обновился от старости к юности, чтобы родить детей. Желаете ли также знать пятую причину, которая несказанна и удивительна? Смерть младенцев, которые были убиты в жестокое правление нечестивого Ирода: они были умерщвлены не по причине праведности или грехов и не были восхищены по причине злобы, но были убиты вследствие жестокости сердца: Ирод убил их по своей злобе. А почему, скажут, погибли во время потопа? Мы скажем: истреблены были по повелению Божию за свои грехи. А почему — младенцы израильские? Почему — первенцы египетские? И те по какой-либо причине. Как те, которые были истреблены в потопе, так и те, которые были убиты Иродом, и те, которые убиты в Египте: все по разным причинам. Так как причины смерти отдельных людей различны, то должно исследовать, каковы они. Во время Ноя — чтобы не распространялось зло, во время Христа — не так; египтяне погибли за грехи отцов, израильтяне же

по причине злобы египтян. Но если ты скажешь, почему Он не погубил сразу всех грешников, то я скажу: придет суд. Если кто-либо скажет, что младенцы, умерщвленные Иродом, были убиты не по тем причинам, так как, если бы они были грешниками, то могли бы исправиться, а если праведниками, то им нанесена обида, — то мы скажем, что на самом деле — не так. Бог умеет воздавать даже едва родившимся, когда Он даже о неродившемся, который не сделал ничего доброго или злого, говорит: *больший будет в порабощении у меньшего* (Рим. 9, 12), а также: *Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел* (Рим. 9, 13), и это сказано относительно грядущего, так как Бог знает, какого они направления. Ясно, что новорожденные, если хороши, угодны Богу, а если злы, то смерть для них же полезнее, чтобы они не сделались злыми. Но каким образом, скажут, понимать следующее: если предается казни какой-либо вор или преступник, то ужели Бог повелел, чтобы тот умер злою смертью? Не от Бога произошло такое повеление, но от злобы. Тот злоупотребил свободою, сам был причиною своей смерти, сам принял на себя иго смерти, как говорит премудрый: *привлекли ее и руками* (Прем. 1, 16). Но если кто-либо стремительно падает, то разве не Бог причиняет такую смерть? А может быть, он упал вследствие небрежности? Если Бог попускает ему умереть таким образом, то он в совершенстве знает причины этого. Если же умирает какой-либо удавленник, то Бог не желает этого, а попускает по гордой воле таковых. Таким же образом, когда на путешественника нападают воры, то иногда одному путешественнику Он дозволяет пройти и его спасает, а иногда относительно другого он допускает смерть, чтобы не уничтожить свободы. Итак, мы полагаем, что одна смерть бывает по повелению и воле Божией, а другая по его попущению, хотя и против его воли, — убийца осудил сам себя. Бог не везде помогает, хотя и желает, чтобы мы на Него надеялись; Он никогда не презирает, так чтобы не думали, что творения Его не имеют промышления и попечения о себе. Ясно, что определенная людям от Бога смерть не есть неизбежна, но что Бог отменяет уже произнесенное решение относительно смерти, вследствие покаяния, когда к нему прибегает праведник или грешник. И относительно праведного Езекии было произнесено решение, но он слезами своими

изменил таковое решение. Таким образом, Бог желает, чтобы смерть происходила не только по природе, но также по праведности или по грехам, чтобы мы имели возможность своею праведностью избегать несвоевременной смерти. Но скажут: какая теперь польза, когда я слышу, что первый человек умер по грехам, я же, хотя соблюдаю кое-какую праведность, однако умираю, уничтожаемый тем же наказанием? Если ты праведен, то ты можешь избегнуть несвоевременной смерти; если же ты грешник, то нельзя. В то время это имело значение, но теперь Бог повелел, чтобы и смерть вменялась в ничто (4).

***

Люди, которые ежедневно ведут неправую жизнь, а также участники их преступлений всегда живут в великом страхе и смятении и пребывают в постоянной смерти. Ничто не препятствует назвать это смертью, здесь есть нечто более тяжелое даже самой смерти. Смерть есть освобождение от бед, от зол, которые содержат нас связанными, и разрешение души от уз тела. Когда происходит такое разрешение, то вместе с ним прекращаются и все заботы. Неправая жизнь бывает причиною многих преступлений, так как она производит пороки и часто весьма сильно воспламеняет их. Каждый как бы связывается своею веревкою, и вследствие неправой жизни происходит опутывание. Конечно, бывают и иные обстоятельства, которые делают жизнь печальной и даже без вины, как труд для обеспечения себе средств жизни, смертельные болезни, потери, порицания, обвинения, коварство, встречающиеся весьма часто горести и многое подобное. Но когда присутствует грех, этот неукротимый зверь, то вновь не является никакого утешения. Смотри на блуждающего и беглого Каина, проводящего неспокойную жизнь (4).

***

Для некоторых кажется невероятным, чтобы тело, обратившееся в прах, могло снова восстать, снова ожить. А касательно души никто из людей не может сомневаться: о бессмертии души не разногласят даже и философы, хотя они были и язычники. В самом деле, что такое смерть, как не отделение души от тела? Когда отделяется душа, которая всегда

живет и умирать не может, так как она произошла от вдуновения Божия, то умирает только одно тело, потому что у нас одна часть смертна, а другая бессмертна. Когда же отделится душа, которая для телесных глаз невидима, то принимается Ангелами и помещается или на лоне Авраамовом, если она верующая, или в преисподней темнице, если она грешница, до тех пор, пока придет определенный день, в который она опять примет свое тело и пред престолом Христа, истинного Судии, отдаст отчет в своих делах (5).

***

Страшна смерть и великого исполнена ужаса, но — не для тех, кому известно высшее любомудрие. Кто ничего ясно не знает о будущем, но считает смерть разрушением и окончанием жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ее, потому что он как бы отходит в небытие. А мы, по благодати Божией познавшие безвестные и тайные премудрости Его и считающие смерть переселением, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ее; напротив, мы должны радоваться и благодушествовать, и потому что, оставляя эту временную жизнь, мы отходим к другой, гораздо лучшей, блистательнейшей и не имеющей конца (9).

***

Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла. А после этого или, лучше сказать — прежде этого она доставила уже нам и другие, очень многие блага. Отсюда венцы мученические, награды апостольские; так оправдался Авель; так оправдался Авраам, принесши на заклание сына; так оправдался Иоанн, умерщвленный за Христа; так оправдались три отрока; так оправдался Даниил. Если и мы пожелаем, то не только смерть, но и сам диавол не сможет повредить нам. Кроме этого, нужно сказать о том, что нас ожидает бессмертие, что после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены как бы в некотором училище болезнями, скорбями, искушениями, нищетою и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ (11).

СМИРЕНИЕ

Слово *смирение* имеет много значений. Есть смирение добродетели, например, когда говорится: *сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Бывает смирение от несчастий; бывает и от грехов. ... Бывает смирение от гордости, например, когда говорится: *возвышающий сам себя, унижен будет* (Лк. 18, 14). Бывает и другого рода смирение — от ненасытимости. Что презреннее тех, которые погребают себя в богатстве, власти и славе? Такие люди низки в двояком отношении: во-первых, потому, что пресмыкаются по земле; во-вторых, потому, что почитают важными такие вещи, подобно малым детям, которые считают важными бабки, мячики и другие игрушки. Это — знак не того, что сами вещи важны, но того, что занимающиеся ими имеют ум несовершенный и низменный. Впрочем, у детей это — недостаток возраста и природы, а у тех — вина воли. Человек, ставший мужем и пришедший в полный возраст, считает важным делом пиршества, блудодейства и роскошь — что может быть презреннее этого? Многие называют таких даже людьми великой души, но сами они еще гораздо презреннее их. Будем же знать, в чем состоит истинное величие и от чего происходит низость. Ничто не делает столь высоким, как презрение к упомянутым вещам (3).

***

В Божественном Писании указывается много видов смирения: иногда этим именем называется кротость духа: *научитесь*, — говорит, например, Христос, — *от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); иногда — смирение, происходящее от наказания, посылаемого для нашего исправления, почему Давид говорит: *благо мне, что Ты смирил меня* (Пс. 118, 71); иногда — смирение, происходящее от наказания муками, вследствие которого наказанный становится достойным позора, как, например, когда говорится о диаволе: *Ты смирил, как раненного, гордого* (Пс. 88, 11) (3).

***

Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смириться настолько, насколько смирился Владыка твой. Однако это уничижение Его сделалось возвышением для всех и открыло славу Его. Прежде, нежели Он сделался человеком, известен был одним

Ангелам; а когда стал человеком и был распят, тогда не уменьшил ту славу, которую имел, но и приобрел новую, будучи познан вселенной. Не бойся же потерять честь свою оттого, что ты смиряешься; смирением более возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь к Царству. Зачем же идти в противоположную дверь? Зачем вооружаться против самих себя? Если мы захотим казаться великими, не сделаемся великими, но будем бесчестнее всех (7).

***

Блаженны христиане, смиренномудрствующие и тогда, когда они облечены высоким достоинством. Ты смиренномудрствуешь, имея высокие заслуги? Смирение нисколько тебе не вредит: в очах Божиих ты остаешься таким, каков ты на самом деле. Если ты смиряешь себя, не ожидая удара судьбы, тогда и уничижение, — откуда бы оно тебя не постигло, — не будет для тебя неожиданностью: ты выступишь на борьбу готовым. Хорошо говорил об этом Давид: *приготовился я без смущения* (Пс. 118, 60). Итак, будем избегать высокомерия, будем избегать тщеславия, возлюбим Христа и ради Христа бедных, чтобы обогащающий всех, милующий всех по Своим щедротам даровал церковной пастве всегда цвести благочестием под водительством земледельца правды, недавно оставившего нас ради другого назначения, но всегда пребывающего с нами по силе духовного предстательства (9).

***

Нет ничего равного смиренномудрию: оно — источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его. Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты чрез это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров. Кому больше прощается, тот должен больше возлюбить (см. Лк. 7, 47). Потому тебе и должно смиряться, что Бог, минуя других, призрел тебя. Поэтому страшись, так как это часто служит и к твоей погибели, если не бываешь внимательным (10).

***

Есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это — не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение, и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие (10).

***

Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, он станет молчать и переносить с кротостью и будет иметь такой мир со всеми, какого и выразить невозможно, а вместе с тем — и с Богом. А заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы в мире друг с другом; Богу же никто не может причинить зла: Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти. Ничто так не делает христианина достойным удивления, как смиренномудрие. Послушай, как говорит Авраам: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27); или Бог о Моисее — что был самый кроткий из всех людей (см. Чис. 12, 3). Никто не был смиреннее его: управляя таким народом, потопив в море и царя, и все войско египетское, как мух, совершив такие дела в Египте, в Чермном море и в пустыне, удостоившись такого свидетельства, он вел себя, как заурядный человек. И зять был смиреннее тестя и принял совет его; не оскорбился и не сказал: «что это? после таких-то и таких дел, ты пришел советовать мне?» Так поступают многие, хотя бы им предлагаем был самый лучший совет, пренебрегая советующим за его скромность. А он не так; напротив, делал все со смиренномудрием. Потому-то он презрел царские чертоги, что был истинно смиренным; смиренномудрие делает ум наш здравым и возвышенным. В самом деле, не знак ли высокой мудрости и великой души его — что он презрел и дом, и стол царский? Цари у египтян почитались как боги и наслаждались бесчисленными богатствами и сокровищами: но он оставил все это, отверг самый скипетр египетский и удалился к пленным и

угнетенным, изнуренным *глиной и кирпичами*, презираемым самими рабами его, — *гнушались ими*, говорится, *египтяне* (Исх. 1, 12–14); этих людей он предпочел владыкам. Так-то смиренный бывает высок и великодушен! Ведь гордость есть знак низкого ума и неблагородной души, кротость же — души высокой и великой (12).

***

Будем смиренными, чтобы нам сделаться высокими: *кто унижает себя*, — говорит [Господь], — *тот возвысится* (Мф. 23, 12). Не таков человек надменный; напротив, он ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого таких людей мы и называем надутыми. Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей многое о себе воображает. Будем же достигать величия смиренномудрием; будем помнить о природе [всего] человеческого, чтобы нам воспламениться желанием будущего. Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовью к божественному и презрением к настоящему. Как тот, кто ожидает получить Царство, когда вместо порфиры предложить бы ему какую-нибудь частную почесть, почел бы ее за ничто, так точно и мы посмеемся над всем настоящим, если воспламенимся желанием почести будущей (12).

СОВЕСТЬ

Тем-то и отличаемся мы от бессловесных, что человеколюбивый Бог почтил нас разумом, и в природу нашу вложил познание добра и зла. Итак, никто не должен оправдывать себя тем, что небрежет о добродетели по неведению, или потому, что не имеет руководителя на пути ее. У нас есть достаточное руководство — совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи. При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать, дабы, показав свое благомыслие упражнением в подвигах добродетели в настоящей жизни, как бы в некоторой школе борьбы, получил за добрые подвиги награды, потрудившись краткое время, удостоился бы венцов в веке нескончаемом, стяжав добродетель в этой скоропреходящей жизни, наслаждался бы нетленными благами в веках беспредельных и бесконечных. Зная это, возлюбленные, не унизим своего достоинства, не будем неблагодарны за такое благодеяние,

и, гоняясь за временными мнимыми удовольствиями, не будем готовить себе вечного мучения. Будем устроять свою жизнь, как постоянно имеющие пред собою недремлющее Око, видящее сокровенные наши помышления; огражденные оружием Духа и, показав собственное доброе расположение сердца, мы привлечем помощь свыше, чтобы при ее содействии победив врага и супротивника и сделав безвредными его козни, могли мы насладиться теми благами, которые Господь обещал любящим Его. Поэтому никто не должен смотреть на трудность добродетели, но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подъемлет ради нее все труды (1).

***

Упражняй свою совесть. С каким дерзновением придет нарушивший пост? Поистине, не далее как завтра, если и никто не обвинит тебя, совесть будет обличать тебя. А видел ли ты, чтобы кто носил когда-нибудь обличителя вместе с собою? Пусть лучше совесть будет твоею защитницею (9).

***

Кто имеет чистую совесть, хотя бы был одет в рубище и боролся с голодом, бывает благодушнее живущих роскошно; равно как сознающий за собой худое, хотя бы владел всеми богатствами, бывает несчастнее всех. Потому и Павел, хотя жил во всегдашнем голоде и наготе, хотя каждый день подвергался ударам, но радовался и веселился более современных царей. А Ахаав, хотя и царствовал и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершил свой грех, стенал и скорбел, а лицо его опадало как до греха, так и после греха. Итак, если мы желаем наслаждаться радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол. Потому и Павел сказал: *плод же духа есть любовь, радость, мир* (Гал. 5, 22). Возрастим же этот плод в самих себе, чтобы нам и здесь насладиться радостью и достигнуть будущего Царства (11).

СОДОМСКИЙ ГРЕХ

Бог обыкновенно посылает наказания на одного и на другого и через них внушает всем прочим, какие ожидают их бедствия. Но

выражу яснее сказанное мною. Жители Содома совершали некогда тяжкие грехи и подверглись крайнему наказанию, когда нисшел пламень, и города, и люди, и земля с телами их, — все было сожжено. Что же? После них разве никто не дерзал совершать такие же дела? Напротив, многие и во многих местах вселенной. Почему же они не потерпели ничего подобного? Потому, что они соблюдаются для другого, тягчайшего наказания. Потому Бог, сделав это однажды, не делал более, чтобы дерзающие совершать такие дела ясно видели, что они никогда не избегнут наказания, хотя бы здесь и не подвергались им. В самом деле, сообразно ли было бы с разумом, если бы те, которые жили прежде благодати и закона и не слушали ни пророков, ни когонибудь другого, потерпели такие наказания за свои грехи, а те, которые после них удостоились такого попечения Божиего и не вразумились примером их — от чего грех делается гораздо более тяжким, — избежали бы назначенного за это наказания? (4)

***

Если ты, слыша о геенне, смеешься и не веришь, то вспомни об огне содомском. Ведь мы видим, даже в настоящей жизни видим подобие геенны. Так как многие готовы были совсем не верить явившимся по воскресении и возвестившим, что и теперь существует огонь неугасимый, то Бог и вразумил их событиями настоящей жизни. Таково было сожжение Содома и истребление его огнем, о чем знают бывшие там и собственными глазами видевшие следы божественного наказания и небесных молний. Пойми же, как велик был грех, побудивший геенну явиться преждевременно. С другой стороны, так как многие презирали речи [о геенне], то Бог на деле показал им подобие ее в некотором новом виде. Дождь тот был необыкновенный, как и смешение содомлян было противоестественно; он затопил землю, как и похоть наводнила их души. Этот дождь был по своему действию противоположен дождю обыкновенному: он не только не возбудил утробу земли к произрастанию плодов, но и сделал ее неспособною к принятию семян. Таково было и смешение мужчин земли содомской, которое делало их тела более бесплодными. Что грязнее, что отвратительнее того мужчины, который стал блудницею? Какое неистовство, какое безумие! Откуда вторглась эта

похоть, оскорбляющая человеческую природу, наподобие врагов, а лучше сказать, настолько ужаснее врагов, насколько душа превосходнее тела? О, вы бессмысленнейшие и бессловесных, бесстыднейшие и собак! И у тех никогда не бывает такого смешения, так как природа знает свои границы, а вы, срамя свой пол, сделали его бесчестнее существ неразумных. Итак, откуда произошло это зло? От роскошной жизни, от незнания Бога: всякий раз, как люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их и всякое добро (11).

СОН

Для того-то и сокрыл от нас Господь день смерти нашей, чтобы расположить нас к постоянному трезвению и бодрствованию и таким образом еще более побудить к попечению о добродетели, *Бодрствуйте,* — говорит Он, — *потому что не знаете ни дня, ни часа* (Мф. 25, 13). Но мы делаем противное, и постоянно спим сном более крепким, нежели сон естественный. Спящий естественным сном становится не способным делать ни зла, ни добра; а мы спим другим сном, спим для дел добродетели и бодрствуем для дел злых; злые дела совершаем нелепо, а в добрых показываем великое нерадение и сонливость. И так мы делаем, видя каждый день, что одни отсюда отходят, а другие и в настоящей жизни подвергаются многим переменам. Однако же, и это непостоянство жизни не довольно вразумляет нас, не довольно возбуждает в нас стремление к добродетели, располагает к презрению настоящих благ и к желанию будущих, к тому, чтобы теням и сновидениям мы предпочитали истину. Ведь настоящие блага ничем не разнятся от теней и сновидений. Итак, не будем обманывать себя и гоняться за тенями; но, хоть когда-нибудь позаботимся и о нашем спасении, а богатство станем издерживать на нуждающихся, чтобы за это удостоиться воздаяния от человеколюбивого Бога (1).

***

Будет, говорит Исаия, богатство нечестивых *как сон* (Ис. 29, 7). Настоящее положение наше ничем не отличается от сонного мечтания. Вчера здоровье, а сегодня болезнь; вчера власть, а сегодня унижение; вчера богатство, а сегодня бедность; вчера вершина славы, а сегодня полное ничтожество. Все колеблется, все изменяется; и не только человеческие дела, но и *небо и земля прейдут,*

только *слова Мои,* — говорит Господь, — *не прейдут* (Мф. 24, 35) (9).

***

Настоящая жизнь есть сон и случающееся в жизни этой ничем не отличается от сонных грез. И как спящие говорят сами с собой и часто видят нечто совсем недействительное, так и мы поступаем. И даже гораздо хуже того. Сделавший или сказавший что-нибудь непристойное во сне, освободившись ото сна, обыкновенно освобождается и от стыда и не подвергается наказанию. Не то будет с нами после этой жизни, но позор и наказание будут вечными. Равным образом те, которые богатеют во сне, с наступлением дня удостоверяются, что напрасно льстили себя богатством; в настоящей же жизни часто удостоверение приходит и прежде наступления дня, и прежде чем мы переселимся отсюда, эти грезы уже рассеиваются. Итак, оттрясем, наконец, этот лукавый сон. Если день [Страшного Суда] застигнет нас спящими, то мы сделаемся добычей неумирающей смерти. Да и до наступления того дня всем здешним врагам — и людям, и демонам — легко будет нападать на нас; если даже они захотят умертвить нас, никто им в том не воспрепятствует. Если бы много было бодрствующих, то не было бы и такой опасности, но так как теперь кое-где один и другой, зажегши светильник, бодрствуют, все же прочие, как в глубокую ночь, погружены в сон; то нам необходимо совершенное бодрствование и полная осторожность, чтобы не потерпеть ужасных бедствий (11).

СОСТРАДАНИЕ

Будем, увещеваю вас, подвергать себя опасностям за наших братий. Предстоит ли огонь или меч — бросься на них, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученик Христа, положившего душу Свою за братий, — соученик Павла, восхотевшего потерпеть тысячу бедствий за своих врагов и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Он увидел обижаемого и отомстил, презрел царскую роскошь, для угнетенных сделался беглецом и скитальцем, лишился родных и своего дома, провел столько времени в чужой стране и не упрекал себя, не говорил: что это? — я пренебрег Царство, такую честь и славу; решился отомстить за угнетаемых, а Бог не призрел на это и не только

не возвратил меня к прежней чести, но сорок лет я проживаю в стране чуждой. И было бы правильно, — потому что не получил награды. Но ничего такого он не сказал и не подумал. Так и ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлить это воздаяние, тем большее будет приращение. Итак, будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи — плачь, скорби, сетуй о случившемся, — и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей. *Не объявляйте об этом в Гефе,* — говорит [пророк], — *не плачьте там громко; но в селении Офра покрой себя пеплом. Переселяйтесь, жительницы Шафира, срамно обнаженные; не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем* (Мих. 1, 10,11). Иезекииль упрекает в том, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророк? Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да, этого желает наказывающий; Он и сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то, конечно, не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно, скорбишь и не говоришь сам себе: что это? — отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии — это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как, например, Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так по-

ступали и пророки. Потому один из них и сказал: *о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля* (Иез. 9, 8)! Мы часто видим наказываемых убийц и других преступников, и сожалеем, и скорбим. Не будем рассудительны чрез меру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравняться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое [наказание] палачам, обязывая судию только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать несвойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не сам, но чрез Ангелов. Следовательно, Ангелы — палачи? Да не будет! — я не говорю этого; но они — силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершено чрез Ангелов; когда Египет, — чрез них же. *Ярость и гнев, и скорбь, низведенные чрез ангелов [посылающих] бедствия* (Пс. 77, 49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода. И опять: *пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих*: соберите *делающих беззаконие* (Мф. 13, 41, 42). А касательно праведников не так, но: *кто принимает вас, принимает Меня* (Мф. 10, 40). И еще: *связав ему,* — говорит, — *руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13). Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, сам награждает, сам говорит: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит сам; а когда идти в Содом, то посылает служителей, подобно тому, как судия поставляет исполнителей казни. И еще: *хорошо, добрый и верный раб,* — говорит, — *в малом ты был верен, над многим тебя поставлю.* Этого восхваляет сам, а раба лукавого не сам, но слуги связывают (см. Мф. 25, 21–30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив, будем оказывать им всякое сострадание (10).

СПАСЕНИЕ ДУШИ

Почему мы так неблагодарны к своему благодетелю? Почему не думаем ни о том, что уже нам дано, ни о том, что обещано, но забыв, так сказать, все, проводим всю жизнь без цели и безрассудно, подобно животным, не прилагая никакого попечения о душе, только чрево наше как бы разрывая [от пресыщения], через то и бедному нашему телу нанося большой вред, между тем как вследствие неумеренности и многоядения мы стараемся приготовить себе множество предметов, душу оставляем томиться в голоде? А ведь душа важнее тела, и когда она исходит из тела, тело остается мертвым. Итак, должны мы и душе доставлять свойственную ей и сообразную (с ее природою) пищу; а не соблюдая меры ни в том, ни в другом отношении, т.е. одно [тело] насыщая сверх нужды, а другую [душу] — принуждая гибнуть от голода, мы вредим обоим. То, чем Владыка всяческих, как величайшим гневом, угрожал некогда народу иудейскому, говоря: *Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних* (Ам. 8, 11), научая нас, что тот голод может ослабить тело, а этот поражает самую душу; то самое, что тогда Господь угрожал навести на них вместо наказания, мы теперь добровольно привлекаем на себя, и притом тогда, когда Бог показал столь великое попечение о нас, и по Его устроению мы при чтении Писаний получаем еще и вразумления от наставников. Поэтому умоляю вашу любовь отложить всякую леность, хотя немного воспрянуть и все старание обратить к спасению души (1).

***

Когда душа в хорошем состоянии, то все прочее придет само собою; а когда она не в хорошем состоянии, то всякое другое благоденствие не принесет нам никакой пользы. Потому нам должно и делать и говорить так, чтобы она спаслась. На это указывает и Христос, когда говорит: *будьте мудры, как змии* (Мф. 10, 16). Как змий выставляет все свое тело, чтобы только спасти голову, так и тебе нужно оставить все прочее для спасения души. Ни бедность, ни болезнь, ни самое главное из всех бедствий — смерть — не могут повредить подвергшемуся им, когда спасена душа; равно как и от самой жизни не получишь ни-

чего доброго, когда душа растлилась и погибла. Вот почему пророк, оставив все прочее, говорит только о душе и просит, чтобы она была подвергнута не строгому суду и избавлена от невыносимых наказаний. *Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует* (Пс. 114, 5). Видишь ли, как он научает слушателя не отчаиваться и не предаваться беспечности? Он как бы так говорит: не отчаивайся, потому что Господь милостив; но не будь и беспечен, потому что Он праведен. Таким образом, он и предостерегает от беспечности, и истребляет отчаяние, с той и другой стороны устрояя наше спасение (2).

***

Всякий предмет благочестия служит к исправлению наших душ; все уставы благочестия направляются к спасению наших душ. Ему служит слово Божие, его полагает в основании закон Моисеев, о нем проповедуют умственные языки пророков, о нем возвещают немолчными устами апостолы. Все для нас и ради нас, дабы мы, направляя себя на надлежащий путь, достигли благочестия. Итак, всякая священная книга имеет целью, как я сказал, наше спасение (5).

***

Пути жизни разнообразны, как написано, и способов спасения много. Каким хочешь способом, тем и воспользуйся, только спасайся. Если можешь, раздавай милостыню; не можешь — Бог не взыщет. Нет у тебя ни хлеба, ни одежды? Стань на колена, ударяй себя в грудь, плачь, рыдай, скорби, простирай руки к небу, возведи очи твои ко Господу, постись, бодрствуй. Это — у всякого в распоряжении и тут ты уж ничем отговориться не можешь. Постарайся же всегда этими средствами угождать Богу (9).

***

Для страждущих и умирающих бывает неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкие, которых часто и не узнают они и даже тяготятся их присутствием. Так обыкновенно бывает и со страждущими душевно: они не знают, что нужно для спасения, и тяготятся теми, кто печется о них. Это происходит не от свойства самого дела [спасения], а от их болезни. Как помешавшиеся в уме не терпят тех, кто заботится о них, и даже порицают их, так поступают и неверующие. Но как эти оскорбляемые тем более жалеют и плачут о больных, считая

крайней степенью болезни их, когда они не узнают самых близких людей, так будем поступать и мы в отношении к язычникам и плакать о них более, нежели о своих женах, потому что они не знают общего всем спасения. Не столько муж должен любить свою жену, сколько мы должны любить всех людей и вести их к спасению, будут ли они язычники или кто бы то ни было (12).

***

Подлинно все пали и не хотят восстать; и нам следует внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащие постарались восстать. Восстанем же, возлюбленные, восстанем хотя теперь и будем стоять твердо. Доколе мы будем лежать? Доколе будем упиваться и предаваться многим житейским пожеланиям? И теперь благовременно сказать: *кому мне говорить и кого увещевать?* (Иер. 6, 10)? Так, все сделались глухи к учению о добродетели, и потому исполнились множества пороков! Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненые, такое (зрелище) мы увидели бы и в Церкви. Потому увещеваю и прошу: подадим друг другу руки и восстанем; ведь и я из числа раненых и требующих лечения. Впрочем, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцельны. Врач наш таков, что мы только бы чувствовали раны, а Он, хотя бы они были крайне опасны, откроет нам много путей ко спасению. Если ты оставишь гнев на ближнего, то и тебе будут прощены грехи твои: *ибо если вы будете прощать людям*, — говорит [Господь], — *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Если ты подашь милостыню, то и тебе грехи будут прощены: *искупи грехи твои*, — говорит [пророк], — *милосердием* (Дан. 4, 24). Если будешь усердно молиться, получишь прощение: это доказывает вдова, неотступной просьбой преклонившая на милость жестокого судью (см. Лк. 18, 5). Если станешь осуждать себя за грехи, получишь утешение: *говори ты беззакония твои первым, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Если станешь скорбеть о них, и это будет для тебя величайшим врачевством: Я видел, — говорит [Господь], — что он опечалился и ходил смущенным, и исцелил пути его (см. Ис. 57, 17–18). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие, от всего избавишься, — ведь и богачу Авраам сказал: получил уже Лазарь — злое, и здесь

утешается (см. Лк. 16, 25). Если окажешь милость вдовице, очистятся грехи твои: *защищайте*, — говорит [пророк], — *сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1, 17–18). Бог не оставит на тебе и следа от ран твоих.

Хотя бы мы впали в такую глубину зол, в какую впал сын, расточивший отеческое имение и питавшийся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантов, и тогда, если припадем [к Господу] и не будем помнить зла, получим прощение во всем; хотя бы заблуждались так же, как овца заблудшая, и тогда [Господь] может спасти нас; будем только желать этого, возлюбленные, а Бог человеколюбив. Для него довольно было и того, что должник тысячи талантов припал к Нему, что расточивший отеческое имение только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенной. Потому, представляя себе Его человеколюбие, будем умилостивлять Его здесь и поспешим принести пред лице Его исповедание, чтобы, отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанию. Если в настоящей жизни мы покажем хотя некоторое тщание, то получим величайшую пользу, а если отойдем отсюда, нисколько не исправившись, то как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще; а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который, хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать (12).

СРЕБРОЛЮБИЕ

О, ослепление! Куда оно увлекло Иуду? Таково сребролюбие! Оно делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самых псов, и из псов делает демонами. Когда Иуда присоединился к дьяволу и клеветнику и предал Иисуса и благодетеля, то по намерению сделался уже дьяволом. Таковыми-то делает людей ненасытная жадность к деньгам — безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбию, каким сделался и Иуда (7).

***

Иуда был причтен к тому святому лику, сподобился столь великого дара, совершал чудеса (потому что и он вместе с прочими был послан воскрешать мертвых и очищать прокаженных), и, несмотря на это, как скоро был порабощен тяжким недугом — страстью сребролюбия, предал и своего Владыку. И ничто не принесло пользы: ни благодеяния, ни дарования, ни пребывание со Христом, ни служение, ни омовение ног, ни общение в трапезе, ни хранение ковчежца; но это все обратилось даже в повод к его наказанию. Будем же бояться, чтобы и нам чрез сребролюбие не сделаться подражателями Иуде. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищего, истаивающего от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя то же осуждение. Также, когда мы недостойно приобщаемся тайн, мы погибаем наравне с христоубийцами. Когда похищаем, когда угнетаем бедных, то навлекаем на себя величайшее наказание, — и весьма справедливо. В самом деле, доколе будет так владеть нами любовь к настоящим вещам — излишним и бесполезным? А богатство и принадлежит к вещам излишним, от которых нет никакой пользы. Доколе нам не взирать не небеса, не трезвиться, не знать сытости в наслаждении этими земными и преходящими благами? Ужели мы не знаем из опыта их ничтожества? Представим себе бывших до нас богачей. Не сон ли все их блага? Не тень ли и цвет, не поток ли протекающий? Не повесть ли и басня? Вот такой-то был богат: где же теперь его богатство? Сгибло и истлело. А грехи, совершенные из-за него, и наказание за грехи — остаются. Но если бы даже и наказания не было и Царства не предстояло — и тогда следовало бы уважать [в бедном] одноплеменность и однородность с нами и постыдиться того, что он подобострастен нам. Между тем мы кормим псов (многие же кормят и диких ослов, и медведей, и других разного рода зверей), а презираем человека, истаивающего от голода; таким образом, для нас чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно нам. Но не приятно ли, скажешь, строить великолепные дома, иметь множество рабов и, покоясь на ложе, смотреть на золотой свод? Да, это излишне и бесполезно. Есть другие здания, гораздо великолепнее и лучше этих. Ими нужно увеселять свои взоры — и никто тому не воспре-

пятствует. Хочешь ли видеть прекраснейший свод? Когда настанет вечер, смотри на небо, усеянное звездами. Но это, скажешь, не мой свод? Напротив, этот даже более твой, чем тот. Он для тебя и создан, и принадлежит тебе наравне с твоими братьями. А тот не твой, но твоих наследников, после твоей смерти. Притом, этот [свод небесный] может принести величайшую пользу, потому что своею красотою возводит к Создателю; а тот причинит тебе величайший вред, сделавшись в день Суда твоим грозным обвинителем, потому что он был облечен золотом, когда Христос не имел и необходимой одежды. Не будем же впадать в столь великое безумие; не станем гоняться за тем, что мимолетно, и убегать спасения, но станем держаться надежды на блага будущие, — старики, как верно знающие, что им не долго остается жить, — юноши, как вполне убежденные, что (и для них) немного остается времени, потому что день Господень придет, как тать, ночью. Итак, зная это жены пусть умоляют мужей, мужья пусть убеждают жен, — будем учить юношей и дев, и все будем наставлять друг друга презирать настоящие блага и искать будущих (8).

***

Что составляет корень зла? Узнай об этом от доброго садовника, который в точности знает это, ухаживает за духовным виноградником и возделывает целую вселенную[1]. Что же называет он причиною всех зол? Страсть к деньгам. *Ибо корень всех зол, — говорит он, — есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрения и обиды; отсюда убийство, воровство и гробокопательство; вследствие сребролюбия не только города и области, но дороги, места обитаемые и необитаемые, горы, леса, овраги, словом — все полно крови и убийств. Зло это не щадит и моря, но и там неистовствует со всем бешенством, так как морские разбойники постоянно совершают здесь нападения и изобретают новые способы грабежа. Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; с сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломав

[1] Здесь Златоуст говорит об апостоле Павле. — *Прим. ред.*

гробницы, простирают злодейские руки и к мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого, в доме ли или на торжище, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все зло возникло из сребролюбия. Это именно, это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возожгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают то же самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всею дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекши к союзу с собою те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства, наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства — предать нищего голоду, ввергнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам, и бесчисленным истязаниям. Хотя ты не сам все это делаешь, но служишь причиною этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмою и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной (11).

***

Сребролюбец ни о чем не хочет ни слышать, ни говорить, как только о прибыли и росте на прибыль, о бесстыдных барышах, о ненавистных торговых заведениях, о делах, приличных рабам, а не свободному человеку; как собака, он на всех лает, всех ненавидит, от всех отвращается, против всех враждует без всякой к тому причины, восстает на бедных, завидует богатым, ни с кем не водит дружбы. Если он имеет жену, детей и друзей и если из всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами более злыми, чем враги действительные. Что может быть хуже такого безумия? Что несчастнее того, когда человек сам себе всюду устраивает утесы,

подводные камни, стремнины, пучины и бесчисленные бездны, когда он имеет одно только тело и служит одному чреву? Если тебя привлекают к общественным делам, ты избегаешь этого, опасаясь больших издержек, а сам на себя налагаешь тысячи дел, которые гораздо труднее общественных, совершаешь маммоне служения, которые не только более убыточны, но и более опасны, и приносишь этому злому мучителю не только деньги, телесный труд, душевные мучения и скорби, но и самое тело свое, чтобы у тебя, жалкий и бедный человек, от этого варварского рабства что-нибудь прибавилось. А разве ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идут в могилу нагими и лишенными всего и не только не имеют возможности взять ничего из своей собственности, но и то, чем прикрыты, должны уступить червям? Смотри же на них ежедневно и, может быть, это укротит твою страсть, если только вследствие издержек на погребение не будешь безумствовать еще больше: ведь страсть жестока, болезнь ужасна. Потому-то и мы в каждое ваше собрание беседуем об этом и постоянно оглашаем ваш слух, чтобы хотя вследствие повторения мог получиться какой-нибудь успех. Но не возражайте: эта разновидная страсть готовит вам многие мучения не только в будущий день, но и прежде его. Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременною болезнью, или борется с голодом, или о ком-либо другом, — ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее — для всех представляться ненавистным и всех ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здоровом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы: в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один оболь, они представляют себе, что ни с кем не случалось большего несчастья, как будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то

помысли, что ожидает его по смерти: лишение Царства, геенские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда неугасающая пещь (11).

***

Павел называет [сребролюбие] корнем [всех зол] (см. 1 Тим. 6, 10). Оно приводит преданных ему в состояние, ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы [в рудниках]. Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, сокрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные [на работы в рудниках], по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем, и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжкой их работы; а последние не знают меры, но чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают по неволе, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных. А что действительно они находятся в худшем состоянии, послушай, в каком состоянии — те, тогда поймешь, в каком — они. Говорят, что златоносная земля имеет в мрачных своих пещерах расселины и впадины; преступник, осужденный на работу в них, взяв лампаду и заступ, входит внутрь, неся с собою сосуд с маслом, чтобы подливать из него в лампаду, потому что там, как я сказал, непроницаемая тьма и днем; потом, когда наступает время несчастному принять пищу, а сам он не знает времени, страж узников сильно ударяет в пещеру сверху, и этими ударами и звуком дает знать работающему внутри об окончании дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотрим же, не тяжелее ли страдают сребролюбцы. Подлинно, и страж их жесточе, т.е. сребролюбие, тем жесточе, что вместе с телом он связывает у них душу; и тьма их ужаснее той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идут они, всюду носят ее с собою, так как у них омрачилось душевное око. Потому и Христос, выражая

крайнее их несчастие, говорит: ибо *если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф. 6, 23). Те имеют по крайней мере свет лампады; а эти (сребролюбцы) лишены и такого света и потому ежедневно впадают в тысячи пропастей. Притом осужденные при наступлении ночи успокаиваются, достигая общего для всех несчастных покоя, т.е. ночи; а для сребролюбцев заграждена и эта пристань корыстолюбием; они обременены тяжкими заботами и ночью и со всем усердием изнуряют сами себя, без всякого стороннего принуждения. Это с ними происходит здесь; а что там — какое может выразить слово? Там невыносимые печи, огненосные реки, скрежещущие зубы, неразрешимые узы, ядовитый червь, непроницаемый мрак, бесконечные мучения. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника таких мучений, ненасытной страсти, пагубы нашего спасения. Невозможно любить вместе и серебро, и душу. Будем знать, что деньги — земля и пепел, что они покинут нас при отшествии нашем отсюда или, лучше, часто покидают нас еще прежде отшествия, причиняя нам вред и в будущей, и в настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошних мучений они возбуждают у нас и здесь тысячи браней, производят несогласия и раздоры. Ничто в самом деле не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача или у бедняка, потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных и увеличивает бедность их. Если бедный окажется сребролюбив, то он будет мучиться не от денег, а от голода; он не будет спокойно пользоваться своим малым имуществом, но станет истощать желудок голодом, изнурять все тело наготой и холодом, везде являться неопрятнее и грязнее узников, беспрестанно плакать и рыдать, как будто он всех несчастнее, хотя есть тысячи беднее его; пойдет ли он на торжище, возвратится оттуда с множеством ран; пойдет ли в баню или на зрелище, получит еще больше ран не только от зрителей, но и от действующих на сцене, увидев много распутных женщин, сияющих золотом; поплывет ли по морю, опять, видя там купцов, корабли, нагруженные множеством товаров, и несметные выгоды, возненавидит и жизнь свою; пойдет ли сухим путем, там, видя поля, дачи, гостиницы, бани и воображая получаемые с них доходы, почтет жизнь

свою не жизнью; заключится ли дома, и там, растравляя раны, полученные на базаре, тем более будет терзаться душой, так что для него остается одно только утешение от угнетающих его страданий — смерть и прекращение жизни. Тому же может подвергнуться не только бедный, но и богатый, впавший в эту болезнь, и тем более в сравнении с бедным, чем сильнее в нем страсть и чем больше ослепление; он будет считать себя беднее всех, и действительно он беднее всех. Не по мере имущества, но по расположению души надобно судить о богатстве и бедности; беднее всех тот, кто всегда желает большего и никогда не может остановить своего злого желания. Итак, будем убегать сребролюбия, этого виновника бедности, губителя души, друга геенны, врага Царствия Небесного, источника вообще всех зол (12).

СТРАСТИ

Предавшийся страсти носит в душе своей бесчисленные войны, брани и смятения, находится в страхе и беспокойстве и не может быть в хорошем расположении духа ни на малейшее время. Но не таков тот, кто освободился от страстей; напротив, он пребывает в тихой пристани, наслаждается любомудрием и не подвергается никакой подобной неприятности. Потому-то и пророк, наслаждаясь сам этим даром Промысла Божия, говорил: *Спокойно ложусь я и сплю* (Пс. 4, 9), выражая, что для человека, не имеющего этого мира, не открыта даже общая всем пристань, но заграждена и она, пристань сна и ночи. Страсти нарушают даже отдых, даруемый природою, и совершенно преодолевают силу сна своим жесточайшим насилием. Преданные зависти, ненависти, любостяжанию и хищению, нося с собою всюду войну и имея внутри скрывающихся врагов, куда бы ни пошли, нигде не могут избежать этой борьбы; хотя бы они оставались и дома, хотя бы лежали на постели, подвергаются туче стрел, смятению, которое сильнее всяких волн, терпят убийства, вопли, стенания и другие бедствия, которые гораздо жесточе случающихся на войне. Но не таков праведник: он, и бодрствуя, наслаждается спокойствием, и во время ночи с великим удовольствием предается сну (2).

***

Есть люди, обнаруживающие свирепость зверей и даже свирепее их поступающие с своими

единоплеменниками. Зверь, напав однажды, оставляет ярость и уходит или, будучи прогнан, не нападает более; а люди часто после неудачи опять нападают, стараясь растерзать само тело ближнего. Так безрассуден гнев, так кипит и клокочет эта страсть! Как же можем мы истребить эту болезнь? Если будем рассудительны, если будем помышлять о смерти у ежедневно умирающих, если будем вникать в самое естество наше, которое есть земля и пепел. Когда красота лица обольщает твою душу, то поди к памятникам и гробам предков и посмотри на лежащих там, как они обратились в прах, — и ты получишь от этого зрелища великое расположение к сокрушению. Не укоряй слов моих в жестокости. Как одержимые горячкою, освободившись от болезни, имеют нужду в чистом воздухе, так точно и неистовствующие страстями, пришедши к памятникам, как бы находят здоровое местоположение и избавляются от многих болезней. В самом деле, довольно одного вида урны, чтобы смирить человека самого гордого. Отсюда перенесись мыслью к будущему страшному дню, к тем истязаниям и осуждениям, к тем наказаниям, в которых нет утешения, от которых никто не защитит тебя. Всем этим усмиряй страсти. Вспоминай также о тех людях, которые в настоящей жизни из богатства впали в бедность, из славы — в бесчестие; и если хочешь гневаться, то гневайся не на сродного тебе брата, а на злого духа. Вот на кого ты можешь устремлять эту страсть; с ним не мирись никогда, на него изливай и истощай свой гнев, ему ставь западню, против него не переставай никогда вести войну (2).

***

Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна, и каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их — зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к дьяволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший

для Него и геенну, и Царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать Царство, только бы исполнить ему волю тех страстей (6).

***

Не во всякое ведь время все страсти действуют в нас; но в раннем возрасте обыкновенно бывает больше неразумия и малодушия, в последующем сильнее действует похоть, а далее, в следующем возрасте — любостяжание (6).

***

Бог, как человеколюбец, всегда дает грешникам время для покаяния, но беззаботный человек нерадением своим губит свою душу. Из-за любви к суетному, земному и временному, он лишается наслаждения небесных благ; поставленный от Творца и Бога царем и господином всего, он делается рабом греха из-за мирских страстей. *Не знают, не разумеют, во тьме ходят* (Пс. 81, 5), — говорит Давид о делающих подобное. А Христос, имея в виду подобных грешников, говорит: *ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его* (Ин. 3, 20) (9).

***

Невозможно, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми и борьба с ними не была для нас слишком трудною. Какое неразумие — быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом! Не видите ли, какое старание, и упражнение, и труды прилагают возницы, употребляя и хлеб и все другое, чтобы не быть сброшенными с колесниц и влачимыми [по земле]? Видишь, сколько здесь искусства? Часто человек взрослый не может справиться с одним конем; а мальчик, с искусством взяв двух коней, легко ведет и управляет ими. У индийцев, говорят, великий зверь и страшный — слон — с великою покорностью повинуется пятнадцатилетнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более [можем укрощать] наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались приобрести это искусство; никогда в

свободное время, когда нет борьбы, не беседовали друг с другом о чем-нибудь полезном. Нас тогда можно видеть стоящими на колеснице, когда борьба началась, потому-то мы и бываем достойны осмеяния. Не говорил ли я часто: будем упражняться на домашних своих прежде искушения? Мы часто сердимся дома на детей; удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его пред друзьями. Если бы так мы упражнялись и во всем другом, то во время борьбы не подвергались бы осмеянию. Для других искусств и подвигов ныне есть и оружие, и упражнение, и старание; для добродетели же ничего. Земледелец не осмелится прикоснуться к винограду прежде, нежели хорошо научится земледелию; и кормчий не станет на корме, пока не сделается сведущим в этом деле; а мы, будучи совершенно неопытными, желаем получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни с кем не иметь общения ни делом, ни словом, пока не укротим зверя, находящегося в нас самих. Не свирепее ли всякого зверя нападают на нас гнев и вожделение? Не выходи на площадь с этими зверями, пока не наложишь хорошо узду на них, пока не укротишь их, пока не сделаешь ручными. Не видишь ли тех, которые водят укрощенных львов по площади, какую они получают прибыль и как им удивляются, что они в бессловесном животном произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот зверь рассвирепел, то он разогнал бы всех находящихся на площади, и сам водящий его подвергся бы опасности и сделался бы виновником погибели других. Так и ты наперед укроти льва и потом води его с собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нет ничего равного. И действительно нет ничего равного кротости, которая приносит великую пользу и тем, кто имеет ее, и тем на кого она действует (10).

***

Ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренной же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает душу свою во власть жестоким владычицам и мучителям. Бог для того и сделал настоящую жизнь

нашу исполненною труда, чтобы избавить нас от такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге. Так иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, и были покорны, и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, но людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина — в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем более подвергнется этому в довольстве. Если он падает, когда связан, — а таков человек в нужде, — то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии (11).

***

Увещеваю тех, которыми еще не овладела страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее; а тем, в которых она поселилась и произвела вред, обещаю надежду совершенного исцеления благодатью Божией, если они захотят принять врачевание. Если они представят себе людей, впавших в болезнь страсти и потом освободившихся от нее, то получат добрую надежду на исцеление от болезни (12).

СТРАХ

Для вас бедность кажется чем-то страшным и ужасным даже по одному названию; но потому мы и бедны, что боимся бедности, хотя бы имели тысячи талантов. Не тот беден, кто не имеет ничего, но тот, кто страшится бедности, подобно как и между несчастными мы оплакиваем и называем жалкими не тех, которые терпят великие бедствия, но тех, которые не умеют переносить даже невеликих; напротив, кто умеет переносить их, тот достоин похвал и венцов. А что это так, скажи, кого мы хвалим из ратоборствующих: тех ли, которые, получая множество ударов, не унывают и стоят с поднятой головой, или тех, которые обращаются в бегство при первых ударах? Не тех ли мы

увенчиваем, как доблестных и мужественных, а над этими не смеемся ли, как над робкими и трусливыми? Так же будем поступать и в делах житейских: того, кто переносит все легко, подобно мужественному и все претерпевшему подвижнику (Иову), будем увенчивать, а того, кто трепещет и боится несчастий и еще прежде, нежели получит удар, умирает от страха, будем оплакивать. И в ратоборствах, если кто прежде, нежели поднимет свою руку, и едва только увидит поднятую руку противника, обращается в бегство, хотя еще не получил удара, то такой подвергается осмеянию как слабый, изнеженный и неискусный в подобных подвигах. То же самое бывает и с теми, которые боятся бедности и не могут вынести даже одного ее ожидания. Следовательно, не мы делаем вас несчастными, а вы сами себя. Как не посмеяться над тобой диаволу, когда он видит, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя так страшно опасение, то он даже не почтет нужным поражать тебя, но, предоставив обладать богатством, одним опасением потерять его сделает тебя мягче всякого воска. Мы, так сказать, уж от природы таковы, что, испытав что-нибудь, чего боимся, потом считаем это не так страшным, как раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не приобрел и этой добродетели, диавол держит тебя в сильном страхе, истощая тебя, как воск на огне, опасением бедности прежде, нежели ты испытаешь ее на деле. Подлинно мягче всякого воска и несчастнее по жизни самого Каина тот, кто боится за то, что приобрел любостяжанием, скорбит о том, чего не имеет, и трясется над тем, что имеет, заключив у себя богатство, как неблагодарного раба, и сам будучи осаждаем разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожелание, разнообразный страх, беспокойство и трепет обуревают его со всех сторон, и он уподобляется кораблю, отовсюду гонимому противными ветрами и подвергающемуся частым треволнениям. Гораздо лучше было бы такому человеку умереть, нежели терпеть непрестанную бурю, подобно как и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать (12).

СТРАХ БОЖИЙ

Небесные силы более, чем люди, боятся и почитают Бога: чем более они сознают, тем более боятся

Его. У них нет ни упрямства, ни неповиновения, ни непослушания, потому что они *крепкие силою, исполняющие слово Его* (Пс. 102, 20). Видишь ли, что страх их велик? Те, которые не подлежат никакому наказанию, смотри, каким охватываются ужасом. Если даже сами Серафимы не смеют взирать на Него, то как мы можем испытывать Его? Подобно тому, как на этой земле, чем более мы смотрим на солнечные лучи, тем более вынуждены отступать, так и тогда, чем более созерцаем Христа, тем более нам нужно бояться Его. Смотри, как Он прославился на горе: ученики Его были устрашены и пали ниц. Пророки часто не повиновались Богу, Ангелы же никогда не делали этого. Почему же? Ради великого страха (4).

***

Как дуб, глубоко пустивший свои корни в недра земли и тщательно обвязанный, не может быть исторгнут никаким порывом ветра, так точно и душу, пригвожденную страхом Божиим, никто не в состоянии будет ниспровергнуть, потому что пригвождение еще сильнее укоренения. Об этом-то и пророк молится говоря: *трепещет от страха Твоего плоть моя* (Пс. 118, 120). Так и ты пригвозди себя и прикрепи, как бы гвоздем, глубоко вонзенным. Как с трудом можно овладеть человеком пригвожденным, так, напротив, легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденного (8).

***

Грядущего судить нам мы не боимся, а тех, которые нисколько не могут повредить нам, мы боимся и стыдимся. И за то, чего стыдимся, за это несем наказание. Ведь тот, кто стыдится открыть человеку грехи и не стыдится грешить перед очами Божиими, и затем не желает ни сознаться в своих грехах, ни покаяться, будет посрамлен в тот день не перед одним или двумя, а перед всей вселенной (9).

***

Какое будем иметь оправдание мы, которые побеждаем страсть страстью, а не страхом Божиим? Например, многие, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбие из-за сбережения денег; другие, напротив, для удовольствий пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславием, презрели и то, и другое, издерживая деньги беспощадно и соблюдая целомудрие всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью,

совершив много постыдного, как из-за плотских удовольствий, так и из-за денег; еще иные, чтобы удовлетворить своему гневу, решаются на бесчисленные издержки и не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы только сделать по своему желанию. Так, что может сделать страсть, того у нас не делает страх Божий. И что я говорю: страсть? Что может сделать стыд человеческий, того не делает страх Божий. Много хорошего мы делаем, много и грешим, стыдясь людей, а Бога не боимся. Как многие расточили свое имущество из стыда! Как многие тщетно домогались почестей, услуживая друзьям своим во зле! Как многие и как много согрешили в угодность дружбе (10)!

***

Будем иметь пред глазами истинный страх Божий. Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея пред глазами человека, с меньшею решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь более почтенных слуг, то рассуди, какою безопасностью мы будем пользоваться тогда, когда будем иметь пред глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении, нигде на нападет на нас дьявол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же дьявол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он, воспользовавшись нашим почином, наконец, получит возможность и совсем разлучит нас от стада. И что переносят нерадивые из рабов, которые, оставив необходимые дела, из-за которых были посланы господами на рынок, без надобности и напрасно останавливаются с проходящими и тратят здесь свободное время, тому же подвергнемся и мы, когда отступим от заповедей Божиих. Вот стоим и мы, удивляясь богатству, красоте тела и остальному, что до нас не касается, как и те рабы смотрят на представления фокусников, а потом, пришедши поздно, терпят дома жестокие побои. А многие, следуя за другими, совершающими подобные непотребства, оставили даже путь, лежащий пред ними. Но не будем так делать, потому что мы посланы совершить многое из необходимого; если же мы, пренебрегши этим, остановимся и будем с удивлением смотреть на бесполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истратив все свое время, и мы подвергнемся

жестокому наказанию. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты должен с изумлением смотреть, чем можешь любоваться все свое время, что не смеха достойно, но удивления и многих похвал, а между тем, если станешь изумляться смешному, ты и сам сделаешься таковым и даже хуже смехотворца. Беги же скорее прочь, чтобы тебе не подвергнуться этому (11).

СУД

Не будем оставлять без внимания даже грехов, почитаемых малыми; но каждый день будем требовать от самих себя отчета и в словах и во взглядах, и подвергать себя наказанию, дабы избавиться наказания в будущем веке. Поэтому и Павел говорит: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31), — так что, если здесь будем судить самих себя в повседневных прегрешениях наших, то избавимся от строгости будущего Суда. Если же нерадив, то *судимы*, — говорит Павел, — *наказываемся от Господа.* Итак, наперед будем судить сами себя с полною искренностью, войдем в судилище совести, где нас никто не видит; так станем испытывать свои помыслы и произносить над собою суд правый, чтобы наш ум, страшась будущего Суда, воздерживался от увлечений, обуздывал бы свои порывы и, представляя себе то недремлющее Око, заграждал вход к себе диаволу. Что мы страдаем от собственного нерадения, это очевидно показывает опыт. Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все его [Диавола] козни; так, когда падаем [в грех], не от насилия его [Диавола] терпим это, а от собственной беспечности. Он одолевает нас не силою и принуждением, а только обольщением. А в нашей власти — не увлекаться обольщением, если хотим только немного бодрствовать и трезвиться, не потому, однако, чтобы мы сами по себе имели такую силу, но потому, что в таком случае мы удостаиваемся и помощи свыше. Когда мы с своей стороны покажем старание, тогда и от Господа все последует. Будем же, прошу, трезвиться, и, зная ухищрения лукавого, будем постоянно бодрствовать и молить Бога, чтобы Он подал нам Свою помощь в борьбе с диаволом. Таким образом, мы сделаемся неодолимы, и избежим его ухищрений, и будем пользоваться помощью Божиею, и вечных благ достигнем (1).

***

Видишь ли пользу суда? Мрак удален, страх отогнан, страсти изъяты. Подобно тому, как появление судьи обращает в бегство воров, грабителей трупов и разбойников и всякого рода злодеев, так точно, когда рассудок получает свою силу и садится на престол суда, он удаляет все вредное, а усвояет и делает приятным все полезное. Не видел ли ты в городе, каким страхом охватываются, когда садится на суде судья, не только виновные, но также и невинные? Таким же образом, когда ум бывает здрав, и подобно судье садится на трон суда, страх и трепет превращают в бегство то, что было прежде сделано незаконного: не только обличаются неправые мысли, но и невинные движения ума боятся и охватываются страхом. Подобно этому, когда судит Бог, то даже звезды не объявляются пред Ним чистыми, и не оправдывается сам Павел: *хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). Таким образом, когда ум произносит себе суд и надлежащими обличениями исследует изъяны, то ничто не пригодно для оправдания его, по сказанному: *кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего?»* (Притч. 20, 9). Кроме того, написано: *нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы* (Еккл. 7, 20); а также: *о чем говорите в сердцах своих, о том сокрушайтесь на ложах ваших* (Пс. 4, 5); и сам Павел говорит: *да испытывает же себя человек* (1 Кор. 11, 28), и опять: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) (4).

***

Если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его. Если же и должно быть ему судимым, то пусть его судит тот, кто ни в чем подобном не согрешил, а не ты (6).

***

Когда судим о других, разбираем все до точности: а когда произносим суд о себе, ослепляемся. Если бы и о себе самих разобрали дело так же, как о других, то произнесли бы нелицеприятный приговор. И у нас есть грехи, заслуживающие не две и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочих грехах, вспомним, сколько нас

недостойно приобщается тайн? А причащающиеся недостойно повинны будут *против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27). Итак, когда говоришь об убийце, примени это и к себе. Он убил человека, а ты повинен в убиении Владыки. Он совершил убийство, не приобщаясь тайн, а мы стали убийцами, вкушая от священной трапезы. Что же сказать о тех, которые угрызают, снедают, отравляют ядом многим братий? И что сказать о том, кто отнимает кусок у бедного? Если и не подающий милостыни есть уже отнимающий, то тем более похищающий чужое. Сколь многих разбойников хуже корыстолюбцы? Сколь многих человекоубийц, сколь многих расхитителей гробниц хуже лихоимцы? Сколько таких, которые, ограбив, жаждут еще крови? Нет, избави от этого Бог! говоришь ты. Теперь говоришь — нет! Скажи это тогда, когда будешь иметь врага: тогда вспомни эти слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и нас не постигла участь содомлян, и нам не подпасть казни гоморрян, и нам не потерпеть зол постигших тирян и сидонян, и более всего — чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелее и ужаснее. Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа — мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую прийти в то же чувство (6).

***

Тебя никто не поставил судьей чужих проступков или исследователем чужих грехов. Ты должен судить себя самого, а не других: *если бы мы*, — говорит апостол, — *судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа* (1 Кор. 11, 31–32). А ты извратил этот порядок. От себя ни в великих, ни в малых согрешениях не требуешь никакого отчета, а в других всякое прегрешение тщательно замечаешь. Итак, не будем же более делать так, но, оставив такой беспорядок, поставим судилище в нас самих для суждения о своих грехах, сами будем и обвинителями, и судьями, и наказывающими свои проступки. Если же хочешь испытывать и дела других, то рассматривай добрые дела их, а не грехи, — чтобы, побуждаясь и воспоминанием о своих согрешениях, и ревностью к подвигам других, и представлением нелицеприятного суда, нам ежедневно наказываться совестью как неким бичом и, таким образом,

преуспевая в смиренномудрии и рвении, достигнуть будущих благ (7).

***

Послушай Господа взывающего: *мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним* (Мф. 5, 25). Это касается всех, а особенно же тех, кто любит вмешиваться в чужие дела; для них это прямой урок, чтобы они не отдавались с такою настойчивостью судебным тяжбам. В самом деле, и в тяжбах лучше предупредить неизвестное решение суда мирным соглашением, чем надеждой на победу вовлекать стороны в пучину неизвестности. Ты уверен в своих документах, надеешься на благоприятный исход, защитник, протягивая руку за взяткой, обещает победу, чтобы заключить условие о плате за услугу. Иногда даже и судья, уже подкупленный, наперед открывает тебе решение суда. Ты успокаиваешься на нетвердой надежде, потому что, если ты, вперед обратившись, подкупил судью, ты открыл дверь и для других взяток; подумай, ведь о том же самом заботится и твой противник; и часто, когда судебные дела твои все равно как будто плыли при ясной и спокойной погоде, тебя незаметно начинают убеждать опустить паруса. Разве ты никогда не видел, чтобы море было спокойно у морского берега и волновалось в глубине? Сколько отправившихся в ясную и тихую погоду, доплыв до середины моря, потерпело кораблекрушение вследствие неожиданных бурь и волнения! Так бывает и с судом. Иногда начало предвещает надежду, а конец приводит к исходу противоположному. Поэтому хорошо бы, как я сказал, предупреждать денежные тяжбы дружелюбным соглашением, для того, чтобы, кроме окончания тяжбы, приобрести себе и друга; не хорошо не только собирать обвинения, но и начинать их; в этом случае пощада лучше гнева (9).

***

Все люди, хотя бы не имели ни [судейского] престола, ни палачей, ни палки, однако судят согрешающих, делая это в разговорах и общих беседах, а также судят и судом своей совести. Так, никто не осмелился бы сказать, что прелюбодей не заслуживает наказания. Но осуждают, говорит апостол [Павел], других, а не самих себя. Поэтому он сильно восстает на таковых, говоря: *неужели думаешь ты, человек,*

что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же? (Рим. 2, 3). И своего суда ты не избежал, — неужели же избежишь Суда Божия? И кто может это сказать? Конечно, ты осудил самого себя. Но если так велика строгость этого судилища и ты не мог пощадить самого себя, то каким образом Бог, безгрешный и безгранично праведный, тем более не сделает этого? Или ты себя самого осудил, а Бог одобрит и похвалит? И какой это могло бы иметь смысл? Конечно, ты сам достоин большего наказания, чем тот, которого ты осудил. Не одно ведь и то же — просто согрешить и, наказав другого согрешившего, самому впасть в тот же самый грех. Ты видишь, как апостол увеличил вину? Если ты, говорит он, наказываешь меньшего грешника, между тем как сам не перестаешь осквернять себя грехами, то, как Бог, никогда не причастный греху, гораздо больше не осудит и не обвинит тебя, уже осужденного собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что сам признаешь себя достойным наказания, но вследствие долготерпения [Божия] пренебрегал исправлением и, так как не подвергся наказанию вслед за преступлением, имел даже надежду на милость Божию, то знай, что вследствие этого самого тебе нужно наиболее бояться и трепетать. Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большею строгостью, чего никогда пусть не случится с тобою.

***

Не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда, не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом, не столько ты выставляешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя — недостойным Божия человеколюбия. Кто

строго взыскивает со своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог (11).

СУД СТРАШНЫЙ

Человеческий суд никогда не совершается по истине, не только потому, что не соблюдаются права, но и потому, что если бы судья и не был подкуплен деньгами или подарками, если бы был свободен от гнева и доброжелательства, то часто сами обстоятельства бессильны открыть истину: или случается какое-либо недоразумение, или не бывает на лицо верных свидетелей. Но истинен только тот суд, в котором Бог, судящий все справедливо, назирает все сокровенное нашего сердца. Так как Он разумеет все, то Он не произнесет суда по каким-либо душевным замешательствам, по ненависти или почему-либо иному. Только в таком суде присутствует истина, так что сами преступники и виновные сознаются, что они осуждены по праву. Что истиннее этого суда? Никому из вас не тайна, что преступники никогда не желают сознаваться в своей вине, но стараются ее скрыть. Ничего подобного — на том суде, но они сами произносят решение относительно себя самих. Даже и в этом мире совершались подобные вещи — с царем Давидом, который говорит: *вот, я согрешил, я пастырь поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они?* (2 Цар. 24, 17). Не говори, что он побуждаем был сказать это наказанием, — подобно тому, как те, которые подверглись пыткам и не знают, что они виновны, но под влиянием ударов выдают себя за согрешивших. Не так тот праведник: в то время, когда остальные подверглись наказанию, когда он один был свободен от наказания, он принимал на себя наказание, — говоря: *я согрешил, я пастырь поступил беззаконно.* Каин же говорил: *наказание мое больше, нежели снести можно* (Быт. 4, 13), и это прежде, чем претерпел наказание. А Адам скрылся, чтобы, скрываясь, сделать свое преступление открытым и явным. Желаешь ли ты видеть подобные вещи и в геенне? Когда богатый услышал, *ты получил уже доброе* (Лк. 16, 25), то он не противился и не просил извинения. Пусть никто не говорит, что это сделал страх судии, — мы знаем, что иные отвечают смело и противоречат даже на суде. Разве не было также судии? Обрати внимание на то, как удержавший

один талант отвечает: *я боялся тебя, потому что ты человек жестокий* (Лк. 19, 21). О, кротость! О, спокойствие Судии! Какие Он перенес слова: *я боялся тебя, потому что ты человек жестокий.* Какого судью не воспламенили бы эти слова, но только не Его? В другом месте Он говорит, как бы указывая на причину: *народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне* (Мих. 6, 3). В ином месте Он также спрашивает не о новом, а о прошедшем: *какую неправду нашли во Мне отцы ваши* (Иер. 2, 5)? Справедливо и по заслугам обвиняя Иону, Он говорит: *неужели так сильно огорчился ты за растение? Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек?* (Иона 4, 9, 11) Ужели ты не разумеешь, что Он везде указывает нам причину? Он не считал недостойным указать причину даже тогда, когда говорит с диаволом: *обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла* (Иов 1, 8). Нам должно обратить внимание также на тех, которых Он повелевает низвергнуть в геенну. Прежде сядет Суд, а потом будет произнесено наказание, так что они подвергаются наказаниям тогда, когда ничего не могут сказать против него: подобно тому, как совершилось с не имеющим брачной одежды, так будет и с теми, которые не доставили Ему брашна, и с теми, которые совершили что-либо подобное [преступное]. Он произнесет суд не необдуманно, но после того, как все будет собрано в одно место, и объявит подлежащим наказанию с великой кротостью о мучениях, которым каждый их них подвергнется за свои вины по закону и справедливости (4).

***

Ныне все от нас зависит; а тогда приговор над нами будет во власти одного Судьи. Итак, *предстанем лицу Его со славословием* (Пс. 94, 2), будем плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилостивим Судью, чтобы Он отпустил нам согрешения, то не будем подлежать Суду. В противном случае, каждый из нас перед лицом всей вселенной приведен будет на Суд, и мы не будем иметь никакой надежды получить прощение. Никто из живущих на земле, не получив разрешения в грехах, по переходе в будущую жизнь не может избежать истязаний за

них. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни, все души приведутся на Страшный Суд, обремененные различными узами грехов. Подлинно, жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых. Подлинно, чем большим они владеют богатством, тем более и уз на них. Подобно тому, как, видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железе, ты почитаешь его крайне несчастным, так и видя богатого, владеющего несчетными сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный — злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов; и ввергнув его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зла, его угнетающего. И если ты проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной, оскверненной и наполненной червями. Удовольствия сластолюбивой жизни ничем не лучше, но еще отвратительнее, потому что растлевают и тело, и душу и поражают их бесчисленным множеством болезней. Представляя все это, будем молиться Искупителю душ наших, чтобы Он и разорвал оковы, и отогнал от нас того жестокого стража, и, освободив дух наш от тяжких железных уз, сделал бы его легче пера; а с молитвой к Нему соединим и собственное старание, и усердие, и благую готовность. Таким образом, мы сможем в короткое время освободиться от обладающего нами зла, и познать свое прежнее состояние, и воспринять дарованную нам прежде свободу (6).

***

Какого гнева не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего без внимания? Если бы ты давал и от праведных трудов — и тогда не грешно ли было бы давать награду за порок и честь за то, за что

следовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастие, ограбляя сирот и обижая вдов, то подумай, какой огонь ожидает дерзающих на такие дела? Послушай, что говорит Павел: *не только делают, но и делающих одобряют* (Рим. 1, 32). Быть может, мы уже слишком укоряем вас; но, если бы мы и не укоряли, все же наказания ожидают неисправимых грешников. Что же пользы угождать словами тем, которые на самом деле подлежат наказаниям? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься им? Итак, ты хуже и его самого, потому что он может извиняться бедностью, хотя и не основательно, а ты не имеешь и этого оправдания. Если я спрошу его, зачем он, оставив прочие занятия, обратился к этому презренному и непотребному, — он скажет, что в этом занятии, трудясь немного, он может получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человеком распутным, живущим на погибель других, — ты не можешь прибегнуть к тому же оправданию, но принужден будешь поникнуть долу, устыдиться и краснеть. Итак, если нам, требующим от тебя отчета, ты не имеешь ничего сказать, то как мы устоим, когда откроется то Страшное и неумолимое судилище, на котором мы должны будем отдать отчет и в помыслах, и в делах, и во всем? Какими очами воззрим на Судию? Что скажем? Чем оправдаемся? Какое представим извинение — благовидное или неблаговидное? Издержки ли, удовольствие ли или гибель других, которых мы губим, поддерживая их ремесло? Ничего нельзя будет сказать, но неизбежно подвергнемся казни, не имеющей конца, не знающей предела. Чтобы этого не случилось с нами, отселе будем всячески осторожны, и, таким образом, по отшествии отсюда с благою надеждою, мы достигнем вечных благ (8).

***

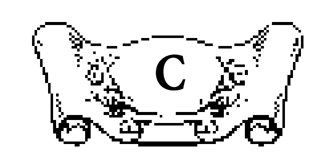
Представь себе, в каком положении ты оказываешься перед судьей, когда открываются памятные записи о тебе, обличающие тебя в неправде, свидетельствующие о твоем безумии: вспомни, какой страх, какой трепет объемлет тебя, как содрогаются члены, как потрясаются все внутренности, — и это на суде человеческом! Если же суд человеческий наводит такой ужас, то кто может описать тот ужас, среди которого совершит Свой Суд над вселенной Владыка всех? Говорим это не с

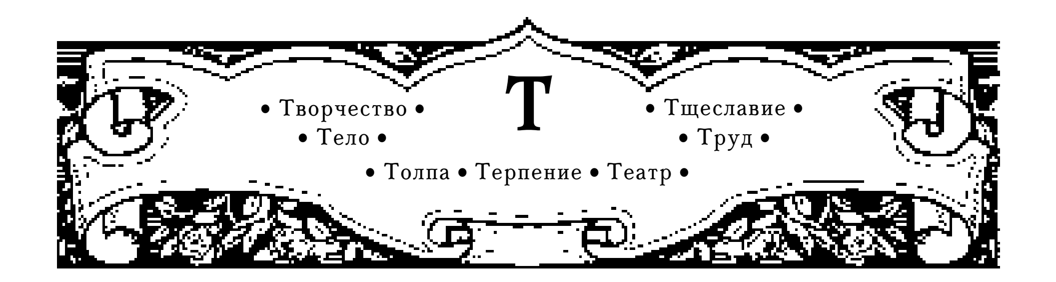
тем, чтобы устрашить, но чтобы внушить вам благоразумие. Не цени денег выше Христа, не предпочитай неправды и корыстолюбия Богу. В вашем распоряжении только время до гроба — об этом говорилось вам и вчера. В конце твоей жизни тебя неизбежно ожидает могила. Стремись же к тому, чтобы в ожидании ее приготовить себе переход от настоящей жизни к будущей. Возлюби дела справедливости: в гробу мы получим разрешение, в гробу уничтожится наша бренная оболочка. Постараемся же избежать грядущего суда, умоляю вас, братья! Не с иными чувствами должно говорить и слушать об этом предмете, как с решимостью приобрести жажду правды. Смотри, как взывает пророк: *о, какой день* Господень, *ибо день Господень близок* (Иоиль 1, 15)! Если пророк при воспоминании об этом дне трепещет, то нам ли, повинным в бесчисленном множестве грехов, вспоминать о нем без страха? Умилосердим же Судию покаянием, загладим наши грехи, устрашимся этой действительно страшной Его угрозы: *кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я* (а отвергается не только тот, кто отвергается на словах, но и тот, кто отвергается на деле) *пред Отцом Моим Небесным, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 33, 32). Если эти слова — только произносимые — уже внушают страх, то что придется испытать нам при созерцании самых дел, им соответствующих. Представьте себе, братья, эту картину: вот Судия вселенной восседает. Ему предстоят Ангелы и Архангелы, Его прославляют Херувимы, премирные Силы, пренебесные Воинства и среди них патриархи, пророки, апостолы, евангелисты, мученики; тут же и те, которые здесь были царями, правителями, судьями, вельможами, богатыми, бедными, мудрецами, простецами — все они стоят перед престолом Царя, и при стольких-то свидетелях — небесных и земных — Судия произносит приговор и отрицается чуждых ему перед Отцом Небесным! Отрекусь, — сказал Он, от того, кто отречется от Меня пред людьми, пред Отцем Моим Небесным (см. Мф. 10, 33) (9).

СУПРУЖЕСТВО

Вот истинное супружество, когда между супругами царствует такое согласие, когда между ними столь тесный союз, когда

они соединены взаимно такою любовью. Как тело никогда не может быть в несогласии само с собою, равно и душа сама с собою, так и мужу с женою должно не разногласить, но жить в единении. Отсюда может произойти для них бесчисленное множество благ. Все блага стекаются там, где такое единодушие, — там мир, там любовь, там душевное веселье; нет там ни ссоры, ни брани, ни вражды, ни сварливости; все это исчезает, потому что корень всех благ, то есть единомыслие, уничтожает все это (1).

ТВОРЧЕСТВО

Пусть никто не сомневается в истине воскресения. Если же кто не верует, то пусть подумает, сколько [тварей Бог] сотворил из ничего, и примет это за доказательство истины воскресения: ведь то, что уже случилось, гораздо удивительнее и представляет непостижимое чудо. Смотри: Бог, взяв землю, смесил ее и образовал человека, — землю, которая прежде не существовала. Как же земля стала человеком? Как она из небытия приведена в бытие? Как произошло из ней все: бесчисленные роды животных, семян, растений, тогда как при этом не было болезней рождения, не ниспадал дождь, не было ни земледелия, ни волов, ни плуга, и ничего другого, что содействовало бы к их появлению? Бог для того и произвел в начале из неодушевленного и бесчувственного вещества столько родов растений и бессловесных животных, чтобы тогда же внушить тебе истину воскресения. Сотворение непостижимее воскресения; не одно и то же — зажечь угасшую свечу или произвести огонь, никогда не существовавший; не одно и то же — восстановить разрушившийся дом или создать вовсе не существовавший. Здесь есть, по крайней мере, готовое вещество, а там не было и вещества. Потому Он сделал наперед труднейшее, чтобы ты допустил легчайшее, — труднейшее, говорю, не для Бога, но для нашего представления. Для Бога нет ничего трудного, но как живописец, написавший одну картину, легко может написать их и множество, так и Бог еще легче может сотворить бесчисленное множество миров; или лучше, как для тебя легко представить город и множество миров, так для Бога легко сотворить их или даже гораздо легче. Ты, по крайней мере, употребляешь несколько времени на представление, а Бог — и того нет, но сколько камни тяжелее самых легких вещей или, лучше, разума нашего, столько наш разум

уступает в быстроте творческой силе Божией. Ты удивляешься могуществу Его на земле? Подумай же еще, как произошло небо, прежде не существовавшее, как бесчисленные звезды, как солнце, как луна, которые все прежде не существовали? Еще, скажи мне, как по сотворении они держатся и на чем? Какое основание имеют они, равно как и земля? Что за землей? Что опять за тем, что за землей? Видишь ли, в какое недоумение впадает умственный взор твой, как скоро ты не прибегаешь к вере и к непостижимой силе Творца? Если же хочешь объяснять это делами человеческими, то можешь и таким образом несколько окрылить разум свой. Какими, скажешь, делами человеческими? Не видишь ли ты, как горшечники выделывают сосуд из смешанного и бесформенного вещества, как рудокопы из металлоносной земли извлекают золото, железо и медь, как выделывающие стекло обращают песок в твердое и прозрачное тело? Говорить ли о сыромятниках и красильщиках пурпуровых одежд, как они придают им один цвет вместо другого? Говорить ли о нашем рождении? Не малое ли семя, сперва не имеющее вида и очертания, сообщается в приемлющую его утробу? Каким же образом является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается в землю? Не согнивает ли оно, будучи посеяно? Откуда же является колос, стебли и все прочее? Каким образом малое зернышко смоковницы, упав на землю, часто производит корни, ветви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнению, а требуешь от Бога отчета только в том, как он преображает наше тело? Можно ли простить это (12)?

ТЕАТР

Нам предстоит трудный подвиг, борьба с невидимыми Силами, брань с духами злобы, война с Началами, со Властями; и хорошо, если бы мы, при всем тщании, трезвенности и бдительности, могли устоять против этого свирепого полчища. Если же будем смеяться, играть и всегда предаваться лености, то еще прежде сражения падем от собственной беспечности. Не наше дело постоянно смеяться, забавляться и жить весело; это дело лицедеев, зазорных женщин и людей на то предназначенных, тунеядцев, льстецов; не званным на небо, не написанным в горнем граде, не приявшим духовное оружие

свойственно это, но тем, которые обрекли себя дьяволу. Это он, он самый изобрел такое искусство, чтобы привлекать к себе воинов Христовых и ослаблять силы их духа. На то и построил он в городах театры и, обучив смехотворов, этою язвою поражает целый город. Чего Павел велел бегать (см. Еф. 5, 4) — я разумею пустословие и шутки, — то дьявол убеждает любить; и что в этом есть самого худшего, то бывает поводом к смеху. Когда представляющие смешное в театре скажут что-либо богохульное и срамное, тогда многие, будучи еще безумнее их, смеются, забавляются этим; за что надлежало бы побить камнями, тому рукоплещут и за такое удовольствие сами себе готовят огненную пещь. Ведь те, которые хвалят говорящих такие речи, тем самым поощряют их к ним; а потому и наказанию, которое назначено для смехотворцев, справедливее падать на смеющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и действующего. А когда видят, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выработать, словом — все, только бы провести время в театре, тогда они становятся усерднее, с большим старанием отправляют свое дело. Впрочем, не в извинение их говорю это, но чтобы вас вразумить, что от вас собственно берется начало и корень этого беззакония, от вас, которые тратите на это целый день, подвергаете посмеянию честное супружество, посрамляете великое Таинство. Поистине, не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе. Скажи мне, какими глазами после будешь смотреть дома на жену, видев ее опозоренною в театре? Как, не покраснев, представишь себе супругу, когда ты видел весь пол ее обесчещенным? Не говори мне, что представляемое в театре есть одно лицедейство. Лицедейство это многих сделало прелюбодеями и многие дома расстроило. О том-то особенно и скорблю, что в этом даже не подозревают худого, но такие развратные представления принимают с рукоплесканиями, с восклицаниями и громким смехом. Итак, скажешь, что все это лицедейство? Но за то самое лицедеи и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному

всеми законами. Если дело худо, то и подражание ему худо. Не говорю еще о том, сколь многих делают блудниками представляющие эти любодейные зрелища, к какой наглости и бесстыдству приучают они зрителей. Ведь одному только сладострастному и наглому глазу сносно смотреть на эти зрелища. На площади ты не станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, — ты оскорбишься таким зрелищем; а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужеского, и женского пола и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что один пол и одно тело как у блудницы, так и у благородной женщины. Если в этом нет ничего непристойного, то почему, когда на площади увидишь то же, и сам бежишь прочь, и гонишь от себя бесстыдную? Или когда бываем порознь, тогда это непристойно, а когда соберемся и сидим вместе, тогда уже не позорно? Это смешно и постыдно и означает крайнее безумие. Лучше грязью или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть на такое беззаконие, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины. Вспомни, что было причиною наготы в начале, и страшись того, что было виною этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушание и злоумышление дьявола. Таково давнее и первое его старание. Но прародители, по крайней мере, стыдились наготы своей, а вам это нравится, по апостольскому слову: *Слава их — в сраме* (Флп. 3, 19). Как будет смотреть на тебя жена, когда ты возвратишься с такого беззаконного зрелища? Как примет тебя? Как будет говорить с тобою после того, как ты столь бесчестно посрамил весь женский пол, пленился таким зрелищем и сделался рабом блудницы? Впрочем, если слово мое огорчит вас, то я много вам за то благодарен: *Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?* (2 Кор. 2, 2). Никогда не переставайте рыдать об этом и терзаться; такая скорбь будет для нас началом исправления (6).

***

Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное, они-то именно более всех и воз-

мущают народ, они-то и производят мятежи в городах, — потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя (6).

***

Иногда ты говоришь: хорошо, я откажусь от театра и даже не взойду на ступеньки: можно повеселиться и попировать [дома]. Но и тут у вас повторяются неприличные театральные сцены. Что тебе пользы в том, что ты отказался от театра? Не к камням ведь мы чувствуем отвращение? Ведь не камни театров осуждаются, а безобразие того, что там совершается, негодность неприличных зрелищ, которая через органы зрения и слуха, как через какие-нибудь окошки, вводит вора. Итак, когда ты отказался от театра и к столу своему допустил бесчинства представлений, ты сам не замечаешь того, что дом свой обратил в театр. Ведь не место театра я ненавижу, но опасаюсь за нравы собирающихся туда (9).

ТЕЛО

Человеческое тело не имеет каких-либо преимуществ пред прочими телами, но, принимая умножение славы, оно кажется величественнее остальных (4).

***

Тело человека Бог взял от земли, а душу создал и дал сам (сотворив ее, а не взяв из собственного существа), дабы бы, когда умрет тело или человек, не отчаивались относительно души. Что в том, что тело погребено во гробе? Не думай, что там же душа. Она взята не от земли и не возвращается в землю. Так Бог утвердил надежду. Потому и Иезекииль, пророчествуя о воскресении, говорит: *мертвым костям явилось тело* и затем продолжает: *от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут* (Иез. 37, 9). Так и Давид восклицает: *когда Ты отвернешь лицо, — смятутся, возьмешь дух их, и исчезнут и в землю свою возвратятся.Пошлешь Духа Твоего, и будут созданы, и обновишь лицо земли* (Пс. 103, 29–30) (5).

***

Не будем бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснем для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлеет тело? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлит и погибает смертное, а не сущность

тела. Когда ты видишь, что выливают истукан, то не говоришь, что вещество его пропадает, но что оно получает лучший образ. Так же рассуждай и о теле и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось в муках. Но ты скажешь: это могло бы быть и без истления тел, так чтобы они оставались в целости. А какую бы это принесло пользу живым или умершим? Доколе будете привязаны к телу? Доколе, пригвождая себя к земле, будете прилепляться к тени? Какая бы из того была польза? Или, лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлевали тела, то, во-первых, овладела бы многими гордость — зло из всех зол самое большее. Если и ныне, когда тело подвержено тлению и преисполнено червей, многие хотели быть почитаемы за богов, то чего бы не было, когда бы тело пребывало нетленным? Во-вторых, не стали бы верить, что тело взято из земли. Если и теперь, несмотря на то, что самый конец ясно свидетельствует, некоторые сомневаются в этом, то чего бы не подумали, если бы не видели этого конца? В-третьих, тогда чрезмерно любили бы тела, и большая часть людей сделалась бы еще более плотскими и грубыми. Если и ныне, когда тела совершенно уже истлеют, некоторые обнимают гробы и раки, то чего не стали бы делать тогда, когда бы могли сберегать и самый образ их в целости? В-четвертых, не очень бы привержены были к будущему. В-пятых, те, которые утверждают, что мир вечен, еще более утвердились бы в этой мысли и не стали бы признавать Бога Творцом мира. В-шестых, не были бы уверены ни в достоинстве души, ни в том, как тесно связана душа с телом. В-седьмых, многие, лишившиеся своих родственников, оставив города, стали бы жить в гробницах и, подобно безумным, непрестанно стали бы разговаривать со своими умершими. Если и ныне люди, поскольку самого тела удержать не в состоянии (да и невозможно, потому что оно против их воли тлеет и исчезает), снимая портреты, прилепляются к доскам, то каких нелепостей не вымыслили бы тогда? Мне кажется, что тогда многие в честь любимых тел воздвигли бы храмы, а занимающиеся волхвованиями постарались бы уверить, что посредством их демоны дают ответы, тем более что и теперь имеющие дерзость заниматься вызыванием мертвых (некромантией) делают много нелепостей (несмотря даже

на то, что тело обращается в прах и пепел). Каких же бесчисленных видов идолопоклонства не произошло бы отсюда? Итак, Бог, отъемля все могущее служить поводом к таким нелепостям и научая нас отрешаться от всего земного, поражает тела тлением перед нашими глазами. Таким образом, любитель телесной красоты, до безумия пристрастившийся к благовидной девице, если умом не захочет узнать безобразие телесного существа, то увидит это собственными глазами. Много было девиц столь же цветущих красотой или еще несравненно прекраснее, нежели любимая им, которые после смерти своей через один или два дня представляли из себя зловоние, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту и каким прельщаешься пригожеством? Но если бы тела подвержены были тлению, нельзя бы было хорошо знать этого; как бесы стекаются к гробам, так многие из объятых любовной страстью, непрестанно сидя при гробах, сделали бы душу свою обиталищем бесов и от жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кроме всего другого, облегчает душевную скорбь и то, что невозможность видеть образ любимого предмета способствует забвению и самой страсти. Если бы тела не истлевали, то не было бы даже и гробов, и ты увидел бы города, вместо статуй полными мертвых, потому что каждый пожелал бы тогда видеть подле себя своего умершего. Отсюда произошел бы великий беспорядок: никто бы из простолюдинов не стал печься о душе своей, не стали бы принимать учения о бессмертии. Много бы и других еще худших произошло нелепостей, о которых и говорить даже неприлично. Для того-то тотчас и истлевает тело, чтобы ты мог видеть в наготе красоту души. В самом деле, если она такую красоту и такую живость дает телу, то как она прекрасна должна быть сама в себе? Если она поддерживает столь безобразное и отвратительное тело, то тем более может поддержать саму себя. Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который запечатлевает душа в существе его. Итак, люби душу, которая сообщает телу такое благообразие (6).

***

От тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная отговорка. Если бы действительно от тела рождались

эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от беспечности души (9).

***

Тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так, одним и тем же оружием защищаются — и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. То же самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души. Когда ты с излишним вниманием смотришь на чужую красоту, то оружием неправды бывает глаз не по собственной своей деятельности (потому что глазу свойственно смотреть и не лукаво смотреть), но по лукавству управляющего им помысла; если ты обуздал помысел, то и глаз делается орудием правды. То же должно сказать о языке, о руках и всех прочих членах (11).

***

[Ты] скажешь, если бы я имел тело не смертное, то не согрешил бы. А тот [Адам], скажи мне, смертное ли имел тело, когда согрешил? Нет, если бы тело его было смертно, то смерть не была бы назначена ему в наказание. Впрочем, смертное тело не служит препятствием к добродетели, но еще вразумляет и весьма много способствует, как видно из следующего: если одно ожидание бессмертия так надмило Адама, то, если бы он в самом деле был бессмертен, в какую не впал бы гордость? Теперь, согрешив, ты можешь исправиться по тому самому, что тело твое уничиженно, слабо и подвержено разрушению; эти мысли могут вразумить тебя; а если бы ты грешил в бессмертном теле, то грехи твои, может быть, остались бы неисправимыми. Итак, не смертность причиною греха — не обвиняй ее, — но злое произволение есть корень зол. Отчего тело не причинило вреда Авелю? Отчего бесплотность не принесла никакой пользы злым духам? Хочешь ли знать, как смертное тело не только не вредит,

но еще доставляет пользу? Послушай, сколько доброго ты можешь получить от него, если будешь бдителен. Оно отклоняет и отвлекает тебя от зла болезнями, скорбями, трудами и тому подобным. Но, скажешь, оно влечет и к прелюбодеянию? Нет, не тело, а разнузданность: телу свойственно только то, о чем я выше сказал. Невозможно человеку, вступившему в эту жизнь, не терпеть болезней, скорбей и печалей, а не блудодействовать возможно. Потому, если бы пороки зависели от природы тела, то они были бы общи всем: все естественное таково и есть, а прелюбодеяние не таково; болезни происходят отсюда, а прелюбодеяние — от произволения. Итак, не обвиняй тела, чтобы диавол не отнял у тебя чести, которую даровал тебе Бог. Если мы захотим, то тело может быть прекрасной уздой, укрощающей похоти души, смиряющей гордость, низлагающей тщеславие, способствующей нам к совершению великих добродетелей. Не говори мне о [людях] невоздержных: мы часто видим, как и кони несутся по стремнинам, свергнув возницу вместе с уздой, но не виним в том узду. Не она, опустившись, причинила это, но возница, не удержавший ее, все испортил. Точно так рассуждай и здесь. Если видишь молодого человека, живущего невоздержно и предающегося порокам, то обвиняй не тело, а влекомого возницу, т.е. разум. Как не вожжи причиняют зло вознице, а сам он бывает виновен во всем, не хорошо удерживая их, — потому они и подвергают его наказанию, запутывая его, увлекая и принуждая разделять с ними бедственную участь, так и здесь. Мы, говорят они, обуздывали коня, пока ты держал нас; а когда выпустил из рук, то мы подвергаем тебя наказанию за небрежность, запутываем и увлекаем тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итак, никто не обвиняй вожжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у нас — разум, вожжи, соединяющие коней с возницей, — тело. Если они будут удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь из рук, то испортишь и погубишь все. Будем же благоразумны и станем обвинять не тело, а злое расположение. Диавол всячески старается внушить неразумным, чтобы они обвиняли более тело, или Бога, или ближнего, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнув истинную причину зла, они не вырвали ее с корнем. Но

вы, зная коварство его, направьте на него гнев свой и, предоставив ярмо вознице, обратите умственный взор свой к Богу. В других делах назначающий подвиги сам нисколько не содействует, а только ожидает окончания; здесь же совершает все подвигоположник Бог (12).

ТЕРПЕНИЕ

Так как обыкновенно бывает, что многие начинают дела с ревностью, а впоследствии ослабевают, то Спаситель и говорит, что — Я смотрю на конец. Что пользы в тех семенах, которые сначала цветут, а после скоро увядают? Потому Он и требует от учеников своих постоянного терпения. И чтобы кто не сказал, что Господь сам все сотворил, и потому нет ничего удивительного, что они были таковыми, раз не терпели тяжких страданий, то Он говорит им, что вам нужно и терпеть. Хотя Я избавлю вас от первых опасностей, но Я вас соблюдаю для тягчайших, за которыми опять последуют новые, так что вы не перестанете подвергаться наветам даже до последнего издыхания. Это именно Он и давал разуметь словами: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22) (6).

***

Долготерпение — оно корень всякого любомудрия; потому и Премудрый говорит: *у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость* (Притч. 14, 29); и далее, сравнивая эту добродетель с крепким городом, говорит, что она крепче его. Это — несокрушимое оружие, непоколебимый столп, легко отражающий все нападения. Как искра, упавшая в море, не причиняет ему никакого вреда, но сама тотчас потухает, так все неожиданное, поражая долготерпеливую душу, скоро исчезает, а ее не возмущает. Долготерпение тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стены, на оружие и на что бы то ни было, ничто не может сравниться с долготерпением. Кто обладает чем-нибудь подобным, тот часто бывает побежден гневом, падает, подобно слабому ребенку, и все наполняет шумом и смятением; а долготерпеливый, как бы пребывая в пристани, наслаждается глубоким спокойствием; причинишь ли ему вред, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому он и называется долготерпеливым,

что имеет как бы долгую и великую душу, а долгое называется и великим. Между тем эта добродетель рождается от любви, и тем, которые приобрели ее и пользуются ею, доставляет великую пользу. Не говори мне, что люди потерянные, делая [долготерпеливому] зло и не претерпевая за то зла, становятся хуже; это происходит не от его долготерпения, а от тех самих, которые пользуются им не так, как должно. Потому не говори мне о них, а вспомни о людях более кротких, которые получают оттого великую пользу; когда они, делая зло, не претерпевают за то зла, то, удивляясь терпению страждущего, получают величайший урок любомудрия. Впрочем, [апостол] не останавливается на этом, но присовокупляет еще другие совершенства любви: она, говорит, милосердствует. Так как есть люди, которые употребляют долготерпение не на собственное любомудрие, а на мщение тем, кто оскорбляет их, терзаясь внутри себя самих, то он говорит, что любовь не имеет и этого недостатка; потому и присовокупляет: милосердствует. Любящие не для того поступают кротко с пламенеющими гневом, чтобы усилить пламень гнева, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественным терпением, но и угождением и увещанием врачуют рану и исцеляют язву гнева. Не завидует. Случается, что иной терпелив, но завистлив, отчего добродетель его теряет свое совершенство. Но любовь далека и от этого. Не превозносится, т.е. не поступает безрассудно. Она делает любящего благоразумным, степенным и основательным. Безрассудство свойственно людям, любящим постыдно, а любящий истинной любовью совершенно свободен от этого; когда нет в сердце гнева, то не может быть и безрассудства и дерзости; любовь, пребывая в душе, как бы какой-нибудь искусный земледелец, не допускает вырастать ни одному из этих терний. Не гордится. Мы видим, что многие гордятся самыми своими добродетелями, т.е. тем, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безрассудны; эти пороки соединены не только с богатством и бедностью, но и с самыми добрыми по природе качествами, а любовь совершенно очищает все. Заметь: долготерпеливый не всегда еще милосерд; если же он не будет милосердым, то его доброе качество становится пороком и может обратиться в памятозлобие; но любовь, доставляя

врачество, т.е. милосердие, сохраняет добродетель чистой. Также милосердый часто бывает легкомыслен; но любовь исправляет и этот недостаток. *Любовь,* — говорит, — *не превозносится, не гордится* (1 Кор. 13, 4). Милосердый и долготерпеливый часто бывает гордым, но любовь истребляет и этот порок (12).

ТОЛПА

Богача многие и отвращаются, и ненавидят, а человека добродетельного уважают и почитают. Но над бедным, скажешь, смеются, хотя бы он был и добродетелен? Смеются, но не люди, а бессловесные, почему и не нужно обращать на то внимания. Ведь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а все люди мудрые хвалили бы, — мы, конечно, не пренебрегли бы мнением последних и не стали бы обращать внимания на крики бессловесных. А те, которые высоко ценят предметы настоящие, подобны воронам и хуже ослов. Если бы тебя хвалил царь земной — ты, верно, нисколько не заботился бы о мнении толпы, хотя бы и все смеялись над тобою. Ужели же, когда тебя хвалит Владыка всех, ты будешь искать еще похвалы от жуков и комаров? А таковы действительно эти люди в сравнении с Богом — и даже не таковы, а еще хуже. Доколе же мы будем пресмыкаться в грязи? Доколе будем поставлять для себя судьями беспечных ленивцев и чревоугодников? Они могут хорошо оценивать игроков в кости, пьяниц и живущих для чрева, а добродетели и порока они не могут вообразить себе и во сне. Если бы кто стал смеяться над тобою потому, что ты не знаешь, как провести каналы для стока воды — ты, без сомнения, не оскорбился бы, а напротив, даже посмеялся бы над укоряющим в таком незнании. Зачем же, желая подвизаться в добродетели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсем не знают ее? Потому-то мы никогда и не успеваем в этом искусстве. Мы вверяем свое дело не людям опытным, а невеждам; а они судят не так, как требует искусство, а по собственному невежеству. Потому, умоляю вас, будем презирать мнением толпы (9).

***

Какую пользу, скажи мне, может принести тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысяч и

одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал все; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но — множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в царстве — немногие, а в геенне — многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Ведь это то же, как если бы кто при возможности иметь или десять здоровых, или тысячи больных привел эти тысячи к тем десяти. Большинство, когда они не делают ничего доброго, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны. Так именно [язычники] всегда говорят нам, когда слышат от нас, что нас много: много вас, — говорят, — да худых (10).

ТРУД

Кратковременность трудов, и вечность венцов, и то, что труды предшествуют венцам, а венцы последуют за ними — все это составляет величайшее утешение в трудах (6).

***

Сколько потребно труда и пота в делах здешнего мира? Разве одна добродетель приобретается с трудом, а порок достается без трудов? Если же и там, и здесь труд, то почему не изберешь ты добродетели, приносящей с собой великую пользу? Да еще и такие есть добродетели, которые и труда никакого не требуют. В самом деле, что за труд — не злословить, не лгать, не клясться, простить ближнего, подавшего повод к гневу? Вот труд и большая забота — поступать противно этому. Итак, какого ждать нам оправдания,

какого прощения, когда мы и этих легких добродетелей не соблюдаем? Отсюда ясно видно, что и другие — труднейшие — добродетели недоступны нам по причине нашей беспечности и лености (6).

***

Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь, и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные, и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских беспрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды; все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах, а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды подъемлются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен, а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного (7).

***

Хотя бы ты был ремесленник, не считай такого занятия чуждым для себя. Ведь и Павел был делателем палаток, однако исполнился великой благодати и ею возвещал все. Но прежде благодати он был при ногах Гамалиила и самую благодать получил потому, что явил душу достойную благодати, и после того опять занимался своим

ремеслом. Итак, не стыдись никто занимающийся ремеслом, но пусть устыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда — это род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге: а тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его по-пустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь другим подобным — легчайший? Это видно и из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы (12).

ТЩЕСЛАВИЕ

Фарисеи, будучи заражены тщеславием и преданы этой ужасной страсти, не получили от Его беседы никакой пользы. И в самом деле, страсть эта ужасная и многоглавая. Увлеченные ею, одни стремятся к богатству, другие к власти, иные к могуществу. Распростирая власть свою далее, она обращает себе в пищу и милостыню, и пост, и молитвы, и дар учения, да много еще и других голов у этого зверя. Впрочем, нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью, но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Но чтобы, в свою очередь, не останавливаться здесь только на одних упреках, мы укажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же прежде всего начать нам? С тех ли, кто тщеславится богатством, или одеждой, или властью, или даром учения, или крепостью телесной, или искусством, или красотой, или нарядами, или жестокостью, или

человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Страсть эта, как я сказал, многоразличным образом опутывает нас и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят: такой-то умер и, чтобы удивлялись ему, завещал сделать то и то. Поэтому же один хочет быть бедным, а другой богатым. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславия находит себе пищу в предметах противоположных (7).

***

Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния — значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их на показ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердными и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас ей, т.е. Бог, Который всех лучше знает и бесконечно оказывает ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть или кому стал бы показывать свои успехи в нем, — тому ли, кто продает овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех было и много, а этот один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил бы тебя, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними? Или: если бы ты учился искусству бойцов, то не стал ли бы точно также смотреть на того, кто умеет обучать этому искусству? Равным образом, если бы ты занимался красноречием, то не стал ли бы дорожить похвалами учителя красноречия и пренебрегать суждением других? Итак, не безрассудно ли в других искусствах обращать внимание только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать наоборот — и тем более что вред в том и другом случае не одинаков? В самом деле, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся беда имеет значение только по отношению к этой борьбе, здесь же дело касается жизни вечной. Если ты через милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобен Ему и в том, чтобы не делать

ее напоказ. Когда Он исцелял кого, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или, лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, хранящееся в горних обителях. Вот новое бедствие, новое необыкновенное зло! Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что разрушает и развращает все доброе! Итак, когда дьявол видит, что страна эта недоступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников и что ее сокровищ не истребляет моль, — расхищает их тщеславием (7).

***

Подаяние милостыни напоказ уничтожает награду, и тот, кто поступает так, лишает себя будущей благостыни. Никакая другая страсть не вредна так душе, как страсть тщеславия. Ведь этим недугом человек заражается именно тогда, когда он сделал уже большие успехи в исполнении заповедей. Вот почему Спаситель и спешит с корнем посечь в нас эту страсть, научая нас творить милостыню тайно (9).

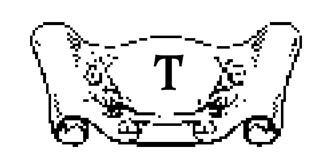
***

Нет ничего хуже тщеславия. Оно, именно оно больше всего и погубило иудеев. Потому и Христос сказал им: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). Тщеславие вместе с гибелью и возбуждает большой смех, и прежде еще будущего наказания навлекает здесь бесчисленные бедствия. И если угодно тебе знать это, мы, не касаясь пока небес, откуда тщеславие низводит нас, и геенны, в которую оно ввергает, рассмотрим все то, что оно производит здесь. И действительно, что может быть вреднее, постыднее и тяжелее тщеславия? Что болезнь эта причиняет убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другие столь же ненужные развлечения, вроде постройки великолепных и пышных домов и всяких других излишних сооружений, чего

теперь нельзя и описать. Всякому же известно, что человек расточительный, любящий пышность и страдающий болезнью тщеславия по необходимости делается похитителем и корыстолюбцем. Чтобы доставить пищу этому зверю, он налагает свои руки на чужое имущество. И что говорить об имуществе? Этот огонь пожирает не только деньги, но и души, уготовляет не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславие есть мать геенны, сильно воспламеняет адский огнь и ядовитого червя. Всякому известно, что оно и на мертвых простирает свою власть, а что может быть хуже этого? Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и в гробе показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за один овол или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а, умирая, готовят червю обильную пищу, то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь, так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотой лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться: я соблазнил такую-то и вовлек в любодеяние.

И нужно ли говорить о других пороках, которые произрастают отсюда? Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугой всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободой, жертвуй своим спасением, а если сделаешь какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие — мать всех зол. Толпа рабов, одетые в золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смешнее, употребляются не для удовольствия и пользы, но из одного тщеславия. Да, говоришь ты, всякому известно, что страсть

эта — зло, но как нам избежать ее — вот о чем следует сказать. Главное, если ты вполне убедишь себя в том, что эта болезнь тяжела, то сделаешь самое лучшее начало к исправлению, потому что и больной немедленно ищет врача, как скоро узнает, что он болен. А если ты ищешь и другого пути избежать [проистекающего отсюда зла], то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славой, исходящей от Него. Если ты заметишь, что страсть эта подстрекает тебя и побуждает рассказать о заслугах своих собратьям, то ты прежде всего размысли, что из этого рассказа не произойдет для тебя никакой выгоды, угаси нелепую страсть и скажи душе своей: вот сколько времени ты мучилась, чтобы рассказать о своих заслугах, и не могла сохранить молчания, но всем объявила, — какая же от этого тебе польза? Пользы никакой, а вред всем большой — потеря всего того, что ты собрала с великим трудом (11).

УКРАШЕНИЯ

Не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоем поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно, ты не представляешь геенского огня, верно, не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшения делают тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его и как ему, так и другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе, но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинскою пышностью и дьявольским ухищрением, и, оставив эти украшения или, лучше, — безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и Ангелам вожделенна, и Богу любезна, и вашим мужьям приятна (6).

***

Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то как можешь

уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям как бы к одушевленным каким существам и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное, докажите делами: теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретя довольное число многоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем не радят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу — а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнование, отсюда блудодейство мужей — когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом и даже лучше может и блудница, а облекаться добродетелями — нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться (7).

***

Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие? Обрати лучше эти украшения внутрь и этими ожерельями убери свою душу. Когда они лежат на теле, они не служат ни к его здоровью,

ни к красоте. Ведь они не сделают ни черного белым, ни безобразного — красивым и благовидным. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сделаешь ее из черной белою, из отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говорит так: *если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18); и еще: *подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сделаешь прекрасным, если будешь поступать таким образом. Когда мужья увидят, что вы оставили эти украшения, тогда они уже не будут иметь надобности в больших издержках; а не имея этой надобности, они вовсе отстанут от любостяжания и будут более склонны к милостыне. Да и вы тогда в состоянии будете смело советовать им делать то, что следует; а теперь вы совершенно лишены этой власти. В самом деле, какими устами вы будете говорить им это? Какими глазами будете смотреть, требуя от мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы издерживаете на украшение тела? Тогда ты в состоянии будешь смело говорить мужу о милостыне, когда оставишь золотые украшения. И если бы даже ты нисколько в том не успела — по крайней мере, ты исполнишь с своей стороны все; а впрочем, невозможно, чтобы ты не убедила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми делами. *Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? Потому, как теперь ты дашь ответ и за себя, и за него, так если отложишь весь этот внешний блеск — получишь сугубый венец и будешь торжествовать, нося венец вместе с мужем (8).

***

Постарайся попрать земную гордость, нарядные одежды, дорогие золотые украшения и благовония; отложив негу, роскошь и мерную поступь, обрати все свое попечение на душу и воспламени в сердце своем страсть к небесному. Если овладеет тобой эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящего и сама будешь смеяться над тем, что теперь удивляет тебя. Ведь женщине, украшенной духовными совершенствами, несвойственно домогаться таких смешных вещей. Потому, сбросив все то, что ставят себе в большую честь жены торгующих, а также занимающиеся пляской и музыкой, укрась себя благочестием, страннолюбием,

попечением о святых, умилением, частыми молитвами. Это лучше золотых одежд, драгоценнее дорогих камней и запястий, это и перед людьми делает почтенными, и у Бога приносит тебе великую награду. Это украшение Церкви, а то — театра, это достойно неба, а то — коней и мулов; в те убранства облекаются и мертвые тела, а это сияет только в доброй душе, в которой живет Христос. Итак, станем приобретать себе такое украшение, чтобы и нас везде прославляли, и мы угодили Христу (11).

УТЕШЕНИЕ

Когда Бог видит, что душа утомляется, Он [Бог] услаждает ее приятными вещами. Так бывает и с нами. Часто бывает, что человек, возвратившись от занятий отягченный тысячами огорчений, удрученный часто тяжелыми впечатлениями, измученный тяжкими бедствиями и лишениями, дома находит утешение в ребенке, и нежное чувство облегчает тягость трудов. Так как к нему, когда он не в духе, ни жена не может подойти с утешением, поскольку ее утешение является неуместным, ни слуга не осмеливается утешать, то Бог представляет невинное существо, заслуживающее снисхождения за свое неведение, и через него облегчает и успокаивает удрученную тягостями душу. Если засмеется слуга, то может показаться, что он смеется над огорчениями господина; если будет смеяться жена, то может показаться, что она не сочувствует горести; ласку ребенка нельзя заподозрить вследствие невинности его природы. И часто бывает, что то, чего не в силах сделать друзья своими советами, мудрецы своими наставлениями, может сделать ребенок одним своим смехом — именно рассеять всякое чувство горести. И вот в самый высший момент печали человек видит ребенка, сначала отстраняет и отвергает несвоевременное утешение, но уступает настойчивости и, обратив несколько раз свой взор, увлекается, берет, затем, ребенка, забывает печаль и говорит: «Вот кого только дарует мне Бог, и нет мне никакого дела до других»!

Видишь, как Бог и ничтожными вещами дает душе утешение? И вот, так как Адам в раю был одинок, не имел ни друга, ни близкого человека, ни родственника, то Бог привел к нему для развлечения животных. И теперь, например, есть животные, обладающие способностью подражания, — одни

подражают действиям, другие — голосу, как, например, действиям человеческим подражает обезьяна и подобные ей животные, голосу — попугай и другие птицы. Итак, Адам получал развлечение от животных, из которых одни доставляли удовольствие голосом, другие служением (5).

УЧЕНИЕ

Высокое учение [апостолов] было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то, прежде чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственною смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях *утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все действительно узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики Ангелов

в человеческой плоти, и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбари, повелевая приниматься [за обучение ему] не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов — детская забава, а учение апостолов — сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с Ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом (6).

***

Учение язычников нелепо, наше же, по благодати Божией, досточтимо и славно у самих нечестивых. Вот почему, когда они хотят особенно упрекнуть нас и усилить свое злословие, то говорят: «Христианин». Не сказали бы они этого, если бы не имели высокого мнения о нашем учении (6).

УЧИТЕЛЬ

Не окончится наше существование, когда мы хорошо воспользуемся настоящей жизнью, тела воскреснут в большей славе, будут светлее неба, солнца и всего прочего и перейдут в высшее состояние. Итак, один способ богопознания [достигается] через [рассматривание] всего творения; другой, не менее важный, через совесть — и его вполне изложили мы тогда в обширных рассуждениях, показывая то, как само собой возникает у нас познание доброго и недоброго и как сама по себе внушает нам все это совесть. Итак, у нас от начала были эти два учителя — творение и совесть, и оба они, не произнося слов, учили людей безмолвно. Творение, поражая зрителя видом [своим], возбуждает в созерцателе вселенной удивление к ее Создателю; а совесть путем внутреннего внушения научает всему, что должно делать; силу ее и решение суда [ее] мы узнаем по состоянию лица. Когда внутренне обличает она в грехе, то покрывает внешний вид смущением и большим унынием. Она делает нас бледными и робкими, когда уличаемся в чем-либо постыдном, и хотя голоса [совести] мы не слышим, однако

по внешнему виду замечаем внутреннее негодование [ее] (1).

***

Когда ученик видит порочных учителей, то делается хуже их, потому что он не останавливается на степени развращения своего учителя. Когда учитель добродушен, ученик подражает ему; а когда он худ, то еще и превосходит его в том, потому что нет ничего легче, как делаться худшим (7).

***

Человеколюбивый, премудрый и всевидящий единородный Сын Божий, зная, что в течение долгого времени и на пространстве обширной вселенной будет много порочных священников, и желая, чтобы от их нерадения не усилилась беспечность руководимых ими, не оставил беспечным никакого оправдания, сказав: *на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, делайте; по делам же их не поступайте* (Мф. 23, 2–3). Этим Он выразил, что, хотя бы у тебя был порочный учитель, это нисколько не оправдает тебя, если ты не слушаешь учения его. Бог произнесет над тобой приговор не за то, что сделал учитель, а за то, что ты слышал от него и не исполнил. Если ты исполнишь заповеданное, то предстанешь тогда с великим дерзновением; а если не послушаешь учения, то, хотя бы ты указал на тысячу порочных священников, это нисколько не оправдает тебя. И Иуда был апостол; однако это нисколько не послужит к оправданию святотатцев и сребролюбцев; никто из них, будучи осуждаем, не сможет сказать, что и апостол был похититель, святотатец и предатель: напротив, за то особенно мы и будем осуждены и наказаны, что не вразумились пороками других; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать им. Потому, оставим других, будем внимательны к самим себе. Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей — вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого. Если мы будем в состоянии представить такое оправдание, то избавимся от нестерпимых мучений геенских и удостоимся будущих благ (12).

ХИЩЕНИЕ

Не похищай золота, но похищай богатство, при котором золото представляется грязью. Скажи мне: если бы пред тобою лежали свинец и золото, что бы ты похитил? Не очевидно ли, что золото? Итак, в том случае, когда похищающего наказывают, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающий заслуживает честь, ты не отдашь предпочтения лучшему? Ведь не избрал ли бы ты [из двух вещей] предпочтительно эту [лучшую], если бы за похищение той и другой было наказание? Но здесь нет ничего такого, а напротив, здесь блаженство. Как же можно, спросишь, похитить [Царство Небесное]? Брось то, что у тебя в руках. Пока будешь держать это — не можешь похитить того. Представь мне человека, у которого руки наполнены серебром: в состоянии ли он будет похитить золото, пока держит серебро, а не бросит его и не сделается свободным? Похищающий не должен быть ничем связан, чтобы не быть задержанным. Ведь и ныне есть враждебные силы, которые нападают на нас и стараются отнять у нас [Царство Небесное]. Будем же убегать от них, будем убегать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресечем нити, обнажим себя от предметов житейских. Какая вам нужда в шелковых одеждах? Доколе будем укутываться в эти смешные одеяния? Доколе будем зарывать в землю золото (8)?

***

Пусть мы не похищаем золота и столько-то и столько десятин земли; но все же посредством какого-нибудь обмана и утайки делаем то же самое в меньших размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, — не разбой ли это? Не

воровство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, но намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором как того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке, удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дома, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего (8).

ХРИСТИАНИН

Скажи, пожалуйста: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Разве ты кабан или дикий осел? И ты не стыдишься, не краснеешь от своего зверства, забывая свое достоинство? Ты беден? Но ты свободен. Ремесленник ты? Но ты христианин. Потому-то самому тебе и должно жить смирно, что ты беден. Ссориться свойственно только богачам, а не бедным, — богачам, говорю, которые имеют многие причины к ссоре. Ты не пользуешься удовольствиями богатства, между тем ищешь неприятностей, с ним неразлучных, — вражды, распрей, ссор, мучишь и душишь брата своего и повергаешь его перед всеми. Неужели ты не понимаешь, что в своем бесстыдстве подражаешь необузданности бессловесных или, вернее, делаешь еще хуже их? У бессловесных все общее, они собираются и ходят вместе; а у нас, напротив, ничего нет общего, но все вверх дном: вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды (6).

***

Господь хочет, чтобы христианин был для вселенной учителем, закваской, светом и солью. А что значит свет? Жизнь светлая, не имеющая в себе ничего темного. Свет не себе полезен, равно как и соль и закваска, но приносит пользу другим. Поэтому от нас требуется, чтобы мы не себе только были полезны, но и другим. Ведь соль, если не осоляет, уже не есть соль. Этим показывается также и то, что если мы будем вести жизнь добродетельную, то и другие непременно будут жить так же; равно как и наоборот — пока мы сами не будем добродетельными, не принесем никакой пользы и другим (8).

***

По названию христиан много, а на деле — очень немного. Иные по виду как будто и христиане и ученики Христа, а по характеру — предатели; на словах благочестивы и милостивы, а на деле немилосердны и нечестивы; по названию христиане, а по убеждениям язычники, потому что, предрек еще пророк Давид, *смешались с язычниками и научились делам их* (Пс. 105, 35). И действительно, на нас исполнилось пророчество это. Сколько христиан занимается иудейскими и греческими баснями, родословиями, гаданиями, звездочетством, волшебством и талисманами? Сколько христиан наблюдает несчастные дни и годы, приметы и сновидения и крики птиц? Затем — не христиане ли купаются в источниках, погружая предварительно в них светильники? Не христиане ли верят во встречи, едят идоложертвенное и удавленину, едят кровь задавленных зверями и растерзанных птицами и многое другое тому подобное? Как могут быть христианами те, которые допускают все это? По какому праву осмеливаются они называть себя христианами? Как дерзают приступать к Божественным Таинствам, будучи хуже язычников? Точно также сколько христиан держатся языческих обычаев вроде украшения лиц, приветствий, плясок, рукоплесканий, употребления мужчинами женских одежд? При таких обычаях какая польза человеку от того, что он именуется христианином? Ведь как девица, пока сохраняет свое девство, достойно и благоприлично называется девою и на самом деле дева, но если обольстит ее кто-нибудь и растлит и она утратит свое девство, тогда она уже более не дева, — так и глаголемый христианин, если он преступил завет и попрал свои обеты, и слово евангельское отверг, и живет по-язычески, тогда ему бесполезно и называться христианином (9).

***

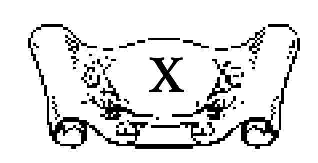
Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других. Здесь ты не можешь извиняться бедностью; положившая две лепты обличит тебя (см. Лк. 21, 2); и Петр говорил: *серебра и золота нет у меня* (Деян. 3, 6). А Павел был так беден, что часто голодал и не имел необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностью; и они были незнатны и не от знатных. Не можешь указывать на неученость; и они были

неученые. Хотя бы ты был рабом, хотя бы беглецом, — и тогда можешь исполнить свое дело; таков был и Онисим, и, однако, смотри, к чему призывает его [Павел] и в какое возводит достоинство: *если ты имеешь общение со мною*, — говорит, — *в узах моих* (Флм. 1, 10, 17). Не можешь извиняться немощью; таков был и Тимофей, часто страдавший недугами. А что он был немощен, послушай: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Каждый может быть полезным ближнему, если захочет исполнять, что от него зависит. Не видите ли бесплодных деревьев, как они крепки, как красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у нас был сад, то мы захотели бы лучше иметь плодоносные гранатовые или масличные деревья, нежели их, потому что они доставляют [только] удовольствие, а не пользу, хотя, впрочем, бывает и от них некоторая малая польза. Таковы те, которые заботятся только о самих себе или даже еще хуже; они годны только на сожжение, тогда как те [деревья годны] и на постройку, и для хранения в них вещей. Таковы были те девы, хотя чистые, украшенные и целомудренные, но никому не приносившие пользы; поэтому они и осуждаются на сожжение (см. Мф. 15, 1–12). Таковы были ненапитавшие Христа; заметь, никто из них не осуждается за собственные грехи: ни за прелюбодеяние, ни за клятвопреступление, вообще ни за что, но за то, что не был полезен другому (см. Мф. 15, 41–46). Таков был зарывший талант в землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (см. Мф. 25, 18–28). И как такой может быть христианином? Скажи мне: если закваска, смешанная с мукою, не сообщает своего свойства всему [смешению], то закваска ли это? Также, если миро не сообщает благовония приближающимся, то можем ли мы его назвать его миром? Не говори: мне невозможно помогать другим; если бы ты был [истинным] христианином, то невозможно было бы этому не быть. Как то, что составляет свойство [вещи], не может быть противно ей, так и здесь, потому что это составляет свойство христианина. Не оскорбляй Бога. Если бы ты сказал, что солнце не может светить, то оскорбил бы Его; если скажешь, что христианин не может приносить пользу, то [также] оскорбишь Бога и назовешь [Его] лживым, потому что скорее солнце не будет ни

греть, ни светить, нежели христианин — не просвещать; скорее свет сделается тьмою, нежели будет это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполним, что зависит от нас, то, без сомнения, будет и это, как естественное следствие. Не может утаиться свет христианина; не может сокрыться светильник столь светлый (10).

***

Я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если [христианин] сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться. Как Ангелу, находящемуся на земле, никакой человек вредить не может, так и человек [такому] человеку. И сам он не может вредить другому, пока он добр. Что же может сравниться с таким человеком, который не может ни терпеть вреда, ни сам вредить другому? Последнее, т.е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше первого. Это — как бы Ангел и подобен Богу, потому что таков и Бог. Но Он таков по природе, а тот — по произволению. Итак, [христианин] не может ни терпеть вреда, ни вредить другому. Впрочем, слова: *не может* не принимай за бессилие (потому что бессилие означает противное этому), — я разумею здесь нерасположение. Он по природе своей бывает не расположен ни терпеть вреда, ни делать зло другому; и последнее есть также вред. Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно от того, что мы не желаем добра самим себе. Таким образом, христианин и потому не может терпеть вред, что не может вредить другому (10).

ЦАРСТВО БОЖИЕ

Когда, — говорит апостол, — *упразднит всякое начальство и всякую власть и силу, последний же враг истребится — смерть* (1 Кор. 15, 24, 26). Когда все это упразднится, тогда не останется ничего прискорбного, ни забот, ни трудов; все будет радостью, все миром, все любовью, все спокойствием, все веселием, все истинным, искренним и твердым; тогда не будет никаких недостатков, ни гнева, ни скорби, ни любостяжания, ни сладострастья, ни бедности, ни богатства, ни бесчестия, и ничего другого подобного. Будем же и мы стремиться к этой жизни и делать все для нее. Потому и в молитве нам заповедано говорить: *да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 10), чтобы мы всегда представляли себе тот день. Кто проникнут этою любовью и питается надеждою этих благ, тот не сокрушается никаким из настоящих бедствий, не возмущается никакою из здешних скорбей. Как идущие в царственный город не задерживаются ничем на пути: ни лугами, ни садами, ни пропастями, ни пустынями, но, не обращая внимания на все это, одно только имеют в виду — ожидающее их отечество, так и тот, кто ежедневно представляет себе небесный град и питает любовь к нему, ничто трудное не будет считать трудным и ничто приятное и славное — приятным и славным (2).

***

Желаешь ли ты видеть Царство Божие? Обрати глаза твои на небо — и ты увидишь там шестьсот Ангелов, узришь тысячу Архангелов, предстоящих Серафимов, Херувимов, окружающих Его огненный трон, увидишь всех их в почтении и трепете. Но здесь не проявляется начальство Божие, таким образом, не только вследствие слабости природы и не потому, что велико различие между людьми и Ангелами, но и потому,

что люди не могут славить Его таким же образом, какой употребляют те дивные существа. Если, когда является царь, чернь охватывается страхом, то насколько больший страх будет пред высшим величеством. Подобно тому, как если кто, приходя к царскому дворцу, видит там смерть и угрозы и всех исполняющими свои обязанности близ царя, так и там силы Ангелов совершают то же. Кроме того, есть весьма многое, что удаляет обитателей земли от такого служения. Напротив, Небесные Силы ничего иного не делают, как только всегда прославляют Бога и созерцают Его, по написанному: *смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Самому Христу служили Ангелы: *се, Ангелы приступили и служили Ему* (Мф. 4, 11). Не думай, что Он только получил заушение и много иного претерпел, но вспомни также и о том, что Он говорил: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36) (4).

***

Да приидет Царствие Твое (Мф. 6, 10). Что это? Разве Бог не царствует теперь, что Его Царство должно еще наступить? Конечно, Он — царь. Но как город, осажденный врагами, просит, чтобы пришло царское войско и освободило его, так и мы, будучи окружены противными силами и своими собственными грехами и злыми помыслами, просим, чтобы наступило Царство Божие, чтобы принесло нам избавление (9).

***

Люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не говорил ни о Царстве, ни о геенне.

Вот это значит любить Христа — это значит не быть наемником, не смотреть [на благочестивую жизнь], как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобрести Царство Небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такую неприязнь? Люди, одержимые безумною страстью к деньгам, кого бы ни встретили: врагов ли или рабов, или самых злых своих

противников, самых негодных людей, — если только надеются получить чрез них деньги — решаются на все, и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них: надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А Царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги; или, лучше, — не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого Царства. Если же и обещано Царство и дает его сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого Лица. А теперь, между тем, происходит то же, как если бы царя, который после бесчисленного множества других благодеяний хочет сделать [нас] своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойников, который был причиною весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, — стали кланяться, если он покажет нам хотя один овол (10).

***

Нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как по причине времени умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше — чтобы ни сказал кто-нибудь, нисколько не изобразить вполне этой разности. Если красоту будущих тел я сравню со светом солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел или, лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царем в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с Ангелами, наслаждаться тою неизреченной

славой, ты еще колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, которая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), — ты отдаешь все, что имеешь, одолжаешься у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей, а когда тебе предстоит Небесное Царство, такая власть, в которой не будешь иметь преемника, когда Сам Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес (11)?

ЦЕЛОМУДРИЕ

Ныне, когда по благодати Божией состояние веры возвысилось и, по словам блаженного Павла, уже *проходит образ мира сего* (1 Кор. 7, 31), мы должны оставлять память по себе добрыми делами, чтобы и после отшествия нашего отсюда превосходство нашей добродетельной жизни было напоминанием и назиданием для взирающих на нас. Добродетельные и соблюдающие целомудрие не только в здешней жизни могут приносить весьма великую пользу взирающим на них, но и по окончании ее. Чтобы убедиться в этом, посмотри, сколько веков прошло до настоящего времени, и мы всякий раз, как скоро хотим возбудить в ком-либо ревность к целомудрию, представляем в пример благообразного, прекрасного, юного Иосифа, в самом цветущем возрасте показавшего такую твердость в сохранении целомудрия, — и таким образом стараемся побудить слушателей к подражанию этому праведнику. Можно ли, скажи мне, довольно надивиться этому блаженному [мужу], который, находясь в рабстве, в самом цветущем возрасте, когда наиболее воспламеняется огонь пожеланий, и, видя госпожу, на него нападающую в неистовстве страсти, показал такое мужество и так твердо решился на подвиг целомудрия, что убежал от невоздержанной женщины, лишившись своих одежд, но сохранив зато одежду целомудрия? И видно было здесь нечто новое и необычайное: агнец впал в когти волка, или, лучше сказать, львицы и

смог спастись от нее. И как если бы голубь избег погибели от ястреба, так праведник вырвался из рук той женщины. Не столько удивительно мне кажется то, что три отрока в вавилонской печи явились победителями огня и что тела их нимало не пострадали, сколько дивно и необычайно то, что этот праведник, вверженный в печь более страшную, чем вавилонская, — я говорю о непотребстве египтянки, — остался неприкосновенным и вышел из нее, сохранив чистой одежду целомудрия. Впрочем, и не удивляйся, возлюбленный; так как он со своей стороны употребил на то все силы, то имел и свыше помощь, которая содействовала ему, угашала то пламя и среди печи даровала ему росу от Духа Святого. Видите, как люди добродетельные, и здесь находясь, и по преставлении отсюда, бывают для нас примерами к пользе нашей? Теперь мы для того и привели в пример этого праведника (Иосифа), чтобы все последовали ему. Итак, будем все соревновать ему, станем выше чувственных обольщений и, зная, что *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против миродержителей тьмы века сего* (Еф. 6, 12), будем так и вооружать себя. Представляя себе, что мы, облеченные телом, вынуждены бываем бороться с силами бестелесными, будем ограждать себя оружием духовным. Так как мы облечены плотью, но имеем брань с силами невидимыми, то Человеколюбец Господь уготовал для нас и оружие невидимое, чтобы силой этого оружия мы могли преодолевать естество противоборников наших. Итак, уповая на силу этого оружия, будем и со своей стороны употреблять все, что нужно: тогда будем в состоянии, ограждаясь этим духовным всеоружием, поразить в самое лицо дьявола. Он не может сносить молнии, исходящей от такого оружия, и хотя бы усиливался противостать ему, тотчас ослепляется его зрение. Благодать же Духа ниспосылается в обилии там, где соединяются целомудрие, честность и другие добродетели; потому и Павел говорил: старайтесь иметь мир со всеми и святость (см. Рим. 12, 18; Евр. 12, 14). Итак, увещеваю, будем очищать совесть нашу и разум, чтобы, освободившись от всякой нечистой мысли, нам привлечь на себя благодать Духа, победить козни дьявола и удостоиться наслаждения вечных, неизреченных благ (1).

***

Убеждаем любовь вашу позаботиться и о собственной вашей добродетели, и о целомудрии юношей. Отсюда-то рождается, можно сказать, всякое зло. Худые навыки, усиливаясь с течением времени, производят такой вред, что люди, однажды предавшись разврату, уже не могут покориться никакому убеждению и как пленники влекутся туда, куда направляет их дьявол. Он, наконец, управляет ими и делает те гибельные внушения, которым юноши с удовольствием следуют, имея в виду только настоящее услаждение и не думая о скорбях в будущем. Итак, умоляю вас, подавайте руку [помощи] детям, чтобы за их поступки и нам самим не подвергнуться наказанию. Разве не знаете, что потерпел старец Илий, не исправлявший надлежащим образом недостатки своих детей (см. 1 Цар. 4, 18)? Когда болезнь требует разреза, а врач хочет излечить ее какой-нибудь мазью, то болезнь может сделаться неизлечимой, потому что не употреблено соответствующего врачества. Подобным образом и тот старец, вместо того, чтобы действовать на своих детей мерами, соответственными их проступкам, допускал излишнюю кротость; потому и сам вместе с ними подвергся наказанию. Бойтесь этого примера, прошу вас; имея детей, будем заботиться о воспитании их. Вообще, пусть каждый из живущих вместе прилагает попечение о пользе ближнего и почитает ее величайшим приобретением для себя самого, чтобы всякий, руководимый к добродетели, мог и искушения зла избегнуть, и, достигнув добродетели, приобретать великое благоволение свыше (1).

***

Представим, что кто-нибудь, имея жену, разрушает брак ближнего и услаждается этим бесчестным воровством, прелюбодействуя с любимой [женщиной]; противопоставим ему другого, который любит свою жену; а для большего и яснейшего противоположения предположим, что живущий с одной своей женой также любит ту прелюбодейцу, но сдерживает свою любовь и не делает ничего худого. Хотя и это — не чистое целомудрие, но мы нарочито представляем такой пример, чтобы ты познал, каково удовольствие от добродетели. Итак, поставим их обоих вместе и спросим: чья жизнь приятнее? От одного услышим, как он услаждается и восхищается победой над похотью;

а от другого… но от него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что он несчастнее самих узников, хотя бы тысячу раз отрицал это. Он всех боится и подозревает — и свою жену, и мужа прелюбодейцы, и самую прелюбодейцу, и домашних, и друзей, и родных, и стены, и тени, и самого себя, и, что всего тягостнее, носит в себе совесть, вопиющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнит о Суде Божием, то не сможет и на ногах удержаться. Притом удовольствие кратковременно, а скорбь от него постоянна: и вечером, и ночью, и в пустыне, и в городе, и везде за ним следует обличитель, показывая изощренный меч и нестерпимые мучения, изнуряя и сокрушая его страхом. Напротив, целомудренный свободен от всего этого и безмятежен, спокойными глазами смотрит на свою жену, детей, друзей и на все. Если же любящий, но только сдерживающий страсть свою наслаждается таким удовольствием, то душа нелюбящего и соблюдающего чистое целомудрие не исполнена ли чувства сладостнее всякого спокойствия, приятнее всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодеев ты видишь немного, а целомудренных больше. А если бы [жизнь первых] была приятнее, то ее избрали бы многие. Не говори мне, что это происходит от страха пред законами: не страх удерживает их, а крайняя гнусность порока, избыток происходящих от страсти огорчений пред доставляемыми ею удовольствиями, и голос совести (12).

ЦЕРКОВЬ

Не говори мне, человек, что зрелище доставляет удовольствие; а лучше вразуми меня, не приносит ли оно вместе с удовольствием и вреда. И что я говорю о вреде? Оно не доставляет даже и удовольствия, как можешь видеть ясно из следующего. Возвращаясь из цирка, встреться с выходящими из церкви и разузнай обстоятельно, кто получил больше удовольствия: тот ли, кто послушал пророков, принял благословение, насладился поучением, помолился Богу о своих прегрешениях, облегчил совесть и не сознает за собою ничего преступного, — или ты, который оставил матерь [то есть, Церковь Божию], презрел пророков, оскорбил Бога, ликовал с диаволом, слушал богохульников и ругателей, потратил время попусту и напрасно и не принес оттуда домой никакой пользы — ни

телесной, ни духовной? Стало быть, и для удовольствия лучше приходить сюда. Ведь после театра тотчас является осуждение, обличение совести, раскаяние о сделанном, стыд и позор такой, что не смеешь и глаз поднять. А в Церкви все напротив: смелость, свобода речи и безбоязненный со всеми разговор обо всем, что здесь слышали. Итак, когда выйдешь на площадь и увидишь, что все бегут на то зрелище, ты беги тотчас в церковь и, пробыв в ней немного времени, услаждайся надолго словом Божиим. Напротив, если вслед за толпою ты уйдешь в цирк, то, повеселившись немного, будешь скорбеть во весь тот день, и в следующий за ним, и в многие другие, осуждая себя (за свой проступок); а если воздержишься немного, то будешь весел во весь день. Так обыкновенно бывает не только в этом деле, но и во всех других (1).

***

Вначале и все цари, и народы, и города, и полчища бесов, и вся сила диавола, и другие бесчисленные противники нападали на Церковь; но все это рассеялось и погибло, а она, умножаясь, достигла такой высоты, что стала выше самих небес. Как. вначале Бог сказал: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 9, 1), и это слово распространилось по всей земле, так и впоследствии Он сказал: *идите, научите все народы* (Мф. 28, 19), и: *будет проповедано Евангелие сие в целом мире* (Мф. 26, 13), и это повеление в краткое время достигло самых пределов вселенной. Потому Он и говорил: *если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24); и еще: *когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). При начале мира от одного человека произошли многие, размножаясь по закону природы, и потому дело шло медленнее; а при апостолах общество умножалось не по закону природы, но по благодати, и потому вдруг в один день три тысячи, затем пять тысяч, потом бесчисленное множество, и наконец вся вселенная родилась славным возрождением, Церковь возросла, умножилась и самим делом доказала благословение, которое она получила, потому что *ни от крови, ни от хотения плоти*, но от благодати Божией *родились* (Ин. 1, 13). *Утверждает в пределах твоих мир* (Пс. 147, 3). Это преимущественно и в собственном

смысле можно сказать о Церкви; и притом, что особенно удивительно, она наслаждалась миром в то время, как боролась с врагами, и наслаждалась безопасностью тогда, когда все строили ей козни. Потому и сказал Господь: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). *И лучшею пшеницею насыщает тебя* (Пс. 147, 3). И это можно в переносном смысле относить к Церкви и разуметь о духовной пище, о том хлебе жизни, который Он даровал нам (3).

***

Говорят некоторые, что горлица привязана к мужу и целомудренна, так что если случится, что ее самца растерзает орел или поймает охотник, то она не сочетается с другим, но остается верной тому, ждет его и до смерти сохраняет о нем память. Послушайте, женщины, какое целомудрие, оказывается, у птиц! Итак, вы, имея пред глазами образ горлицы, подражайте ее целомудрию. Такое свойство отличает и честнейшую Церковь. Когда ее супруг, Христос, был распят на Кресте и вознесся на небо, она не сочеталась с другим мужем; но Его любит, Ему остается верна и, вспоминая Его, вместе с Ним умирает (3).

***

Церковь утверждена больше неба. Язычник, может быть, обвинит меня в надменности; но пусть он подождет доказательства и познает силу истины, что легче погаснуть солнцу, чем уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, возвещает об этом? Тот, Кто основал ее. *Небо и земля прейдут,* — говорит Он, — *но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35). Это Он не только сказал, но и исполнил. Почему же Он основал Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоценнее неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человека, а не человек для неба. Это видно и из того, что Он сам сделал. Христос принял не небесное тело (4).

***

Церковь есть море благочестия, не волнами изобилующее, но исполненное веры. У нас ладья учения не подвергается кораблекрушению, не разбивается, не тревожится, не обуревается, но, как в тихую пристань, стремится в души любящих Господа (5).

***

Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним, и опять удаляться; это зависит не от власти только учи-

телей, но и от достоинства приемлющих. Не станем же считать для себя маловажной потерей, если не насладимся этим миром, о котором еще издревле провозгласил пророк, говоря: *как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52, 7), причем, изъясняя достоинство мира, присовокупил: *благовествующего радость*. И сам Христос показал важность этого мира, говоря: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Поэтому должно употреблять все старание, чтобы наслаждаться им как дома, так и в церкви. И в церкви предстоятель дает мир, и это служит образом мира, даруемого Христом; и потому предстоятеля должно принимать со всяким усердием, предоставляя ему не столько трапезу, сколько свое расположение. Если худо не уделять от трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющего? Для тебя сидит пресвитер, для тебя стоит учитель, трудится и изнуряется. Какое же ты будешь иметь извинение, когда и слов его не принимаешь? Церковь есть общий для всех дом, куда мы входим за вами, по примеру апостолов, почему и, входя, тотчас же, по заповеди Христовой, всех вообще приветствуем миром. Итак, никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрению, входя к кому-нибудь из вас в дом, чем не быть выслушанным, когда здесь приветствуют вас миром (6).

***

Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы — и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, как будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место это только кучами навоза — таковы именно их разговоры. Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием мужи, жены, — то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы Церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине, не столько бесчестим мы Церковь, когда заносим в нее навоз, сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем не прилично нам, тогда как нужно

было бы здесь присутствовать ликам Ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания (7).

***

В царскую одежду облечена Церковь; небесным и разнообразным нарядом она разубрана, как это изображает псалмопевец: *Дочери царей — в почете у Тебя, предстала Царица одесную Тебя, в одежде расшитой золотом, преукрашенная* (Пс. 44, 10). Как *преукрашена*? Даром Святого Духа, по словам Павла: *при засвидетельствовании от Бога знамениями и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святаго по Его воле* (Евр. 2, 4). Как назвать мне Церковь Христову? Невестой в уборе, царицей в украшениях, садом возделанным, лугом плодоносным? Но какие бы эти или другие названия я не употребил, ни одно из них не может выразить как следует ее достоинств. От лица Церкви, как бы ее устами, говорил пророк Исаия: *возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения* (Ис. 61, 10). Но, чувствуя, что этот образ не дает достаточного познания о красоте Церкви, пророк тут же дополняет его другими подобными же образами, прибавляя: как невесту украсил меня красотою, и как на жениха возложил на меня венец, и как землю, растящую плод свой, и как виноградник, прозябающий семена свои (см. Ис. 61, 11). Действительно, виноградником запечатленным (см. Песн. 4, 12) и садом можно назвать Церковь Бога живого, — но садом не в смысле того древнего рая; нет, она гораздо выше его. Там ведь воцарился змей, здесь же царствует Христос (9).

***

Церковь является для нас величайшим училищем: здесь богатые вразумляются и исправляются, а бедные находят себе успокоение и утешение (9).

***

В одном доме должно есть ее, не выносите мяса вон из дома (Исх. 12, 46). Одно есть собрание и один есть дом; это — Церковь, в которой вкушается священное тело Христово; поэтому из единого дома Церкви тело не выносится вон. Вкушающий же в другом месте как нечестивец и вор будет наказан. *Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца* (Исх. 12, 49). Где Христос, там свобода всем, равенство, один закон: все приобретены драгоценной кровью. Поэтому ты более уже

не раб, более не иудей, но свободный: все мы свободны во Христе (9).

***

Церковь — это красильня; если вы всегда уходите, не получив никакой окраски, то какая польза от того, что вы часто сюда ходите (10)?

***

Церкви всего более прилично молчание, благочиние. Шум уместен на зрелищах, в банях, на торжествах и площадях; а где преподаются такие догматы, там должно быть спокойствие, тишина, любомудрие и совершенная пристань (10).

***

Много может общение с Церковью, и кто не может сделать чего-либо сам собою, то сделает вместе с другими. Потому-то здесь особенно совершаются потребные молитвы о вселенной, о Церкви во всех пределах, о мире, о находящихся в опасностях. И Павел выражает это, когда говорит: *дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас* (2 Кор. 1, 11), т.е. чтобы воздана была благодарность многим (10).

***

Ныне Церковь подобна жене, лишившейся прежнего богатства, сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей сундуки и лари от золотых [сокровищ], а самого богатства не имеющей; такой жене уподобилась ныне Церковь. Говорю это, имея в виду не дарования — не было бы слишком прискорбно, если было бы только это, — но и жизнь, и добродетель. Тогда сонм вдов и лик девственниц составляли великое украшение Церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и ныне вдовы, есть и девы, но они не составляют того украшения, каким должны быть посвятившие себя на такие подвиги. Отличительный признак девы есть попечение об одних делах Божиих и непрестанная усердная молитва; и признак вдовы состоит не столько в том, чтобы не вступать во второй брак, сколько в другом, — в делах страннолюбия, нищелюбия, прилежания в молитвах, и во всем, что с великой точностью предписывает Павел в Послании к Тимофею (см. 1 Тим. 5) (12).

***

Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место Ангелов, место

Архангелов, Царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты еще прежде страшного времени страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завеси и предшествующий сонм Ангелов, возносись к самому небу. Но этого не знает непосвященный, потому для него необходимо сказать нечто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что может возбудить и возвысить его. Итак ты, не знающий этого, когда услышишь слова пророка: сия глаголет Господь, отрешись от земли, вознесись на само небо, помысли, Кто через него вещает тебе. Между тем ныне, когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их совершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о таких страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам (12).

***

В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один. Когда же многие разговаривают о многом и различном, то для чего мы напрасно и утруждаем вас? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаем вас, то вы не стали бы в то время, как мы говорим о таких предметах, разговаривать о предметах совершенно непристойных. От того у вас не только в жизни, но и в самом суждении о вещах крайний беспорядок; о ненужном вы заботитесь, истину оставляете, а за тенями и сновидениями гоняетесь (12).

ЧЕЛОВЕК

Для того Бог и сотворил из всех животных только одного человека с прямым станом и утвердил глаза его в верхней части тела, чтобы научить его и самой внешностью, что он должен взирать в высоту. Только одно это животное устроено таким образом, а все прочие смотрят вниз и обращены к земле; человек же обращен к небу, чтобы он смотрел туда, о том любомудрствовал, о том помышлял и имел острое зрение души. Потому-то и сказал один Премудрый: *у мудрого глаза его — в голове его* (Еккл. 2, 14), то есть он чужд всего низкого, стремится к небу, помышляет о высоком (2).

***

Человек есть краткосрочный заем жизни, долг смерти, не терпящий отлагательства, животное, необузданное по собственной воле, зло, само себя наставляющее, коварство самобытное, искусное во зле, изобретательное в несправедливости, готовое к любостяжанию, ненасытно-жадное, вероломное по природе, надутый дух, высокомерная дерзость, пустая заносчивость, дутое высокомерие, остывающая отвага, своенравное брение, мятежный прах, пыль высокомерная, пепел надменный, искра легко угасимая, пламя скоропреходящее, светильник колеблющийся, гниющее дерево, сохнущая трава, увядающая зелень, природа, скоро оскудевающая. Сегодня грозный, а завтра умирающий; сегодня в богатстве, а завтра в гробу; сегодня в венце, а завтра под надгробным памятником; сегодня в порфире, а завтра в грязи; сегодня в сокровищнице, а завтра на одре; сегодня [окружен] льстецами, а завтра — червями; сегодня существо, а завтра ничто. Только что превозносимый и немного спустя оплакиваемый; несносный в счастье, неутешный в несчастье; неведущий самого себя и любопытствующий о том, что выше его; не знающий

настоящего и мечтающий о будущем; смертный по природе и с надменностью считающий себя вечным; гнездо всякой болезни, удобное прибежище всякой страсти, общее и ежедневное сборище лихорадок, открытое пристанище всякой печали. О, какое печальное зрелище нашей слабости, о, какой праздник человеческого ничтожества! Сколько я насказал, и не нашел ничего более соответственного пророческому изречению, гласящему: *подобно призраку ходит человек, напрасно только мятется он* (Пс. 38, 7,6) (3).

***

Человек есть свет. Свет показывает существующее; свет мира — человек: явившись в мир, он показал свет искусства, свет знания. Свет показал жито — разум изобрел хлеб; свет показал виноградную лозу — свет разума показал вино, содержащееся в лозе; свет показал шерсть — свет человека показал одежду; свет показал горы — свет разума научил высеканию камней. Потому-то и Спаситель называет апостолов светом, говоря: *вы — свет мира* (Мф. 5, 14). Он называет их светом не ради того только, чтобы почтить их, но чтобы показать и надежду воскресения. Подобно тому как свет, угасая вечером, не погибает, а только скрывается, и, сокрывшись, является вновь, так и человек, погруженный во гроб как бы на западе, сберегается для востока воскресения (5).

***

Человек является существом двух миров: тому, что вверху, у него родственна душа, а тому, что внизу, тело. Он связывает с собою эти два мира, служит как бы мостом между ними, имея одного общего с ними Творца, создавшего и небесное, и земное; как дева, душа его заключена в его теле. И так как природа его двойственна, то двоякого рода и ее требования. Внимательно следите за словом. Есть тело и есть душа. Телу определил (Творец) пищу и душе слово, тело питается хлебом, а душа — учением; тело имеет одеяние — платья, имеет одежду и душа — добродетель (9).

***

Бог сотворил человека и, будучи благим, и человека сотворил таким же. Ты не смотри на теперешнего человека, но имей в виду его первое состояние: ведь его Бог сотворил по образу Своему. И чтобы показать, что человек по природе своей не уступает звездам,

Писание указывает, что Бог поместил его в раю нагим, не нуждающимся в одежде: его взорам тогда еще чужда была распущенность и ни в каком прикрытии он не нуждался. Итак, Писание свидетельствует, что Бог сотворил человека и первых людей поместил в раю и что они были наги и не стыдились. Но как солнце и луна красуются во всем блеске своей наготы, так и они имели возможность любоваться своей природной красотой. Явив человеку такое благодеяние, поместив его среди райских наслаждений и оказывая к нему в изобилии Свое расположение, Бог, как это и справедливо было, искал чувства со стороны его и научил его, чтобы он выражал благодарность Ему своим послушанием. Но так как Бог увидел, что невозможно человеку соблюсти этот дар, если он не будет в общении с Богом, наградившим его, и не будет воздавать Ему честь, то Он предписал ему закон в качестве стража природы, чтобы воспоминанием о Законодателе и с помощью его поддерживать себя как какими-нибудь хорошими лекарствами; и в случае соблюдения закона обещал ему бессмертие, а при нарушении его — смерть. Что произошло затем — это всем известно: именно, человек, будучи склонен завистью дьявола к нарушению закона, становится тленным и изгоняется из рая; затем, размножившись, он стал вести скотскую жизнь и сделался вместилищем нечестия и невоздержности. Поэтому и пророки возглашали о первоначальном его достоинстве и последующем бесчестии: *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. 48, 13). При таком положении дела, при таком падении человеческой природы единородный Сын Божий, согласно с отеческим намерением, желая восстановить человека и освободить его от грозившего ему Суда, придумал время и способ помощи, — время для того, чтобы благовременно приступить к врачеванию, а способ такой, который был бы удобен для очищения и восстановления. Сделавшись человеком, но, оставаясь в то же время и Богом, Он пострадал за весь мир (9).

ЧРЕВОУГОДИЕ

Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть. Вот смотри: это

случилось и с иудеями. Так как, будучи преданы чревоугодию, они всецело были заняты предметами житейскими и не думали ни о чем духовном, то хотя Христос возбуждает их множеством слов, исполненных то строгости, то снисходительности, но и при всем этом они не встают, а по-прежнему лежат долу. Посмотри, Он сказал им: *вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились* (Ин. 6, 26), — [и через это] поразил обличением; показал, какой должно искать пищи, сказав: *старайтесь не о пище тленной*; предложил им награду в словах: *но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6, 27) (8).

***

Укажи мне хотя одного человека, который бы, постоянно угождая чреву, лежа в бездействии и нисколько не трудясь, был бы здоров. Ты не найдешь [такого человека]. Хотя бы собрались тысячи врачей — и они не в состоянии избавить от болезней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самого дела. А я предложу вам врачебное наставление: не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом существе пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята чрез меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным. Чтобы яснее раскрыть вам это, представлю в пример следующее: в хлебе есть крупчатка, мука и отруби. Если в жернов насыплешь столько, сколько он может смолоть, то он отделяет все это; а если насыплешь больше, то все перемешивается. Также вино, если будет иметь надлежащее приготовление и благовременное брожение, то в нем сперва бывает все нераздельно, а потом одно обращается в дрожжи, другое в пену, а иное делается напитком усладительным для употребляющих его, и это последнее бывает полезно и не скоро портится, тогда как сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смешано. То же можно видеть и на море во время сильной бури. Как тогда мы видим, что рыбы плавают по поверхности мертвыми, не будучи

в состоянии укрыться от стужи в глубине, так бывает и с нами. Когда низвергнется на нас сильный дождь пресыщения, все возмущающий, тогда производит то, что наши мысли, дотоле бывшие здравыми и спокойными, плавают как бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итак, научившись этими примерами, как велик вред [от пресыщения], перестанем ублажать тех, которых следовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что следовало бы называть блаженными, и возлюбим умеренность. Или вы не знаете изречения врачей, что скудость — мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. То же внушает и Павел, этот истинный врач, когда говорит: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8) (10).

ЧУДЕСА

В Евангелии Спаситель начал учить не раньше, чем совершил чудеса. Первое чудо совершил Он, претворив воду в вино, и раньше этого чуда не выступает в качестве учителя, так как нужно было, чтобы дело предшествовало, а слово последовало. Поэтому и деееписатель говорит: *первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала* (Деян. 1, 1). Как мог научить Спаситель, что Он Творец мира? Если бы он не просветил очи слепому, то Ему не поверили бы, когда Он говорил: *Я свет миру* (Ин. 9, 5). Если бы Он не воздвиг Лазаря, слушатели не поверили бы, когда Он говорил: *Я есмь воскресение и жизнь* (Ин. 11, 25). Если бы Он, плюнув на землю, не сотворил брение и не помазал слепого, то не поверили бы, что Он есть Тот, кто взял персть от земли и создал Адама. Если бы Он не ходил по морю, то не явил бы Себя Владыкою моря. Если бы Он не запретил ветру, не показал бы Себя Владыкою ветров. Вот почему, являя Себя человеком, Он чрез чудеса давал познавать и прославлять Себя как Бога. Спаситель привел в изумление учеников, и они говорили: *кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?* (Мк. 4, 41). Он предварительно показал, что Ему повинуются стихии, а потом уже изъяснил словом, что все произошло через Него. Если бы Он не показал наперед, что Ему повинуются твари, то не заслуживал бы веры Евангелист Иоанн, когда говорит: *все чрез Него начало*

быть (Ин. 1, 3). Как могли бы оказаться достойными веры апостолы, говорившие простым языком, когда проповедовали о Боге Слове, Творце, Спасителе, всемудром Учителе? Но язык апостолов творил чудеса, устами апостолов воскрешался мертвый, ходил хромой. А что вера следует за чудесами, об этом свидетельствует Писание, говоря: *руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса, и все изумлялись и дивились, верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин* (Деян. 5, 12, 14 и 2 7, 47). Наперед сияли чудеса, а за ними следовало учение (5).

***

Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы. Так, намереваясь создать человека, Он прежде сотворил весь мир и потом дал уже ему в раю известный закон. Так, когда хотел дать закон Ною, опять совершил великие чудеса, изменил всю тварь в ее основаниях, повелел страшному наводнению целый год держать землю и посреди столь великого обуревания сохранил невредимым праведника. Так и Авраама оградил многими знамениями; даровал ему победу на брани, поразил ударами фараона и избавлял праотца от опасностей. Так и перед обнародованием закона иудеям Он явил дивные и великие чудеса, а потом дал уже закон (6).

***

Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов — и все тобой будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель ставит выше чудес: *ревнуйте,* — говорит он, — *о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший* (1 Кор. 12, 31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чем другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос: тому *не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20). И прежде, в другом месте: *многие скажут*

Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: «Не знаю вас» (Мф. 7, 22–23). Также перед Крестным страданием, призвав учеников, сказал им: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой* (Ин. 13, 35), — а не потому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (см. Ин. 17, 23), — не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят или, доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни (6).

ЮНОСТЬ

Или не знаешь, что юность и сама по себе слаба и удобопреклонна к злу; а когда получит еще большее богатство, то еще стремительнее увлекается ко всему худому? Как огонь, нашедши горючее вещество, производит сильнейшее пламя, так и юность, получив кучу денег, как удобовозгораемое вещество, возжигает такое пламя, что вся душа юноши воспламеняется. Такой юноша может ли думать о целомудрии, убегать невоздержания, предпринимать какие-либо подвиги добродетели или что-либо другое духовное? (1)

***

Будем удерживать порывы наших детей и то страхом, то убеждениями будем обуздывать юность. Будем заботиться о целомудрии их; все будем делать и устраивать так, чтобы юношеский возраст мог избегнуть неуместных пожеланий. Для того общий всех Господь, зная немощь человеческого естества, и установил брак, чтобы удалить нас от беззаконного смешения. Итак, не будем оставлять юношей без попечения; но, зная горящий в них огонь, позаботимся сочетать их браком, по закону Божиему, прежде чем они предадутся невоздержанию; пусть и чувства целомудрия у них сохранятся и не потерпят они вреда от необузданности, имея достаточное утешение и будучи в состоянии обуздывать плотские похоти и избегать наказания (1).

***

Юность легко склоняется ко греху, увлекаясь удовольствиями и постыдными страстями; если же она укрепляется в соблюдении заповедей Божиих, то сохраняет свою невинность, потому что чем именно для молодого коня из стада служит узда и укротитель, тем для юношей является Божественный закон. Ведь и Даниил был молод, но он сохранял заповеди

Божии и за это был удостоен пророческой благодати и сделался толкователем сокровеннейших тайн. Точно так же три отрока, будучи юными, верой и делами своими изменили до противоположности природу огня, так что в пламени сохранили жизнь и были орошаемы дерзновением веры и веянием Духа. Это относится и к нам (3).

***

Подлинно, и люди бывают хуже шакалов. Они необузданны как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши. Преданные свирепым страстям, они скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. А виноваты в этом их отцы. Своих конюхов они заставляют укрощать лошадей с великим тщанием и не позволяют долгое время молодым коням оставаться неукрощенными, но в самом начале обуздывают их и все другие средства употребляют для их укрощения, а на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, — тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женою целомудренною и мудрою; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Блуд и прелюбодеяние оттого и происходят, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь: он еще молод. И я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество и до того времени хранил девство (см. Быт. 25, 20), то тем более в благодатном состоянии юноши должны иметь эту добродетель. Но что мне делать? Вы не только не хотите позаботиться о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака (7).

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(1) Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб. Издание СПб. Духовной Академии, 1898 г. Т. 4, кн. 2.

(2) То же. Т. 5, кн. 1.

(3) То же. Т. 5, кн. 2.

(4) То же. Т. 6, кн. 1.

(5) То же. Т. 6, кн. 2.

(6) То же. Т. 7, кн. 1.

(7) То же. Т. 7, кн. 2.

(8) То же. Т. 8, кн. .1

(9) То же. Т. 8, кн. 2.

(10) То же. Т. 9, кн. 1.

(11) То же. Т. 9, кн. 2.

(12) То же. Т. 10, кн. 1.

СИМФОНИЯ

ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

ТОМ II

●

Редактор-составитель *Б.И. Егоров*
Корректор *Е.А. Подуваева*
Компьютерная верстка: *Е.В. Иванова*
Оформление: *Н.Л. Климова*

Издательство «Даръ»
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а,
тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный).

Подписано в печать 21.10.2008. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Даръ». Печать офсетная.
Усл.печ. л. 46,67. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 3 000 экз.
Заказ №